

"Қазақстан және Орталық Азия тарихы институты"
жауапкершілігі шектеулі серіктестігі

Scientific Journal

"CENTRAL ASIAN COURIER"

"ОРТАЛЫҚ АЗИЯ КУРЬЕРІ"

ғылыми журналды

Научный журнал

"ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ КУРЬЕР"

1 № 1 (2025)

EDITOR-IN-CHIEF

Zhumatay Samat — General Director of the Institute of History of Kazakhstan and Central Asia (Kazakhstan).

Azmukhanova Aiman — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazakhstan).

Deputy Editor-in-Chief:

Cherepanov Konstantin — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of the History of Kazakhstan in the 20th Century at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

EDITORIAL BOARD:

Abazov Rafis — PhD, Adjunct Professor, Columbia University; Vice-Rector for International Cooperation, Kazakh National Agrarian Research University; Director, Institute for Green and Sustainable Development; Coordinator, MBA Program.

Abdyrakhmanov Tolobek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Zhusup Balasagyn Kyrgyz State University (Kyrgyz Republic, Bishkek).

Abil Yerkin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan).

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

Auanasova Alima — Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas, (USA).

Dzhumashev Askar — Doctor of Historical Sciences, Professor, and Head of the Department of History at the Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities – Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Ismagulov Orazak — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the RK under the President of the RK, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University (Kazakhstan).

Kabuldinov Ziyabek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the RK under the President of the RK, general Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK (Kazakhstan).

Karasayev Gani — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana.

Kokebayeva Gulzhaukhar — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Al-Farabi Kazakh National University. (Kazakhstan).

Kozhirova Svetlana — Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies (Kazakhstan).

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford (UK).

Muminov Ashirbek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Istanbul, Turkey).

Outram Alan — Doctor of Archaeological Sciences, Professor of the Department of Archaeology and History, University of Exeter (Great Britain, Exeter).

Zharken Aigul — Doctor of Historical Sciences, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Shaydullaev Shapulat — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Uzbekistan at Termez State University.

Shinji Kato — PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties, Japan.

Turdaliev Cholpon — Doctor of Historical Sciences, Professor at the American University of Central Asia.

Werner Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university (USA).

Zhomart Simtikov — Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Science and Social-Philosophical Disciplines at Abai Kazakh National Pedagogical University.

EXECUTIVE EDITOR

Tashbaeva Kadicha — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archaeology at the B. Dzhangerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.

ACADEMIC EDITOR

Utgenov Marat — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Geography and Social and Humanitarian Sciences Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov.

Mukanova Gulnar — Candidate of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Astana Branch of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology.

TECHNICAL SECRETARY

Kopeyeva Saniya — Master's degree (Kazakhstan)

Sandybayeva Dinara — Master's degree, staff member of the Institute of the History of Kazakhstan and Central Asia (Kazakhstan)

БАС РЕДАКТОР

Жұматайұлы Самат — Қазақстан және Орталық Азия тарихы институтының бас директоры (Қазақстан).

Азмұханова Айман Махсотқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Қазақстан).

Бас редактордың орынбасары:

Черепанов Константин Владимирович — тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ХХ ғасырдағы Қазақстан тарихы бөлімінің меңгерушісі, (Қазақстан).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Абазов Рафис Фанисұлы — PhD, Колумбия университетінің адъюнкт-профессоры, Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің халықаралық ынтымақтастық жөніндегі проректоры, Жасыл және тұрақты даму институтының директоры, MBA бағдарламасының үйлестірушісі.

Абдырахманов Толобек Әбілұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, Жүсіп Баласағын атындағы Қырғыз мемлекеттік университеті (Қырғыз Республикасы, Бішкек).

Ауанасова Әлима Мүсірқызы — тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры.

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан).

Әлімбаев Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан).

Вернер Кунгһиа (Werner, Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті, (АҚШ).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті, (АҚШ).

Джумашев Аскар Мамбетович — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасының Ғылым Академиясы Қарақалпақстан бөлімшесінің Қарақалпақ гуманитарлық ғылымдар зерттеу институтының Тарих бөлімі меңгерушісі.

Жаркен Айгүл Мәлікқызы — тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің профессоры.

Кожирова Светлана Басиевна — саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры (Қазақстан).

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. (Қазақстан).

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президентінің жанындағы ҰҒА академигі, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас директоры (Қазақстан).

Қарасаев Ғани Мұқашұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Мемлекет тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Астана қ.

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания).

Муминов Әшірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия, Стамбул қ.).

Оутрам Алан — археология ғылымдарының докторы, Эксетер университетінің археология және тарих кафедрасының профессоры (Ұлыбритания, Эксетер).

Симтиков Жомарт Құдайбергенұлы — тарих ғылымдарының кандидаты, саясаттану ғылымдарының докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің саясаттану және әлеуметтік-философиялық пәндер кафедрасының меңгерушісі.

Смағұлов Оразак Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президентінің жанындағы ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Астана, Қазақстан).

Турдалиева Чолпон Жапарбекқызы — тарих ғылымдарының докторы, Орталық Азиядағы Американ университетінің профессоры.

Шайдуллаев Шапулат — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Термез мемлекеттік университетінің Өзбекстан тарихы кафедрасының меңгерушісі.

Шинджи Като — PhD, Народағы мәдени құндылықтардың ұлттық ғылыми-зерттеу институты (Жапония, Нара).

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Ташбаева Кадича Искандарқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясы Б. Жамгерчинов атындағы Тарих, археология және этнология институтының археология бөлімінің меңгерушісі.

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Өтегенов Марат Зеннатұлы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, «Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті» КеАҚ тарих, география және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының меңгерушісі.

Мұқанова Гүлнар Қайроллақызы — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Астана қаласындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты филиалының жетекші ғылыми қызметкері.

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Копеева Сания Жұматайқызы — магистр, Қазақстан мен Орталық Азия тарихы институтының қызметкері (Қазақстан)

Сандыбаева Динара Маратқызы — магистр, Қазақстан мен Орталық Азия тарихы институтының қызметкері (Қазақстан)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Жуматай Самат — Генеральный директор Института истории Казахстана и Центральной Азии (Казахстан)

Азмуханова Айман Махсотовна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Заместитель главного редактора:

Черепанов Константин Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории Казахстана XX века Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. КН МНВО РК (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абазов Рафис Фанисович — PhD, адъюнкт-профессор Колумбийского университета, проректор по международному сотрудничеству Казахского национального аграрного исследовательского университета, директор Института зеленого и устойчивого развития, координатор программы МВА.

Абдырахманов Толобек Абилович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР, Кыргызский государственный университет им. Жусупа Баласагына (Кыргызская Республика, г. Бишкек).

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства КН МНВО РК (Казахстан).

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК (Казахстан).

Ауанасова Алима Мусировна — доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.

Вернер Синтия (Werner Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет (США).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет (США).

Джумашев Аскар Мамбетович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук (Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан).

Жаркен Айгуль Маликовна — доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва.

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК при Президенте РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК при Президенте РК, Генеральный директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК (Казахстан).

Карасаев Гани Мукашевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерство Науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Астана.

Като Синдзи (Shinji Kato) — PhD, Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей в Наре (Япония, г. Нара).

Кожирова Светлана Басиевна — доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований (Казахстан).

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. (Казахстан).

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания).

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция, г. Стамбул).

Оутрам Алан — доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории университета Эксетере (Великобритания, г. Эксетер).

Симтиков Жомарт Кудайбергенович — кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета имени Абая.

Турдалиева Чолпон Джапарбековна — доктор исторических наук, профессор Американского университета в Центральной Азии.

Шайдуллаев Шапулат — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Узбекистана Термезского государственного университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ташбаева Кадича Искандаровна — кандидат исторических наук, Заведующая отделом археологии Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики.

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Утегенов Марат Зенатович — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой истории, географии и социально-гуманитарных наук НАО «Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова».

Муканова Гюльнар Кайроллиновна — кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник филиала в г. Астана Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Копеева Саня Жуматаевна — магистр, сотрудник Института истории Казахстана и Центральной Азии (Казахстан)

Сандыбаева Динара Маратовна — магистр, сотрудник Института истории Казахстана и Центральной Азии (Казахстан)

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 5-11, 2025
Journal homepage: <https://sjcascourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_5-11

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MASHKHUR-ZHUSSIP KOPEYULY

Kabuldinov Ziyabek¹

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
Almaty, Republic of Kazakhstan
Doctor of Historical Sciences, Director

 <https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>. E-mail: kabulzia@rambler.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Kabuldinov Z.E., 2025

Abstract. *Introduction.* The cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly represent an important aspect in the study of the history of Kazakhstan, reflecting the complex social and cultural conditions of his time. In the context of colonial pressure and social changes, Kopeyuly became one of those who sought to preserve and develop national identity through education. *The goal and objectives* of the study are to reveal the cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly and its place in Kazakh culture and education, as well as to identify relevant aspects of his legacy that can be used in a modern cultural context. *The results* of this work consist in the study of the cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly as an important element in the formation of national identity and cultural heritage of the Kazakh people, as well as his work and activities contributed to the development of Kazakh culture and education in the context of modernity. *Conclusion.* The legacy of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly continues to be significant both for Kazakhstan and for the whole world, where issues of identity and cultural self-awareness are becoming increasingly relevant. In the context of globalization and cultural exchange, Kopeyuly's ideas on the importance of education and the preservation of cultural traditions can serve as the basis for modern education.

Key words: Culture, educational activities, education, teacher, poet, publicist

For citation: Kabuldinov Z.E. Cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 5-11. (In Eng.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_5-11

МӘШХҮР-ЖҮСІП КӨПЕЙҰЛЫНЫҢ МӘДЕНИ-АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Алматы, Қазақстан Республикасы

Тарих ғылымдарының докторы, институтының директоры

 <https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>. E-mail: kabulzia@rambler.ru

Андатпа. *Kіріспе.* Мәшхүр-Жүсіп Көпейұлының мәдени-ағартушылық қызметі Қазақстан тарихын зерттеуде өз дәуірінің күрделі әлеуметтік-мәдени жағдайларын көрсететін маңызды аспекті болып табылады. Отаршылдық қысым мен әлеуметтік өзгерістер жағдайында

Көпейұлы білім арқылы ұлттық болмысты сақтап, дамытуға ұмтылғандардың бірі болды. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері* – Мәшхүр-Жүсіп Көпейұлының мәдени-ағартушылық қызметі мен оның қазақ мәдениеті мен біліміндегі орнын ашып көрсету, сонымен қатар оның мұрасының қазіргі мәдени жағдайда пайдалануға болатын өзекті тұстарын анықтау. Бұл жұмыстың *нәтижесі* Мәшхүр-Жүсіп Көпейұлының қазақ халқының ұлттық болмысы мен мәдени мұрасын қалыптастырудың маңызды элементі ретіндегі мәдени-ағартушылық қызметін, сондай-ақ оның шығармашылығы мен қазақ мәдениеті мен білімінің жаңа заман жағдайында дамуына ықпал еткен қызметін зерттеуден тұрады. *Қорытынды*. Мәшхүр-Жүсіп Көпейұлының мұрасы Қазақстан үшін де, тұлғалық және мәдени өзін-өзі тану мәселелері өзекті болып отырған әлем үшін де маңызды болып қала береді. Жаһандану және мәдени алмасу жағдайында Көпейұлының білім берудің маңыздылығы мен мәдени дәстүрді сақтау туралы ойлары қазіргі ағартушылыққа негіз бола алады.

Түйін сөздер: Мәдениет, ағартушылық қызмет, білім, педагог, ақын, публицист

Дәйексөз үшін: Қабылдинов З.Е. Мәшхүр-Жүсіп Көпейұлының мәдени-ағартушылық қызметі // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 5-11 бб. (Ағылш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_5-11

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАШХУР-ЖУСИПА КОПЕЙУЛЫ

Кабульдинов Зиябек Ермуханович¹

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

Алматы, Республика Казахстан

Доктор исторических наук, директор института

 <https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>. E-mail: kabulzia@rambler.ru

Аннотация. *Введение.* Культурно-просветительская деятельность Машхур-Жусипа Копейулы представляет собой важный аспект в изучении истории Казахстана, отражая сложные социальные и культурные условия своего времени. В условиях колониального давления и социальных изменений, Копейулы стал одним из тех, кто стремился сохранить и развить национальную идентичность через просвещение. *Цель и задачи исследования* – раскрыть культурно-просветительскую деятельность Машхур-Жусипа Копейулы и ее место в казахской культуре и просвещении, а также выявление актуальных аспектов его наследия, которые могут быть использованы в современном культурном контексте. *Результаты* данной работы заключается в исследовании культурно-просветительской деятельности Машхур-Жусипа Копейулы как важного элемента формирования национальной идентичности и культурного наследия казахского народа, также как его творчество и деятельность способствовали развитию казахской культуры и просвещения в контексте современности. *Заключение.* Наследие Машхур-Жусипа Копейулы продолжает оставаться значимым как для Казахстана, так и для всего мира, где вопросы идентичности и культурного самосознания становятся все более актуальными. В условиях глобализации и культурного обмена, идеи Копейулы о важности образования и сохранения культурных традиций могут служить основой для современного просвещения.

Ключевые слова: Культура, просветительская деятельность, образование, педагог, поэт, публицист

Для цитирования: Кабульдинов З.Е. Культурно-просветительская деятельность Машхур-Жусипа Копейулы // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 5-11. (На Англ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_5-11

Introduction. One of the famous personalities in the history of Kazakhstan is a prominent educator and thinker, collector of folklore, poet and publicist Mashkhur-Zhussip Kopeyuly. Already in his lifetime, he had a reputation as a revered seer and “aulie” in the Steppe. M.-Zh. Kopeyuly was born in 1858 in an area called Ashamay tasy, located between the Bayanaul and Kyzyltau mountains, in the Bayanaul outer district of the Semipalatinsk region. At birth, he received the name Adam Zhussip, but from a young age he was nicknamed “Mashkhur”, which in Arabic means “Famous” (Pazylov, 2006: 174). Mashkhur-Zhussip completed a course of study at the Bayanaul madrasah under the mullah Nazhmeddin, famous throughout the district. He studied very diligently and soon, thanks to his extraordinary natural intelligence and phenomenal memory, he attracted the special attention of his teachers. It is known that in 1868–1872 his teacher was Hamerreddin Khazret (Zhusipov, 1998: 16), and in 1872–1874 – in the Bukhara madrasah Kokiltash, widely known in Central Asia, where he mastered Arabic, Chagatai (Turkic) and Persian languages. Even at a young age, Mashkhur-Zhussip was carried away by the ideas of education and improving the well-being of the people. In his native Kyzyltau, he taught the youth the basics of Arabic writing, nurtured in them a love of knowledge and science. In addition, he called on his fellow tribesmen to diligent and productive engagement in arable farming and gardening, crafts, trade and cattle breeding. In an effort to set a personal example, he and his children cultivated the land in the Eskeldy area. In his opinion, getting an education and acquiring vital skills and abilities is the only way for the people to prosper. He actively corresponded with the famous writer F. M. Dostoevsky on various issues of culture and education. He translated a number of poems by A. S. Pushkin into Kazakh and widely popularized them among his fellow tribesmen. Among the local Russian population, he had many Tamyr friends, was in close contact with representatives of the Alash intelligentsia, and the famous wrestler Hadzhimukan came to him for advice. Many of his works are full of didactic instructions, calling for the performance of useful and moral deeds. Thus, he instructed his fellow tribesmen to spend their days in diligent work, and never indulge in deception and slander (Kanapyanov, 2008: 3–4). His fables and poems reflect deep concern for his people and call for the development of education and the achievement of social well-being.

Materials and methods. The manuscript heritage of Mashkhur Zhussip Kopeyev is a valuable source reflecting the history and culture of the Kazakh people. For a complete and objective understanding of the personality and his cultural and educational activities, both general and special methods of historical research were used, aimed at analyzing biographical data and their influence on history, where the main methods are historical-genetic, comparative, systemic, as well as methods of document analysis, the biographical method.

Discussion. The cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly represent an important aspect of Kazakh history, which requires deep analysis and understanding. In the context of rapid changes in society and culture, the legacy of Kopeyuly becomes especially relevant, as it reflects the desire for education and the development of national identity. Only those specialists who had the opportunity to familiarize themselves with the author's handwritten works were aware of the versatility of the legacy of this scientist. In the post-Soviet period, the main researchers of the manuscripts were such scientists as M.O. Auezov (Auezov, 1985), M. Bojeev (Bozheev, 1974), D. Abilev (Abilev, 1985), S. Dautov (Dautov, 1990). All the studied materials were collected since 1946 under the guidance of academician A.Kh. Marghulan “Turkic epics in the heritage of Mashkhur Zhussup” and E. Bekmakhanov. After our country gained independence, within the framework of the programs “Cultural Heritage” and “Spiritual Revival” with the assistance of scholars from the Toraigyrov University, a multi-volume work (20 volumes) of Mashkhur Zhussup Kopeyuly was published. In addition, the works of scientists (Zhusipov, 1998) and (Pazylov, 2006) have been published, based on the ideas of philosophy, morality, humanism, and enlightenment, dedicated to the work of M.-Zh. Kopeyuly.

Results. The collection of unique oral folklore is an invaluable contribution of the scientist and poet to the study of the history and culture of Kazakhstan. M.-Zh. Kopeyuly was already interested in collecting folklore in his youth; in 1865, he first recorded the epic “Er Olzhabay Batyr”. Subsequently, he recorded oral evidence of folk memory about Ablai Khan, Kazybek-bi, Bogenbay-batyr and other historical figures. Close communication with the prominent Russian orientalist and Turkologist V.V. Radlov influenced the formation of his interests as one of the largest collectors of Kazakh folklore. During trips to the Steppe to collect new material, he recorded a large number of works of the 18th-19th centuries: poems, aityses, historical legends, legends. The researcher visited many Kazakh villages in the northern and central regions located near Omsk, Petropavlovsk, Pavlodar, Semipalatinsk, Atbasar, Akmola and other cities of the region, and visited the territory of Southern and Western Kazakhstan. During his trips, he met such famous personalities in the Steppe as Meiram-kazhy Zhanaidarly, descendants of Khan Kenessary, as well as poets Akan Sery and Sakkulak-bi. In 1889–1891, he traveled through the western part of the Steppe Region, where he recorded data on outstanding historical figures of this region: Zhangir Khan, Isatay, Sherniyaz, Tama Sarybas-mergen (Zhusipov, 1998). Here he also collected and analyzed unique sources – tamgas, battle cries-urans and shezhire of tribal associations of the Junior Zhuz (Manuscript collection of the Central Scientific Library “Gylym Ordasy”. Copy of the manuscript by M.-Zh. Kopeyev. Folder No. 378. Pp. 1–2). A feature of the manuscript heritage of Mashkhur-Zhussip is a detailed description of the lives of many Kazakh rulers based on historical facts: khans Kassym, Yessim, Tauke, Abylai, Kenessary and others. For example, his folklore records reveal unknown facts about the life and work of Tauke Khan. The scientist claimed that his real name was Muhammad-batyr and he was the son of Salkam Zhangir and the daughter of the Khoshout taisha Kundelen. After the death of Khan Zhangir, due to Tauke's minority, the Kazakh Khanate was ruled by sultans-regents (Pazylov, 2007: 51–52). Much attention is also paid to the personalities of the Khans Abylai and Kenessary, thanks to his asceticism, valuable folk tales about these rulers have survived to this day (Maskhur-Zhussip, 2005: 299–300).

A significant part of the works collected by M.-Zh. Kopeyuly relates to the activities of famous biys in the Steppe, such as Kazybek, Baidaly, Edige, Boltirik, Taykeltir, Tateke, etc. The folklorist paid great attention to collecting materials about Genghis Khan, Zhoshy Khan, Sheibani Khan, Hulagu, etc. Of particular interest is his view on the time of the unification of the Kazakhs into three zhuzes: he dates their appearance to the era of Maiky-biy (a legendary contemporary of Genghis Khan. – editor's note) (Mashyur-Zhussip, 2006: 145–159). He established the burial place of one of the great national zhyrau Bukhar Kalkamanuly, an adviser to Khan Abylai. Thanks to him, many poetic works by such authors as Bukhar-zhyrau, Zhanak Sagyndykuly, Sherniyaz Zharylkasuly, Madeli Zhussipkozhauly, Shortanbay Kanaiuly, Birzhan Kozhagululy, Akan sery Koramsauly, Abai Qunanbaiuly and others have survived to this day (Mashkhur-Zhussip, 2006: 392). Philosophical-didactic, religious and historical themes prevail in the works of Mashkhur-Zhussip. In 1880–1895, his articles were published in the pages of the newspaper “Dala ualayaty”, in 1887 – in Tashkent publications, in 1911–1912 – in the magazine “Aikap”. In them, he touched upon social, economic problems and historical issues. Due to the fact that the tsarist authorities persecuted the scientist and educator, he used the pseudonym Muhammad Yusuf in this magazine.

He carefully studied medieval historical sources, on the basis of which he put forward several assumptions regarding the possible time of the formation of the Kazakh Khanate and the genealogical trees of the dynasties of the khans and sultans who ruled the Kazakhs. Mashkhur-Zhussip paid primary attention to studying the biographies of outstanding historical figures, through the prism of which he illuminated the history of the Kazakh people. He assessed Khan Abylai as the most outstanding and authoritative ruler of his time.

Excellent command of oriental languages allowed him to immerse himself deeply in Arabic and Persian poetry. Based on the works of Eastern authors, he created the dastans “Gulshat-Sheri-zdat”, “Gibrat-nama” and others. He also wrote such poetic works as the zhoktau (lament) “Issabek Ishan”, “Mussa Shormanuly” and others. A significant part of the poetry is devoted

to religious themes, for example, "Suleimen and Iblis", "Sura Ikhlas", "On the Seven Circles of Hell", "Hadiths of the Prophet", etc. (Mashkhur-Zhussip, 2005). In 1919, in the magazine "Labor Siberia" a young activist of the Alash movement S. Saduakasuly published an article "Kirghiz Literature", where the role of Mashkhur-Zhussip in the creation of Kazakh written literature was noted.

Socio-political, moral views of M.-Zh. Kopeyuly. The poet and thinker was actively involved in socio-political activities, openly expressed his protest against colonialism. In 1893, a cycle of his poems and articles was published, directed against the abuses of the autocracy. The events of "Bloody Sunday" on January 9, 1905 in St. Petersburg also did not leave the steppe tribune indifferent. The poet was outraged by the process of mass confiscation of fertile lands in favor of peasants moving from the European part of Russia. In one of the books published in 1907 in Kazan, entitled "About who owns Sary Arka", the author, using historical materials, proved the actual belonging of the steppe to its autochthonous inhabitants – the Kazakhs. In this work, he wrote: "The Kazakhs won their land with the tips of spears and the strength of their hands, sacrificing themselves. Just recently, Karakerey Kabanbay, Kanzhygaly Bogenbay, Kazdausty Kazybek, Shakshakuly Zhanibek entered into a fierce battle with the Kalmyks, giving their lives for this and handing over these vast spaces to us..." (Mashkhur Zhussip, 2003:220). Almost the entire print run of the book was then confiscated by the authorities, and the poet himself was added to the list of politically unreliable persons. A number of his other works raised the issues of achieving universal education and freedom of speech. The censorship authorities recognized his works as seditious, and the author himself, due to political persecution, was forced to wander for a long time outside his native Bayanaul region. In 1916, despite his negative attitude towards the imperial decree on the requisition of "foreigners" for rear work, he did not give his blessing to the rebels, foreseeing great human casualties at the hands of government troops. The poet met the revolutionary events of October 1917 and the establishment of Soviet power with great caution. Mistrust of the Bolsheviks increased after they defeated the government of "Alash Orda". M.-Zh. Kopeyuly turned out to be a humanist thinker ahead of his time. In his works, he called: "Even if you feel very bad, talk about the good. If you cry all the time, the angel will say "amen", and you will always remain in this state. Speak and strive only for the good, the righteous". The thinker also called for asceticism and modesty, as evidenced by his poem "Kanagat turaly zhumbaq oleng" ("Riddle-poem about contentment") (Mashkhur Zhussip, 2003: 56).

He was a deeply religious man. Uncompromisingly denouncing the hypocrisy of semi-literate mullahs in his works, he at the same time actively preached Islam among his fellow tribesmen. He dedicated a number of poems to famous clergymen who served the faith and made pilgrimages to Mecca and Medina ("Shontybay kazhy", "Zhantemir kazhy") (Mashkhur Zhussip, 2005). He collected a lot of information about the lives of saints, historical religious figures ("Asan Kaigy"), prophets ("Solomon and the Ant", "Prophet Noah and the Old Woman"), etc. Pilgrimages were made to him from afar as a sage and seer, and fellow countrymen turned to him. There are known cases when he distributed cattle to poor steppe dwellers (Pazylov, 2007: 240). The great poet Abai considered Mashkhur-Zhussip a saint. Folk legends say that when they met, Abai asked him: "If you are a genius, tell me where God is?" "God is in the heart!" was the instant answer of the people's favorite. Until his death on November 27, 1931, M.-Zh. Kopeyuly lived in the winter hut of Yeskeldy in the Bayanaul district of the Pavlodar region, where he was buried (Pazylov, 2005: 26). Thanks to his ascetic work, the spiritual heritage of the Kazakh people has been largely preserved to this day. The materials he left behind have become the subject of research by modern folklorists, historians and philologists. Currently, 20 volumes of his works have been published, written in Chagatai, Arabic, Kazakh, Farsi and Russian. Currently, this priceless heritage is kept in 3,000 folders of manuscript collections of the Central Scientific Library of Almaty, the M. Auezov Institute of Literature and Art, and the Mashkhur-Zhussip Museum (Zhinak, 1975: 6). For many generations of Kazakhstanis, he is the personification of true wisdom, holiness, and nobility.

Conclusion. Thus, the cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly represent an important aspect of the formation of Kazakh identity and cultural heritage. In the course of the work, it was analyzed how his ideas and approaches contributed to the development of national

self-awareness and cultural originality. The historical context in which Kopeyuly acted allowed him to become not only an outstanding poet, but also an active figure contributing to the education of his people. The main areas of his work, including literature, folklore, and educational initiatives, were considered in the context of their impact on public consciousness. Kopeyuly not only preserved traditions, but also adapted them to new conditions, which made his legacy relevant in the modern world. In the context of globalization, his approaches to cultural education are becoming especially significant, as they help preserve the uniqueness of Kazakh culture and identity. The cultural and educational activities of Mashkhur-Zhussip Kopeyuly not only left a significant mark on the history of Kazakhstan, but also continue to influence modern society. It is important to recognize and apply his ideas to shape the future, in which cultural heritage will serve as the basis for further development and prosperity.

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив
(ЦНБ) РГП «Ғылым ордасы» — Центральная научная библиотека (ЦНБ) РГП «Ғылым ордасы»

Sources

RSHA — Russian State Historical Archive
(CSL) of the RSE “Gylym Ordasy” — Central Scientific Library (CSL) of the RSE “Gylym Ordasy”

Литература

- Абилев, 1985 — *Абилев Д.* Машхур Жусуп Копеев // Простор, 1985. № 1. С. 163–165.
 Өуезов, 1985 — *Өуезов М.* Жиырма томдық шығармалар жинағы. 17 Т. Алматы: Жазушы, 1985. 352 б.
 Бөжеев, 1972 — *Бөжеев М.* Қисса-хикаялар // Жұлдыз, 1972. № 2. 212 б.
 Бөжеев, 1972 — *Бөжеев М.* Мәшһүр Жүсіп мұралары хақында // Жалын, 1974. № 3. 127–133 бб.
 Дәуітов, 1990 — *Дәуітов С.* Мәшһүр-Жүсіп Көпеев // Қазақстан мектебі, 1990. № 2. 72–79 бб.
 Жүсіпов, 1998 — *Жүсіпов Н.Қ.* Мәшһүр-Жүсіп Көпейұлының фольклоршылық еңбегі: ф.ғ.к. ... авторефераты. Астана, 1998. 32 б.
 Канапьянов, 2008 — *Канапьянов К. Н.* Избранное. Пер. с каз. М.-Ж. Копеева. Т. 2. Павлодар, 2008. С. 3–4.
 Көпейұлы, 2003 — *Көпейұлы Мәшһүр Жүсіп.* Рухнама: Кереку–Баян кітапханасы, 8-ші кітап. Павлодар: ЭКО, 2003. 220 б.
 Көпейұлы, 2003 — *Көпейұлы Мәшһүр-Жүсіп.* Шығармалары. Т. 1. Павлодар: ЭКО, 2003. Б. 53–56.
 Көпейұлы, 2005 — *Көпейұлы Мәшһүр-Жүсіп.* Шығармалары. Т. 2. Павлодар: ЭКО, 2005. Б. 378–379.
 Көпейұлы, 2005 — *Көпейұлы Мәшһүр-Жүсіп.* Шығармалары. Т. 5. Павлодар: ЭКО, 2005. Б. 299–300.
 Көпейұлы, 2006 — *Көпейұлы Мәшһүр-Жүсіп.* Шығармалары. Т. 3. Павлодар: ЭКО, 2005. Б. 243–250.
 Көпейұлы, 2006 — *Көпейұлы Мәшһүр-Жүсіп.* Шығармалары. Т. 8. Павлодар: ЭКО, 2006. Б. 145–159.
 Қазақ қолжазбалары, 1975 — *Қазақ қолжазбаларының ғылыми сипаттамасы* / Ред. басқарған М. Ғабдуллин. Т. 1. Алматы: Ғылым, 1975. 6 б.
 Пазылов, 2006 — *Пазылов Ә.* Мағлұмат-и Мәшһүр-Жүсіп Көпеев. Карағанды: Болашақ-Баспа, 2006. 288 б.
 Пазылов, 2007 — *Пазылов Ә.* Бабалар ғұмырнамасы және Мәшһүр-Жүсіп Көпеев. Екібастұз: Prima Lux, 2007. 13 б.
 Пазылов, 2007 — *Пазылов Ә.* Мәшһүр-Жүсіп Көпейұлы жазбаларындағы Жәңгірұлы Тәуке бейнесі // Пазылов Ә. Мәшһүр Жүсіп Көпейұлының тарихи мұрасы. Историческое наследие Машхур-Жусипа Копеева. Карағанды: ҚЭУ, 2007. Б. 51–52.

References

- Abilev, 1985 — *Abilev D.* Mashkhur Zhussup Kopeyev [Mashkhur Zhussup Kopeyev] // Prostor, 1985. No. 1. Pp. 163–165. (In Russ.).
 Auezov, 1985 — *Auezov M.* Zhiyirma tomdyq shygarmalar zhinagy [A collection of twenty volumes]. Almaty: Zhazushy, 1985. 352 p. (In Kaz.).
 Bozheev, 1972 — *Bozheev M.* Qissa-hikayalar [Stories] // Zhuldyz, 1972. No. 2. 212 p. (In Kaz.).
 Bozheev, 1974 — *Bozheev M.* Mashhur Zhussip muralary haqynda [On the heritage of Mashkhur Zhussup Kopeyev] // Zhalyn. 1974. № 3. Pp. 127–133. (In Kaz.).
 Dautov, 1990 — *Dautov S.* Mashhur-Zhussip Kopeev [Mashhur-Zhussip Kopeyev] // Kazakhstan mektebi, 1990. № 2. Pp. 72–79. (In Kaz.).
 Kanap'yanov, 2008 — *Kanap'yanov K.* Izbrannoe. Per. s kaz. M.-Zh. Kopeyeva. [Selected works by M.-Zh. Kopeyev. Transl. from Kaz.]. Vol. 2. Pavlodar, 2008. Pp. 3–4. (In Russ.).
 Kopeyuly, 2003 — *Kopeyuly Mashhur-Zhussip.* Ruhnama: Kereku–Bayan kitaphanasy, Book 8. Pavlodar: EKO, 2003. 220 p. (In Kaz.).
 Kopeyuly, 2003 — *Kopeyuly Mashhur-Zhussip.* Shygarmalary [Works]. Vol. 1. Pavlodar: EKO, 2003. Pp. 53–56. (In Kaz.).

- Kopeyuly, 2005 — *Kopeyuly Mashhur-Zhusip*. Shygarmalary [Works]. Vol. 5. Pavlodar: EKO, 2005. Pp. 299–300. (In Kaz.).
- Kopeyuly, 2005 — *Kopeyuly Mashhur-Zhusip*. Shygarmalary [Works]. Vol. 2. Pavlodar: EKO, 2005. Pp. 378–379. (In Kaz.).
- Kopeyuly, 2006 — *Kopeyuly Mashhur-Zhusip*. Shygarmalary [Kopeyuly Mashkhur-Zhussip. Works]. Vol. 3. Pavlodar: EKO, 2005. Pp. 243–250. (In Kaz.).
- Kopeyuly, 2006 — *Kopeyuly Mashhur-Zhusip*. Shygarmalary [Works]. Vol. 8. Pavlodar: EKO, 2006. Pp. 145–159. (In Kaz.).
- Pazylov, 2006 — *Pazylov A. Maglumat-i Mashkhur-Zhusip Kopeev* [Maghlumat-i Mashkhur-Zhussip Kopeyev]. Karagandy: Bolashaq-Baspa, 2006. 288 p. (In Kaz.).
- Pazylov, 2007 — *Pazylov A. Babalar gumyrnamasy zhane Mashhur-Zhusip Kopeev* [Biography of ancestors and Mashkhur-Zhussip Kopeyev]. Ekibastuz: Prima Lux, 2007. 13 p. (In Kaz.).
- Pazylov, 2007 — *Pazylov A. Mashhur-Zhusip Kopeyuy zhazbalaryndagy Zhangiruly Təuke beynesi* [The image of Zhangiruly Tauke in the writings of Mashhur-Zhussip Kopeyli] // Pazylov A. Mashhur Zhusip Kopeyulynyn tarihi murasy. Istoricheskoe nasledie Mashhur-Zhusipa Kopeeva. Karagandy: QEU, 2007. Pp. 51–52. (In Kaz.).
- Qazaq qolzhazbalary, 1975 — *Qazaq qolzhazbalarynyn gylymy sipattamasy* [Scientific description of Kazakh manuscripts] / Ed. by M. Gabdullin. Vol. 1. Almaty: Gylym, 1975. 6 p. (In Kaz.).
- Zhusipov, 1998 — *Zhusipov N. Mashhur-Zhusip Kopeyulynyn fol'klorshylyq enbegi* [The folklore work of Mashhur-Zhusip Kopeiyuly]: f. g. k. ... avtoreferaty. Astana, 1998. 32 p. (In Kaz.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 12-25, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_12-25

REFLECTIONS OF THE AFTERLIFE BELIEF AMONG THE TURKS IN MAUSOLEUM CONSTRUCTION AND DECORATION

Aziz Doğanay¹, Meirbek Sambet²

¹Marmara University, Faculty of Theology, Department of History of Turk-Islamic Arts
İstanbul, Republic of Türkiye
Professor, PhD., Head of the Department of History of Turk-Islamic Arts
 <https://orcid.org/0000-0002-6617-3057>. E-mail: azizdoganay@marmara.edu.tr

²Marmara University, Institute of Social Sciences, Department of History of Turk-Islamic Arts
İstanbul, Republic of Türkiye
PhD student in the Department of History of Turk-Islamic Arts
 <https://orcid.org/0009-0006-1362-8894>. E-mail: meirbek.sambet@ayu.edu.kz

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Doğanay A., Sambet M.A., 2025

Abstract. *Introduction.* In the worldview of the Turkic peoples, the belief in the afterlife held a significant place and was clearly reflected in the architectural construction and artistic decoration of mausoleums. The ancient Turks believed in life after death, and this belief was embodied in their burial rituals and tomb-building traditions. With the spread of Islam, these concepts were enriched with new religious notions and found expression in mausoleum architecture and epitaph inscriptions. *Research objectives and tasks.* The main objective of the study is to analyze the reflections of the afterlife belief among the Turks in mausoleum architecture and decorative elements. The tasks are: to identify pre-Islamic Turkic burial traditions; to determine the influence of Islam on mausoleum architecture; to examine the religious-symbolic meanings of epitaph inscriptions and ornamental patterns; and to reveal the religious, social, and cultural functions of mausoleums. *Results.* Based on archaeological evidence and written monuments, the study analyzes the manifestations of the belief in life after death in the mausoleum construction of the ancient Turks. The structural solutions and decorative elements of mausoleums were directly linked to eschatological beliefs. During the Islamic period, mausoleums fulfilled not only religious but also socio-cultural functions. Inscriptions and ornaments on gravestones reflected the synthesis of Islamic principles and folk beliefs. *Conclusion.* The afterlife belief of the Turkic peoples occupied an important place in their mausoleum architecture and artistic traditions. This phenomenon demonstrates the continuity between the pre-Islamic and Islamic periods and contributed to the formation of the cultural heritage of the Turkic-Islamic civilization.

Keywords: Turks, afterlife belief, mausoleum, architecture, decoration, gravestone, ornament, Islamic tradition

For citation: Doğanay A., Sambet M.A. Reflections of the afterlife belief among the Turks in mausoleum construction and decoration // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 12-25. (In Kaz.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_12-25

ТҮРКІЛЕРДЕ АҚЫРЕТ СЕНІМІНІҢ МАЗАР ҚҰРЫЛЫСЫНДАҒЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ БЕЗЕНДІРУДЕГІ КӨРІНІСТЕРІ

Азиз Доғанай¹, Мейірбек Сәмбет²

¹Мармара Университеті, Илаһият факультеті, Түркі-ислам өнер тарихы бөлімі
Ыстамбұл, Түркия Республикасы

Профессор, PhD., Түркі-ислам өнер тарихы бөлім басшысы

 <https://orcid.org/0000-0002-6617-3057>. E-mail: azizdoganay@marmara.edu.tr

²Мармара Университеті, Әлеуметтік ғылымдар институты, Түркі-ислам өнер тарихы бөлімі
Ыстамбұл, Түркия Республикасы

Докторант, Түркі-ислам өнер тарихы бөлімі

 <https://orcid.org/0009-0006-1362-8894>. E-mail: meirbek.sambet@ayu.edu.kz

Аңдатпа. *Kırsıne.* Түркі халықтарының дүниетанымында ақырет сенімі ерекше орын алып, ол мазарлардың архитектуралық құрылысы мен көркемдік безендірілуінде айқын көрініс тапты. Ежелгі түркілер өлімнен кейінгі өмірге сеніп, бұл сенімді жерлеу рәсімдері мен мазар тұрғызудағы дәстүрлеріне енгізді. Ислам дінінің таралуымен бірге бұл түсініктер жаңа діни ұғымдармен толығып, мазар сәулеті мен қабір тастарындағы жазуларда бейнеленді. *Зерттеудің мақсаты және міндеттері.* Зерттеудің негізгі мақсаты – түркілердегі ақырет сенімінің мазар архитектурасындағы және олардың көркемдік элементтеріндегі көрінісін талдау. Міндеттері – исламға дейінгі түркілердің жерлеу дәстүрлерін анықтау; мазар сәулетінде ислам дінінің ықпалын айқындау; қабіртастардағы жазулар мен ою-өрнектердің діни-символикалық мәнін саралау; мазарлардың діни, әлеуметтік және мәдени рөлін ашу. *Нәтижелер.* Археологиялық деректер мен жазба ескерткіштерге сүйене отырып, ежелгі түркілердің өлімнен кейінгі өмірге сенімінің мазар құрылысындағы көріністері талданды. Мазарлардағы құрылымдық шешімдер мен безендіру элементтері ақырет сенімімен тікелей байланысты болды. Ислам дәуірінде мазарлар діни ғана емес, қоғамдық-мәдени қызмет атқарды. Қабіртастардағы жазулар мен өрнектер діни қағидалар мен халықтық сенімдердің тоғысуын көрсетеді. *Қорытынды.* Түркі халықтарының ақырет сенімі олардың мазар архитектурасында және көркемдік дәстүрінде ерекше орын алды. Бұл құбылыс исламға дейінгі және исламнан кейінгі кезеңнің сабақтастығын көрсетіп, түркі-ислам өркениетінің мәдени мұрасын қалыптастыруға ықпал етті.

Түйін сөздер: Түркілер, ақырет сенімі, мазар, архитектура, безендіру, қабіртас, өрнек, ислам дәстүрі

Дәйексөз үшін: Доғанай А., Сәмбет М.Ә. Түркілерде ақырет сенімінің мазар құрылысындағы және оларды безендірудегі көріністері // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 12-25 бб. (Қазақш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_12-25

ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРЫ В ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ У ТЮРКОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И УКРАШЕНИИ ГРОБНИЦ

Азиз Доғанай¹, Мейірбек Самбет²

¹Университет Мармара, Факультет Теологий, Кафедра истории тюрко-исламского искусства
Стамбул, Турецкая Республика

Профессор, PhD, заведующий Кафедрой истории тюрко-исламского искусства

 <https://orcid.org/0000-0002-6617-3057>. E-mail: azizdoganay@marmara.edu.tr

²Университет Мармара, Институт Социальных наук, Отдел Историй тюрко-исламского искусства

(2, ул. Махир Из, Багларбашы, Ускюдар, Стамбул, 34662, Турецкая Республика)

Докторант, Отдела Историй тюрко-исламского искусства

 <https://orcid.org/0009-0006-1362-8894>. E-mail: meirbek.sambet@ayu.edu.kz

Аннотация. *Введение.* В мировоззрении тюркских народов вера в загробную жизнь занимала особое место и ярко проявлялась в архитектурном строительстве и художественном оформлении мавзолеев. Древние тюрки верили в жизнь после смерти, и это убеждение находило отражение в их погребальных обрядах и традициях возведения мавзолеев. С распространением ислама данные представления были дополнены новыми религиозными понятиями и воплотились в архитектуре мавзолеев и надгробных надписях. *Цель и задачи исследования.* Основная цель исследования – проанализировать отражение веры в загробную жизнь у тюрков в архитектуре мавзолеев и их декоративных элементах. Задачи заключаются в следующем: выявить доисламские погребальные традиции тюрков; определить влияние ислама на мавзольную архитектуру; исследовать религиозно-символическое значение надгробных надписей и орнаментов; раскрыть религиозные, социальные и культурные функции мавзолеев. *Результаты.* На основе археологических данных и письменных памятников проанализированы проявления веры в жизнь после смерти в мавзольной архитектуре древних тюрков. Архитектурные решения и декоративные элементы мавзолеев напрямую были связаны с эсхатологическими представлениями. В исламский период мавзолей выполняли не только религиозные, но и социально-культурные функции. Надгробные надписи и орнаменты отражали синтез исламских норм и народных верований. *Заключение.* Вера в загробную жизнь у тюркских народов занимала важное место в мавзольной архитектуре и художественных традициях. Данное явление демонстрирует преемственность между доисламским и исламским периодами и способствовало формированию культурного наследия тюрко-исламской цивилизации.

Ключевые слова: Тюрки, вера в загробную жизнь, мавзолей, архитектура, оформление, надгробие, орнамент, исламская традиция

Для цитирования: Доганай А., Самбет М. Проявления веры в загробную жизнь у тюрков в строительстве и украшении гробниц // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 12-25. (На Каз.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_12-25

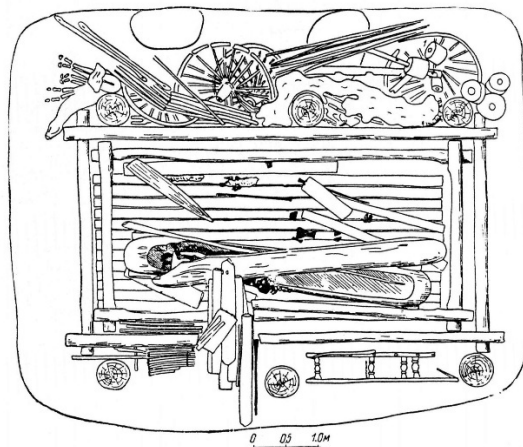
Кіріспе. Адамзаттың өмір мен өлімге, жан мен рухқа қатысты таным-түсініктері әр дәуірде философиялық және діни ойдың басты нысанына айналды. Түркі дүниетанымында бұл мәселе «Заманды Тәңір сүреді, адам өлу үшін келген» (Ergin, 1988: 30) деген Күлтегін жырындағы жолдар арқылы айқын көрінеді. Мұнда адамның дүниеге келуінің мәні мен өлімнің табиғи заңдылығы терең мағыналы тұжырым ретінде берілген. Ал исламдық түсінікте жан мен рух мәселесі құпия ілімдердің қатарына жатады. Құран Кәрімде: «(Мұхаммед Ғ.С.) олар сенен (рух) жан туралы сұрайды: “Ол, Раббымның әмірінен. Сендерге өте аз мәлімет берілді” де» (Исра, 17/85) деп атап көрсетіледі. Бұл аят рухтың мәні толық ашылмайтын, адамзатқа шектеулі білім берілген құбылыс екенін білдіреді.

Осы екі дереккөздің тоғысында түркілік дүниетаным мен исламдық көзқарастың үндестігі айқындалады. Екеуінде де адамның өткіншілігі, өлімнің бұл дүниедегі өмірдің жалғасы ретіндегі маңызы, сондай-ақ рухани әлемге қатысты құпияның бар екендігі көрсетіледі. Бұл идеялар кейінгі түркі-исламдық мәдениетте, әсіресе мазар архитектурасы мен жерлеу дәстүрлерінде көрініс тауып, ақырет сенімінің көркемдік бейнелерін қалыптастырды.

Діни сенімдердің басым көпшілігіне сәйкес рухқа арнайылап жаратылған тәнмен бірге дүниелік өмірін аяқтаған әрбір тіршілік иесі, рухының тәнінен шығуы нәтижесінде уақытша өмірінде қатынаста болған жақындарынан айырылып, рухтар әлеміне көшіп, мәңгілік өмірге аттанады. Бұндай айырылысудың нәтижесінде дүниеде қалған адамдар туындаған сезімдері

арқылы, өмірден озған жақыны үшін түрлі рәсімдер мен ғибадаттар ұйымдастырып, өмірден өткен адамның бұл дүниедегі естеліктері мен мұрасын кейінгі ұрпаққа жалғастыру және рухының тыныштығын қорғау мақсатында тарих бойы белгілі бір іс-шаралар жасайтын болған.

Материалдар мен әдіс-тәсілдері. Ежелгі түркілердің өлімнен кейін бір өмір барына сенгендігі туралы археологиялық зерттеулерден де, тарихи деректерден де аңғара аламыз (Önkal, 1996: 3). Алайда түркілердің ақырет сеніміне қатысты зерттеушілер екі түрлі пікірді ұстанады. Біршама ғалымдар түркілердің өлімнен кейін өмірдің бар екендігіне, бірақ маһшар күні болатынын білмегендіктерін алға тартса, ғалымдардың басқа тобы адамдардың осы дүниеде жасаған жақсы немесе жаман амалдары үшін ақыретте жауап беретіндіктеріне сенгендігін алға тартады (Günay, Güngör, 1998: 86). Орхон жазуларында келтірілген «ұшты (учту)» сөзі, Қашғари сөздігінде «ұжмақ (учмак, ұшпақ)» жәннәт мағынасында қолданылған (Roux, 1999: 158). Исламға дейінгі түркілер «ұжмақ» жәннәті көкте, «тамұқ (тұзақ, тозақ)» жәннәм болса жердің астында деп сипаттаған. Бұндай түсініктің болуы түркілердегі ақырет есебіне қатысты сенімнің бар екендігін аңғартады (Günay, Güngör, 1998: 85). Ақырет түсінігі болмағандары және Буддизмнің ықпалымен риенкарнация сеніміне ие болған түркілер өз алдына бөлек тақырып.

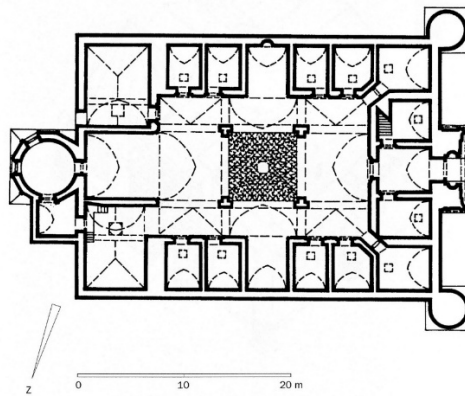

Сурет 1 - Пазырық қорымынан (Н. Диярбекірли)
[Fig. 1 - From the Pazyryk Burial Site (N. Diyarbekirli)]

Бүгінгі күнге дейін жасалған зерттеулерде ежелгі түркілердің қайтқан адамдарын қорғандарға жерлеместен бұрын, «барк» деп аталатын киіз үй іспеттес құрылыстың ішіне біршама уақыт қойып, алғашқы рәсім жасалғаннан кейін жылдың белгілі бір ыңғайы келген уақытында екінші рет арнайы рәсім жасалып жерлегендіктері анықталған (Ögel, 1988: 758).

Біздің дәуірімізге дейінгі үш мың жылдық кезеңге жататын қорғандарды қазу кезінде табылған мәйіттерден сол заманда өлілердің жерге көмілгенін аңғарамыз. Ежелгі кезеңдерде жерлеудің мумиялау әдісі жиі кездесті (Roux, 1999: 219). Сондай-ақ кейбір түркі тайпалары қайтқандарын жерлеудің орнына биік төбелерге қалдырып немесе ағаш бұтағына іліп қоятыны, кейде кремацияға жүгінгені де белгілі (Gözübenli, 1997: 194-195). Бұған айналадағы басқа мәдениеттер әсер етуі мүмкін.

Пазырық қорғандарынан табылған мысалдардан түркілер қайтыс болған адамдарын жуып, тазалап болған соң «есүк» немесе «ешук» деп аталатын кебінге орап, бастарын шығысқа қаратып жерлегенін білдік (Roux, 1999: 241). Осы қазбалардан түріктердің өлгендерін ақыретте қажет болуы мүмкін барлық заттармен бірге жерлегенін де білдік (Diyarbekirli, 1972: 67). Қорғандардың сәулеттік құрылысы мен ішкі безендірілуінің үйлер сияқты жобаланғаны өмірдің жалғасуы туралы түсінік тұрғысынан маңызды екенін аңғара аламыз (1-сурет).

Сурет 2 - Эрзурумдағы Якутие медресесі (Г. Шнайдер)
[Fig. 2 - Yakutiye Madrasa in Erzurum (G. Schneider)]

Талқылау. Түркілер бейіт басына салынған құрылыстың қабырғаларына марқұмның бейнесін, оның қатысқан шайқастарын, өмірінен көріністерді салған (Ergin, 1988: 31-32, 50). Осы ұрыстарда марқұм жауды өлтірсе, бейіт басына осы жауды бейнелейтін тас (балбал) қойылған. Бұның себебі де балбалы қондырылған аталған жау о дүниеде өзін өлтірген батырға қызмет етеді деген сенім себеп болуы мүмкін (Roux, 1999: 166).

Алтайда бақсылардың көкке көтерілу рәсімі көбінесе биік төбелерде және ағашқа өрмелеу арқылы өткізілетін болған (Şener, 1996: 13). Рухты Құдайға жақындатады деп сеніп өлгендерді биік төбелерге қалдырып, ағаш бұтақтарына ілу дәстүрі Анадолы түркі тайпаларында да исламдық болмысқа айналып, күні бүгінге дейін сақталған. Орталық Азиядағы бақсылар мен шамандарды Анадолыда уәлилер ауыстырды. Осыған байланысты есімдері аңыздарға енген әулиелердің бейіттері көбінесе биік төбелер мен үлкен ағаштардың астында орналастырылған. Кейбір әулие-әмбиелер бейітінде көзге түсетін тағы бір жайт – қабірлердің шамадан тыс үлкен көлемі. Мысалы, Сейіт Баттал Ғазидің Сейідғазидегі бейітінің ұзындығы 6 метр (Laqueur, 1993: 54). Түркістан қаласына жақын Үкаш (Үккаша) Ата мазары да осыған ұқсас. Бір адамның кесенелерінің бірнеше жерде болуын да сол дәстүрдің жалғасы деуге болады. Жерлеу орнын таңдауға келгенде, адамдар өздерін қамқорлығына алады деп немесе шапағатына бөленеді деп сенгендердің бейіттерінің жанына жерленгісі келген (Yüksel, 1969: 215). Бұған Түркістан қаласындағы Ахмет Ясауи кесенесі де мысал бола алады. Тіпті, Осман дәуірінде Ыстамбұлда қайтыс болған кейбір адамдар қаланың азиялық бөлігі мен Қағба арасында ешбір географиялық бөлініс болмағандықтан, «Қағба топырағы» деп Анадолы жағында жерлеуді жөн көрген (Laqueur, 1993: 74). Бұған қоса көптеген түркі халықтарында жол жиегіне жерленіп, жұрттың көзіне түсіп, дұға-тілектер көп болсын деген ниет күні бүгінге дейін жалғасып келеді.

Сурет 3 - Стамбұлдағы Катиб Синан мешітінің күмбезіндегі сандықша (қабіртас)
[Fig. 3 - Casket (Tombstone) on the Dome of Katib Sinan Mosque in Istanbul]

Сурет 4 - Бурсадағы Жасыл кесене: шебер өрнектелген керамикалық михраб
 [Fig. 4 - Green Tomb in Bursa: Masterfully Ornamented Ceramic Mihrab]

Әулиенің денесі шірімейді деген сенім зияратшылардың қызығушылығын арттыратыны белгілі. Бүгінде Анадолының көптеген аймақтарында әулиелердің денелері шірімегендіктен киелі екеніне сенуіне байланысты олардың қабірлеріне ерекше ілтипатпен қаралып, осы бейіттерде жатқан адамдардан рухани, тіпті материалдық көмек күту де қоғам арасында белең алған құбылыс. Діни тұрғыда еш бір негізсіз, мумияланған мәйіттерге де жоғарыда айтылғандай ерекше көңіл бөлінеді. Осылайша, олар қайтыс болғаннан кейін де зияратшылардың назарында қалып, қайтқан адамға қатысты жасаған дұғалары үзілмейтін болады.

Қарахан дәуірі тұсында түркілер исламды жаппай дін ретінде қабылдай бастағанда түркі наным-сенімдерінің жаңа дәуірі басталды.

Ислам пайғамбары қызмет еткен алғашқы жылдары жүректерде таухид иманы берік орныққанша қабірлерді зиярат етуге тыйым салып, кейіннен қауіп сейілген кезде өлімнен сабақ алуы қажеттігін алға тартып, мұсылмандарға қабірді зиярат етуге рұқсат берді (Муслим, Жаназа: 106). Дегенмен, Ислам пайғамбарының монументалды қабір құрылыстарына жақсы көз-қараспен қарамағаны даусыз (Dilaveroğlu, 1978: 320-324). Ислам дініндегі қабір түсінігіне қатысты өнертанушы ғалымдарымыз жиі айтатын пікір: «Мазардың ең қайырлысы – жоғалған мазар» деген тұжырыммен келіспейтінімізді айтқымыз келеді. Себебі, арабтың «мазар» сөзі зиярат етілген жер дегенді білдіреді (Devellioğlu, 2000: 640). Қазақ тілінде зират сөзі де қолданылады. Араб тіліндегі «зиярат» түбірінен шыққан бұл сөз зиярат ету орны, зират мағынасын білдіреді. Бұл сөз де жоғарыда айтылған түбірден түрленіп қолданысқа енген. Зиярат ұғымымен қарайтын болсақ Жоғалған жерге қалай барып зиярат етуге болады? Ислам мазардың, зираттың, қабірдің өзіне қарсы емес, оған тыйым салуға қарсы. Хз. Айша Мұхаммед пайғамбардың (с.ғ.с) өз пайғамбарларының қабірін қасиетті орынға айналдырған қауымдарды лағынеттегенін білдірген: «Егер бұл қауіпті болмағанда (бұдан қорқу болмағанда), Пайғамбардың қабірі сыртынан (ұзақтан) танылып, көрінетіндей етіп салынған болар еді», – деген (Karaman, 1996: 9). Мазарды жасыру – ислам діні енгізген дәстүр емес, моңғол дәстүрінде бар мәселе. Құбылай мен Шыңғыс ханның бейіттері де дәл осылай жасырылған, әлі күнге дейін қайда орналасқаны белгісіз. Бұл дәстүр Алтайда қабір көмілгеннен кейін үйір-үйір жылқыларды үстінен таптатып айдаумен немесе өзен арналарына қабір салумен көрініс тапқан. Қабірді жасыру қабірді қазына іздеушілерден қорғау үшін жасалған сақтық шарасы болды, өйткені марқұм құнды заттармен бірге жерленгендіктен мұндай қауіп әрқашан болатыны белгілі. Ислам дәстүрінде өлілер бағалы заттармен бірге жерленбегендіктен, қабірді жасырудың қажеті жоқ. Ислам дәстүрінде бұндай тәжірибе жоқ екені анық, керісінше адамдарға көрінетін орындарда мазарлар тұрғызылған.

Зерттеу нәтижелері. Ислам сәулет өнерінің ерте кезеңінде, ұлты грек анасы тарапынан халифа Мунтасырдың атына салынған, түркілік пен грек мәдениетінің ықпалы айқын көрінетін Куббәтүс-Сүлейбия құрылысынан басқа ауқымды сипаттағы кесене үлгісіндегі мазарлар кездеспейді. Бұның себебі, ол дәуірде мұндай көлемдегі басқа мазарлардың салынбағандығынан емес, қарсы бағыттағы ағымдар тарапынан бұзылып, жойылуымен тікелей байланысты. Түркілер ислам дінін қабылдағанымен, олардың сенім жүйесі толығымен өзгеріске түсті деу қиын. Алайда, бұрынғы сенімдер ислам дінінің қағидаларымен үйлестіріле отырып, елеулі рухани өзгерістер орын алғаны анық. Әсіресе ата-баба культіне ие болған түркілердің мазарға ерекше мән беруінің нәтижесінде, исламдық мазар құрылымдарына жаңа көзқарас әкелгені даусыз.

Ислам сенімі бойынша адам бұл дүниеде жасаған істері үшін ақыретте есеп береді. Егер жазасы болса, оны өтегеннен кейін, мәңгілік өмір сүретін жәннатқа кіреді. Жәннатқа жетудің жолы – иман келтіру және ізгі амалдар жасау. Пайғамбарымыз Мұхаммедтің (с.ғ.с.) «Адам баласы қайтыс болғаннан кейін үш амалы ғана жалғасады: тоқтамайтын садақа (садақа-и жәрия), пайдасы тиетін ілім және оған дұға қылатын салиқалы ұрпақ» (Муслим, Өсиет: 14) деген хадисінен, адамның өлімінен кейін де сауап дәптерінің жазылуы жалғасатыны белгілі болады. Осы сенімге сүйене отырып, адамдар өздерінен кейін жалғасатын қайырымды істер жасауға ұмтылған. Дәл осы себеппен исламды қабылдаған түркілер де, өздері қайтыс болғаннан кейін де жалғаса беретін, «садақа-и жәрия» деп аталатын мәңгілік істерді жүзеге асырған. Олар мешіт, медресе, шипахана секілді халыққа пайдалы нысандар салып, олардың жұмысын қамтамасыз ету үшін уақыттар құрған. Бұл игі жандар өз мазарларын осы құрылыстардың жанына немесе ішіне салдыру арқылы жасаған қайырлы істерімен бірге өмір сүруді мақсат еткен. Сонымен қатар, уақыт шартнамасына белгілі бір уақыттарда марқұмның рухына бағыштап Құран хатым түсірілуін, дұға жасалуы мен қасиетті күндер мен түндерде мұқтаждарға жәрдем көрсетілуін қосу арқылы бұл ізгі дәстүрді сақтап, әрі тұрақты етуге ұмтылған (Uzunçarşılı, 1974: 59). Бұл әрекеттердің негізінде жасалған игі істер арқылы күнәлардан тазару және ақыретте шапағатқа кенелу үміті жатқандығы байқалады.

Мұндай құрылыстардың Түркияда орналасқан көрнекті үлгілерін келесі жерлерден көруге болады: Кайсері қаласындағы Гаухар Несібе Хатун шипаханасы (1205), Хұнат Хатун кешені (1238), Ыспарта қаласының Атабей ауданындағы Ертоқұс медресесі (1224), Эрзурумдағы Қос мұнаралы медресе (1275) және Нийде қаласындағы Сунгур Бей мешіті (1333). Ал Эрзурумдағы Якутие медресесінде (1310) бұл мәселе айқын түрде көрініс тапқан (2-сурет). Бұл құрылысқа қатысты жазуда «Бұл мазарды салуды Жамаладдин Қожа Якут Ғазанидің өзі бұйырды» деген мәлімет берілген. Жазбада медресенің аты аталмағанымен, кесененің атын ерекше атап көрсетуі – осы мәселенің қаншалықты маңызды екенін білдіреді (Ünal, 1992: 55). Мұндай мысалдарға Селжұқ сәулет өнерінде жиі ұшырасуға болады (Önkal, 1996: 379-437). Ал Осман сәулет өнерінде кесенелер кешен құрамында біріктірілген ғимарат ретінде емес, жеке тұрған нысан ретінде салынған. Сонымен қатар, Ыстамбұлдағы Катиб Синан мешітінде (1496) байқалғандай, марқұмды тікелей күмбездегі орынға жерлеу сынды өзгеше жағдайлар да кездескен (Gürel, 1988: 149-150) (3-сурет). Мұндай әрекеттің түп-төркіні жоғарыда айтылған, мәйітті ағаш бұтағына ілу немесе биікке жерлеу дәстүрінен ізделуі тиіс.

Ежелгі дәуірлерде түркілердің қабірдің үстіне ғибадатханалар салғаны тарихи деректерден мәлім (Yazar, 1999: 422). Ислам пайғамбары қабірлердің үстіне ғибадат орнын салуды қатаң түрде тыйған. Алайда бұл тыйымға қарамастан, Селжұқ кезеңіндегі мазар құрылымдарында қабір бөлмесінің үстіне зиярат бөлмесі немесе мешіт қызметін атқаратын қосымша қабат бөлінген. Тіпті сол дәуірдің танымал сопылары тарапынан қабірлерге зиярат жасау мақұлданып, бұл жерлерде дұға оқып, намаз оқығандардың тілектері қабыл болатыны жөнінде насихаттар да айтылған. Ахмед Ефлакидің жазбасына сүйенсек, Мәулана былай деген: *«Достарымыз кесенемізді алыстан көрінетіндей биік етіп салсын. (...) Біздің кесенемізге келіп зиярат ететін және намаз оқитын адамның барлық тілегін Ұлы Алла орындайды әрі оны мақсатына жеткізеді. Оның дін мен дүние істеріне қатысты қалаулары*

жүзеге асады». (Eflâkî, 1973: 388). Пайғамбарымыздың қабірлердің ғибадатханаға айналуын тыйғанын ескерсек, бұл тәжірибе исламдық салттан емес, ежелгі түрік сенімдерінен туындағаны айқын көрінеді.

Осман дәуірінің сәулет өнерінде қабір үстіне мешіт салу тәжірибесі алғашқы кезең құрылысында болғанымен, уақыт өте келе қабір бөлмесінен бас тартып, кейінен мешіт құрылымынан да ажырағаны байқалады. Мешіт пен намазхана секілді діни құрылыстарға тән сәулеттік элемент – михрабтың ерте кезеңдегі Осман мазарларында кездесіп, кейінгі өркендеу мен классикалық кезеңдерде қолданылмай кетуі осы өзгерістің нақты айғағы бола алады. Дегенмен, құрылыс құрамынан михрабтың алынуы халықтың бұл дағдыдан толықтай бас тартқанын білдірмейді. Қазіргі күннің өзінде де, халық арасында кесенелерде намаз оқып, құлшылық етудің пайдалы болатынына сенетіндер көптеп кездеседі. Мұндай тәжірибелер тарихта кей уақыттарда қарсылық тудырып, кесенелерге қарсы ағымдар пайда болғанымен, бұл жағдай халықтық санада елеулі өзгеріске ұшыраған жоқ (Çam, 1999: 68).

Исламда жерлеу мәселесі фикһ кітаптарында жан-жақты қарастырылған. Бұл бойынша қабірді *лахид* (Ragheb, 1996: 17) түрінде жасау құпталады. Лохид – мәйітті көму үшін қазылған қабірдің құбыла бағытына қарай, мәйіт сыятындай етіп ойық жасау және мәйітті осы қуысқа орналастыру түрі. Ал мәйіт жерленетін орынды тікелей жарып, табыт пішіндес тігінен шұңқыр қазу әдісі *шаққ* немесе *дарих* деп аталады. Қазіргі таңда *лахид* сөзі кейбір зерттеушілер тарапынан қабірдің үстіңгі құрылымын (яғни архитектуралық-жерүсті бөлігі) білдіру үшін қолданылып жүр. Қажеттілік жағдайда *шаққ* түрінде де жасауға рұқсат етілген. Барлық Ибраһими діндерде болғанындай, ислам дінінде де мәйітті кебіндеу және жерге көму негізгі шарт болып табылады. Мәйіт қабірге оң бүйірімен, жүзі құбылаға қаратылып жатқызылады. Осылайша, бүкіл ислам қабірлері белгілі бір бағытқа, яғни құбылаға бағдарланған болады. Бұл жерлеу тәсілі Құран Кәрімдегі: «Әрбір жан иесі өлімді татады. Сосын Біз жаққа қайтарылады.» (Әнкәбут, 29/57) деген аяттың мән-мағынасына сай түрде, өлгеннен кейін Алла Тағалаға бет бұруды бейнелейді.

Сурет 5 - Ыстамбұл Шахзада Мехмед кесенесінің Керамикалық өрнектері
[Fig. 5. Ceramic Ornaments in the Mausoleum of Şehzade Mehmed in Istanbul]

Сурет 6 - Кануни Сұлтан Сүлейманның Жерлеу Рәсімінің Бейнесінен көрініс (С. Саатшы)
[Fig. 6. Scene from the Depiction of the Funeral Ceremony of Sultan Suleiman the Magnificent (S. Saatci)]

Ислам сенімі бойынша, адам топырақтан жаратылған және ақыр соңында қайтадан топыраққа оралады деген түсінік бар. Осыған байланысты мәйітті мумиялау үрдісі құпталмаған. Құран Кәрімде баяндалатын бір оқиғаға сүйене отырып, мәйіттің жерге көмілуі орынды деп танылған (Мәида, 5/31.). Бұл сенімге сәйкес, түркілердің қабір сәулетінде бұрын кездесетін *сардаб* (яғни мәйіт қойылатын жерасты қабаты) біртіндеп жойыла бастады (Önkal, 1988: 54-60).

Бұл өзгерісті өсиет арқылы алғаш жүзеге асырған тұлға Осман мемлекетінің патшасы Сұлтан II Мұрат болды (Uzunçarşılı, 1969: 67-69). Ол өзінің өсиетнамасында қабірінің қалай тұрғызылуы керектігін жан-жақты түсіндіріп, нақты нұсқаулар қалдырған. Сұлтан бұл құжатта Пайғамбар сүннетіне сай жерге көмілуін, арнайы қабір бөлмесі (жерасты) жасалмауын, және қабірдің үстінде жаңбыр суы тиетіндей ашық жер қалдырылуын талап еткен (Vasiyetnâme, 162/14). Сұлтанның бұл қалауы кейінгі кезеңдерде де жалғасын тауып, кейбір кесенелер ашық төбемен салынған. Ал кейбірі мәрмәрмен жабылған лахид тәрізді қабірлерде де дәл сондай ашықтық қалдырылып, жаңбыр суының қабірге тамшылауы қамтамасыз етілген. Бұл тәжірибе: *«Мүміннің қабіріне желдің тиюі мен жаңбырдың ағуы – оның күнәсі үшін кәффарат (өтеу) болады»* (Dilaveroğlu, 1978: 322) деген сенімге негізделген. Аталған өсиетнамада Сұлтан II Мұрат қайтыс болғаннан кейін орындалуы тиіс діни және дәстүрлі міндеттерді де егжей-тегжейлі баяндаған. Өсиетнаманың мазмұнынан ислам қағидаларына деген ерекше мұқияттылық анық байқалады. Бұл құжат сардабты (крипталы) селжүк дәуірі қабір архитектурасынан, классикалық османдық қабір стиліне өту жолындағы маңызды кезең болып табылады (Doğanay, 1999: 99-109).

Құран Кәрімде: *«Сол күні, мұнафық ерлер мен мұнафық әйелдер Мүміндерге: “Бізге көздеріңнің қырын салыңдар! Нұрларыңнан біз де пайдаланайықшы!”,- дейді. Оларға: “Арттарыңа қайтып, нұр іздеңдер!”,- делінеді. Сонда олардың араларына есігі бар бір дуал орнатылады. Оның ішінде рахмет, сырт жағында азап бар.»* (Хадид сүресі, 57/13) деп баяндалады. Осы түсініктен шабыт ала отырып, қараңғы қабір сапарына символикалық түрде жарық беру ниетімен, кесенелерде үнемі шырақ жағу дәстүрі пайда болған. Мұны бейнелеу мақсатында, қабірдегі сәулеттік безендіруде шырақ пен шамдар жиі кездесетін көркем элементтерге айналған (Çerkez, 1999: 338-365) (4-сурет). Пайғамбардың бір хадисінде айтылған: *«(...)Расында қабір – жәннат бақтарынан бір бақ немесе тозақ шұңқырларынан бір шұңқыр»* (Тирмизи, Қиямет сипаттары: 26) деген сөзі де осы ұғымды қуаттайды. Кануни Сұлтан Сүлейменнің кесенесіндегі каллиграфиялық жазуында (Бақара сүресі, 2/257) да осыған ұқсас мазмұндағы тіркестер кездеседі.

Осман кезеңінде салынған кейбір ірі кесене құрылыстары жұмақтың бір көрінісі секілді өсімдік өрнектерімен көркемделіп, өлімнің салқын бейнесіне жылулық сипат беруге тырысқан. Бұған Бурсадағы Челеби Мехмед Кесенесі мен Ыстамбұлдағы Шахзада Мехмед Кесенесі мысал бола алады (5-сурет).

Мешіт сәулет өнерінде михраб, көбіне есікке ұқсайтын, параллель дамыған өз алдына бөлек бір құрылым болып табылады. Ғибадатханалардағы тәжқапы (Басқақпа) – сыртқы дүниеден ажырап, иләһи атмосфераға өту нүктесін білдіреді. Адам бұл есіктен кіргенде, уақытша болса да, дүниелік сезімдерден арылып, Жаратушысымен сырласу үшін рухани ахуалды бастан кешіреді. Ислам сенімінде Алла мекеннен пәк деп танылса да, михраб – адамның материалдық әлемнен ажырап, рухани сапарға бет алатын, иләһи әлемге ашылған қақпа іспеттес (Kağan, 1986: Sunuş). Қабірлер де дәл осы секілді, дүниелік жолын аяқтаған адамның ақыреттік сапары басталатын өткел тәрізді. Осы себептен, рухтар әлеміне бастайтын сапардың басы саналатын қабірлер де осы сенімге сай мағына мен мақсатқа ие түрде жобаланған. Кесенелердің құбыла жақ қабырғасындағы михрабтар жойылғанымен, михраб ойығы немесе бейнелері тас, керамика секілді басқа да материалдар беттеріне әшекей ретінде бедерленген.

Селжүк дәуіріндегі кесене сәулеті, формалық жағынан алып қарағанда, көне түркі сенімдерінде кездесетін рухтың аспанға көтерілуін бейнелейтін көрініске ие. Жерасты

бөлмесіне жерленген мәйіттің үстіне салынған кесене денесі жоғары қарай сүйірленіп, аспанға ұмтылу идеясын меңзегендей әсер қалдырады. Бұл бейнеде пирамидалы немесе конусты шатыр астындағы ішкі күмбез, көк қабаттарын елестететіндей сипатқа ие. Селжұқ дәуіріндегі қабір құрылыстарында жиі кездесетін әртүрлі жануар бейнелерінің ақырет сенімімен байланысы туралы нақты пікір айту қиын. Бұл мәселеге қатысты зерттеулер әлі жалғасып жатыр.

Ерте Осман дәуіріндегі кесенелерде, Орта Азия түркі сенімдерінің іздері көрініс табатын кейбір элементтер жойыла бастаса да, қос қабатты жаппа жүйесінің классикалық дәуірде қайта қолданысқа енуі, оның формасы өзгерсе де дәстүрдің жалғастығын көрсетеді.

Ислам сенімінде адам ақырет сапарына тек осы дүниеде жасаған амалдарымен аттанады (Исра сүресі, 17/19). Сондықтан адам, дүниеге келген кезде оралған бесік секілді, кебінге оралып, шыққан жеріне – топыраққа қайтарылады. Бұрынғы кезеңдердегідей, мәйіттің жанына ешқандай зат қойылмайды. Жер бетіндегі салтанатты кесенелерде жатса да, жерге көмілген сұлтандардың қарапайымдылығы осы ақиқатты ең көркем түрде паш етеді.

Сурет 7 - Ыстамбұлдағы Әюб әл-Ансари кесенесінің бетпе-бет дұға оқылатын терезесі
[Fig. 7 - Prayer Window Facing the Tomb of Eyüp al-Ansari in Istanbul]

Сурет 8 - Рифаи тариқатына тән таңбасы бар қабір тас (Сүлеймание зиратынан)
[Fig. 8 - Gravestone with the Symbol of the Rifa'i Order (from the Süleymaniye Cemetery)]

Халық арасында айтылатын бір оқиға біздің тақырыбымыз тұрғысынан едәуір қызықты: Кануни Сұлтан Сүлеймен өзімен бірге алып жүрген тартпасының (қобдиша) өзі қайтыс болғанда мәйітімен бірге көмілуін қалаған екен. Ислам сенімдеріне сәйкес, қабірге кебінделген мәйіттен басқа ештеңе қойылмайтыны себепті, бұл жағдай ғалымдар арасында талқыланған. Әлгі сандық ашылғанда оның ішінде өзі шығарған пәтуалар болғанын көрген

шейхул-ислам: «Сен өзінді құтқарасың; ал менің жағдайым не болмақ!» деп жылаған екен. Мемлекеттік басқару барысында жіберген қателіктері үшін жауапқа тартылмау мақсатында, шейхул-исламнан алған пәтуаларды өзімен бірге алып кетіп, оларды өзіне дәлел әрі куә ретінде көрсетуі – Сұлтанның қиямет күніндегі есепке қаншалықты мән бергенін көрсетеді. А.Сүхейл Үнвер бұл оқиғаның ақиқаттылығына күмәнмен қарап, оны аңыз деп бағаласа да (Ünver, 1970: 306), *Тарих-и Сұлтан Сүлейман* (парақ 1156) атты қолжазбада Сұлтанның жерлеу рәсімін бейнелейтін миниатюр кескінінде – мәйіт шеруінің алдында, басында шағын сандық көтеріп келе жатқан бейненің, әлгі пәтуаларды алып келе жатқаны деп ойлаймыз (6-сурет). Кейбір зерттеушілер бұл сандықта Санжак-и Шәриф пен Хирка-и Шәриф секілді қасиетті аманаттар болуы мүмкін екенін айтқан (Ertuğ, 1999: 130). Алайда, рәсімдерге ерекше мән берілген басқа сұлтандардың жерлеу көріністерінде мұндай сандықтың болмауы бұл пікірді әлсіретеді. Аңыз болса да, мұндай аңыздың пайда болуы – бұл мәселеге деген қызығушылықты көрсетеді.

Қасиетті немесе куәлік беруші деп сенілген кейбір діни заттардың кесенелерде сақталуы, ақыретте бұл заттардың иесіне жәрдемдеседі деген сенімнен туындайды. Марқұмның үстіне Қағба жабуын жабу да – осы сенімнің көрінісі. Явуз Сұлтан Селимнің кесенесінде ұстазының атының аяғынан шашыраған балшық ізі қалған шапанның сақталуы – білімге құрметтің белгісі ретінде, бұл шапанның ақыретте марқұмға куәлік ететініне сенілгендігін көрсетеді. Кануни Сұлтан Сүлейменнің кесенесіндегі Хажарұл-Әсуәдтің (Қағбадағы қара тастың) бір бөлігі де осы тұрғыдан бағалануы тиіс.

Жерлеу дәстүрлері заманға, дінге және өңір ерекшеліктеріне қарай әртүрлілік танытады (Soysal, 1997: 1212-1216). Исламдық жерлеу дәстүрінде мәйіт қабірге ұзынан-ұзақ жатқызылып қойылады. Көлденең жатқан мәйіттің басы мен аяғына орнатылған құлпытастар – тік тұрғызылуы арқылы қайта тірілудің (қияметтің) белгісі іспетті. Пішін жағынан «әлиф» әріпін немесе «бір» санын елестететін бұл құлпытастар – бірлік сенімінің нышандары ретінде қабылданады. Қабір басына егілген арша ағаштары мен құлпытастарға қашалған арша бейнелері де осы ойдың жемісі. Сонымен қатар, аршаның көлеңкесі – марқұмды, ал өзі тірілуді бейнелейді.

Осман мазараттарында сәулеттік элемент ретінде дамыған «хажат» (мууажәхә) терезелері – кесенеге уақыф ретінде берілген мүліктерден мұқтаждарға көмек көрсетілетін әрі адамдардың дүние мен ақыретке қатысты тілектерін білдіретін маңызды орын болған. Әсіресе әулие екендігіне сенілген тұлғалар арқылы бұл тілектердің қабыл болуына сену себебінен, хажат терезелері – түрік сенім жүйесінде маңызды орын алған (7-сурет).

Қабірлердің үстіне жануарлар су іше алатын арнайы орынның жасалуы немесе халық жиі баратын кейбір құлпытастардың үстіне мұқтаж жандар ала алатындай етіп, (садақа тастары сияқты) ұсақ тиындар салуға арналған шағын ойықтың қазылуы – жоғарыда атап өткен садақат-и жәрия (үздіксіз сауап) идеясының көріністерінен саналады. Мұндай игілік жасау – бір жағынан марқұмның рухының рахат табуына себеп болса, екінші жағынан қоғамдық өзара жәрдемге де дәнекер болатын нәзік бір ұғымды білдіреді. Қабірдің үстіне ағаш отырғызу да осы сипаттағы бір садақа ретінде есептеледі. Қабірдің үстіне ағаш отырғызудың қабір азабын жеңілдететіні жайлы хабар беретін хадис шарифтер бұл істің кең таралуына себеп болған. Расулұллаһ (с.а.с.) бір қабірдің қасынан өткенде: «Бұлар (қабір иелері) азап көруде; біреуі дәрет сындырғанда өзінен сақтанбайтын, екіншісі ел арасында өсек тасып, бүлік шығаратын еді», – деді. Содан кейін бір құрма ағашының жас бұтағын алып, екіге бөліп, екі қабірдің үстіне қадады. Жанындағылар: Я Расулаллаһ! Мұны не үшін жасадыңыз? – деп сұрағанда, Ол: Бұл бұтақтар жас күйінде тұрғанша, олардың азабы жеңілдейді деп үміт етемін, – деп жауап берді (Бухари, Жаназа, 82). Қабірлерге салынған өсімдік өрнектері бір жағынан жәннат бақтарын бейнелесе, кейбір гүлдер өзіндік мағыналар да қамтиды. Исламдық рәміздер тілінде раушан гүлі – Хазіреті Пайғамбарды бейнелейді. Ал лала гүлі (қызғалдақ) – әбжад есебіне сай *Лафзатуллаһ* (Алланың аты) сөзімен сәйкес келгендіктен, бұл гүлдердің түрік өрнектерінде жиі қолданылуына себеп болған. Кейбір құлпытастардың төбесіне тағылған гүлдер – сол жерде жерленген адамның мүтәлік болған тариқатын білдіреді.

Тағы бір ерекшелік, марқұмның байланыста болған тариқатының белгісі саналатын сиккалардың (сопылық дәреже таңбасы) тастарға қашалып салынуы. Бұл арқылы дүниеде мүршид болған адамның ақыретте де мүридтеріне жол көрсететініне сенім білдіріледі (8-сурет).

Қабір көркемдеулерін құрайтын тағы бір сәндік элемент – ғибрат пен насихат сөздері жазылған мәтіндер. Бұлар «Кеше мен сен секілді едім, ертең сен де мендей боласын» (Сұлтан II. Баязид кесенесінде ағаш терезе қақпақтарына бедерлі түрде жазылған) секілді сөздермен адамға ақыретті еске салып, игілік істеуге үндейді. Осылайша қабір зияратының ең маңызды мақсаты саналатын ақыретті еске салу – нақты түрде іске асады (Karaman, 1986: 21). Сонымен қатар, қабірді зиярат ету арқылы бір жағынан рухтарға тыныштық пен ізгілік, рухани байлық сыйланса, екінші жағынан оқылған дұғалар арқылы марқұмдарға рухани азық берілді деп есептеледі (Karaman, 1986: 60). Исламда негізінен адам мен Алла арасында ешкім тұра алмайды, алайда адамдардың кешірілуі үшін дұға етілген жағдайда, бұл дұғалардың қабыл болуы мүмкін екені Алла Тағала тарапынан хабар берілген. Сол себепті қабір жазбалары – көбіне дұғалар мен зиярат етушілерден дұға сұрайтын сөздермен өрнектелген (Бақара сүресі, 2/186).

Сурет 9 - Ыстамбұлдағы Фатима Ханым Сұлтан кесенесінен алынған тағдыр дөңгелегі үлгісі
[Fig. 9 - Wheel of Fate Motif from the Mausoleum of Fatma Hanım Sultan in Istanbul]

Сурет 10 - Жеміс бейнеленген қабір тас (Қараджаахмет зиратынан)
[Fig. 10 - Gravestone with Fruit Depiction (from the Karacaahmet Cemetery)]

Қабір тасындағы кездесетін ең қызықты сөздердің бірі – адамның өлімнен кейін қайта тірілетініне қатысты, қайтыс болған адамға «өлді» деп айтылмай, оның ақырет сапарына шыққанының баса көрсетілуі. Бұл дәстүр Орхон ескерткіштерінен бері жалғасып келеді (Ergin, 1988: 22, 24, 25, 31, 51). Қабір тастарында толық түрінде көрінбеген болса да, Осман биография кітаптарында аты аталған тұлғалар жайлы «өлді» деп айтпау үшін жүздеген түрлі сөздер қолданылған. Марқұм болған адамның тірісіндегі қасиеттеріне қарай кейде өлім жылы

әбжәд есебімен шығарылады, ал кейде осы қасиеттеріне сай келетін сөйлем арқылы оның қайтыс болғаны білдіріледі. Мысалы, бір хаттат (каллиграфия өнерінің иесі) үшін «Өмір жазуынан қол үзді» деген сөз қолданылса, басқа үлгілері қарапайым тілмен «Жан құсы тордан ұшты», «Өмір шырағына жел тиді», «Ажал шәрбетін ішти», «Жәннат гүлістанына қанат қақты» сияқты тіркестер арқылы да мән-мағына жеткізіледі. Өлімді білдіретін осындай сөз тіркестері жөніндегі зерттеу жұмысымыз жалғасуда.

Өмірі толық аяқталмай, дүниелік өліммен жарты жолда қалған үміттердің ақыретте жалғасуын тілей отырып жазылған кейбір жоқтаулардың қатарында, Кануни Сұлтан Сүлейманның, шахзада Мехмед үшін жасатқан кесенесінде, қабірдің үстіне тақ орнатылуы сияқты ерекше үлгілер де бар.

Қабір безендіруде жиі кездесетін қанжар мотивінің, көне түркі сенімдеріндегі темір мәдениетімен байланысы болуы мүмкін (Çoruhlu, 1997: 43). Құранда темірге арналған бір сүренің болуы да темірге қатысты сенімдерге әсер еткен деп айтуға болады (Хадид сүресі, 57/25). Қанжардың дүниеде аяқталмаған армандар мен жарты жолда қалған өмірге меңзейтіні де айтылады. Сонымен қатар, қабір безендіру өрнектерінде көрінетін «жұлдыз» мотивтері, өмірдің мәңгілік екенін және бір өмірдің аяқталып, екіншісінің басталатынын бейнелейтін ең тамаша суреттеу ретінде түсіндіріледі (9-сурет).

Соңғы кезеңдегі Осман қабір безендірулерінде жиі кездесетін жеміс ағаштары мен жеміс толы табақтар, жұмақтың нығметтерін еске түсіретін, ең көп көзге түсетін әшекейлі элементтер болып табылады. Кейбір зерттеушілер бұл жеміс табақтарының шығу тегін, исламға дейінгі дәуірлерде қабірлерге қойылған шашу (садақа) мен құрбандықтармен байланыстырады (Çoruhlu, 1998: 118). Алайда, мұндай әшекейлердің жүздеген жылдар бойы қабір декорацияларында байқалмай, тек XVIII ғасырдың екінші жартысынан бастап кеңінен қолданылу мәселесінің нақты себебі анықталмай отыр. Бұл әшекейлер, техникалық тұрғыдан, Еуропа ықпалымен сәулет өнерімізде сән болған бір дәуірдің өнімдері ретінде көрінеді (10-сурет).

Қорытынды

Қорытындылай келе, түркілер көне заманнан бері өмірден кейінгі өмір барына сенген және бұл сенімдерін қабір құрылымы мен безендірулерінде түрлі тәсілдермен бейнелеген. Уақыт өте келе өзгерген сенімдер, жерлеу дәстүрлері, қабір құрылымы мен көркемделуіне әр түрлі әсер етті. Ерте кезеңдерде адам, ақыретте қажет болатын заттарымен бірге жерленсе, исламнан кейін, бұл қажеттіліктердің осы дүниеде жақсы істер жасау арқылы табылатыны жайлы сенім қалыптасып, жария садақалар жасалып, Аллаға жақындау жолы ізденді. Қайырымдылық жасаушылар кесенелерін, өздері жасаған қайырымдылықтарының жанында орнату арқылы, естеліктерін сақтау ықтиярлығын көрсеткен. Қабірлер, ахиретті еске түсіретін сөздермен, белгілермен безендіріліп, өлімге жылы бір бет беру мақсатында және адамдарды жақсылыққа ынталандырып, ақырғы нәтижесін мәңгілік бақытқа айналдыру үшін қолданылған.

References

- Cam, 1999 — Cam N. “Turk mezar ve turbelerinin ozellikleri ile ilgili bazi dusunceler” [Some Thoughts on the Characteristics of Turkish Graves and Tombs]. *Gecmisten Gunumuze Mezarlik Kulturu ve Insan Hayatina Etkileri Sempozyumu* 18–20 Aralik 1998, Istanbul, Istanbul 1999. p. 68. (In Turkish)
- Cerkez, 1999 — Cerkez M. “Eyupsultan mezarlarinda kandil motifleri” [Lamp Motifs on Tombstones in Eyupsultan]. *Tarihi Kulturu ve Sanatiyla III. Eyupsultan Sempozyumu Tebligler* 28–30 Mayıs 1999, 1998 Istanbul. Pp. 338–365. (In Turkish)
- Coruhlu, 1997 — Coruhlu T. “Eyup Sultan ve cevresindeki hazirelerde bulunan hancerli lahitler ve tas sandukalar” [Daggered Sarcophagi and Stone Coffins in the Courtyards around Eyup Sultan]. *Eyupsultan Sempozyumu Tebligler I*. Istanbul 1997. p. 43. (In Turkish)
- Coruhlu, 1998 — Coruhlu Y. “Eyup ve cevresindeki mezarlarinda gorulen kase icinde meyve tasvirlerinin sembolizmi” [The Symbolism of Fruit Depictions in Bowls on Tombstones in and around Eyup]. *Tarihi Kultur ve Sanatiyla II. Eyupsultan Sempozyumu Tebligler* 8–10 Mayıs 1998, 1998 Istanbul. p. 118; Laqueur, *Huvel-Baki*, pp. 130–133. (In Turkish)

- Devellioglu, 2000 — Devellioglu F. *Osmanlica-Turkce Ansiklopedik Lugat* [Ottoman Turkish–Turkish Encyclopedic Dictionary]. Ankara 2000. p. 640. (In Turkish)
- Diyarbakirli, 1972 — Diyarbakirli N. *Hun Sanati* [Hun Art]. Istanbul 1972. p. 67. (In Turkish)
- Dilaveroglu, 1978 — Dilaveroglu M. E. *Durretu'l-Fahire fi Beyan-i Ahkami'l-Cenazeti ve Seferi'l-Ahire* [The Precious Pearl on the Rules of Funerals and the Journey to the Hereafter]. Istanbul 1978. pp. 320–324. (In Turkish)
- Dilaveroglu, 1978 — Dilaveroglu M. E. *Durretu'l-Fahire fi Beyan-i Ahkami'l-Cenazeti ve Seferi'l-Ahire* [The Precious Pearl on the Rules of Funerals and the Journey to the Hereafter]. p. 322. (In Turkish)
- Doganay, 1999 — Doganay A. “Sultan II. Murad’in vasiyetnamesinin mezar mimarimize tesiri” [The Impact of Sultan Murad II’s Testament on Our Tomb Architecture]. *Gecmisten Gunumuze Mezarlik Kulturu ve Insan Hayatina Etkileri Sempozyumu* 18–20 Aralik 1998 Istanbul, Istanbul 1999. pp. 99–109. (In Turkish)
- Eflaki, 1973 — Eflaki A. *Ariflerin Menkibeleri / Manakib al-Arifin* [Legends of the Sages / Manakib al-Arifin], I. (Trans. Tahsin Yazici). Istanbul 1973. p. 388. (In Turkish)
- Ergin, 1988 — Ergin M. *Orhun Abideleri* [Orkhon Inscriptions]. Istanbul 1988. p. 30. (In Turkish)
- Ertug, 1999 — Ertug Z. T. *XVI. Yuzuil Osmanli Devleti’nde Culus ve Cenaze Torenleri* [Accession and Funeral Ceremonies in the Ottoman Empire in the 16th Century]. Ankara 1999. p. 130. (In Turkish)
- Gozubenli, 1997 — Gozubenli B. “Cenaze” [Funeral]. *Islam’da Inanc Ibadet ve Gunluk Yasayis Ansiklopedisi*, vol. I. Istanbul 1997. pp. 194–195. (In Turkish)
- Gunay, Gungor, 1998 — Gunay U., Gungor H. *Turk Din Tarihi* [History of Turkish Religion]. Istanbul 1998. p. 86. (In Turkish)
- Gurel, 1988 — Gurel S. *Istanbul Evliyaları ve Fetih Sehitleri* [Saints of Istanbul and Martyrs of the Conquest]. Istanbul 1988. pp. 149–150. (In Turkish)
- Karaman, 1986 — Karaman H. *Ebediyet Yolcusunu Ugurlarken* [Farewelling the Traveler to Eternity]. Ankara 1986. (In Turkish)
- Karaman, 1996 — Karaman H. “Olum, olu, defin ve merasimler” [Death, Dead, Burial and Rituals]. *Islam Dnyasinda Mezarliklar ve Defin Gelenekleri*, I. Ankara 1996. p. 9. (In Turkish)
- Laqueur, 1993 — Laqueur H.-P. *Huvel-Baki: Istanbul’da Osmanli Mezarliklari ve Mezar Taslari* [Huvel-Baki: Ottoman Cemeteries and Tombstones in Istanbul]. (Trans. Selahaddin Diliduzgun). Istanbul 1993. p. 54. (In Turkish)
- Onkal, 1988 — Onkal H. “Turk turbe mimarisinde cenazelik katinin gelismesi” [The Development of the Funeral Chamber in Turkish Tomb Architecture]. *Turk Kulturu*, no. 307. Ankara 1988. pp. 54–60. (In Turkish)
- Onkal, 1996 — Onkal H. *Anadolu Selcuklu Turbeleri* [Seljuk Tombs in Anatolia]. Ankara 1996. p. 3. (In Turkish)
- Onkal, 1996 — Onkal H. *Anadolu Selcuklu Turbeleri* [Seljuk Tombs in Anatolia]. Ankara 1996. pp. 379–437. (In Turkish)
- Ragheb, 1996 — Ragheb Y. “Islam hukukuna gore mezarin yapisi” [The Structure of the Grave According to Islamic Law]. *Islam Dnyasinda Mezarliklar ve Defin Gelenekleri*, I. Ankara 1996. p. 17. (In Turkish)
- Roux, 1999 — Roux J.-P. *Eskicag ve Ortacagda Altay Turklerinde Olum* [Death among the Altai Turks in Antiquity and the Middle Ages]. (Trans. Aykut Kazancigil). Istanbul 1999. p. 158. (In Turkish)
- Sener, 1996 — Sener C. *Samanizm* [Shamanism]. Istanbul 1996. p. 13. (In Turkish)
- Soysal, 1997 — Soysal M. “Mezar” [Grave]. *Eczacibasi Sanat Ansiklopedisi*, II. Istanbul 1997. pp. 1212–1216. (In Turkish)
- Uzuncarsili, 1969 — Uzuncarsili I. H. “Sultan Ikinci Murad’in vasiyetnamesi” [The Testament of Sultan Murad II]. *Vakıflar Dergisi*, IV. Ankara 1958. pp. 1–12; Sertoğlu M. *Vakıflar Dergisi*, VIII. Ankara 1969. pp. 67–69. (In Turkish)
- Uzuncarsili, 1974 — Uzuncarsili I. H. “Nigde’de Karamanoğlu Ali Bey Vakfiyesi” [The Waqfiya of Karamanoğlu Ali Bey in Nigde]. *Vakıflar Dergisi*, II. Istanbul 1974. p. 59. (In Turkish)
- Unal, 1992 — Unal R. H. *Erzurum Yakutiye Medresesi* [Yakutiye Madrasa in Erzurum]. Ankara 1992. p. 55; Yazar, “Cadir-Bark-Turbe”, p. 427. (In Turkish)
- Unver, 1970 — Unver A. S. “Kanuni Sultan Suleyman’in son Avusturya seferinde hastaligi, olumu, cenazesi ve defni” [The Illness, Death, Funeral and Burial of Suleiman the Magnificent during his Last Austrian Campaign]. *Kanuni Armagani*. Ankara 1970. p. 306. (In Turkish)
- Vasiyetname, 162/14 — *Vasiyetname* [Testament]. Basbakanlik Arsivi, Maliyeden Mudever, A Kismi, No: 162/14. (In Turkish)
- Yazar, 1999 — Yazar T. “Cadir-Bark-Turbe” [Tent-Bark-Tomb]. *Gecmisten Gunumuze Mezarlik Kulturu ve Insan Hayatina Etkileri Sempozyumu* 18–20 Aralik 1998 Istanbul, Istanbul 1999. p. 422. (In Turkish)
- Yuksel, 1969 — Yuksel I. A. *Osmanli Mimarisinde II. Bayezid, Yavuz Selim Devri*, V [Ottoman Architecture in the Reigns of Bayezid II and Selim I, Vol. V]. Istanbul 1969. p. 215. (In Turkish)

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 26-38, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / МПНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_26-38

KAZAKHSTAN AS AN INDUSTRIAL AND RAW-MATERIAL BASE OF THE SOVIET UNION DURING THE LEADERSHIP OF D.A. KUNAEV (1964–1986)

*Cherepanov Konstantin*¹

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of history and ethnology

Almaty, Republic of Kazakhstan

Candidate of historical sciences, assistant professor, leading researcher

 <https://orcid.org/0000-0002-0736-9383>. E-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Cherepanov K., 2025

Abstract. *Introduction.* The article examines the contribution of D. Kunaev to the industrial development of Kazakhstan and its transformation into the industrial resource base of the Soviet Union in 1960-1986. The purpose of this study, defining the corresponding tasks, is to use objective evidence and materials relating to the activities of D. Kunaev, reveal his role in the industrial development of the KazSSR, emphasize his contribution to the industrial development of the Union State (USSR) and determine the significance of his activities in this industry for independent Kazakhstan. *Materials and methods.* In addition to the historical-genetic and historical-comparative methods the theory of ethnic mobilization was used. The research also used methods of qualitative sociology: discourse - analysis of texts and speech practices of the leaders of the USSR and the Kazakh SSR, personal documents. Results. The archival documents and other sources used made it possible to objectively assess the results of the industrial development of the Kazakh SSR in 1964-1986. *Conclusions.* In the course of the study, it was convincingly possible to prove that through his activities D. Kunaev not only played an outstanding role in transforming Kazakhstan into the industrial resource base of the USSR, but also objectively laying the foundations for the existence and successful industrial development of sovereign Kazakhstan.

Key words: D. Kunaev, Alma-Ata, KazSSR, Chairman of the Council of Ministers of the KazSSR, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan, Baikonur, Pavlodar, Karaganda, Karatau, Mangyshlak, L. Brezhnev, A. Kosygin

For citation: Cherepanov K. Kazakhstan as an Industrial and Raw-Material Base of the Soviet Union during the Leadership of D.A. Kunaev (1964–1986) // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 26-38. (In Eng.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_26-38

Д.А. ҚОНАЕВ БАСШЫЛЫҚ ЕТКЕН ЖЫЛДАРЫ (1964–1986 ЖЖ.) ҚАЗАҚСТАННЫҢ КЕҢЕС ОДАҒЫНЫҢ ИНДУСТРИЯЛЫҚ-ШИКІЗАТТЫҚ БАЗАСЫНА АЙНАЛУЫ

*Черепанов Константин Владимирович*¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Алматы, Қазақстан Республикасы

Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, жетекші ғылыми қызметкері

 <https://orcid.org/0000-0002-0736-9383>. E-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада Қазақ КСР-нің республикалық партия ұйымын ұзақ уақыт басқарған Д.А.Қонаевтың 1960-1986 жылдары Қазақстанның индустриялық дамуына және оның Кеңес Одағының өнеркәсіптік-ресурстық базасына айналуына қосқан үлесі қарастырылады. Тиісті міндеттерді айқындайтын бұл зерттеудің *мақсаты* – Д.А.Қонаевтың қызметіне қатысты объективті дәлелдер мен материалдарды пайдалана отырып, оның ірі Кеңестік республиканың индустриялық дамуындағы рөлін ашып көрсету, оның өнеркәсіптік дамуына қосқан үлесін атап көрсету, одақтық мемлекет (КСРО) және оның осы саладағы қызметінің тәуелсіз Қазақстан үшін маңызын анықтау. *Материалдар мен әдістер.* Д.А. Қонаевтың өзінің естеліктері мен ой-толғаулары, оның әріптестері мен замандастарының естеліктері, отандық архивтерде сақталған материалдар мен құжаттар зерттеудің дереккөздік негізі болып табылады (ҚР ПА, ҚР ОМА). Зерттеу барысында белсенді қолданылған тарихи-генетикалық және тарихи-салыстырмалы әдістермен қатар этникалық мобилизация теориясы да қолданылды. Зерттеуде сонымен қатар сапалық элеуметтанудың әдістері қолданылды: дискурс – КСРО және Қазақ КСР басшыларының мәтіндері мен сөйлеу тәжірибесін талдау, жеке құжаттар – естеліктер, естеліктер, Д.А.Қонаев пен оның замандастарымен сұхбат. *Нәтижелер.* Пайдаланылған мұрағаттық құжаттар мен өзге де дереккөздер 1964-1986 жылдары ҚазКСР-нің өнеркәсіптік даму нәтижелерін объективті бағалауға мүмкіндік берді. *Қорытындылар.* Зерттеу барысында Д.А.Қонаев өз қызметі арқылы Қазақстанды КСРО-ның өнеркәсіптік-ресурстық базасына айналдыруда ерекше рөл атқарып қана қоймай, сол арқылы бүкіл КСРО-ның дамуына зор үлес қосқанын нанымды түрде дәлелдеуге болады. республиканың аумақтық тұтастығын сақтау, сонымен қатар егемен Қазақстанның өмір сүруі мен табысты индустриялық дамуының негізін объективті түрде қалау.

Түйін сөздер: Д.А. Қонаев, Алма-Ата, ҚазКСР, ҚазақКСР Министрлер кеңесінің төрағасы, Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің бірінші хатшысы, Байқоныр, Павлодар, Қарағанды, Қаратау, Манғышлақ, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин

Дәйексөз үшін: Черепанов К.В. Д.А. Қонаев басшылық еткен жылдары (1964–1986 жж.) Қазақстанның Кеңес Одағының индустриялық-шикізаттық базасына айналуы // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 26-38 бб. (Ағылш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_26-38

КАЗАХСТАН КАК ИНДУСТРИАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ РУКОВОДСТВА Д.А. КУНАЕВА (1964–1986 ГГ.)

*Черепанов Константин Владимирович*¹

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

Алматы, Республика Казахстан

Кандидат исторических наук, доцент. ВНС

 <https://orcid.org/0000-0002-0736-9383>. E-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается вклад Д.А. Кунаева, руководившего республиканской партийной организацией КазССР в 1964-1986 гг., в индустриальное развитие Казахстана и в превращение его в промышленно-ресурсную базу Советского Союза в 1960-1986 гг. *Цель* данного исследования, определяющая и соответствующие *задачи*, состоит в том, чтобы, используя объективные свидетельства и материалы, касающиеся деятельности Д.А. Кунаева, раскрыть его роль в индустриально-промышленном развитии КазССР, подчеркнуть его вклад в индустриальное развитие союзного государства (СССР) и определить значение его деятельности в этой отрасли уже для независимого Казахстана. *Материалы и методы.* Источниковая база исследования - воспоминания и размышления самого Д.А. Кунаева, воспоминания о нем его соратников и современников, материалы и документы, хранящиеся в отечественных архивах (АПРК, ЦГА РК). Кроме историко-генетического и

историко-сравнительного метода активно использовались теория этнической мобилизации. В ходе исследования также использовались методы качественной социологии: дискурс - анализ текстов и речевых практик руководителей СССР и Казахской ССР. *Результаты.* Использованные архивные документы и иные источники предоставили возможность объективно оценить результаты промышленного развития КазССР в 1964-1986 гг. *Выводы.* В ходе проведенного исследования убедительно удалось доказать, что своей деятельностью Д.А. Кунаев не только сыграл выдающуюся роль в превращении Казахстана в промышленно-ресурсную базу СССР, но и, объективно, заложил при этом основы для существования и успешного индустриального развития суверенного Казахстана.

Ключевые слова: Д.А. Кунаев, Алма-Ата, КазССР, председатель Совета Министров КазССР, первый секретарь ЦК КП Казахстана, Байконур, Павлодар, Караганда, Каратау, Мангышлак, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин

Для цитирования: Черепанов К.В. Казахстан как индустриально-сырьевая база советского союза в годы руководства Д.А. Кунаева (1964–1986 гг.) // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 26-38. (На АНГЛ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_26-38

Introduction. D.A. Kunaev is one of the most important figures in the history of Soviet Kazakhstan. Having first assumed a responsible political position as Deputy Chairman of the Council of People’s Commissars during the most difficult years of the Great Patriotic War, he remained at the pinnacle of political, economic, and scientific leadership of the Kazakh SSR until the end of 1986, retaining his leadership role literally “from Stalin to Gorbachev.” The time of his constructive activity and work in various responsible positions within the republic and the Soviet state became an entire “epoch” in the history of Kazakhstan. Studying and researching this period is one of the most important tasks for modern Kazakhstani historians.

In this study, we focus on one – yet very significant – aspect of Kunaev’s long-standing activity: his contribution to the industrial and economic development of Kazakhstan.

The profession of a mining engineer, a specialist in gold and non-ferrous metals, was by no means chosen by chance by the young Dimash Kunaev as his life’s work. This choice not only reflected the personal inclinations and ambitions of a young man, but also corresponded to the level of economic development in the region and the recently discovered wealth and resources, which still had to be properly exploited. Kounrad, Balkhash, Ust-Kamenogorsk, Ridder (Leninogorsk) – these were the milestones of Kunaev’s professional career as a mining engineer and production worker, a path that lasted for nearly six years. When, in early June 1942, he became Deputy Chairman of the Council of People’s Commissars of the Kazakh SSR, from the very first days in this position he supervised not only the activities of the Kounrad deposit and Ridder enterprises, but also the entire industrial sector of the republic, including non-ferrous metallurgy, coal and oil industries, power plants, railways, and transport systems.

Kunaev accomplished especially much in the sphere of industrial development, with all its subsequent consequences, during his long period of uninterrupted leadership of the republic as First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan (1964–1986). This period, often called the “Kunaev era”, is remembered for its achievements, of which modern Kazakhstan is proud and which it continues to build upon successfully. Within the framework of this study, we proceed from the understanding of Kunaev as a prominent Kazakhstani politician and Soviet party-state leader, who was one among many builders of the socialist motherland, a product of his time, characterized by the coexistence of the most contradictory processes and events in the life of both his native republic and the Soviet Union as a whole – of which he was himself a significant representative and leader.

One of the objectives of this research is to demonstrate that it was precisely the federal structure of the Soviet state – even if largely formal in nature – that gave it stability and became the source of its successes and short-lived triumphs. It was representatives of the Soviet Union’s republican party-state elite, such as D.A. Kunaev, who ensured its development and stable existence, while

simultaneously laying the productive foundation for the future existence and growth of the country during the period of independence.

Materials and Methods. In the course of this study, both the historical-genetic and historical-comparative methods were actively applied. The historical-genetic method played an important role in explaining facts, identifying the reasons for their sequence, and helped reveal and interpret the peculiarities of the republic's industrial-resource development depending on the events and processes unfolding in the Soviet Union.

The historical-comparative method made it possible to determine both the common and the distinctive features in Kunaev's style of managing the republic's industrial development during his long tenure at the head of the Communist Party of the Kazakh SSR. Application of this method also helped to identify the levels of interaction between Kazakhstan's leadership and Moscow, the stages of raising the republic's status within the Soviet economy, and its role in the military-strategic plans of the Soviet state.

The researcher also gave due attention to the concept of ethnic mobilization, which takes into account the presence of representatives of a particular ethnic group within the leadership of a structure dependent on an external center. This factor played a considerable role in the productive mobilization of the local population. On the one hand, this was a means of achieving the principle of ethnic representation and the practical embodiment of Soviet nationality policy; on the other, it was a way to encourage cooperation between the indigenous population and the authorities.

In addition, methods of qualitative sociology were employed: discourse analysis of texts and speeches of leaders of the USSR and the Kazakh SSR, as well as personal sources – memoirs, autobiographical materials, and interviews with D.A. Kunaev and his contemporaries.

The study also relied on materials from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK) and the State Archives of the Russian Federation (GA RF, RGANI). Many documents related to the life and activity of D.A. Kunaev were discovered and processed within the framework of the research project "The Contribution of D.A. Kunaev to the Socio-Economic Development of Kazakhstan and the Preservation of Its Territorial Integrity", and were used here for the first time in the preparation of this article.

The largest body of documentary evidence concerning the activities of D.A. Kunaev as a party and state leader of Soviet Kazakhstan is preserved in the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, in Fond 708, "Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan." Extremely informative and substantial in this regard are the archival units under the following headings: "Correspondence with the Central Committee of the Communist Party of the USSR, the Council of Ministers of the USSR, and the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on key issues of state, economic, and cultural development"; "Correspondence with ministries, departments, and institutions of the USSR on key issues of state, economic, and cultural development"; "Resolutions of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan and the Council of Ministers of the Kazakh SSR"; stenographic records of various congresses of the Communist Party of Kazakhstan and plenums of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan; as well as minutes of meetings of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan.

The documents extracted from these archival units are directly related to issues of state, military-strategic, and socio-economic character, and to varying degrees reflect the role, participation, and position of D.A. Kunaev in their formulation and resolution.

Discussion. The long career of D.A. Kunaev, as one of the leaders of the Soviet state, is, according to the British scholar Bhavna Dave, an excellent example of the preservation (or revival) of national identity in connection with the internationalist character of the Soviet system (Bhavna Dave, 2007). The phenomenon of the formation, strengthening, and institutionalization of national elites and their transformation into ruling strata in the national republics of the Soviet Union did not escape the attention of foreign, particularly Western, researchers. Interest in the national construction of the Soviet state was demonstrated at different times by G. Hodnett (Hodnett, 1975; 1978),

W. Cleary (Cleary, 1967), and especially T.H. Rigby, in a whole series of publications (Rigby, 1968; 1970–1971; 1980; 1983; 1988). The judgments expressed by these scholars, despite their ambiguity, contribute both to the understanding of the very phenomenon of the “party-state leader of a Soviet national republic” and to the understanding of the personality of the Kazakhstani leader as well as the assessment of the scope of his activities. Among the more recent works by foreign authors, one should mention those by S. Keller (Keller, 2020) and A. Khalid (Khalid, 2021). Despite the importance of assessments of Kunaev’s personality and his role as the head of Soviet Kazakhstan, as well as analyses of the republic’s socio-political development during his rule, the degree of scholarly interest remains insufficient, and consequently, the study of his industrial policy and personal contribution to the industrial transformations of the republic remains underdeveloped.

Among the works of Kazakhstani researchers on the “Kunaev era,” special mention should be made of studies on the evolution and continuity of political leadership by N.A. Abueva (Abueva, 2007), D. Ashimbayev and V. Khlyupin (Ashimbayev, Khlyupin, 2008), D.B. Kasymova (Kasymova, 2022), and K.V. Cherepanov (Cherepanov, 2023). However, these works do not provide substantial, scientifically grounded information on the issue of Kazakhstan’s industrial development in 1964–1986. To this day, the most comprehensive study dedicated to the results of Kunaev’s activities remains the monograph by B.A. Tulepbayev and K.U. Tulepbayeva “D.A. Kunaev – An Outstanding Statesman and Political Figure” (Tulepbayev, Tulepbayeva, 2006). This work, of course, relies on a wide range of sources as well as on Kunaev’s own memoirs and those of his associates, yet information about Kazakhstan’s industrial development and the role of the republic’s leader in this process requires significant additions, especially given the possibilities of broader use of archival material. The monographs of Z.G. Saktaganova (Saktaganova, 2017) and Zh.B. Abylkhodzhin (Abylkhodzhin, 1997; 2019), besides providing substantial statistical and economic material, also contain profound conclusions and assessments of both the nature and results of Kazakhstan’s economic and political development and the role of Kunaev’s activity as head of one of the largest Soviet republics. However, in the first case, the research ends in 1970, almost at the very beginning of the historical period of interest to us, and in the second, we note an excessively critical character, in our view, in the assessments and conclusions concerning the subject of our study.

In Russian academic literature, a significant body of research has been developed on the party nomenklatura (Golovinova, 2011). There are also general works revealing the nature of political processes in the USSR that led to its collapse (Filippov, 2021; Cheshko, 2000), as well as studies on the specifics of regional governance processes (Kishchenkov et al., 2021). However, these works are only indirectly related to the topic of our research, and Russian studies of socio-economic policy in Kazakhstan during the “Kunaev period” are practically absent. As a specific work touching upon the creation of the foundations of the military-industrial complex, reference should be made to the publication by G.G. Tishchenko, A.G. Onopko, A.A. Makunin, and A.T. Volkov (Tishchenko, et al., 1995).

Relying on the works of our predecessors, and giving due credit to the facts, documentary evidence, and conclusions presented therein, we aim to demonstrate how D.A. Kunaev’s long-term constructive activity contributed to the industrial development of the republic and to its transformation into one of the most important industrial and resource bases of the USSR.

Industrial Development of Kazakhstan in 1964–1986 and Its Transformation into an Industrial-Resource Base of the USSR

The first industrial projects, carried out during the pre-war Five-Year Plans, predetermined the raw-material orientation of the republic’s industry. These included the Balkhash Copper Smelting Plant, the Chimkent Lead Plant, the Zyryanovsk Lead Plant, the Aktobe Chemical Plant, and the Achisai and Leninogorsk Polymetallic Combines. Such a structure of Kazakhstan’s developing industry is only partly explained by today’s fashionable colonial or post-colonial discourse. The republic’s main wealth – its mineral resources – made it simultaneously a beneficiary and a hostage of this “gift of fate.” While the exploitation of the riches of Rudny Altai had begun in the imperial period, the exploration and development of copper ore, iron-bearing minerals, and other rare and valuable resources in the central, western, and southern regions of Kazakhstan began only with the

establishment of Soviet power. An outstanding role in transforming, above all, the central regions of Kazakhstan into a powerful industrial and raw-material base of the republic – and in essence, of the entire Soviet Union – was played by K.I. Satpayev.

A significant share of large enterprises (including defense-related ones) was evacuated during the Great Patriotic War from territories seized by the Nazis to Kazakhstan. Their relocation was also overseen by the thirty-year-old D.A. Kunaev, then Deputy Head of the republican government. Enterprises were moved to Alma-Ata, Balkhash, Petropavlovsk, Akmolinsk, Uralsk, and Aktobe. Thus, already during the war years, and largely thanks to Kunaev’s efforts, the productive base of Kazakhstan’s industry was being laid, main transport corridors were being formed, and logistics and infrastructure were being developed.

When, in December 1964, Kunaev once again assumed leadership of the republican party organization, he naturally continued the course of developing those industries that had already become traditional for Kazakhstan’s economic structure. Perhaps no one else knew so thoroughly and in such detail the state of domestic industry, its needs, and its degree of integration into the all-Union industrial system. And the level of integration of the republic’s industry into inter-Union economic ties was enormous. Having himself been an active organizer of large-scale industrial production in previous decades—production largely driven by wartime imperatives – Kunaev could not change the structural basis of the republic’s industrial development, but he could significantly strengthen and expand it, while also encouraging the emergence of fundamentally new sectors that had not previously existed.

Throughout his leadership, Kunaev managed to successfully combine the implementation of the large-scale plans and giant projects outlined by the Union leadership with equally significant achievements in the socio-economic development of the republic and in improving the living standards of all peoples residing in Kazakhstan.

Kunaev’s return as First Secretary of the republican party organization coincided with the start of the famous “Kosygin reform,” of which he was an active supporter. The key years of this most ambitious reform in the history of the Soviet economy were those of the Eighth Five-Year Plan (1966–1970). This plan would later be called “golden,” not only because of the stable economic growth it produced, but also because of the profound results that fundamentally transformed the way of life for the majority of Soviet citizens.

Unlike the previous “Stalinist” Five-Year Plans or Khrushchev’s Seven-Year Plan, during the first Brezhnev–Kosygin Five-Year Plan, growing production was oriented not simply toward volume, but toward sales, profit, and budgetary revenues. Soviet economist E.G. Liberman, who laid the theoretical foundations for the reform, emphasized the need for the Soviet economy to reorient itself to precisely these intensive, qualitative indicators. Kunaev’s prior experience – both as head of the republic’s government and as First Secretary – confirmed for him the correctness of these principles in managing the national economy.

In the report delivered by the First Secretary of the Central Committee to the XII Congress of the Communist Party of Kazakhstan, attention was drawn to the commissioning of the first stage of the Alma-Ata Cotton Combine, the cotton-spinning factory in Chimkent, the initial phases of the Dzhambul Leather and Footwear Combine and the Karaganda Shoe Factory (with a total capacity of 4 million pairs per year). Light industry enterprises also appeared in Taldy-Kurgan, Tekeli, Lenger, Serebryanka (APRK. F. 708. Op. 40. D. 11. L. 37).

Attention was also paid to further development of the food industry. Meat-packing plants were put into operation in Aktobe, Chimkent, Dzhambul, and Temirtau; 15 dairy plants and 22 bakeries were built, along with the Chu Sugar Plant and the Alma-Ata Margarine Plant. In 1965 alone, more than 80 large enterprises of light and food industry were commissioned. At the same time, it was noted that a major shortcoming remained the uneven distribution of industries, namely the absence of light and food industry enterprises in areas with highly developed heavy industry – Karaganda and East Kazakhstan regions (APRK. F.708. Op.40. D.11. L.38). Thus, a further development vector was determined for these two sectors, most essential to the population’s daily needs.

A document dated August 22, 1966, "On the Draft Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the Kazakh SSR for 1966–1970", addressed to the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR and signed by Kunaev and Beisebaev, reflects Kunaev's characteristic traits as a responsible, meticulous, and decisive leader who spoke not only of victories and achievements but also of problems and difficulties.

In the introductory part of the document, attention was drawn to the fact that "in the new five-year period, sectors of the national economy ensuring technological progress will develop at higher rates" (APRK. F.708. Op.40. D.232. L.137). Yet, the leaders of the republic expressed doubts about the feasibility of meeting the set tasks. On behalf of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan and the Council of Ministers of the Kazakh SSR, it was reported that the capital investments allocated by Gosplan of the USSR and union-republic ministries did not ensure the commissioning of production capacities as set by the Directives of the XXIII CPSU Congress, nor the planned growth of industrial production. The inconsistency between the planned commissioning of enterprises and production growth in certain sectors and the actual resources allocated from the Union budget was emphasized.

Further analysis was carried out regarding the state of all sectors and major industries of the republic's national economy at that time. According to the document, insufficient funds were allocated to the power industry, oil and gas exploratory drilling, the construction of mines and open-pit operations, and the commissioning of capacities in ferrous and non-ferrous metallurgy. The development of light, meat, and dairy industries was not fully ensured. Problems of the construction materials industry and the building sector remained unresolved. The union authorities were alerted that "...to a significant degree, extremely urgent tasks of providing water to industry and the national economy of the republic are not being addressed. The capital investments allocated for housing construction do not meet the requirements of population growth in the republic, nor the planned commissioning of housing. The needs of the republic for general education schools, preschool institutions, and hospitals are also not being met" (APRK. F. 708. Op. 40. D. 232. L. 139).

Finally, according to the authors of the memorandum, insufficient capital investments were allocated for the development of transportation, the construction of distribution refrigerators, and warehouse facilities. No funds at all were provided for the development of local industry enterprises. Issues of improving the use of the employable population also remained unresolved, even though its growth was projected to reach 10% by 1970 compared to an average of 5.5% across the USSR (APRK. F.708. Op.40. D.232. L.140). Intensive production methods, in the long run, left hundreds of thousands of people without work – something for which the Soviet command economy was utterly unprepared, but which the most competent and thoughtful Soviet leaders had to take into account.

In addition to the memorandum analyzed above, an "Appendix" was attached listing the issues that the republic requested to be reconsidered in the framework of the Five-Year Plan for the development of the national economy of the Kazakh SSR for 1966–1970. This section of the message from the leadership of the Kazakh SSR to the Union center contained figures for additional funds needed to accomplish the tasks set by the Party. Each figure was justified by the necessity and volume of work required to fulfill the planned assignments.

D.A. Kunaev did not simply act as an obedient executor of instructions from the Union center or as a supplicant ingratiatingly requesting another "handout" from Moscow. He was often the initiator of large-scale projects. He believed that the creation of a diversified industrial and raw-material complex would yield concrete positive results not only for the entire Union but also bring significant benefits to the republic's economy, solving many socio-economic problems, strengthening its industrial and productive potential, and laying the foundation for stable and sustainable economic development.

As the previous document shows, great importance was attached to the development of chemical production in the republic, given its inexhaustible reserves of mineral raw materials. In an informational memorandum to the CPSU Central Committee dated July 5, 1966, "On the Implementation of the Resolution of the CPSU Secretariat of December 9, 1965 'On the Progress of Implementing the Decisions of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers

of the USSR on the Creation of a Second Phosphate Raw Material Base in the Country in Southern Kazakhstan and Capacities for the Production of Mineral Fertilizers”, it was reported that the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan and the Council of Ministers of the republic had already adopted a resolution in August 1965 “On Measures to Ensure the Commissioning and Development of New Capacities of the Chemical Industry Based on the Phosphorites of the Karatau Basin” (APRK. F. 708. Op. 40. D. 232. L. 115).

D.A. Kunaev was one of those Soviet leaders who, while giving considerable attention to the development of key strategic branches of Soviet industry, also sought to focus on the growth of sectors that directly met the urgent and everyday needs of ordinary Soviet citizens – understanding that the fate of the socialist state as a whole depended on this.

In an informational letter to the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR dated October 25, 1966, “On the Progress of Implementing the Resolution of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR ‘On the Improvement of the Construction of Light, Food, Meat and Dairy Industry Enterprises’ of June 24, 1966 No. 482,” the degree of Kunaev’s attention to the problems and needs of industries producing consumer goods was fully reflected.

In the message addressed to the supreme Soviet authorities, detailed information was given about the new capacities already commissioned at the time of the report: spinning spindles and looms at the Alma-Ata Cotton Combine; underwear knitwear at the Dzhezkazgan Knitting Factory; millions of pairs of shoes at the Karaganda Shoe Factory and the Dzhambul Leather and Footwear Combine; thousands of tons of processed grapes at the primary winemaking plant in the Michurin State Farm; a 2,000-ton refrigerator in Atbasar; dozens of tons of meat and sausages per shift at the meat-packing plants in Kzyl-Orda, Dzhetysay, and Dzhambul; and dozens of tons of milk per shift at the Tayincha Dairy Plant and the meat-and-dairy plant at Emba station (APRK. F. 708. Op. 40. D. 232. L. 223).

In the final section of the document, the Kazakh leadership requested that the USSR Construction Bank (Stroybank) and the USSR State Construction Committee (Gostroy) extend preferential financing for a number of vital public and economic facilities in the republic, and that the USSR State Committee for Material and Technical Supply take measures to provide equipment for the start-up facilities (APRK. F. 708. Op. 40. D. 232. L. 224).

Overall, this is a fairly typical example of an informational memorandum from republican leaders to the highest party-state authorities of the Union. Alongside information about the achievements in the field of industrial development, it included an analysis of the current situation in this sector of the economy, mentioned existing problems and difficulties, outlined the necessary measures for overcoming them, and presented specific demands to the Union leadership – usually in exchange for loyalty and active participation in the implementation of the large-scale industrial and military-strategic projects of the central authorities.

An important addition to this informational message is a document dated January 27, 1966, addressed to the USSR Council of Ministers and the CPSU Central Committee. In it, the leaders of the Kazakh SSR – D.A. Kunaev and M.B. Beisebaev – asked the Union authorities to assist in establishing new higher educational institutions in the republic to train specialists for light and food industry enterprises. From this letter to Moscow, it is clear that the Kazakh leadership not only did much to build new factories and plants but also understood the necessity of training their own professional specialists for them, since without this, equipping workshops and machinery would make no sense (APRK. F. 708. Op. 40. D. 232. L. 32–34).

The First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan attached enormous importance to the development of the republic’s oil industry. Fully aware of the significance of “black gold” both for the entire Soviet Union and for the future of Kazakhstan, Kunaev closely monitored the successes of Kazakh oil workers and sought the support of the Union center in his plans to transform the Mangyshlak Peninsula into a major new oil-producing base of the USSR.

The appeal to the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers dated August 10, 1967, “On Ensuring the Fulfillment of Oil Production Targets in Mangyshlak”, appears as a blueprint for the large-scale transformation of a formerly deserted area into a powerful resource base for the entire Soviet Union. Pointing to the successes already achieved in developing the barren desert

through the efforts of oil workers, geologists, and builders, Kunaev raised issues of a production-technological nature, capital construction of industrial and housing facilities, further improvement of extraction technologies and external oil transportation, as well as the organization of design and research work (APRK. F. 708. Op. 42. D. 201. L. 93–94).

At the XIII Congress of the Communist Party of Kazakhstan (February 24–26, 1971), in his report, Kunaev emphasized the reconstruction and technical re-equipment of enterprises, the wide introduction of new technology, advanced methods, and, on this basis, the growth of industrial output (APRK. F. 708. Op. 51. D. 2. L. 37–39). During the Eighth Five-Year Plan (1965–1970), the formation and development of new industrial regions continued, newly discovered mineral reserves were brought into economic circulation, and fixed industrial assets expanded and modernized. As a result, Kazakhstan's role as one of the largest economic regions of the USSR increased. A total of 445 large enterprises and workshops were commissioned (Tulepbayev, Tulepbayeva, 2006: 96).

As before, the republic's energy sector, as well as ferrous and non-ferrous metallurgy, developed at an accelerated pace. Kazakhstan's Magnitka supplied pig iron and steel not only to the republic but also to Central Asia and the Far East. The Ermak (Aksu) and Aktobe ferroalloy plants reached full capacity. The Sokolov-Sarbai and Lisakovsk mining and processing complexes became the largest resource bases for the Soviet Union's ferrous metallurgy.

The chemical and oil industries, along with the production of building materials, acquired all-Union significance. In 1970, 34.6 billion kWh of electricity was generated; non-ferrous metallurgy production increased 1.5 times; steel output doubled; rolled ferrous metal output rose 6.3 times; and iron ore concentrate output grew 2.3 times (APRK. F. 708. Op. 51. D. 2. L. 21).

Coal production in the Karaganda and Ekibastuz basins reached 61 million tons per year, with 41% of this figure produced by the cheaper and more efficient open-pit method. Kazakhstan became the country's third-largest coal base after Donbass and Kuzbass. Output in the oil and gas industry increased sevenfold. Chemical industry production grew 2.3 times. Thanks to intensive exploitation of the Karatau phosphorite basin, Kazakhstan became the leading producer of yellow phosphorus in the USSR - and the largest in the world. The republic produced mineral fertilizers, chemical fibers, and sulfuric acid on an industrial scale.

Engineering and metalworking also developed. The Pavlodar–Ekibastuz industrial region expanded rapidly. A tractor plant was launched, producing the "Kazakhstan" tractor. Output in this sector grew 1.6 times, while agricultural machinery production doubled. Light, food, and meat-and-dairy industries also did not go unnoticed. The production of consumer goods increased sharply. According to Kunaev's report, the share of these industries in total industrial output of the republic reached 40 % (APRK. F. 708. Op. 51. D. 2. L. 22).

Delivering his report at the XIV Congress of the Communist Party of Kazakhstan, the First Secretary of the Central Committee had every reason to be proud of the party he led, the people of Kazakhstan, and the republic as a whole. During the reporting period, 365 new workshops and enterprises were commissioned, with a colossal sum of 10 billion rubles invested in industry, which made it possible to increase industrial production volumes by 42.2 % during the past five years (APRK. F. 708. Op. 65. D. 1. L. 18).

The oil and gas industry, which had emerged in the west of the republic on the Mangyshlak Peninsula less than a decade earlier, continued its confident development. In that short period, at least 100 million tons of oil had already been extracted. The Kazakh Gas Processing Plant began operations. Development of the Pavlodar–Ekibastuz region continued apace: the capacities of the unique coal pits doubled, the ferroalloy plant operated steadily, the 100,000th Kazakh tractor rolled off the assembly line, and the Pavlodar Cardboard and Roofing Felt Plant was commissioned.

The positions of Central Kazakhstan continued to strengthen, above all in ferrous and non-ferrous metallurgy, coal mining, and the chemical industry. Temirtau and Dzhezkazgan consolidated their roles in production and extraction, while in Karaganda new coal mining capacities were commissioned, the first stage of the rubber products plant went into operation, and the Novo-Karaganda Cement Plant began production. In Kostanay region, the Sokolov-Sarbai and

Lisakovsk mining and processing plants, along with the Dzhetysay Asbestos Plant, expanded their capacities, and construction began on the massive Kachar Mining and Processing Complex.

Particularly significant changes occurred in the south of the republic, where the Jambyl and Chimkent plants were completed, and construction began on the Novo-Jambyl and Karatau phosphate plants. This sharp increase in the number of factories was accompanied by a growth in electricity generation: the largest thermal power plant in the Union – the Ermak GRES – was launched, as well as the Kapchagai Hydroelectric Power Plant, which substantially improved electricity supply to the republic's capital. The world's largest fast-neutron reactor was commissioned at the Shevchenko Nuclear Power Plant (APRK. F. 708. Op. 65. D. 1. L. 19–20). A long-awaited achievement was the arrival of Irtysh water to Karaganda via a 500-kilometer canal, fulfilling the dream of three academicians: Sh. Chokin, K. Satpayev, and D. Kunaev.

By the end of the Ninth Five-Year Plan, Kazakhstan, in terms of economic potential, development of major industries, and its place in the all-Union division of labor, had firmly entered the top three Soviet republics – behind only the RSFSR and Ukraine – and would never again relinquish this place, only reinforcing its position within the Union's economic system.

The rapid industrial growth of the 1960s–1980s also affected previously sparsely populated areas, where new industrial hubs emerged and entire sectors of production appeared. Often, these were barren, inhospitable places unsuitable for human habitation, but rich in mineral resources. The capabilities of the socialist system under Kunaev's leadership, combined with his own persistent efforts, played a crucial role in mobilizing resources, addressing problems of material-technical supply, and expanding transport and communications.

This process led to the creation of new centers of production and civilization in the form of workers' settlements, many of which grew into towns. Of nearly ninety modern cities of Kazakhstan, forty-three were founded during Kunaev's leadership. Among them are Rudny, Temirtau, Ekibastuz, Kentau, Zhanatas, Karatau, Arkalyk, Derzhavinsk, Stepnogorsk, Aktau, Aksu, Serebryansk, Kurchatov, and others.

For the Kazakh SSR, the final "Kunaev decade" proved to be the most productive and harmonious. All the large plants and combines built earlier reached full capacity, consumer goods industries developed into independent branches of the economy with their own resources, production capacities, and stable markets, and the needs of the population became an institutionalized priority.

In his final report to the XVI Congress – his last as leader of the republican organization and as a member of the Communist Party – Dinmukhamed Akhmedovich stressed that the Party had, throughout the previous decade, consistently worked to bring the republic to new heights of economic and social development. Over the course of two Five-Year Plans, 650 new industrial enterprises were constructed, and new sub-sectors were created: bearings, batteries, porcelain and faience, refractories, plastics, chemical fibers, and rubber products (APRK. F. 708. Op. 95. D. 1. L. 18; Kunaev, 2022: 237).

The Pavlodar–Ekibastuz territorial-industrial complex assumed even greater significance by the mid-1980s. Concentrated here were an aluminum plant, chemical plant, tractor plant, oil refinery, a major GRES, a ferroalloy plant, and coal mines with an annual output of tens of millions of tons.

The Mangyshlak oil and gas complex also expanded with the development of rich deposits on the Buzachi Peninsula. Exploration began of promising hydrocarbon reserves in the Caspian Depression. The first billions of cubic meters of gas were extracted from the giant Karachaganak gas-condensate field (APRK. F. 708. Op. 127. D. 30. L. 9).

A new and growing branch of the republic's industry was oil refining. In 1985, the Chimkent Oil Refinery was commissioned, while the Pavlodar Refinery, built in 1978, increased its depth of processing.

By the mid-1980s, engineering and metalworking reached new levels. Enterprises in this sector mastered the production of more than 300 types of new machinery, equipment, tools, and instruments (Tulepbayev, Tulepbayeva, 2006: 111).

The constantly growing production capacities required large amounts of electricity, and the republic not only met its own needs but also became a powerful center of the fuel and energy industry

within the unified all-Union energy system. Major generating stations such as the Karaganda and Alma-Ata thermal power plants (GRES), the Ermak (Aksu) and Jambyl GRES, and the Kapchagai Hydroelectric Plant were in operation. In just the first half of the 1980s, more than 3 million kWh of new capacities were commissioned at these and other power stations. The development of power grids and the further growth of electricity generation were based on the relatively inexpensive coal of the Ekibastuz basin. In 1986, the republic’s energy sector produced 97.9 billion kWh of electricity, which was 1.6 times more than in 1980 (Tulepbayev, Tulepbayeva, 2006: 114).

In one of his last “programmatic” speeches, delivered at the ceremonial meeting on the occasion of the 30th anniversary of the Virgin Lands Campaign, D.A. Kunaev essentially summed up the results of his activity, emphasizing the following achievements:

“Kazakhstan has become one of the country’s major fuel and energy bases, a land of large-scale chemical production, developed machine building and metalworking, and mass consumer goods manufacturing. Entirely transformed were industries such as ferrous and non-ferrous metallurgy, coal mining, petrochemistry, and others. <...>

Within the framework of the unified national economic complex of the country, inter-republican economic ties have become increasingly diverse and richer.” (APRK. F. 708. Op. 127. D. 13. L. 14)

Conclusion. It was precisely D.A. Kunaev to whom Kazakhstan owes its modern, multi-tiered, and multi-component industrial structure. As a politician and statesman of all-Union stature, while remaining the long-standing leader of his native Kazakhstan, he did everything within his power under the given circumstances to ensure the republic’s socio-economic development. A central component of this development was industrial growth, aimed at the most effective use of the republic’s vast natural resources for the benefit of the entire national economic complex of the Soviet Union, while at the same time not neglecting the vital interests and everyday needs of the people of Kazakhstan.

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
GA RF — State Archive of the Russian Federation
RGANI — Russian State Archive of Contemporary History

Источники

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

References

- Abueva, 2007 — *Abueva N.A.* Stanovlenie kazahstanskoy etnologii [The formation of Kazakhstani ethnology]. Moskva: INION RAN, 2007. 51 p. (In Russ.).
- Abylkhozhin, 1997 — *Abylkhozhin J.B.* Ocherki sotsial’no-ekonomicheskoy istorii Kazahstana. XX vek [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. 20th century]. Almaty: Universitet “Turan”, 1997. 360 p. (In Russ.).
- Abylkhozhin, 2019 — *Abylkhozhin J.B.* Poststalinskiy period v istorii Sovetskogo Kazahstana: chereda obrechennykh reform i nesostoyavshihsy deklaratsiy (1953–1991) [The post-Stalin period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)]. Almaty: KBTU, 2019. 465 p. (In Russ.).
- Ashimbaev, Khlyupin, 2008 — *Ashimbaev D., Khlyupin V.* Kazahstan: istoriya vlasti. Opyt rekonstruksii [Kazakhstan: history of power. Reconstruction experience]. Almaty, 2008. 920 p. (In Russ.).
- Brezhnev, 2016 — *Brezhnev L.I.* Rabochie i dnevnikovye zapisi: v 3 t. T.1: 1964–1982 gg. [Work and diary entries: in 3 vols. Vol. 1: 1964–1982]. M.: Istoricheskaya literatura, 2016. 1264 p. (In Russ.).
- Cherepanov, 2023 — *Cherepanov K.V.* D.A. Kunaev v 1955–1962 gg.: na puti k vershinam vlasti [D.A. Kunaev in 1955–1962: On the way to the heights of power]. The scientific heritage, No. 116, 2023. Pp. 20–29. (In Russ.).
- Filippov, 2021 — *Filippov S.I.* Fenomen «begstva» sovetskikh elit v ryady oppozitsii v kontse 1980-h – nachale 1990-h gg.: makrosotsiologicheskii analiz [The phenomenon of the “flight” of Soviet elites into the ranks of the opposition in the late 1980s – early 1990s: macrosociological analysis]. Idei i idealy, 2021. Vol. 13, No. 2, part 1. Pp. 92–109. (In Russ.).

Golovina, 2011 — *Golovina Yu.* Partiyno-administrativnaya elita SSSR v otechestvennoy istoriografii rubezha XX–XXI vv. [The party and administrative elite of the USSR in domestic historiography at the turn of the 20th–21st centuries]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Barnaul, 2011. Pp. 74–76. (In Russ.).

Kabul'dinov, et. al, 2022 — *Kabul'dinov Z.E., Kasyimova D.B., Aminov T.A., et. al.* Neizvestnye stranitsy iz zhizni i deyatel'nosti vidnogo gosudarstvennogo deyatelya Zhumabaya Shayakhmetova (1902–1966 gg.) [Unknown pages from the life and activities of the prominent statesman Zhumabai Shayakhmetov (1902–1966)]. Almaty: TOO "Litera-M", 2022. 392 p. (In Russ.).

Kasyimova, 2022 — *Kasyimova D.B.* Kak «uhodili» so svoih postov Zh. Shayakhmetov i D.A. Kunaev: obshchee i osobennoe [How Zh. Shayakhmetov and D.A. Kunaev "left" their posts: general and special]. Edu.e-history.kz, 2022. No. 3. Pp. 151–162. (In Russ.).

Kischenkov, et. al, 2021 — *Kischenkov M.S., Nikiforov Yu.S., Tumakov D.V.* Byurokraticheskie praktiki yarovskoy regional'noy elity v rabote s pismami grazhdan v SSSR 1960-h godov [Bureaucratic practices of the Yaroslavl regional elite in working with letters from citizens in the USSR in the 1960s]. Novejshaya istoriya Rossii, 2021. Vol. 11, No. 1. Pp. 134–148. (In Russ.).

Kunaev, 2022 — *Kunaev D.A.* O moem vremeni. Ot Stalina do Gorbacheva [About my time. From Stalin to Gorbachev]. Almaty: MELOMAN Publishing, 2022. 378 p. (In Russ.).

Saktaганова, 2017 — *Saktaганова Z.G.* Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana. 1946–1970 gg. [Economic modernization of Kazakhstan. 1946–1970]. Karaganda: Izdatel'stvo KarGU, 2017. 365 p. (In Russ.).

Tischenko, et. al, 1995 — *Tischenko G.G., Onopko A.G., Makunin A.A., Volkov A.T.* Oboronnyy potentsial Kazakhstana [Defense potential of Kazakhstan]. In: Kazakhstan: realii i perspektivy nezavisimogo razvitiya. M.: Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy, 1995. 411 p. P. 138. (In Russ.).

Tolmachev, 1997 — *Tolmachev G.* 50 vstrech s D.A. Kunaevym: vospominaniya [50 meetings with D.A. Kunaev: Memoirs]. Almaty: RPO "Kitap", 1997. 160 p. (In Russ.).

Tulepbaev, Tulepbaeva, 2006 — *Tulepbaev B.A., Tulepbaeva K.U.* D.A. Kunaev – vydayushchiysya gosudarstvennyy i politicheskiy deyatel' [D.A. Kunaev – an outstanding statesman and political figure]. Almaty: Nurlu Alem, 2006. 270 p. (In Russ.).

Литература

Абуева, 2007 — Абуева Н.А. Становление казахстанской элитологии: научное издание. Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. Москва: ИНИОН РАН, 2007. 51 с.

Абылхожин, 1997 — Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Университет «Туран», 1997. 360 с.

Абылхожин, 2019 — Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории Советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991). Алматы: КБТУ, 2019. 465 с.

Ашимбаев, Хлюпин, 2008 — Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. Алматы, 2008. 920 с.

Брежнев, 2016 — Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. Т. 1: 1964–1982 гг. Москва: Историческая литература, 2016. 1264 с.

Головинова, 2011 — Головинова Ю. Партийно-административная элита СССР в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. С. 74–76.

Кабульдинов, др., 2022 — Кабульдинов З.Е., Касымова Д.Б., Аминов Т.А. и др. Неизвестные страницы из жизни и деятельности видного государственного деятеля Жумабая Шаяхметова (1902–1966 гг.). Алматы: TOO «Литера-М», 2022. 392 с.

Касымова, 2022 — Касымова Д.Б. Как «уходили» со своих постов Ж. Шаяхметов и Д.А. Кунаев: общее и особенное // Edu.e-history.kz. № 3. 2022. С. 151–162.

Кищенко, Никифоров, Тумаков, 2021 — Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В. Бюрократические практики ярославской региональной элиты в работе с письмами граждан в СССР 1960-х годов // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 134–148.

Кунаев, 2022 — Кунаев Д.А. О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы: Meloman Publishing, 2022. 378 с.

Сактаганова, 2017 — Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. 2-е изд. Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. 365 с.

Тищенко и др., 1995 — Тищенко Г.Г., Оношко А.Г., Макунин А.А., Волков А.Т. Оборонный потенциал Казахстана // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. Москва: Российский институт стратегических исследований, 1995. 411 с. С. 138.

Толмачев, 1997 — Толмачев Г. 50 встреч с Д.А. Кунаевым: воспоминания. Алматы: РПО «Kitap», 1997. 160 с.

Тулупбаев, Тулупбаева, 2006 — Тулупбаев Б.А., Тулупбаева К.У. Д.А. Кунаев – выдающийся государственный и политический деятель. Алматы: Нурлы Алем, 2006. 304 с.

Черепанов, 2023 — Черепанов К.В. Д.А. Кунаев в 1955–1962 гг.: на пути к вершинам власти // The scientific heritage. № 116. 2023. С. 20–29.

Филиппов, 2021 — Филиппов С.И. Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2, ч. 1. С. 92–109.

- Bhavna Dave, 2007 — Dave B. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. London; New York: Routledge, 2007. 242 p.
- Cleary, 1967 — Cleary W. Politics and Administration in Soviet Kazakhstan, 1955–1964. Ph.D. diss. Australian National University. Canberra, 1967. 454 p.
- Hodnett, 1975 — Hodnett G. Succession Contingencies in the Soviet Union // Problems of Communism. Vol. XXIV. 1975. Pp. 1–21.
- Hodnett, 1978 — Hodnett G. Leadership in the Soviet National Republics. Oakville, Ontario, 1978. 410 p.
- Keller, 2020 — Keller S. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. Toronto: University of Toronto Press, 2020. 346 p.
- Khalid, 2021 — Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021. 556 p.
- Rigby, 1968 — Rigby T.H. Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. Princeton: Princeton University Press, 1968. 600 p.
- Rigby, 1970–1971 — Rigby T.H. The Soviet Leadership: Towards a Self-Oligarchy? // Soviet Studies. Vol. XXII. 1970–1971. Pp. 167–191.
- Rigby, 1980 — Rigby T.H. A Conceptual Approach to Authority, Power and Policy in the Soviet Union // Authority, Power and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro / Ed. by T.H. Rigby. London: Macmillan, 1980. 207 p.
- Rigby, Brown, Reddaway, Schapiro, 1983 — Rigby T.H., Brown A., Reddaway P., Schapiro L. Authority, Power and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro. London: Macmillan, 1983. 221 p.
- Rigby, 1988 — Rigby T.H. Staffing USSR Incorporated: The Origins of the Nomenklatura System // Soviet Studies. Vol. XI, no. 4. 1988. Pp. 523–537.

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 39-52, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_39-52

ENLIGHTENMENT MOVEMENTS: JADIDISM AND MEIROKUSHA IN A HISTORICAL RETROSPECTIVE

Azmukhanova Aiman¹, Balgozhina Assem²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, leading researcher

 <https://orcid.org/0000-0001-9535-7851>. E-mail: aimanazmukhanova@gmail.com

²L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

Master's student at the Department of Oriental Studies

 <https://orcid.org/0009-0005-9283-5295>. E-mail: assem_blzghn.a@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Azmukhanova A., Balgozhina A., 2025

Abstract. This article examines two major enlightenment movements – Jadidism in Central Asia and the Meirokusha society in Japan, focusing on their historical background, objectives, and methods of influencing society. The research aims to identify the similarities and differences between these movements, as well as their impact on national identity and educational reforms. Both movements sought to modernize society through education; however, their approaches were shaped by different cultural and political contexts. The article analyzes the influence of Jadidism and Meirokusha on social processes, their role in shaping national consciousness, and their contribution to the development of enlightenment ideas. The methodological basis of the study includes a comparative-historical analysis. The study's findings indicate that despite differences in geographical location and cultural traditions, both movements shared common goals – the dissemination of scientific knowledge, educational reform, and societal adaptation to contemporary challenges. However, while Jadidism was closely tied to Islamic traditions and emphasized the preservation of religious and cultural heritage, Meirokusha focused on Western concepts and the democratization of knowledge. A key factor that distinguished their development was their attitude towards colonialism: Jadidism fought for national independence, whereas Japanese reformers sought a harmonious blend of Western and traditional values. The practical significance of the study lies in its potential application for developing educational programs that consider cultural and historical regional specifics, as well as in analyzing the role of the intelligentsia in shaping national consciousness. The findings may also be useful for studying modernization processes in Eastern countries and their interaction with Western civilization.

Keywords: Jadidism, Meirokusha, enlightenment, Ismail Gasprinski, Meiroku Zasshi

For citation: Azmukhanova A., Balgozhina A. Enlightenment movements: jadidism and meirokusha in a historical retrospective // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 39-52. (In Russ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_39-52

АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР: ЖӘДИДШІЛДІК ПЕН МЭЙРОКУСЯ ТАРИХИ РЕТРОСПЕКТИВАДА

Айман М. Азмуханова¹, Асем А. Балгожина²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан

Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-9535-7851>. E-mail: aimanazmukhanova@gmail.com

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан

Шығыстану кафедрасының магистранты

 <https://orcid.org/0009-0005-9283-5295>. E-mail: assem_blzghn.a@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада ағартушылық қозғалыстар – Орталық Азиядағы жәдидшілдік пен Жапониядағы «Мэйрокуся» қоғамы, олардың тарихи алғышарттары, мақсаттары мен қоғамға ықпал ету әдістері қарастырылады. Зерттеу осы ағымдардың ортақ белгілері мен айырмашылықтарын, сондай-ақ олардың ұлттық бірегейлік пен білім беру реформаларына әсерін анықтауға бағытталған. Екі қозғалыс та білім беру жүйесі арқылы қоғамды жаңғыртуды мақсат еткен, алайда олардың тәсілдері әртүрлі мәдени және саяси контекстке байланысты қалыптасты. Мақаланың мақсаты – жәдидшілдіктің және «Мэйрокусяның» қоғамдық үдерістерге ықпалын талдау, ұлттық сана-сезімді қалыптастырудағы рөлін анықтау және ағартушылықтың дамуына қосқан үлесін қарастыру. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы-тарихи талдау құрайды. Негізгі нәтижелер көрсеткендей, географиялық орналасуы мен мәдени дәстүрлеріндегі айырмашылықтарға қарамастан, екі қозғалыс та ұқсас мақсаттарды көздеді – ғылыми білімді тарату, білім беру жүйесін реформалау және қоғамды заманауи сын-қатерлерге бейімдеу. Алайда исламдық дәстүрлермен сабақтас жәдидшілдік діни және мәдени мұраны сақтауға баса мән берсе, «Мэйрокуся» батыстық тұжырымдамалар мен білімді демократияландыруға бағдарланды. Бұл ағымдардың дамуындағы айырмашылықтарды айқындаған маңызды фактор – олардың отаршылдыққа қатынасы: жәдидшілдік ұлттық тәуелсіздік үшін күрессе, жапон реформаторлары батыстық және дәстүрлі құндылықтарды үйлестіруге ұмтылды. Зерттеудің практикалық маңызы – нәтижелерін аймақтардың мәдени және тарихи ерекшеліктерін ескере отырып білім беру бағдарламаларын әзірлеуде, сондай-ақ ұлттық сана-сезімді қалыптастырудағы зиялы қауымның рөлін талдауда пайдалану мүмкіндігі. Шығарылған қорытындылар Шығыс елдеріндегі жаңғырту үдерістерін және олардың батыс өркениетімен өзара әрекеттесуін зерттеуде де пайдалы бола алады.

Түйін сөздер: Жәдидшілдік, Мэйрокуся, ағартушылық, Исмаил Гаспринский, Мэйроку дзасси
Дәйексөз үшін: Азмуханова А.М., Балгожина А.А. Ағартушылық қозғалыстар: жәдидшілдік пен мэйрокуся тарихи ретроспективада // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 39-52 бб. (Орысш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_39-52

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: ДЖАДИДИЗМ И МЭЙРОКУСЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Айман М. Азмуханова¹, Асем Ардаковна Балгожина²

¹Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан

Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-9535-7851>. E-mail: aimanazmukhanova@gmail.com

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Магистрант кафедры Востоковедения

 <https://orcid.org/0009-0005-9283-5295>. E-mail: assem_blzghn.a@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются просветительских движения – джадидизм в Центральной Азии и общество «Мейрокуся» в Японии, их исторические предпосылки, цели и методы воздействия на общество. Исследование направлено на выявление общих черт и различий между этими течениями, а также их влияния на национальную идентичность и образовательные реформы. Оба движения стремились к модернизации общества через систему образования, однако их подходы были обусловлены различными культурными и политическими контекстами. Целью статьи является анализ влияния джадидизма и «Мейрокуся» на общественные процессы, определение их роли в формировании национального самосознания и рассмотрение их вклада в развитие просвещения. Методологическая основа исследования включает сравнительно-исторический анализ. Основные результаты исследования показывают, что, несмотря на разницу в географическом расположении и культурных традициях, оба движения стремились к схожим целям – распространению научных знаний, реформированию образования и адаптации общества к современным вызовам. Однако джадидизм, связанный с исламскими традициями, акцентировал внимание на сохранении религиозного и культурного наследия, в то время как «Мейрокуся» ориентировалось на западные концепции и демократизацию знаний. Важным фактором, определившим различия в развитии данных течений, стало их отношение к колониализму: джадидизм боролся за национальную независимость, тогда как японские реформаторы искали гармоничное сочетание западных и традиционных ценностей. Практическое значение исследования заключается в возможности использования его результатов для разработки образовательных программ, учитывающих культурные и исторические особенности регионов, а также в анализе роли интеллигенции в формировании национального самосознания. Полученные выводы также могут быть полезны для изучения модернизационных процессов в странах Востока и их взаимодействия с западной цивилизацией.

Ключевые слова: Джадидизм, Мейрокуся, просвещение, Исмаил Гаспринский, Мейроку дзасси

Для цитирования: Азмуханова А.М., Балгожина А.А. Просветительские движения: джадидизм и мэйрокуся в исторической ретроспективе // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. С. 39-52. (На Русс.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_39-52

Введение. Обоснование выбора темы исследования обусловлено актуальностью изучения просветительских движений в контексте их влияния на развитие общества и системы образования. Термин «просветительство» является многозначным и продолжает оставаться объектом научных дискуссий. Просветительство как общественно-политическое движение XVIII века заложило основу для формирования новых социальных и культурных практик, направленных на повышение грамотности и распространение научных знаний. Данное явление возникло в Европе, распространилось на территории Российской империи и оказало влияние на другие регионы мира, включая Азию.

Актуальность темы определяется необходимостью более глубокого изучения влияния просветительских движений на развитие общества. Особый интерес представляют такие явления, как джадидизм и японское общество «Мейрокуся». Несмотря на наличие ряда исследований, посвященных джадидизму, движение «Мейрокуся» остается малоизученным в отечественной науке, что делает данную работу значимой как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Исследование данных движений позволяет выявить особенности их формирования, распространения и влияние на образовательную систему и общество в целом.

Объектом исследования являются просветительские движения в Азии XIX-XX веков.

Предмет исследования – сравнительный анализ джадидизма и японского общества «Мейрокуся», их идейных основ, методов деятельности и влияния на общество.

Цель исследования – изучение особенностей просветительских движений, анализ их происхождения, идейных основ и влияния на общественное развитие через сравнительный анализ деятельности джадидизма и «Мейрокуся».

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

Проанализировать теоретические основы и историографию просветительства как явления.

Изучить историю возникновения и развития джадидизма и общества «Мейрокуся».

Провести сравнительный анализ деятельности данных просветительских движений.

Определить влияние джадидизма и «Мейрокуся» на общественно-политическую и образовательную сферу.

Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе двух просветительских движений, не имевших прямого взаимодействия, что позволяет глубже раскрыть специфику каждого из них. Данное исследование способствует расширению знаний о просветительских процессах в Азии и повышает актуальность изучения данного феномена в отечественной науке.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов в образовательных курсах по истории, а также в дальнейшем развитии научных исследований, посвященных просветительским движениям в Азии.

Материалы и методы. Понятие «просветительство» является сложным и многогранным феноменом, изучаемым как в классической, так и в современной историографии. Его истоки прослеживаются в XVIII веке, когда в европейских странах, таких как Англия, Франция и Германия, началось активное развитие общества через распространение научных знаний и повышение уровня грамотности. Просветительские движения оказали влияние на многие регионы, включая Российскую империю и Азию. Исследователи рассматривают просветительство не только как культурное и образовательное явление, но и как общественно-политическое движение, направленное на модернизацию общества и преодоление устаревших социальных норм (Porter, 2001: 27).

Теоретические основы просвещения и просветительства подробно исследовали европейские философы. Иммануил Кант отличал понятие просвещения как индивидуальный процесс интеллектуального развития, в то время как просветительство он рассматривал как более институционализированное явление, способствующее распространению знаний (Kant, 2002: 30). Георг Вильгельм Фридрих Гегель подчеркивал рациональную природу просвещения, связывая его с культурным и духовным развитием общества, а также с критикой политических и религиозных устоев (Hegel, 2019: 57).

Исследование просветительских движений в Азии имеет особое значение для понимания процессов модернизации в регионе. Джадидизм как мусульманское реформаторское движение был подробно изучен французским историком Александром Беннигсеном, который анализировал его влияние на мусульманские сообщества Российской империи (Bennigsen, 1967: 101). Существенный вклад в исследование джадидизма внесла Марта Брилл Олкотт, рассматривая его политические и социальные аспекты (Olcott, 1995: 257). В казахстанской науке джадидизм исследовался такими авторами, как Батырбеккызы Г., Шылмамбетов С., Идрисова А., которые обращали внимание на взаимодействие казахских просветителей с реформаторами Центральной Азии (Батырбеккызы, 2024: 840) (Шылмамбетов, 2021: 64).

Просветительское общество «Мейрокуся» остается менее изученным в отечественной историографии, тогда как в зарубежной науке ему посвящены работы Кристофера Гото-Джонса (Goto-Jones, 2009: 150). Эти исследования подчеркивают значение общества «Мейрокуся» в модернизации японского образования и его взаимодействие с западными

идеями. В казахстанской историографии данная тема практически не затрагивалась, что создает необходимость дальнейшего изучения.

Несмотря на значительное количество работ по просветительским движениям, их межкультурное сравнение остается недостаточно исследованным. В особенности, отсутствуют углубленные исследования, сопоставляющие джадидизм и японское общество «Мейрокуся» в едином аналитическом поле. Данное исследование направлено на восполнение этого пробела, предлагая новый взгляд на пересечение идей и методологий двух просветительских движений, их адаптацию к локальным условиям и влияние на модернизационные процессы в обществе.

В данном исследовании применялся теоретический метод, основанный на глубоком анализе историографических источников и научных публикаций, посвященных истории Казахстана, Татарстана и Японии. Были изучены особенности татарского и казахского общества, а также уровень образования населения, который во многом определялся царскими указами Российской империи на рубеже XIX—XX веков. Анализ источников позволил выявить факторы, способствовавшие развитию просветительских движений в этих регионах.

Основное внимание уделялось сравнительному анализу общественно-политических движений, зародившихся на территориях современных Татарстана, Казахстана и Японии. Этот подход позволил выявить как сходства, так и различия между различными просветительскими течениями, определить их влияние на развитие национальных культур и образовательных систем.

В исследовании использовалась система научного познания, основанная на принципах объективности, всесторонности и полноты анализа. В качестве методов исследования применялись общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция. Кроме того, использовались методы сравнительного исторического анализа, что позволило выявить особенности джадидизма и общества «Мейрокуся» в контексте глобальных модернизационных процессов.

Использование комплексного методологического подхода позволило не только проанализировать историографию вопроса, но и выявить новые аспекты влияния просветительских движений на формирование национальных идентичностей и образовательных систем в указанных регионах.

Обсуждение. Несмотря на то, что принято считать, что истоки просветительских движений уходят корнями в Европу, на территории Российской империи, а впоследствии и Советского Союза, важнейшими просветительскими течениями стали движения «Алаш» и «Джадидизм». Эти движения не только сыграли ключевую роль в разработке и модернизации системы образования, но также активно боролись за право всех слоев населения на обучение и свободный доступ к знаниям (Өскен, 2022: 174).

Особенно значимой силой в этом контексте выступил «Джадидизм», зародившийся в мусульманской среде и направленный на искоренение безграмотности в регионах Средней Азии. Это движение, основанное Исмаилом Гаспринским, стало символом реформаторской деятельности в области образования, внедряя современные педагогические методики и реформируя систему преподавания в медресе. Джадиды стремились интегрировать европейские образовательные стандарты, сохраняя при этом религиозную идентичность и культурное наследие мусульманских народов (Керимов, 2020: 80).

Исторически сложилось так, что колониальная политика и имперский контроль часто оказывали сдерживающее воздействие на развитие завоеванных территорий. Подобное влияние ощутили на себе и регионы, находившиеся под властью Российской империи. Жесткая политика колонизации, ограничение доступа к современному образованию и стремление русифицировать местные элиты привели к торможению культурного и интеллектуального прогресса в Средней Азии. Это стало одной из ключевых причин появления просветительских идей, направленных на модернизацию общества и его освобождение от архаичных структур (Евдокимов, 2021: 164).

Одним из ярких представителей данных идей стал Джадидизм — движение, которое не только способствовало распространению новых образовательных методик, но и внесло значительный вклад в формирование национального самосознания среди татар и казахов. В конце XIX — начале XX века Средняя Азия переживала активный подъем национально-просветительских инициатив, и Джадидизм стал одним из наиболее влиятельных движений, направленных на реформирование общественной жизни через образование (Юзеев, 1999: 164).

Джадидизм базировался на внедрении светских дисциплин, адаптации национального языка в образовательных учреждениях и переходе к прогрессивным методам обучения, таким как звуковой метод преподавания, применение современных учебников и разделение учебного процесса на классы. Все это способствовало резкому росту грамотности и формированию новой интеллектуальной элиты, способной конкурировать с представителями других народов Российской империи.

Джадидизм, возникший как реформаторское движение национально-прогрессивной интеллигенции Центральной Азии в конце XIX — начале XX веков, представлял собой стремление к модернизации традиционного общества через обновление системы образования и культуры. Термин «джадид» происходит от арабского «усул-и-джадид», что переводится как «новый метод», и отражает внедрение прогрессивных педагогических практик, основанных на европейских образцах (Bazarbayev, 2012: 225).

Однако некоторые исследователи рассматривают джадидизм как более широкий феномен, где просветительство является лишь одной из составляющих. В этом контексте джадидизм воспринимается как общественное движение, направленное на культурные реформы, особенно в сфере образования, с целью адаптации к требованиям Нового времени. Особое внимание уделяется роли джадидизма в духовной культуре татарского народа, где он стал катализатором национального возрождения (Юзеев, 2003: 127).

Движение зародилось на территории современного Татарстана и быстро распространилось на города Хива, Бухара и Туркестан. Его основателем был крымскотатарский просветитель и общественный деятель Исмаил Гаспринский, который также считается инициатором пантюркизма — идеи культурного и политического единства тюркских народов (Алихожиев, 2016: 72).

Влияние джадидизма простиралось далеко за пределы Татарстана, оказывая значительное воздействие на интеллектуальную и культурную жизнь Центральной Азии. В частности, казахская интеллигенция начала XX века активно восприняла идеи джадидизма, стремясь реформировать систему образования и повысить уровень национального самосознания. Многие казахские просветители, такие как Абай Кунанбаев, разделяли стремление джадидов к модернизации и интеграции лучших достижений западной цивилизации в местную культуру (Нурсултан, 2020: 19).

Исмаил Гаспринский, помимо своей просветительской деятельности, сыграл ключевую роль в развитии тюркской периодической печати. В своих публикациях, таких как эссе «Русское мусульманство» (1881) и очерк «Русско-восточное соглашение» (1896), Гаспринский анализировал общественно-политическое положение мусульман в России, подчеркивая необходимость реформ и просвещения. Он также уделял внимание вопросам пантюркизма, рассматривая его как средство укрепления солидарности между тюркскими народами. Для реализации своих идей Гаспринский основал газету «Терджиман» («Переводчик»), которая стала важной платформой для распространения новоизмененного тюркского языка и обсуждения актуальных проблем мусульманского общества. Кроме того, он издал «Алифбу» (Азбука), где представил новый метод обучения, основанный на фонетическом подходе, что значительно облегчало процесс освоения языка и способствовало повышению грамотности среди тюркских народов (Беннигсен, 1992: 116).

Движение джадидизма, инициированное Гаспринским, прошло сложный путь развития — от просветительской деятельности до мощного политического движения. Тяжелое экономическое положение широких масс, обусловленное имперской политикой и местным деспотизмом, отставание от экономически развитых стран, культурный регресс и застой

мыслей побуждали джадидов искать эффективные средства для преодоления кризиса. Они стремились к реформам в образовании, внедряя новые методы обучения, основанные на европейских образцах, и создавая школы нового типа, которые способствовали бы развитию критического мышления и подготовке квалифицированных специалистов. Кроме того, джадиды активно участвовали в общественно-политической жизни, выступая за права и свободы мусульманских народов, что постепенно превращало их движение в значимую политическую силу (Гайнанова, 2022: 621).

В Туркестане просвещение играло ключевую роль в процессе модернизации общества. Усиление интереса к образованию в XIX веке было связано с объективными причинами: отсталостью центральноазиатских ханств из-за ослабления роли Великого шелкового пути в XVI веке, открытия морских торговых путей и стремительного технологического прогресса европейских стран в XVIII–XIX веках. Субъективные причины включали внутренние конфликты и войны, наносящие ущерб национальной экономике и общему развитию региона. Завоевание Туркестана Российской империей открыло новые возможности для проникновения идей о демократизации из Азии и Европы, что способствовало формированию первых шагов в философии национальной свободы, основной идеей которой было просвещение. Сторонники просвещения, хотя и были осведомлены о внутренних проблемах государства, предпочитали не участвовать в вооруженных восстаниях, а сосредотачивались на образовательных и культурных реформах, считая их более эффективным средством достижения прогресса (Bazarbayev, 2012: 225).

Помимо активной литературной и педагогической деятельности, джадиды стремились преобразовать устаревшие социальные и политические структуры, внедряя прогрессивные формы развития. Для прогрессивной национальной интеллигенции Туркестана, осознавшей свою политическую и экономическую отсталость, что привело к колониальной зависимости от России, первоочередной задачей стало просвещение народа. Стремясь объединить лучшие достижения культур Востока и Запада, джадиды поставили перед собой две основные цели: повысить уровень жизни населения до уровня высокообразованных обществ и создать национально-демократическое государство в Туркестане (Эсанбойев, 2025: 15).

Деятельность джадидов можно условно разделить на несколько этапов:

Первый этап (1880-е годы XIX века – 1905-1907 годы): популяризация нового искусственного языка «тюрки».

Второй этап (с 1905-1907 годов): преподавание по новым стандартизированным учебникам, составленным на отдельных тюркских языках.

Поскольку джадидизм зародился на территории современной Республики Татарстан, первоначальная деятельность движения была сосредоточена на проблемах образования в татарском обществе. Сторонники джадидизма обратили внимание на узкую направленность обучения в медресе. По мнению Исмаила Гаспринского, реформы медресе должны были включать внедрение новых научных дисциплин, таких как светские науки, «тюрки» и особенно русский язык. Впервые идеи о введении русского языка были предложены в 1818 году профессором Казанского университета П. Кондыревым и адъюнктом восточного разряда И. Хальфиным в их совместном проекте, который, несмотря на отклонение, предусматривал создание в центре Казани нового центрально-татарского училища для детей татарского происхождения (Kulshanova, 2022: 59).

Медресе играли значительную роль в мусульманском обществе того времени, поскольку основное образование до введения обязательного школьного обучения часто получали именно там. Однако во второй половине XIX века некоторые просветители начали осознавать необходимость реформирования этой системы, чтобы она соответствовала требованиям современности. Внедрение новых методов преподавания, известных как «усул-джадид» (новый метод), способствовало радикальным изменениям в образовательной системе, включая введение европейских методов обучения.

Хусаин Фаизханов, Шигабутдин Марджани и Каюм Насыри были пионерами в реформировании мусульманского образования среди татарского народа. Они выступали за

внедрение прогрессивных методов обучения, сочетая религиозные и светские дисциплины, с целью модернизации образовательной системы и повышения культурного уровня общества.

Хусаин Фаизханов, один из первых татарских просветителей, осознал необходимость адаптации европейских образовательных методов для татарской среды. В 1862 году он написал работу «Ислах аль-мадарис» («Школьная реформа»), где предложил реформировать мусульманское образование, сочетая преподавание религиозных и светских наук. Он считал, что Казань, как центр науки и образования, с высокой концентрацией интеллигенции и обеспеченного населения, является идеальным местом для реализации его образовательных проектов (Мухетдинов, 2023: 27).

Шигабутдин Марджани, будучи ученым и реформатором, также внес значительный вклад в преобразование системы образования. Он разработал новую учебную программу для медресе «Марджания», основанную на гармоничном сочетании религиозных и светских дисциплин. Марджани считал, что такое объединение знаний приведет татарское общество к процветанию и позволит ему усвоить передовые достижения мировой культуры и науки (Канлыдере, 2019: 12).

Каюм Насыри продолжил дело своих предшественников, активно внедряя новые методы обучения в образовательную практику. Он стал предшественником джадидского медресе, создавая основу для новометодного образования. Его идеи и подходы способствовали формированию современной образовательной среды, отвечающей требованиям времени (Загидуллин, 2024: 62).

Совместные усилия этих просветителей заложили фундамент для реформирования мусульманского образования, способствуя культурному и научному развитию татарского народа.

Реформа медресе стала значительным этапом в развитии образования в татарской общине, позволив современным идейным лидерам внедрить необходимые изменения в образовательную среду. Благодаря их усилиям, татарское образование стало более прогрессивным и соответствующим требованиям современного мира.

Внедрение реформ в медресе продемонстрировало способность образовательных систем адаптироваться к изменяющимся потребностям общества. Идеи джадидов распространились по всему азиатскому региону Российской империи, включая территории современного Туркестана. В Средней Азии джади́ды активно продвигали реформы, направленные на обновление образовательной системы и культурное возрождение (Сафиназаров, 2020: 56).

На начальном этапе своей деятельности джади́ды сосредоточились на религиозно-реформаторских и просветительских инициативах, стремясь упростить традиционные обряды и избавиться от излишнего фанатизма. Они предлагали пересмотреть устоявшуюся общественно-философскую систему с акцентом на развитие культуры, науки и образования, а также в контексте антиколониальной борьбы. Джади́ды осознавали, что только через образование можно достичь прогресса и модернизации общества, поэтому активно продвигали развитие школьной системы и создание новых учебных заведений (Нишанова, 2022: 29).

Одним из ключевых нововведений джадидов было внедрение новых методик обучения, основанных на европейской системе образования. Это включало деление на классы, проведение годовых экзаменов, составление расписания, использование журналов успеваемости и учебных досок. Особое внимание уделялось звуковому методу обучения, который заменял традиционное заучивание наизусть и способствовал более глубокому пониманию материала.

Помимо образовательных реформ, джади́ды придавали большое значение развитию национальной культуры и литературы. Они стремились сохранить народные традиции и национальное наследие, интегрируя их в современные образовательные и культурные процессы. Это проявлялось в создании литературных произведений на родных языках, что способствовало укреплению языковой идентичности и культурного самосознания (Гафаров, 2019).

Наряду с просветительской деятельностью, джадиды стремились трансформировать устаревшие социальные и политические структуры, внедряя прогрессивные формы развития. Для национальной интеллигенции Туркестана, осознавшей политическую и экономическую отсталость региона, что привело к колонизации Россией, первоочередной задачей стало просвещение народа. Стремясь объединить лучшие достижения Востока и Запада, джадиды ставили перед собой две главные цели: повысить уровень жизни населения до уровня образованных обществ и создать национально-демократическое государство в Туркестане.

Одним из ярких проявлений казахского джадидизма была деятельность партии «Алаш», которая уделяла особое внимание просветительским инициативам и национально-освободительным движениям. Возглавляемая такими лидерами, как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов и Мыржакып Дулатов, партия стремилась к возрождению национальной государственности и культурной идентичности казахского народа. В своей работе «Киргизы. Форма национального движения» Букейханов анализировал казахское общество, выделяя две группы: «западников» — интеллигенцию, воспитанную на русской литературе и поддерживающую европейские взгляды, и сторонников панисламизма и тюркизма. Этот анализ способствовал формированию идеологической платформы партии «Алаш» и определению ее стратегических направлений (Букейханов, 1910: 577).

В это же время в Японии возникло движение «Мейрокуся», схожее по своим целям с джадидизмом и деятельностью партии «Алаш». Основанное Фукудзавой Юкити, это общество стремилось к модернизации Японии через реформирование системы образования и внедрение западных ценностей. Члены «Мейрокуся» публиковали свои идеи в журнале «Мейроку дзасси», призывая к созданию сильного и процветающего государства на основе демократии, свободы слова и прогрессивного образования. Они поднимали социальные вопросы, такие как реформирование письменности, права женщин, политические реформы и развитие предпринимательства, стремясь адаптировать западные идеи к японскому обществу.

Деятельность движения «Мейрокуся» в Японии имеет значительные параллели с джадидизмом и партией «Алаш» в Казахстане. Все эти движения стремились к просвещению и реформированию образовательных систем своих регионов.

Анализируя сходство между джадидизмом и движением «Мейрокуся», можно выделить несколько ключевых аспектов, которые демонстрируют общие черты в их деятельности:

- Оба движения стремились к модернизации общества в своих регионах, акцентируя внимание на распространении научных знаний и развитии системы образования.
- Оба движения внедряли образовательные реформы, направленные на преодоление устаревших методов обучения:

Джадиды создавали национальные учебные заведения, в которых образовательный процесс строился на современных методах, способствующих сохранению и развитию национальной культуры, исламских знаний, традиций и обычаев (帶谷 知可, 2017: 72).

Важную роль в их деятельности играли печатные издания, служившие основным средством взаимодействия с обществом и распространения идей. Движение Джадидизма имело свой журнал под названием «Ад-дин ва-л-адаб» («Религия и воспитание»), в котором они публиковали эссе, статьи и различные образовательные и социально-политические публикации.

В Казахстане партия «Алаш» выпускала газету «Қазақ», которая служила важной платформой для публикаций известных казахских писателей и общественных деятелей. В газете размещались переводы произведений русской литературы на казахский язык, а также материалы, посвященные актуальным общественным и политическим вопросам. Кроме того, при издании существовал благотворительный фонд, оказывавший поддержку казахским студентам.

В Японии движение «Мейрокуся» издавало журнал «Мейроку дзасси» (明六雜誌), что в переводе означает «Журнал Мейроку». В этом издании поднимались вопросы социальной, экономической и политической жизни страны, обсуждались современные тенденции в

области образования, философии и науки, а также освещались новейшие идеи западного мира, касающиеся политики и общественного устройства (Motoyama, 1997: 186).

Общие черты этих движений включали:

- Поддержку западных образовательных и научных концепций.
- Прекращение деятельности, вызванное внутренними политическими факторами:

Движение «Мейрокуся» прекратило существование в результате ужесточения цензуры в Японии и внутренних разногласий среди его участников, разделившихся на либеральное и консервативное крыло.

Джадидизм, как движение, перестал существовать, а созданные джадидами школы утратили свое влияние из-за репрессий, проводившихся Министерством просвещения Российской Империи.

Несмотря на схожесть идеологических основ движений «Мейрокуся», «Джадидизма» и партии «Алаш», между ними существовали значительные различия в методах, направлениях деятельности и влиянии на общество.

- Джадидизм и «Алаш» выступали как культурно-просветительские движения, направленные на модернизацию общества через реформы в образовании и просвещение населения.

- Джадидизм, опираясь на исламские традиции, стремился сохранить религиозное наследие и противодействовать имперской политике, разрабатывая новые методы преподавания и создавая национальные школы с уникальной образовательной системой.

- Различие в отношении к Западу:

Оба движения поддерживали идеи западного образования, однако их подход к внедрению этих концепций отличался.

В то время как «Мейрокуся» активно продвигало вестернизацию Японии, джадиды и сторонники «Алаш» акцентировали внимание на борьбе с колониализмом и сохранении национальной идентичности.

В отличие от джадидов, движение «Мейрокуся» носило религиозно-философский характер, основываясь на конфуцианской традиции. Конфуцианские политические и философские концепции не только переводились, но и активно сравнивались с западными политическими теориями, обсуждаемыми на страницах журнала «Мейроку дзасси».

Для полного понимания интеллектуальной среды, в которой существовали ученые «Мейрокуся», необходимо учитывать их глубокую связь с конфуцианской интеллектуальной традицией. Именно эта традиция сформировала основу для развития западных исследований в Японии и повлияла на их адаптацию к японскому обществу (真辺将之著, 2009: 122).

Фокус джадидов на исламских ценностях и внедрение новых методик в образовании способствовали не только улучшению уровня знаний среди населения, но и сохранению ислама и его культурного наследия. Их деятельность была направлена на модернизацию образовательной системы, укрепление национальной идентичности и противодействие ассимиляционным процессам.

В то же время, несмотря на схожие стремления к общественному развитию, движение «Мейрокуся» имело иной характер. Оно представляло собой религиозно-философское течение, ориентированное на создание идеального общества, основанного на принципах буддизма и традиционной японской культуры. Участники движения акцентировали внимание на духовном совершенствовании, личностном развитии и социальной гармонии, рассматривая просвещение как средство достижения внутреннего равновесия и стабильности общества.

Таким образом, несмотря на общую цель – продвижение общественного прогресса, джадиды и представители «Мейрокуся» отличались своими подходами. Джадиды концентрировались на образовательных реформах, модернизации обучения и внедрении новых технологий, в то время как члены «Мейрокуся» придавали первостепенное значение духовному развитию и гармонизации общественной жизни.

Сегодня важно не только понимать достижения прошлого, но и осознавать его сложные и драматические моменты. Для преодоления кризиса казахстанской идентичности и

противодействия радикальным течениям необходимо активизировать этнокультурные ресурсы, опираясь на переосмысленное интеллектуальное наследие нации, рассматривая его в сравнении с японским опытом модернизации.

Анализ преемственности казахского и японского просветительских движений, а также роли религиозной элиты и её взаимодействия с интеллигенцией позволит выявить как сходства, так и уникальные особенности каждого из них. Без интеллектуально-просветительского потенциала тюркского ислама и японского буддизма были бы невозможны мощные общественные подъемы эпох Абая, движения «Алаш» и реформ Мэйдзи.

В дальнейшем необходимо сосредоточиться на изучении культурного ренессанса начала XX века, исследуя влияние джадидизма в широком восточном контексте. В частности, движение «Мейрокуся» предлагало перспективную модель национального просвещения, что делает его важным примером для анализа модернизационных процессов в странах Востока.

Заключение. Просветительство как исторический феномен охватывает различные временные периоды и географические регионы, не имея строгих территориальных и временных границ. Его сущность заключается в стремлении отдельных личностей или групп разрушить устаревшие и консервативные взгляды, которые могут препятствовать прогрессу общества. Просветительские идеи возникают независимо от государственного влияния, а их реализация зависит от интеллектуальной элиты, способной критически осмыслить прошлое и формировать перспективное будущее. Примерами таких движений являются джадидизм, партия «Алаш» в Центральной Азии и общество «Мейрокуся» в Японии. Эти движения внесли значительный вклад в модернизацию своих стран, стремясь адаптировать культурное наследие к новым историческим реалиям.

На территории Татарстана, Казахстана и Японии просветительские инициативы сыграли важную роль в укреплении национальной идентичности и внедрении прогрессивных идей. Джадиды и алашординцы стремились сохранить традиции своих народов, противодействуя ассимиляционной политике Российской империи, тогда как японское движение «Мейрокуся» пыталось найти баланс между западными реформами и традиционными ценностями. Несмотря на различия в историческом контексте, все эти движения объединяло стремление к общественному развитию через образовательные реформы, интеллектуальное просвещение и модернизацию. Они способствовали формированию национального самосознания и укреплению культурной самобытности народов в условиях глобальных изменений.

Сравнение джадидизма и «Мейрокуся» показывает, что, несмотря на значительные географические различия, их ключевые принципы были схожи. Оба движения стремились модернизировать общество, повысить уровень образования и адаптировать традиционные ценности к новым условиям. Однако их подходы были различны. Джадиды опирались на исламские традиции и стремились интегрировать религиозное образование с современными научными достижениями, тогда как японские реформаторы искали пути сочетания конфуцианской философии с западными идеями. Различие в политическом фоне также сыграло свою роль: если джадиды боролись против колониального господства, то «Мейрокуся» работало в условиях стремительной модернизации Японии в рамках реформ эпохи Мэйдзи.

Методы распространения идей также различались. Джадиды активно использовали национальные школы, ориентированные на исламскую традицию и внедрение светских дисциплин. Они создавали образовательные учреждения, газеты и журналы, способствовавшие просвещению широких масс. В свою очередь, «Мейрокуся» использовало публицистическую деятельность, издавая журнал «Мейроку дзасси», который стал платформой для обсуждения социальных, экономических и политических проблем страны. Это движение акцентировало внимание на внедрении западных знаний и ценностей, поддерживая идеи демократизации и свободы мысли. Тем не менее, оба движения стремились к модернизации общества путем реформирования образовательных систем и активного распространения знаний.

Таким образом, просветительские движения джадидов, алашординцев и японского общества «Мейрокуся» сыграли важную роль в развитии своих стран. Они представляли собой интеллектуальные течения, направленные на реформирование образования, повышение национального самосознания и адаптацию общества к вызовам нового времени. Несмотря на различие в методах и идеологических основах, эти движения оказали значительное влияние на формирование модернизационных процессов и культурного ренессанса в своих странах. Их деятельность остается актуальной, поскольку проблемы сохранения национальной идентичности и модернизации образования остаются важными вызовами современности.

Литература

- Алихожиев, Тажимирзаев, 2016 — *Алихожиев М.О., Тажимирзаев Э.А.* Джадидизм в Туркестане и просветительская деятельность джадидов. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания, 2016, № 32, с. 72–76.
- Батырбеккызы, т.б., 2024 — *Батырбеккызы Г., Шылмамбетов С., Идрисова А.* Қазақстанда ХХ ғасыр басындағы жәдитшілік бағыттың қалыптасуы және әлеуметтік-саяси белсенділігі. Edu.e-history.kz, 2024, № 11(4), 840–853 б.
- Беннигсен, 1992 — *Беннигсен А.* Исмаил бей Гаспринский (Гаспрали) и возникновение джадидизма в России. Этнографическое обозрение, 1992, № 6, с. 116–124.
- Букейханов, 1910 — *Букейханов А.* Киргизы [The Kyrgyz]. В кн.: *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия.* Санкт-Петербург, 1910, с. 577–599.
- Гайнанова, 2022 — *Гайнанова А.Р.* «Единство языка, мысли и действий»: Вклад Исмаила Гаспринского в развитие джадидизма. Minbar. Islamic Studies, 2022, № 15(3), с. 621–634.
- Гафаров, 2019 — *Гафаров А.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 2019.
- Евдокимов, 2021 — *Евдокимов И.* Феномен джадидизма в отечественной религиозной культуре на рубеже XIX–XX вв. Труды Нижегородской духовной семинарии, 2021, № 19, с. 481–491.
- Загидуллин, 2024 — *Загидуллин И.К.* Семья татарского просветителя Каюма Насыри. Гасырлар авазы – Эхо веков, 2024, № 4, с. 62–74.
- Канлыдере, 2019 — *Канлыдере А.* Казанский ученый, историк и религиозный реформатор Шигабутдин Марджани (1818–1889). Islamology, 2019, № 9(1–2), с. 12–23.
- Керимов, Меметова, 2020 — *Керимов И., Меметова Л.* Новые штрихи к биографии просветителя Исмаила Гаспринского. Litera, 2020, № 8, с. 80–86.
- Мухетдинов, 2023 — *Мухетдинов Д.В.* Историческое наследие Хусаина Фаизханова. Ислам в современном мире, 2023, № 19(2), с. 27–46.
- Нишанова, 2022 — *Нишанова Н.Р.* Движение джадидов в Средней Азии. Вестник науки и образования, 2022, № 2-1 (122), с. 29–33.
- Нурсултан, Кенжебаева, 2020 — *Нурсултан М.У., Кенжебаева С.Е.* Проблемы партии Алаш и Алаш-Орды в первой трети XX века. Transactions of Kazakh-American University, 2020, № 3(49), с. 19–20.
- Өскен, 2022 — *Өскен Ә.М.* Исмаил Гаспринский және Алаш идеясы. Eurasian Journal of Philology: Science & Education, 2022, № 2(186), 174 б.
- Сафиназаров, 2020 — *Сафиназаров И.* Роль джадидов в формировании современной образовательной системы в Средней Азии. Архив научных исследований, 2020, № 1(18). (In Russ.)
- Шылмамбетов, 2021 — *Шылмамбетов С.* Джадиды и религиозная политика в Казахстане в период правления царской России и первые годы советской власти. Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Социологические и политические науки, 2021, № 76(4), с. 64–74.
- Эсанбойев, 2025 — *Эсанбойев Р.* Альтернативная история Туркестанского государства в двадцатом веке: развитие под руководством джадидов. FARS International Journal of Education, Social Science & Humanities, 2025, № 13(1), с. 15–19.
- Юзеев, 2003 — *Юзеев А.* Идеология джадидизма: история и современность. Гасырлар авазы – Эхо веков, 2003, № 3–4, с. 127–134.
- Юзеев, 1999 — *Юзеев А.Н.* Место джадидизма в татарской общественной мысли конца XIX – начала XX веков. Гасырлар авазы – Эхо веков, 1999, № 1(2), с. 164–172.
- Bazarbayev, Adilbekova, 2012 — *Bazarbayev K., Adilbekova Z.A.* Jadids Movement in Central Asia in the Late 19th and the Early 20th Centuries. Asian Social Science, 2012. No. 8. P. 225–237.
- Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1967 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C.* Islam in the Soviet Union. London: Pall Mall Press, 1967. 272 p.
- Goto-Jones, 2009 — *Goto-Jones C.* Political Philosophy in Japan: Nishida, the Kyoto School and co-prosperity. London: Routledge, 2009. 208 p.
- Hegel, 2019 — *Hegel G.W.F.* Hegel: Lectures on the Philosophy of World History, Volume I: Manuscripts of the Introduction and the Lectures of 1822–1823. Oxford University Press, 2019. 576 p.

- Kant, 2002 — *Kant I. Theoretical Philosophy after 1781*. Cambridge University Press, 2002. 530 p.
- Kulshanova, 2022 — *Kulshanova A. Jadidism: ideology, conceptual approaches and practice*. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies, 2022. No. 138(1). P. 59–71.
- Motoyama, 1997 — *Motoyama Y. Proliferating Talent: Essays on Politics, Thought, and Education in the Meiji Era*. Honolulu, 1997. 186 p.
- Olcott, 1995 — *Olcott M.B. The Kazakhs*. Stanford: Hoover Institution Press, 1995. 383 p.
- Porter, 2001 — *Porter R. Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World*. London: Penguin Books, 2001. 727 p.
- Ohtani, 2017 — 帯谷 知可. 20世紀初頭の帝政ロシアにおけるムスリム女性をめぐる議論についての覚書 [Заметки о дискуссиях вокруг мусульманских женщин в России начала XX века]. 2017. P. 72–73.
- Manabe, 2009 — 真辺将之. 西村茂樹研究：明治啓蒙思想と国民道徳論 [Исследование Сигэки Нисимурэ: идеи просвещения эпохи Мэйдзи и теория национальной морали]. 京都: 思文閣出版, 2009. 122 p.

References

- Alihozhiev, Tazhimirzaev, 2016 — *Alihozhiev M.O., Tazhimirzaev Je.A. Dzhadidizm v Turkestane i prosvetitel'skaja dejatel'nost' dzhadidov* [Jadidism in Turkestan and the educational activities of the Jadids] // *Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya*, 2016, No. 32, Pp. 72–76. (In Russ.).
- Batyrbekkyzy, et al., 2024 — *Batyrbekkyzy G., Shylmambetov S., Idrisova A. Kazakstanda XX gasyr basyndagy zhaditshilik bagyttyn kalyptasuy zhane aleumetik-sajasi belsendiligi* [The formation and socio-political activity of the Jadid movement in Kazakhstan at the beginning of the 20th century] // *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz»*, 2024, No. 11(4), Pp. 840–853. (In Kaz.).
- Bazarbayev, Adilbekova, 2012 — *Bazarbayev K., Adilbekova Z.A. Jadids Movement in Central Asia in the Late 19th and the Early 20th Centuries* // *Asian Social Science*, 2012, No. 8, Pp. 225–237. (In Russ.).
- Bennigsen, Lemerrier-Quellejay, 1967 — *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay C. Islam in the Soviet Union*. London: Pall Mall Press, 1967. 272 p.
- Bennigsen, 1992 — *Bennigsen A. Ismail bey Gasprinskij (Gasprali) i voznikovenie dzhadidizma v Rossii* [Ismail bey Gasprinsky (Gasprali) and the emergence of Jadidism in Russia] // *Jetnograficheskoe obozrenie*, 1992, No. 6, Pp. 116–124. (In Russ.).
- Bukejhanov, 1910 — *Bukejhanov A. Kirgizy* [The Kirghiz] // *Formy nacional'nogo dvizhenija v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengrija, Rossija, Germanija*. Sankt-Peterburg, 1910. Pp. 577–599. (In Russ.).
- Evdokimov, 2021 — *Evdokimov I. Fenomen dzhadidizma v otechestvennoj religioznoj kul'ture na rubezhe XIX–XX vv.* [The phenomenon of Jadidism in domestic religious culture at the turn of the 19th–20th centuries] // *Trudy Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii*, 2021, No. 19, Pp. 481–491. (In Russ.).
- Gafarov, 2019 — *Gafarov A. Dzhadidizm v Srednej Azii v konce XIX – nachale XX vv.* [Jadidism in Central Asia in the late 19th – early 20th centuries]. Avtoreferat dissertacii. 2019. (In Russ.).
- Gajnanova, 2022 — *Gajnanova A.R. «Edinstvo jazyka, mysli i dejstvij»: Vklad Ismaila Gasprinskogo v razvitie dzhadidizma* ["Unity of Language, Thought and Action": Ismail Gasprinsky's Contribution to the Development of Jadidism] // *Minbar. Islamic Studies*, 2022, No. 15(3), Pp. 621–634. (In Russ.).
- Goto-Jones, 2009 — *Goto-Jones C. Political Philosophy in Japan: Nishida, the Kyoto School and co-prosperity*. London: Routledge, 2009. 208 p. (In Russ.).
- Hegel, 2019 — *Hegel G.W.F. Hegel: Lectures on the Philosophy of World History, Volume I: Manuscripts of the Introduction and the Lectures of 1822–1823*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 576 p. (In Engl.).
- Jesanbojev, 2025 — *Jesanbojev R. Al'ternativnaja istorija Turkestanskogo gosudarstva v dvadcatom veke: razvitie pod rukovodstvom dzhadidov* [Alternative History of the Turkestan State in the Twentieth Century: Development under the Leadership of the Jadids] // *FARS International Journal of Education, Social Science & Humanities*, 2025, No. 13(1), Pp. 15–19. (In Russ.).
- Juzeev, 2003 — *Juzeev A. Ideologija dzhadidizma: istorija i sovremennost'* [The ideology of Jadidism: history and modernity] // *Gasyrlar avazy – Jeho vekov*, 2003, No. 3–4, Pp. 127–134. (In Russ.).
- Juzeev, 1999 — *Juzeev A.N. Mesto dzhadidizma v tatarskoj obshhestvennoj mysli konca XIX – nachala XX vekov* [The place of Jadidism in Tatar social thought of the late 19th – early 20th centuries] // *Gasyrlar avazy – Jeho vekov*, 1999, No. 1(2), Pp. 164–172. (In Russ.).
- Kanlydere, 2019 — *Kanlydere A. Kazanskij uchenyj, istorik i religioznyj reformator Shigabutdin Mardzhani (1818–1889)* [Kazan scientist, historian and religious reformer Shigabutdin Marjani (1818–1889)] // *Islamology*, 2019, No. 9(1–2), Pp. 12–23. (In Russ.).
- Kant, 2002 — *Kant I. Theoretical Philosophy after 1781*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 530 p. (In Engl.).
- Kerimov, 2020 — *Kerimov I., Memetova L. Novye shtrihi k biografii prosvetitelja Ismaila Gasprinskogo* [New Touches to the Biography of the Enlightener Ismail Gasprinsky] // *Litera*, 2020, No. 8, Pp. 80–86. (In Russ.).
- Kulshanova, 2022 — *Kulshanova A. Jadidism: ideology, conceptual approaches and practice* // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies, 2022, No. 138(1), Pp. 59–71. (In Russ.).
- Motoyama, 1997 — *Motoyama Y. Proliferating Talent: Essays on Politics, Thought, and Education in the Meiji Era*. Honolulu, 1997. 186 p. (In Jap.).

- Muhetdinov, 2023 — *Muhetdinov D.V.* Istoricheskoe nasledie Husaina Faizhanova [Historical Heritage of Khusain Faizkhanov] // *Islam v sovremennom mire*, 2023, No. 19(2), Pp. 27–46. (In Russ.).
- Nishanova, 2022 — *Nishanova N.R.* Dvizhenie dzhadidov v Srednej Azii [The Jadid Movement in Central Asia] // *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2022, No. 2–1(122), Pp. 29–33. (In Russ.).
- Nursultan, Kenzhebaeva, 2020 — *Nursultan M.U., Kenzhebaeva S.E.* Problemy partii Alash i Alash-Ordy v pervoj treti XX veka [Problems of the Alash Party and Alash-Orda in the First Third of the 20th Century] // *Transactions of Kazakh-American University*, 2020, No. 3(49), Pp. 19–20. (In Russ.).
- Obiya, 2017 — *Obiya Tomo-ka.* 20 Seiki shotō no teiseiroshia ni okeru musurimu josei o meguru giron ni tsuite no oboegaki [Notes on the debate over Muslim women in Imperial Russia in the early 20th century], 2017, Pp. 72–73. (In Jap.).
- Olcott, 1995 — *Olcott M.B.* The Kazakhs. Stanford: Hoover Institution Press, 1995. 383 p. (In Engl.).
- Oskan, 2022 — *Oskan A.M.* Ismail Gasprinskij zhane Alash idejasy [Ismail Gasprinsky and the idea of Alash] // *Eurasian Journal of Philology: Science & Education*, 2022, No. 2(186), P. 174. (In Kaz.).
- Porter, 2001 — *Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. London: Penguin Books, 2001. 727 p.
- Safinazarov, 2020 — *Safinazarov I.* Rol' dzhadidov v formirovanii sovremennoj obrazovatel'noj sistemy v Srednej Azii [The Role of the Jadids in the Formation of the Modern Educational System in Central Asia] // *Arhiv nauchnyh issledovanij*, 2020, No. 1(18). (In Russ.).
- Sanabe, 2009 — *Sanabe Masayuki-cho.* Nishimura shigeki kenkyū: Meiji keimō shisō to kokumin dōtoku-ron [A Study of Shigeki Nishimura: Meiji Enlightenment and National Morality]. Shibunkaku Shuppan, 2009. 122 p. (In Jap.).
- Shylmambetov, 2021 — *Shylmambetov S.* Dzhadidy i religioznaja politika v Kazahstane v period pravleniya carskoj Rossii i pervye gody sovsotskoj vlasti [Jadids and religious policy in Kazakhstan during the reign of Tsarist Russia and the first years of Soviet power] // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Sociologicheskie i politicheskie nauki*, 2021, No. 76(4), Pp. 64–74. (In Russ.).
- Zagidullin, 2024 — *Zagidullin I.K.* Sem'ja tatarskogo prosvetitelja Kajuma Nasyri [The family of the Tatar educator Kayum Nasyri] // *Gasyrlar avazy – Jeho vekov*, 2024, No. 4, Pp. 62–74. (In Russ.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 53-63, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_53-63

FROM THE REHABILITATION HISTORY OF LITERARY HERITAGE OF THE “ALASH” FIGURES

Sagymbay B. Zhumagul¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

Doctor of Philology, Professor, Professor

 <https://orcid.org/0000-0001-9891-0237>. E-mail: sagymbai.zhumagul@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Zhumagul S.B., 2025

Abstract. The article discusses the historical significance of the abolition of the party resolutions of the 1930-1950s. The paper analyzes significance of studies of national literary criticism in 1988-1991. With the collapse of the totalitarian system, the creativity of “Alash” heritage was rethought aimed at the spiritual revival of society. The chronology of the rehabilitation of literary heritage of the Alash galaxy is traced. The historical importance to rehabilitate national elite is noted. It is important to consider bright reformers of liberations such as A. Bukeihan, A. Baitursunuly, Sh. Kosshygu, M. Dulatuly, H. Dosmukhameduly, G. Karash, M. Zhumabay, Zh. Aymautuly. The Kazakh intelligentsia, who entered the political and spiritual arena rallied the people to realize sacred ideas of Alash. The literary heritage of the Alash movement is relevant to this day, contributing to the formation of political culture of Kazakhstani society. It is concluded that multifaceted philological heritage of Alash was the result of a historical breakthrough in the pursuit of updating literary genres. The return of the literary and scientific heritage of the innocently convicted reformers of literary criticism will make it possible to assess development of national literature in terms of historical continuity. These foundations contributed to the development of Kazakh literature.

Keywords: Rehabilitation, “Alash” figures, “Alash” literature, resolutions and decisions of the party, spirituality, revival

Acknowledgments. This research has been/was/is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR28713085).

For citation: Zhumagul S.B. From the rehabilitation history of literary heritage of the “Alash” figures // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 53-63. (In Russ.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_53-63

«АЛАШ» ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ӘДЕБИ МҰРАСЫН АҚТАУ ТАРИХЫНАН

Сағымбай Ботнайұлы Жұмағұл¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан Республикасы

Филология ғылымдарының докторы, профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-9891-0237>. E-mail: sagymbai.zhumagul@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада 1930–1950 жылдары әдебиет пен өнер мәселелеріне байланысты қабылданған партиялық қаулылардың күшін жоюдың тарихи маңызы қарастырылады. Бұл қадам «Алаш» қайраткерлерінің мұрасын толық ақтауға мүмкіндік берді. 1988–1991 жылдардағы ұлттық әдебиеттану зерттеулерінің алаштық жаңа әдебиет өкілдерінің сан қырлы мұрасын объективті бағалаудағы рөлі талданады. Тоталитарлық жүйе күйрегеннен кейін «Алаш» мұрасының мемлекеттіліктің басым бағыттарын, ұлттық құндылықтар қағидаттарын және қоғамның рухани жаңғыруына бағытталған идеяларды нығайтудағы жасампаздық сипаты қайта қаралды. «Алаш» қайраткерлерінің шығармашылық, қоғамдық-саяси қызметі мен әдеби мұрасын ақтау хронологиясы көрсетіледі. Ұлттық элитаны ақтаудың тарихи маңызы – қазақ халқының тәуелсіздік қажеттілігін, рухани бірегейлігін және менталитетін сақтауды түсінген тұлғаларды қайта танытуда айқындалады. XX ғасырдың басындағы ұлттық-азаттық қозғалыстың жарқын өкілдері – А. Бөкейхан, А. Байтұрсынұлы, Ш. Қосшығұл, М. Дулатұлы, Х. Досмұхамедұлы, Ғ. Қараш, М. Жұмабай, Ж. Аймауытұлы сынды азаттық идеясын ту еткен реформаторлардың тарихи рөлін қайта пайымдау – сол кезеңдегі Қазақстанның рухани өміріндегі ренессанстық құбылысты тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Осы күрделі тарихи кезеңде саяси және рухани аренаға шыққан қазақ зиялылары халықты Алаштың киелі идеясы төңірегіне топтастыра білді. Зерттеу қорытындысында «Алаштың» көпқырлы филологиялық мұрасы модернизм әдеби жанрларын жаңартуға ұмтылудың тарихи серпіні ретінде бағаланады. Бұл мәдени мұрадағы азаматтық-әдеби және ғылыми-шығармашылық ұстаным – XX ғасыр басындағы гуманизм мен ұлттық жаңғыру идеяларына суарылған бірегей құбылыс. Дәл осы негіздер қазақ әдебиетін жалпыадамзаттық гуманизм идеясының маңызды бөлігі ретінде байытып, жаңартып, дамуына ықпал етті.

Түйін сөздер: Ақтау, «Алаш» қайраткерлері, «Алаш» әдебиеті, партия қаулылары мен шешімдері, руханият, жаңғыру

Алғыс. Бұл ғылыми мақала «BR28713085 – XX–XXI ғасырлардың алғашқы ширегіндегі зияткерлік тарихты қазақ тарихшылары мен әдебиетшілерінің еңбектері арқылы кешенді пәнаралық зерттеу» жобасын іске асыру шеңберінде дайындалды.

Дәйексөз үшін: Жұмағұл С.Б. «Алаш» қайраткерлерінің әдеби мұрасын ақтау тарихынан // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 53-63 бб. (Орысш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_53-63

ИЗ ИСТОРИИ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ «АЛАШ»

Жумагул Сагымбай Ботпайұлы¹

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Астана, Республика Казахстан

Доктор филологических наук, профессор, профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-9891-0237>. E-mail: sagymbai.zhumagul@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается историческое значение отмены партийных постановлений 1930–1950-х годов, принятых по вопросам литературы и искусства, которые позволили полностью оправдать наследие деятелей «Алаш». Анализируется значимость исследований национального литературоведения 1988–1991 годов в объективной оценке многообразного наследия и творчества представителей новейшей литературы Алаш. С развалом тоталитарной системы была переосмыслена созидательность наследия «Алаш» в укреплении приоритетных направлений государственности, принципов национальных ценностей общества, направленного на духовное возрождение социума. Прослеживается хронология реабилитации творческой и общественно-политической деятельности и литературного наследия плеяды Алаш. Отмечается историческая важность реабилитации национальной элиты, которая стояла у истоков осознания необходимости независимости,

духовной идентичности и сохранения ментальности казахского народа. Переосмысление исторической значимости таких ярких, боровшихся за идею освобождения реформаторов - представителей национально-освободительного движения Алаш, как А. Букейхан, А. Байтурсунылы, Ш. Косшыгул, М. Дулатулы, Х. Досмухамедулы, Г. Караш, М. Жумабай, Ж. Аймауытулы позволяет глубже изучить ренессансное явление в духовной жизни Казахстана начало XX века. Казахская интеллигенция, вышедшая на политическую и духовную арену в этот трудный исторический период, сплотила народ для осознания сакральной идеи Алаш. Делается вывод о том, что многоаспектное филологическое наследие Алаш стало результатом исторического рывка в стремлении к обновлению литературных жанров модернизма. Гражданско-литературный и научно-творческий посыл, содержащийся в этом пласте культурного наследия, – уникальное явление, пропитанное идеалами гуманизма и национального возрождения страны начала XX века. Именно эти основы обогатили, обновили и способствовали развитию казахской литературы как значимой части общемировой идеи гуманизма.

Ключевые слова: Реабилитация, деятели «Алаш», литература «Алаш», постановления и решения партии, духовность, возрождение

Благодарность. Научная статья подготовлена в рамках реализации проекта «BR28713085 – Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов».

Для цитирования: Жумагул С.Б. Из истории реабилитации литературного наследия деятелей «Алаш» // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. С. 53-63. (На Русс.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_53-63

Введение. В коренном переустройстве, затем в окончательном и бесповоротном крахе советской тоталитарной системы ключевое значение имели гласность и перестройка общества, направленные на восстановление демократических ценностей социума. В июле 1987 года на встрече с руководителями средств массовой информации и творческих союзов Генеральный секретарь Политбюро ЦК КПСС М. Горбачев заявил: «Мы никогда не сможем простить и оправдать события 1937-1938 годов».

28 сентября 1987 года по инициативе М. Горбачева и А. Яковлева была создана комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями. Это было стартом нового этапа реабилитации жертв политических репрессий в СССР (Артизов и др., 2004).

Политбюро ЦК КПСС приняло ряд постановлений: «Об образовании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов» (28.09.1987), «Об установке памятника жертвам незаконных репрессий» (4.07.1988.), «О дополнительных мероприятиях, связанных с завершением работ, связанных с реабилитацией лиц, незаконно репрессированных в период 30-40-х годов и начале 50-х годов» (11.07.1988), «О дополнительных мероприятиях, связанных с установлением справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х годов начала 50-х годов» (5.01.1989.) (Реабилитация, 1991: 15-19). Вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х годов и начала 50-х годов» (16.01.1989) (Сборник, 1993).

Материалы и методы. В своем исследовании авторы опирались на литературные и исторические материалы, в которых представлены результаты филологического анализа по истории реабилитации литературного наследия деятелей «Алаш». Среди них труды зарубежных и отечественных ученых, посвященные проблемам реабилитации деятелей культуры и литературы, сборники архивных документов по реабилитации жертв политических репрессии постсоветского пространства, материалы по политическим процессам

1930-50-х годов, сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, сборник материалов судебных процессов над алашевцами.

Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности, приемы анализа и синтеза, а также логический подход к изучаемым явлениям, что позволило исследовать историю реабилитации литературного наследия деятелей «Алаш» на основе обобщения обширного филологического материала.

При проведении исследования авторский коллектив наряду с обозначенными задействовал герменевтический, историографический, проблемно-полемиический и историко-литературный методы. Выбор данных методов позволил провести анализ, интерпретировать и систематизировать научно исследовательскую литературу, относящуюся к истории реабилитации литературного наследия деятелей «Алаш».

Обсуждение. В 1987 году при Союзе писателей Казахстана по инициативе первого секретаря О. Сулейменова была создана Правовая комиссия, которая занималась сбором и изучением материалов по декабрьским событиям 1986 года в Алматы. В январе 1988 года О. Сулейменов направил членов комиссии к председателю Верховного суда Казахской ССР Т. Айтмухамедову с основным посылом – реабилитация деятелей «Алаш» (Жанайдаров, 2011: 5). Наряду с этим при участии секретаря ЦК КП Казахстана Узбекали Жанибекова была организована государственная комиссия под руководством академика Ж. Абдильдина по реабилитации деятелей «Алаш». В результате работы комиссии в апреле 1988 года были реабилитированы 14 деятелей движения «Алаш» (Жанайдаров, 2011: 6).

Процесс демократизации общества, решение насущных проблем литературного процесса начала XX века, восстановление забытых имен возвращенной литературы – все это определило основные приоритеты казахского литературоведения. Такие исторические документы, как «Заключение комиссии Центрального Комитета Компартии Казахстана по изучению постановлений, принятых в период 30-40-х годов и начале 50-х годов по вопросам литературы и искусства», «Заключение идеологической комиссии Центрального Комитета Компартии Казахстана О некоторых постановлениях, принятых казахским краевым комитетом ВКП (б), Центральным Комитетом КП(б) Казахстана и Центральным Комитетом Компартии Казахстана в 20-40-х и начале 50-х годов по вопросам идеологии, истории и исторической науки Республики» дали импульсивный толчок к освобождению от психологии страха и рабства, навязанной советской идеологией, и положили начало духовному возрождению народа на пути провозглашения суверенитета и независимости Казахстана.

Последняя четверть XX века была периодом критического перелома в восстановлении исторической реальности политической и общественной жизни постсоветских стран; реальности, которая систематически и целенаправленно искажалась в течение многих лет. Это позволило национальному литературоведению комплексно рассмотреть и раскрыть сущность национальных ценностей и идентичности, подверженных цензурным прессам командно-административной идеологии.

Поворотным моментом на пути реабилитации безвинных жертв сталинских репрессий стала отмена идеологически карательных постановлений ЦК Компартии Казахской ССР, принятых в 1940-х и начале 50-х годов по вопросам литературы и искусства: «О творческом наследии поэта Шакарима», «В Прокуратуру Казахской ССР», «В ЦК Компартии Казахстана: От творческого наследия Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова», «...Миржакыпа (Мир-Якуб) Дулатова». Эти документы, способствовавшие объективному признанию и глубокому осмыслению трагических последствий сталинизма, позволили сделать доступными широкому кругу читателей пласты литературы, которые получили название «белые пятна». Открытие «белых пятен» стало одним из главных составляющих литературного наследия авторов начала XX веков и вошло в круг важных задач отечественного литературоведения.

Вышеупомянутых исторических документах отмечалось: «Литературное творчество Шакарима отличается размахом идейно-тематического содержания, уникальным богатством

выразительной и художественной силы. В целом его богатое по содержанию творческое наследие занимает особое место в казахской литературе конца XIX и начала XX веков. Это наследие должно быть возвращено народу после долгих лет забвения и напрасной клеветы».

Также указывается: «Несмотря на решение ВЦИК от 4 апреля 1919 года о помиловании руководителей Алашской буржуазно-националистической партии и правительства Алашорды в Казахстан известных писателей М. Жумабаева, А. Байтурсынова и Ж. Аймаутова в 1930 и 1937-38 годах осудили за недоказанные преступления, они были приговорены к смертной казни по обвинению в участии в контрреволюционной антисоветской деятельности. В этом же году прокурор Казахской ССР подал протест в Судебную коллегия Верховного суда республики с требованием отмены приговора и прекращения дела в их отношении в связи с отсутствием в их действиях состава преступления. Верховный суд Казахской ССР рассмотрел протесты в присутствии прокурора и удовлетворил их в полном объеме. Дела А. Байтурсынова, М. Жумабаева и Ж. Аймаутова прекращены и оправданы»

В заключительной части документа говорится следующее: «Комиссия ЦК Компартии Казахстана считает необходимым полностью восстановить историческую правду об общественно-политической, научной, педагогической и литературной деятельности М. Жумабаева, А. Байтурсынова, Ж. Аймаутова, которые были подвергнуты репрессиям в годы культа личности».

Результаты. Отмена партийных постановлений о литературе и искусстве открыла новые возможности переоценки отечественного литературного наследия: во-первых, создается новый подход к переосмыслению наследия поэтов «Зар заман» (эпоха скорби – *езде перевод авт.*) XIX века, смело обличавших колониализм и оплакивавших утрату национальной свободы. Во-вторых, появились перспективы публикации научно-литературного наследия литературоведов и деятелей культуры, изучавших наследие представителей. В-третьих, позволила отказаться от ошибочной марксистско-ленинской идеологии – теории, которая была навязана тоталитарной системой.

14 декабря 1989 года прошла научно-теоретическая конференция «Проблемы казахской литературы начала XX века», организованная Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Академии наук Республики Казахстан, в ходе которой были обсуждены основные задачи и принципы комплексного изучения истории отечественной литературы начала XX века. Доклады профессора Ш. Сатпаевой «Проблемы изучения истории казахской литературы начала XX века», профессора Ш.Елеукунова «Проблемы западно-восточной литературной связи и Магжан Жумабаев» и профессора Ж. Исмагулова «Идейно-художественные исследования в творчестве А. Байтурсынова и М. Дулатова» определили основные задачи системного изучения литературно-исторического процесса эпохи пробуждения и возрождения.

Академик З. Ахметов, проанализировав художественное развитие с точки зрения исторической преемственности, подчеркнул, что многогранное жанровое наследие литературы «Алаш» требует основательного пересмотра методологических основ литературного процесса начала XX века в литературоведении, избавления от жестких правил, господствовавших на протяжении многих лет. «Своеобразие казахского литературного процесса начала XX в. можно понять лишь в том случае, если рассматривать литературу в неразрывной связи с историческим развитием общества, важнейшими социальными событиями предреволюционных лет» - резюмировал З. Ахметов (Ахметов, 1990:30-41).

Ж. Исмагулов, обращаясь к произведениям Ахмета Байтурсынулы и Миржакыпа Дулатулы, подчеркнул, что особенности просветительской деятельности двух титанов периода национального пробуждения идейно перекликаются с освободительным движением избавления страны от колониального гнёта, невежества и стереотипных устоев прошлого. Определяя их духовную и политическую деятельность пассионарного характера, профессор Ж. Исмагулов делает акцент, что они «...являются трудолюбивыми борцами, возродившие в

сердцах людей идею свободы, девиз социального равенства, его пламенной гражданской борьбы» (Исмагулов, 1990:48-53).

Анализируя художественно-эстетический облик трансформации западной и восточной литературы в поэзии Магжана Жумабай (Жумабаева), типологическую связь с мировой классической поэзией, Ш. Елеукенов выявил основные черты новаторских сторон творчества поэта: «В число западных, русских поэтов, взявших в качестве примера творчества Абая, он включил поэтические произведения Фета, Бальмонта, Мережковского, Брюсова, Блока» (Елеукенов, 1990: 41-49).

Доклады М. Жармухамедова, У. Субханбердиной, определивших особое значение газеты «Казах» в общественной и духовной жизни казахов, и взгляды Т. Какишева, С. Каскабасова, выступивших в прениях, обозначили приоритетные пути решения насущных научных проблем литературоведения.

Публикация произведений и научных исследований Шакарима Кудайбердыулы, Ахмета Байтурсынулы, Миржакыпа Дулатулы, Жусупбека Аймауытулы, Магжана Жумабай в разных жанрах способствовала созданию в общественном сознании новой литературно-эстетической основы художественного познания и анализа литературного процесса периода «Алаш». Доказательством служат сборники произведений одного из видных представителей поэтической школы Абая – Шакарима Кудайбердыулы (1988) с предисловием Ш. Сатбаевой, под редакцией М. Жармухамедова, С. Даутова, А. Кудайбердиева, А. Тажибаева, а также книги поэта «Жолсыз жаза» (1988) составленная М. Магауиным, «Аманат» (1989) составленная Т. Бекхожиной, лирический сборник стихотворений и поэм составленный Х. Суюншалиевым (1990), уникальные труды «Три истины» (на казахском языке) (1991), «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханов» (на казахском языке) (1991) с предисловием М. Мырзахметова.

При изучении многогранного научно-литературного наследия А. Байтурсынулы проявляются своеобразный характер в истории национального искусства слова, уникальные художественные и гражданские грани творческих личностей, деятелей национально-освободительного движения «Алаш». Спустя много лет в газете «Казах адабиеты» (23.12.1988) были впервые опубликованы стихи. В журнале «Жулдыз» (Жулдыз, 1989, №6,7,8,9,10) был опубликован фундаментальный труд «Теория словесности» (на казахском языке) с тестологическим анализом, подготовленный М. Магауиным. Изданы сборники произведений А. Байтурсынулы под редакцией А. Шарипова, С. Даутова (1989), «Акжол» (1991) с предисловием Р. Нургалиева. Также вышли в свет брошюры Р. Сыздыковой, Р. Нургалиева), С. Какишева.

В июле 1990 года состоялась научная конференция, посвящённая творчеству Ахмета Байтурсынулы, на которой выступили с докладами академик С. Кирабаев, академик Р. Сыздыкова, академик З. Кабдолов, профессор Ж. Исмагулов. Литературное и научное наследие А. Байтурсынулы в целом были проанализированы с разных аспектов, что нашло отражение в фундаментальных исследованиях и научных статьях литературоведов, лингвистов, писателей, историков таких, как Р. Нургалиев, Ш. Сатбаева, С. Кирабаев, Ж. Исмагулов, Ж. Бектуров, Г. Ахмедов, З. Акишев, Т. Кордабаев, Р. Сыздыкова, А. Кайдаров, Д. Досжанов, М. Бурабаев, А. Мектепов, Г. Анесов, Б. Койшыбаев, Б. Байгалиев. Ученый Р. Нургалиев отмечает, что непризнание того, «что Ахмет Байтурсынулы был основателем казахской литературоведческой науки, первым учёным, написавшим теорию литературы, было бы предрассудком» (Нургалиев, 1989: 84-94). Всесторонне и объективно рассмотрев общественную деятельность, литературное наследие А. Байтурсынулы, Р. Нургалиев сделал вполне закономерные и логические выводы о значении его научных исследований для отечественного литературоведения, отметив вклад работы «Теория словесности» в определении путей становления, анализа теории литературы.

Академик С. Кирабаев, исходя из национальной традиции и преемственности, оценивая творческую деятельность поэта-просветителя эпохи пробуждения и национального возрождения, отмечает: «Сборник Ахмета «Маса» всколыхнул сознание не одной страны, оказав мощное влияние на художественное творчество и пробудил в поэзии целостный социум.

Сначала проснулись молодые таланты, проснулась сама мысль. Именно молодые продолжили дело учителя и наставника нации» (Кирабаев, 1991: 3-10). Наряду с этим дается справедливая оценка исторического значения трудов реформатора А. Байтурсынулы в становлении казахского языкознания. Исследователи А. Мектепов, Г. Анесов в статье «Реформатор языкознания» обращают внимание, что он был «первым реформатором казахского алфавита, основоположником казахской филологии и искусствovedения, давшим своей стране первую азбуку, языковые средства, литературную критику» (Мектепов, Анесов, 1989: 9-18).

В освещении общественно-просветительской творческой деятельности А. Байтурсынулы встречаются и стереотипные взгляды, присущие советскому идеологическому штампу. Например, профессор М. Бурабаев в своей статье «Общественно-политические взгляды Ахмета Байтурсынова», опубликованной в первом номере журнала «Коммунист Казахстана» 1991 года писал: «Он всегда делал ошибки, несовместимые с научным мышлением, не понимал ясно диалектики национальных и международных отношений». Большое значение имеет исследование ученого «Общественная мысль Казахстана в 1917-1940 гг.» (Бурабаев, 1991), посвященное системному изучению и новаторской оценке общественного мнения в период первого десятилетия советской власти в Казахстане. Однако М. Бурабаев подходит к оценке исторически значимых социальных дел деятелей «Алаш», посвященных национальным интересам, как полных взглядов и мнений, противоречащих советской политике, основанной на марксистском мировоззрении. Поэтому в исследовании не раскрыты в полной мере основные черты исторической заслуги личностей, являющихся политическими и духовными лидерами казахского народа.

Не осталось без внимания многостороннее творчество Ж. Аймауытулы - известного представителя национальной интеллигенции «Алаш» новой волны (начало XX в.). Вышел сборник произведений писателя (1989) с предисловием С. Кирабаева, составленный М. Атимовым, К. Керейкуловым, сопровождаемый комментариями Р. Турысбекова. Издан сборник пьес Аймауытулы, составленный Б. Кундакбаевым (1990).

В 1990 году состоялась научная конференция, посвященная творческому наследию классика казахской литературы Магжана Жумабая. Были изданы сборник его сочинений, составленный Х. Абдуллиным (1989) и книга Ш. Елеукенова «Магжан Жумабаев» (1990).

На новый уровень вышло изучение творчества Миржакыпа Дулатулы, автора сборника стихов «Оян, казах!» и первого казахского романа, поднявшего знамя и провозгласившего клич казахского национального возрождения в условиях нахождения на территории официальных национальных окраин. Сборник «Оян, казах!» был переиздан в 1991 году М. Абсеметовым, выпущен сборник произведений писателя Миржакыпа Дулатулы, составленный тем же М. Абсеметовым, Г. Дулатовой, дочерью Миржакыпа, с предисловием Ж. Исмагулова (1991). Ученый-исследователь М. Абсеметов защищает кандидатскую диссертацию на тему «Творчество М. Дулатулы и историко-литературный процесс начала XX века» (1991).

Литературное наследие писателей «Алаш» бесценно, так как в них зеркально отражен исторический факт подтверждающий, что гражданские и литературные цели всегда уходят корнями в национальный идеал. Это позволяет рассмотреть этапы развития национальной литературы начала XX века с точки зрения исторической преемственности, определить традиционные основы художественного перерождения. Осмысление литературного наследия позволяет делать выводы, что вся сознательная жизнь, общественная и творческая деятельность писателей выражала интересы казахского народа. Во-первых, стало очевидно, что краеугольным камнем возрождения национальной государственности, укрепления нашей независимости были и остались прогрессивные идеи элиты «Алаш», стремившейся добиться освобождения народа путем пробуждения его национального самосознания, освобождение от колониализма. Во-вторых, разножанровые произведения, являющиеся классическими образцами казахского словесного искусства, стали предметом изучения, что придало духовным ценностям определенный стимул. В-третьих, в общественном сознании утвердилась литературно-эстетическая платформа художественного познания уникального характера. Поворот литературоведения к Алашведению, в конечном счете, оживил историческую память

нации, проложил путь к переосмыслению прошлого, ориентации на будущее. Духовный процесс, положивший начало проблемным статьям, вывел литературоведение на особенный ранг, начиная с того времени, когда наследие Алаш было опубликовано отдельным сборником, вошло в специальные монографические, диссертационные исследования, в учебники и образовательные программы. Такие направления, как шакаримоведение, ахметоведение, миржакиповедение, жусупбековедение, маджановедение стали главным стержнем литературоведения и обществознания.

Трудно переоценить историческую роль деятелей «Алаш» в становлении и развитии казахской национальной периодической печати и журналистики (Субханбердина, 1999). В статьях М. Жармухамедова, А. Сармурзина, М. Койгелдиева, У. Субханбердиной деятельность участников «Алаш» оценивается как фактор активизации национального издательского дела.

Закономерно было бы отметить альманах «Алем», в которую включены уникальные произведения, ранее запрещенные советской цензурой: литературное наследие Шортанбая Канайулы, Мурата Монкеулы, Албана Асана, Абубакира Кердера, а также религиозно-философский трактат Шакарима, публицистика А. Байтурсынулы, перевод М. Жумабай, пьеса Ж. Аймауытулы, научно-познавательное исследование М. Дулатулы (Алем, 1991).

История движения «Алаш», судьба интеллигенции «Алаш», репрессированной в годы сталинизма, стали главными темами статей Т. Какишева, Г. Ахмедова, М. Койгелдиева, Т. Журтбаева, Д. Досжанова, Б. Орынбекулы.

Сам проект программы партии «Алаш», вышедший в 1917 году в газете «Казах» (Газета «Казах», 1998), был повторно опубликован в пятом номере журнала «Коммунист Казахстана» 1990 года. В данной газете 1991 году в статье А. Кенжеулы публикуется список общественных деятелей, ставших жертвами сталинизма. В 1992 году переиздана книга «Алаш-Орда: Сборник документов» (1929), составленная Н. Мартыненко, где были собраны исторические документы, тесно связанные с движением партии, с Республикой под единым названием «Алаш» (Алаш-Орда, 1992).

Публикации конца 80-х и 90-х годов прошлого столетия о таких литературных и общественных деятелях, как А. Букейхан, М. Тынышбайулы, А. Ермакулы, С. Асфандиярулы и многих других, стали ключевыми в целостном познании исторической заслуги и определяющей роли движения, партии, Республики (Автономии) Алаш в духовном возрождении нации и восстановлении казахской государственности. Раскрытию этого аспекта посвящены статьи К. Мухаметханова, Б. Койшыбаева, М. Кулмухамедова, Б. Даримбетова, Г. Анесова, С. Аккулыулы, Д. Камзабекулы, А. Сармурзин, В. Григорьева, Б. Байгалиева, Б. Сарбалаева, Н. Сансызбаева и др.

В свою очередь, отмена партийных постановлений 1920-50 годов о литературе и искусстве, принятых тоталитарной системой, усилила тенденцию общественного возрождения социума. «В ряде постановлений, принятых Казахским краевым комитетом КПССи ЦК КП Казахстана в 1920-1950-е годы дана оценка социально-политической ситуации в стране, имели место грубые ошибки и искажения в трактовке роли национальной интеллигенции в социалистическом строительстве, в которых выдвигались беспочвенные обвинения в адрес казахских партийных работников как националистически настроенных, буржуазных националистов» (Из искусственной истории, 1991). Данный документ позволил объективно оценить общественную деятельность, пересмотреть научные труды А. Букейхана, М. Шокая, М. Тынышбайулы, Н. Торекулы (Тюрякулов), С. Аспандиярулы (Асфандияров), А. Ермакулы, С. Садуакасулы (Садвокасов), К. Кеменгерулы, Е. Омарулы, Е. Бекмаханова, Б. Сулейменова. Книга Б. Койшыбаева «Жазыксыз жапа шеккендер» (1990) стала первым шагом в этом направлении. В ней представлены статьи о жизни и деятельности А. Байтурсынулы, Т. Жургенулы (Жургенова), С. Асфандиярулы, Н. Торекулы, С. Кожанулы (Ходжанова), С. Садуакасулы (Койшыбаев, 1990).

Трагические годы, пережитые казахским народом в период сталинизма, судьба исторических личностей, ставших жертвами тоталитаризма, послужили основой документальных сборников таких, как «Дело №... Лето горького времени» (Серябрякова,

1989), «О чем не говорили: Документальные рассказы» (О чем не говорили, 1990), «Зауал» (Зауал, 1991а).

В книгу «Зауал» были включены проблемные статьи Ш. Муртазаева, М. Татимова, Т. Кожакеева, З. Акишева, К. Токмурзина, М. Сыздыкова, Б. Койшыбаева, С. Кудаша, Б. Байгабылова, Т. Коныратбаева, Р. Рустембековой, А. Мендекеева, А. Тасымбекова (Зауал, 1991б).

С точки зрения демократизации общества с опорой на изучение истории казахской литературы начала XX века определяется важность изучения литературного наследия Ш. Бокейулы, Машхур-Жусуп Копейулы, Н. Орманбетулы, Н. Наушабайулы, М. Калтайулы, Г. Караш, С. Торайгырулы, Б. Кулейулы. Произведения этих авторов были пропитаны идеалами национального пробуждения, равенства и духовного прогресса казахского общества.

Одним из таких наследий является двухтомный сборник произведений Машхур-Жусупа (1990-1991) с предисловием и научными комментариями С. Даутова, который в своей статье «Машхур Жусуп Копеев» напоминает о необходимости глубокого изучения наследия поэта. Написанные в этом же русле являются книги М. Сералыулы, А. Мухамедьярулы, произведения А. Найманбайулы, С. Донентайулы.

Свидетельством растущего интереса к запрещенной литературе стали научные и публицистические материалы о поэтическом творчестве Нарманбета Орманбетулы А. Туганбаева, Б. Абдыгазиева, С. Акатаева, Р. Сағымбекулы. Поэтический мир Ш. Бокейулы по-новому изучен в статье Х. Суюншалиева. Жизнь, общественная деятельность и творчество Гумара Караша освещены в статьях Х. Суюншалиева, К. Сыдикова, Р. Жангожина и С. Созакбаева, С. Ысмагуловой, Б. Байгалиева, С. Созакбаева, М. Тажмуратова. Переиздана более ранняя научная статья литературоведа Е. Исмаилова «Омар Карашев», издан сборник стихов поэта «Ага Тулпар». С разных аспектов рассмотрены вопросы казахской литературы начала XX века в трудах М. Караева, Б. Кенжебаева, Т. Какишева, Т. Абдрахманова, З. Бисенгалиева, А. Дербысалина, Т. Кожакеева, Б. Мамраева.

Заключение. Подводя итоги отметим, что с распадом СССР и крахом тоталитарной системы в казахском литературоведении были предприняты смелые шаги в изучении классического наследия и реформаторских аспектов творчества деятелей «Алаш» – вершины возвращенной национальной литературы. Их гражданско-литературный и научно-творческий идеал – уникальное явление, пропитанное идеалом гуманизма и национального возрождения казахов. Возвращение литературного и научного наследия реформаторов национального литературоведения позволило взглянуть на развитие национальной литературы с точки зрения исторической преемственности, определить традиционные основы художественного развития, генезиса и типологии в целом. Передовые идеи интеллигенции, такие как освобождение, пробуждение народа, освобождение его от колониализма, являются патриотическими идеалами казахского народа, всегда стремившегося к независимости. Именно они стали катализатором процессов освобождения от психологии страха и рабства, навязанной советской идеологией, и положили начало духовному возрождению народа на пути провозглашения суверенитета и независимости Казахстана.

Тот факт, что произведения различных жанров, являющихся классическими образцами казахского словесного искусства не теряют своей актуальности для исследователей, свидетельствует о преемственности культурных и литературных традиций современного литературоведения.

Обращение литературоведения к алашведению оживил историческую память нации, проложил путь к переосмыслению прошлого ориентацией на будущее. Духовный процесс, начавшийся с проблемных статей, вышел в новый этап литературоведения путем издания наследий исполинов «Алаш» в виде сборников, специальных монографий, диссертаций, учебников и образовательных программ. При этом немаловажным фактором является то, что находят развитие шакаримоведение, ахметоведение, жусипбековедение, магжановедение, которые также составляют ядро отечественного литературоведения. Новое осмысление

истории казахской литературы начала XX века отразилось в освещении запрещенного идеологией наследия таких личностей, как Машхур-Жусуп Копейулы, Нармамбета Орманбетулы, Н.Наушабайулы, Г. Караш, С. Торайгырулы, Б. Кулейулы, рассмотрении их творчества в контексте национальной ментальности и идентичности.

Литература

- Алаш-Орда, 1992 — *Алаш-Орда: Сборник документов* / Сост. Мартыненко Н. Алма-Ата: Малое издательство «Айкап», 192 с.
- Артизов и др., 2004 — *Артизов А., Косаковский А., Наумов В., Шевчук И.* Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др.матер. Середина 80-х – 1991г. Том 3. Москва, 2004. 720 с.
- Ахметов, 1990 — *Ахметов З.* О своеобразии казахского литературного процесса начала XX века // Известия АН Каз ССР. Серия филологическая. 1990. С. 30-41.
- Алем, 1991 — *Алем: Альманах: стихи, очерки, песни* / Под. ред. Сейдымбекова А. Алматы: Жазушы, 1991. 496 с.
- Бурабаев, 1991 — *Бурабаев М.* Общественная мысль Казахстана в 1917-1940 гг. Алма-Ата: Гылым, 1991. 255 с.
- Елеукенов, 1990 — *Елеукенов Ш.* Проблемы западно-восточной литературной связи и Магжан Жумабаев (на казахском языке) // *Известия АН Каз ССР. Серия филологическая.* 1990. №2. С. 41-48.
- Жанайдаров, 2011 — *Жанайдаров О.* Предисловие к авторскому изданию Движение Алаш: Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Том 1. Алматы: Ел-шежыре, 2011. С. 5-6.
- Из искусственной истории, 1991 — *Из искусственной истории - в истинную историю.* Заключение идеологической комиссии Центрального Комитета Компартии Казахстана о некоторых постановлениях, принятых казахским краевым комитетом ВКП (б), Центральным Комитетом КП (б) Казахстана и Центральным Комитетом Компартии Казахстана по вопросам идеологии, истории и исторической науки республики в 20-40-е и начале 50-х годов // *Коммунист Казахстана.* 1991. № 10. С. 29 -36.
- Зауал, 1991 — Зауал: статьи и воспоминания / Сост. Койшыбаев Б. Алматы: Жазушы, 1991. 272 с.
- Исмагулов, 1990 — *Исмагулов Ж.* Идеино-художественные изыскания в творчестве А. Байтурсынова и М. Дулатова (на казахском языке) // *Известия АН Каз ССР. Серия филологическая.* 1990. №2. С. 48-53.
- Газета «Казах», 1998 — *Газета «Казах»* / Под. ред. А. Нысанбаева. Алматы: Главная редакция Казахской энциклопедии. 560 с.
- Кирабаев, 1991 — *Кирабаев С.* Поэтичность Ахмета (на казахском языке) // *Известия АН Каз ССР. Серия филологическая.* 1991. № 1. С. 3-10.
- Койшыбаев, 1990 — *Койшыбаев Б.* Незаконно репрессированные (на казахском языке). Алматы: Казахстан. 1990. 168 с.
- Мектепов, Анесов, 1989 — *Мектепов А., Анесов Г.* Реформатор языкознания (на казахском языке) // *Жалын.* 1989. № 2. С. 9-18.
- Нурғалиев, 1989 — *Нурғалиев Р.* Гордость национальной культуры (на казахском языке) // *Коммунист Казахстана.* 1989. № 4. С. 84-94.
- О чем не говорили, 1990 — *О чем не говорили: Документальные рассказы* / Сост. Лукина Л.П., Сатыбалдиев Е.А. Алма-Ата: Жалын, 1990. 304 с.
- Реабилитация, 1991 — *Реабилитация: Полит. процессы 30-50-х годов* / Под ред. Яковлева А.Н. М., 1991. С. 15-19.
- Сборник, 1993 — *Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий* / Под ред. Весновской Г.Ф. Москва, 1993. 410 с.
- Серябрякова, 1989 — *Серябрякова Г.И.* Дело №... Летопись горького времени: Повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 432 с.
- Субханбердина, 1999 — *Субханбердина У.* Наследия казахского народа: Библиографический указатель с изложением (на казахском языке). Алматы: Центральная научная библиотека Республики Казахстан, 1999. 833 с.

References

- Alash-Orda, 1992 — *Alash-Orda: Sbornik dokumentov* [Alash-Orda: Collection of documents]. Sost. Martynenko N. Alma-Ata: Maloeizdatel'stvo «Aikap», 1992. P. 192. (In Russ.).
- Alem, 1991 — *Alem: Al'manakh: olender, ocherkter, angimeler* [The world. Almanac: poems, essays, stories]. Pod.red. Seidimbekova A. Alma-ata: Zhazushy, 1991. 496 p. (In Kaz.).
- Artizov, 2004 — *Artizov A., Kosakovskiy A., Naumov V., Shevchuk I.* Reabilitatsiya. Kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS idr.mater. Seredina 80-kh – 1991g. [Rehabilitation. How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials. Mid 80s – 1991]. T. 3. Moskva, 2004. 720 p. (In Russ.).
- Akhmetov, 1990 — *Akhmetov Z.* O svoe obrazii kazakhskogo literaturnogo protsesssa nachala XX veka [On the originality of the Kazakh literary process at the beginning of the twentieth century]. Izvestiya AN Kaz SSR. Seriyafilologicheskaya, 1990. Pp. 30-41. (In Russ.).
- Burabayev, 1991 — *Burabayev M.* Obshestvennaya mysl' Kazakhstana v 1917-1940 gg. [Public thought of Kazakhstan in 1917-1940]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 255 p. (In Russ.).

- Eleukenov, 1990 — *Eleukenov Sh.* Problemy zapadno-vostochnykh literaturnykh otnosheniya Magzhan Zhumabayev [The problem of the West-East literary crossroads and Magzhan Zhumabayev]. Kazakh SSR FA Khabarlary. Til, adebiyetseriya, 1990. Nr 2. Pp. 41-48. (In Kaz.).
- Ismagulov, 1990 — *Ismagulov Zh.* Ideyno-khudozhestvennyye izyskaniya v tvorchestve A. Baytursynova i M. Dulatova [Ideological and artistic research in the works of A. Baitursynov and M. Dulatov]. Kazakh SSR GA Khabarlary. Til, adebiyetseriya, 1990. Nr 2. Pp. 48-53. (In Kaz.).
- «Kazakh» gazet, 1998 — «Kazakh» gazet [Kazakh newspaper]. Pod red. A. Nysanbaeva. Almaty: Kazakh entsiklopediyasy Bas redaksiyas, 1998. P. 560. (In Kaz.).
- Kirabayev, 1991 — *Kirabayev S.* Poeziya Akhmeta [Ahmet's poetry]. Kazakh SSR GA Khabarlary. Til, adebiyetseriya, 1991. Nr. 1. Pp. 3-10. (In Kaz.).
- Koishybaev, 1991 — Koishybaev B. Nezakonno repressirovannyye [Illegally repressed]. Almaty: Kazakhstan, 1991. P. 168. (In Kaz.).
- Mektepov, Anesov, 1989 — *Mektepov A., Anesov G.* Reformator yazykoznaniya [Linguistics Reformer]. Zhalyn, 1989. Nr. 2. Pp. 9-18. (In Kaz.).
- Nurgaliyev, 1989 — *Nurgaliyev R.* Gordost' natsional'noy kul'tury [Pride of national culture]. Kazakhstan kommunisti, 1989. Nr. 4. Pp. 84-94. (In Kaz.).
- O chem ne govorili, 1990 — O chem ne govorili: Dokumental'nye rasskazy [What they didn't talk about: Documentary stories]. Sost. Lukina L.P., Satybaldiev E.A. Alma-Ata: Zhalyn, 1990. P. 304. (In Russ.).
- Reabilitatsiya, 1991 — *Reabilitatsiya: Polit. protsessy 30-50-kh godov* [Rehabilitation: Polit. processes of the 30-50s] Pod red. Yakovleva A.N. Moskva, 1991. Pp. 15-19. (In Russ.).
- Sbornik, 1993 — *Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii* [Collection of legislative and regulatory acts on repression and rehabilitation of victims of political repression]. Pod red. Vesnovskoi G.F. Moskva, 1993. P. 410. (In Russ.).
- Seryabryakova, 1989 — *Seryabryakova G.I.* Delo №... Letopis' gor'kogovremeni: Povesti, rasskazy, stat'i, ocherki i stikhi [Case No... Chronicle of the bitter time: Tales, stories, articles, essays and poems]. Alma-ata: Zhazushy, 1989. P. 432. (In Russ.).
- Subkhanberdina, 1999 — *Subkhanberdina U.* Nasledia kazahskogo naroda: Bibliograficheski ukazatel s izlozheniem [The heritage of the Kazakh people: a bibliographic index.]. Almaty: Kazakhstan Respublikasy Ortalyqgylymi kitapkhana, 1999. P. 833. (In Kaz.).
- Zhanaidarov, 2011 — *Zhanaidarov O.* Predislovie k avtorskomu izdaniyu Dvizhenie Alash: Sbornik materialov sudebnykh protsessov nad alashevtsami [Preface to the author's edition Alash Movement. Collection of materials of trials of Alash people]. T.1. Almaty: El-shezhire, 2011. Pp 5-6. (In Russ.).
- Iz iskustvennoi istorii, 1991 — *Iz iskustvennoi istorii.* VKP (b) Kazakh olkelik komiteti, Kazakhstan KP (b) Ortalyq Komitetinin zhane Kazakhstan Kompartiyasy Ortalyq Komitetinin 20-40-shy zhyldar men 50-shi zhyldardyn basynda ideologiya, tarikh zhane respublikanyn tarikh qylymy maseleleri boiynsha qabyldagan keibir qaulylary turaly Kazakhstan Kompartiyasy Ortalyq Komiteti Ideologiyalyq Komissiyasynyn qorytyndysy [From an artificial story to a true story. Conclusion of the ideological Commission of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan on some resolutions adopted by the Kazakh Regional Committee of the CPSU (b), the Central Committee of the CP (b) of Kazakhstan and the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan in the 20-40s and early 50s on issues of ideology, history and historical science of the Republic]. Kazakhstan kommunisti, 1991. Nr 10. Pp. 29 -36. (In Kaz.).
- Zaua, 1991 — *Zaua: maqalalar men estelikter* [Zaua: articles and memoirs]. Sost. Koishybayev B. Almaty: Zhazushy, 1991. P. 272. (In Kaz.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 64-70, 2025
Journal homepage: <https://sjcascourier.com/>

FTAXP / МРҲТІ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_64-70

ACTIVITIES AND SIGNIFICANCE OF THE MUSLIM FRACTION IN THE FIRST AND SECOND STATE DUMAS

Tashagul A.¹, Kopeyeva S.Zh.²

¹Yeditepe University
Istanbul, Turkey
PhD, Professor

 <https://orcid.org/0000-0002-1435-8877>. E-mail: Ahmet.tasagil@yeditepe.edu.tr

²Institute of History of Kazakhstan and Central Asia
Astana, Republic of Kazakhstan
Coordinator

 <https://orcid.org/0009-0005-9999-9487>. E-mail: kopeyevasaniya@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Tashagul A., Kopeyeva S.Zh., 2025

Abstract. The creation and activities of the Muslim faction in the State Duma have become an important indicator of the development of the political consciousness of Muslims. The Muslim faction in the 1st and 2nd State Dumas focused on three main issues: Agrarian issues, the problems of democratization of political life, and the problem of national-religious relations. Thus, the Muslim faction played a significant role in the activities of the First and Second Dumas. The article discusses the views of the deputies of the Muslim faction, their role and activities in the I–II State Dumas in relation to the agrarian policy of the tsarist empire, including the re-settlement policy. The deputies of the Muslim faction were the real defenders of the interests of the indigenous population of the Steppe Territory, and sought to legally resolve the land issue, with the indispensable participation of all interested parties in its discussion. The authors analyze the legislative activity and the work of Muslim deputies in the Duma commissions. Particular attention is paid to the analysis of the position of the deputies of the Muslims of the Steppe Territory, Sh. Koshygul and T. Norokonev.

Keywords: State Duma, Muslim faction, Sh. Koshygul, history of Kazakhstan, steppe region, Russian Empire, Muslim factor

For citation: Tashagul A., Kopeyeva S.Zh. Activities and significance of the Muslim Fraction in the First and Second State Dumas // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 64-70. (In Eng.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_64-70

І ЖӘНЕ ІІ МЕМЛЕКЕТТІК ДУМАЛАРДАҒЫ МҰСЫЛМАН ФРАКЦИЯСЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ МЕН МАҢЫЗЫ

Ташағыл Ахмет¹, Көпеева Сәния Жұматайқызы²

¹Йедитепе университеті
Стамбул, Түркия
PhD, профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-1435-8877>. E-mail: Ahmet.tasagil@yeditepe.edu.tr

²Қазақстан және Орталық Азия тарихы институты
Астана, Қазақстан Республикасы
Координатор

 <https://orcid.org/0009-0005-9999-9487>. E-mail: kopeyevasaniya@mail.ru

Андатпа. Мемлекеттік думадағы Мұсылман фракциясының құрылуы мен оның қызметі мұсылмандардың саяси сана-сезімі оянуының және дамуының маңызды көрсеткішіне айналды. I және II Мемлекеттік думадағы Мұсылман фракциясы назарында үш негізгі мәселе болды: аграрлық, саяси өмірді демократиялау және ұлттық-діни қатынастар. Осылайша, I және II Думалар қызметінде Мұсылман фракциясы айтарлықтай маңызды рөл атқарды. Мақалада патшалық империяның аграрлық, соның ішінде қоныстандыру саясатына қатысты Мұсылман фракциясы депутаттарының көзқарастары мен I және II Мемлекеттік думадағы олардың қызметі қарастырылған. Мұсылман фракциясының депутаттары Дала өлкесінің жергілікті халықтарының мүдделерін қорғап, жер мәселесін құқықтық тұрғыдан шешуге ұмтылып, аталған мәселелерді талқылауға қатысып отырды. Мақала авторлары думалық комиссиялардағы мұсылман депутаттарының заңшығарушылық қызметі мен жұмысына талдау жасаған. Сонымен қатар, Дала өлкесінің атынан сайланған Мұсылман фракциясының көрнекті мүшелері Ш. Қосшығұлұлы мен Т. Нурекеновтің ұстанымдары туралы айтылған.

Түйін сөздер: Мемлекеттік дума, Мұсылман фракциясы, Ш. Қосшығұлұлы, Қазақстан тарихы, Дала өлкесі, Ресей империясы, мұсылман факторы

Дәйексөз үшін: Ташағыл А., Көпеева С.Ж. I және II Мемлекеттік думалардағы Мұсылман фракциясының қызметі мен маңызы // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 64-70 бб. (Ағылш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_64-70

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ФРАКЦИИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Ташағыл Ахмет¹, Көпеева Сания Жуматаевна²

¹Университет Йедитепе
Стамбул, Турция
PhD, профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-1435-8877>. E-mail: Ahmet.tasagil@yeditepe.edu.tr

²Институт истории Казахстана и Центральной Азии
Астана, Республика Казахстан
Координатор

 <https://orcid.org/0009-0005-9999-9487>. E-mail: kopeyevasaniya@mail.ru

Аннотация. Создание и деятельность Мусульманской фракции в Государственной думе стали важным показателем развития политического самосознания мусульман. В центре внимания данной фракции в I и II Государственной думе были три основных вопроса: аграрный, проблемы демократизации политической жизни и национально-религиозных взаимоотношений. Таким образом, Мусульманская фракция сыграла заметную роль в деятельности I и II Думы. В статье рассмотрены взгляды депутатов Мусульманской фракции, их роль и деятельность в I и II Государственной думе в отношении аграрной политики царской империи, в том числе и проблем, касающихся переселенческой политики. Представители указанной выше фракции являлись действительными защитниками интересов коренного населения Степного края и стремились к правовому решению земельного вопроса, при обязательном участии в его обсуждении всех заинтересованных сторон. Авторами статьи проанализирована законотворческая деятельность депутатов-мусульман в составе комиссий.

Особое внимание уделено вопросу позиции мусульман Степного края Ш. Косшыгулова и Т. Нурекенова.

Ключевые слова: Государственная дума, Мусульманская фракция, Ш. Косшыгулов, история Казахстана, Степной край, Российская империя, мусульманский фактор

Для цитирования: Ташагыл А., Копеева С.Ж. Деятельность и значение Мусульманской фракции в I и II Государственной думе // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 64-70. (На Англ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_64-70

Introduction. Understanding the issues of Kazakhstan’s history in the early 20th century remains one of the most pressing and, in many cases, controversial topics in modern historical scholarship. The beginning of the last century occupies a special place in the history of the Kazakhs.

One of the most notable positive outcomes of the 1905–1907 revolution in Russia was the emergence and development of a new political tradition – Russian parliamentarism. The revolutionary upheavals of that period compelled Emperor Nicholas II to sign, on October 17, 1905, the Manifesto on the Improvement of State Order, which essentially marked the decline of the absolute monarchy and the transition to a constitutional monarchy. This manifesto, in turn, stimulated the growth of ethnic consciousness among the peoples of the empire and contributed to the emergence of national, social, and political associations. In the early 20th century, this led to the formation in the State Duma – a newly emerged political arena and an institution that played a significant role in the socio-political life of the Russian Empire – of structures organized on ethno-territorial or ethno-confessional grounds. One such structure was the Muslim Faction, which included deputies from the Steppe Region and Turkestan.

The role and activities of the Muslim Faction in the State Duma, as well as in the socio-political life of the Muslim peoples within the empire, were particularly significant. Therefore, studying the history of the Muslim Faction – which included Sh. Kosshygul and T. Nurekenov, who defended the interests of the Steppe Region – and its activities in the First and Second Dumas is of great scholarly interest.

During the work of the First and Second Dumas, the Steppe Region and Turkestan also faced the challenge of regulating interethnic relations and socio-political instability. These issues manifested themselves in land ownership and land use, in organizing governance and self-government both at the central and local levels, as well as in the fields of education, culture, and religion. The Muslim Faction, which sought to address such issues and played an important role in the First and Second Dumas, is a subject of research that holds not only theoretical and scholarly significance but also cognitive and applied political relevance.

Research Methods. The methodological basis of the article is formed by the general scientific principles of cognition, which make it possible to study the development of historical phenomena, including the principle of historicism. In the course of researching the topic, chronological and historical-comparative methods were applied. The chronological method made it possible to examine the dynamics of the Muslim Faction’s activities in the First and Second State Dumas, while the historical-comparative method allowed for the study of commonalities and distinctive features of historical phenomena in the Steppe Region.

Discussion. The elections to the First State Duma in the Steppe Region were held under difficult circumstances. The Steppe Region was included in the list of localities under martial law, which provided the administration with significant opportunities for arbitrariness. For example, according to a decree issued on January 24, 1906, by the military governor of Akmola Region, assemblies, demonstrations, and other mass events were prohibited.

During the Duma elections, the progressive Kazakh democratic intelligentsia intensified their activities, calling for the use of the Duma as a means to protect the rights of nomads. Despite the discrimination against the local population of the Steppe Region, this phenomenon marked the beginning of the formation of parliamentarism in Russia and its peripheries.

The election campaign for the First Duma in the Kazakh Steppe began at the end of April 1906. At that time, the State Duma had already commenced its work, while in the volosts of Semipalatinsk Region, officials had only managed to verify voter lists (Bukturgutova, 2007: 40). The pre-election struggle took place in Omsk, Akmola, Semipalatinsk, Petropavlovsk, and Ust-Kamenogorsk, where the Social Democrats showed considerable activity. They regarded the tactic of boycotting the Duma as a mistake and urged local Social Democrats to participate in the campaign. Alongside the Social Democrats, supporters of the Constitutional Democrats (Cadets) were also active in Omsk, Semipalatinsk, and Ust-Kamenogorsk.

In general, despite some revival in public life, pre-election agitation was not widely carried out, either in rural areas or in the towns of the Steppe Region. A significant portion of the urban population ignored the elections, which was largely due to the punitive policies of the local administration.

In June 1906, elections to the First State Duma were held among the peoples of the Steppe Region. As a result of the meeting of voters from Akmola Region held in Kokshetau, Sh. Kosshygul, a mullah from Kokshetau, was elected as a representative of the Kazakh people in the Duma. From the Russian population of Semipalatinsk Region, physician and Social Democrat V.I. Ishchersky was elected.

In total, during the pre-revolutionary period, 79 Muslim deputies were elected to the Duma: 25 to the First Duma, 37 to the Second Duma, and 7 to the Third Duma (Usmanova, 2005: 146–179). Among them, four deputies from the Steppe Region and Turkestan were elected to the First Duma: A. Birimzhanov, A. Kalmenov, Sh. Kosshygul, and A. Bukeikhanov. To the Second Duma, ten deputies were elected: T. Abdukhalilov, T. Allabergenov, M. Nurbardyhanov, M.T. Tynyshpaev, S.A. Mukhamedzhanov, A. Kariiev, Sh. Kosshygul, T. Nurekenov, S.B. Karataev, and A.K. Beremzhanov (Yamaeva, 1998: 276–314).

Overall, in the course of two months, the First Duma did not manage to adopt a single bill. Its main activities consisted of criticizing the policies of the government and its individual members, electing commissions, preparing responses to the tsarist government, and, above all, focusing on issues closely related to the agrarian sector.

As early as May, information began to circulate among the Duma deputies that “if tensions around the agrarian question escalate, the government will dissolve the Duma.” The tsarist authorities took advantage of this situation and, under the pretext that “deputies elected by the people are engaged in matters beyond their competence instead of legislative work,” dissolved the First Duma. Due to its premature dissolution, the formation process of the Muslim Faction was left incomplete, and it was not officially registered.

Despite the fact that the First Duma functioned for only a short period — from April to July 1906 — its activities became an important factor in the political development of the Russian Empire and influenced many areas of public life. The Duma included prominent representatives of various political parties and peoples, who demonstrated their skills in creating factions, drafting the chamber’s regulations, sending parliamentary inquiries to the government, and other important work. They paid considerable attention to education, the development of cultural and national autonomy, and the protection of national minorities. Although the First Duma’s work was short-lived, the idea of parliamentarism received support from the intelligentsia.

At the same time, despite its dissolution, public unrest in the Kazakh Steppe did not cease, which was linked to the beginning of preparations for the elections to the Second Duma.

In January–February 1907, elections to the Second State Duma were held in the Steppe Region. On the eve of the elections, the situation in the country had changed due to the decline of the revolution. As a result, the pre-election campaign involved not only the Social Democrats but also the Socialist Revolutionaries (SRs). Despite repressive measures by the authorities, and compared to the elections to the First Duma, the Social Democrats showed greater activity in both legal and illegal forms of agitation. For example, in Akmola Region, they not only distributed leaflets but also conducted pre-election campaigning to promote their tactics regarding the Duma.

Overall, as a result of the elections in the Steppe Region, the following were elected to the Second Duma: from Akmola Region — Sh. Kosshygul; from Semipalatinsk Region — T. Nurekenov;

from the Russian population of Semipalatinsk Region — N.Ya. Konshin; from the Siberian Cossack Host — I.P. Laptev; and from the Russian population of Akmola Region — the Social Democrat A.K. Vinogradov (Bukturgutova, 2007: 41).

Thus, we can see that the Second State Duma also included deputies who had been elected to the First Duma and who enjoyed authority among the people for supporting the reorganization of the socio-political system of tsarist Russia.

As noted above, the Muslim Faction in the Second Duma included Sh. Kosshygul and T. Nurekenov. The faction's aim was to defend the rights and interests of Russia's peripheral Muslim regions. The Muslim Faction's deputies also took an active part in drafting the bill on the agrarian question.

It should be noted that among the many issues discussed in the Russian parliament, the following were of particular importance:

- religious legislation (implementation of the proclaimed "freedom of conscience," reorganization of religious administrative bodies);
- education (the right to instruction in the mother tongue);
- resettlement policy and the condition of the national peripheries;
- judicial reform (conduct of court proceedings in the mother tongue);
- the question of public holidays (recognition of Muslim holidays as non-working days) (Usmanova, n.d.).

During the work of the commissions and in general debates, members of the Muslim Faction showed noticeable activity on the above issues.

The deputies of the Muslim Faction were especially active in drafting the bill on the agrarian question. At their request, the Agrarian Commission — created in the First Duma and consisting of 101 members, including 10 from the Steppe Region and Siberia — continued in the Second Duma to devote much attention to agrarian matters (Usmanova, n.d.).

Basing themselves on the program of the Ittifaq al-Muslimin party, the Muslim deputies proposed their own approach to solving the agrarian question. Their first proposal called for transferring land to the ownership of individual provinces, followed by fair redistribution not only among farmers but also among those engaged in nomadic livestock raising. At the same time, the Muslim deputies demanded a complete halt to the influx of Russian settlers into the Steppe Region. After submitting these documents to the Duma, the Muslim deputies addressed a parliamentary inquiry to the highest authority regarding the illegal actions of the resettlement commission in Kazakh lands.

Deputies elected on behalf of the Kazakh people were not given the opportunity to speak from the rostrum of the Duma, so they resorted to other means to fulfill the wishes of their constituents. For example, during the period of the Second Duma, deputies Sh. Kosshygul and T. Nurekenov visited Prince Vasilchikov, the head of the Main Administration for Land Settlement and Agriculture, to share their views on the situation of the Kazakh people and to draw the government's attention to the need to halt settlement in the Steppe provinces (Ozganbai, 1996: 85).

During the Second Duma's term, under the influence of the deputies, a Government Council was convened to address the issue of resettlement of Kazakhs. Deputies from the Steppe Region — B.B. Karataev, A.K. Beremzhanov, T. Nurekenov, and Sh. Kosshygul — took part in its work. However, despite the demands of Sh. Kosshygul and T. Nurekenov for an immediate halt to the establishment of settlement plots in the Turgay, Akmola, and Semipalatinsk provinces, the convened Government Council decided that it was impossible to meet these demands (Lysenko, 2017).

Muslim deputies also contributed to the Duma's legislative initiatives. In the First Duma, Muslims were still in the process of organizational consolidation and were limited by the Constitutional Democrats (Cadets), who held 80% of the submitted initiatives (a total of 15, of which 12 belonged to the Cadets). Therefore, without proposing independent bills, Muslim deputies signed onto Cadet bills. For example, 18 Muslim deputies, including Sh. Kosshygul, signed the Cadets' "Draft Basic Provisions on the Abolition of Restrictions on Political and Civil Rights Based on Religion and Nationality" (Usmanova, 1999: 67).

In the Second Duma, various commissions were created to prepare draft laws. The Commission on the Legal Status of the Individual, composed of 33 members, included A.V. Vinogradov, a Social Democrat elected from the Russian population of Akmola Region. The Commission on Local Courts included N.Ya. Konshin, elected from Semipalatinsk Region and possessing legal expertise (Bukturgutova, 2007).

As we can see, the deputies from the Steppe Region nominated responsible and competent individuals with legal knowledge who were capable of improving the lives of the people they represented. However, due to the expulsion of the opposition from the State Duma, the work of the commissions, which had begun to address reforms to the judicial system and legislation in Russia, was left unfinished.

In both the First and Second State Dumas, regional deputies were unable, for objective reasons, to resolve issues of organizing the judicial system and legal framework that were important for the peoples of the Steppe Region. At the same time, in their petitions to the deputies, the Kazakh people demanded amendments to the 1891 Steppe Statute. As is well known, after the introduction of the Steppe Statute in 1891, the government, by limiting the role of popular courts and the customary rights of the Kazakhs, strengthened the role of imperial law and the judicial system.

Having reviewed the activities of the First and Second State Dumas with the participation of Steppe Region deputies, it becomes clear that not a single law aimed at alleviating the conditions of the Steppe Region was adopted. Of course, this was not due to a lack of initiative on the part of the deputies. The real reason was that the state administrative system was not prepared to accept a parliamentary form of government.

On all major issues, contradictions between the Second Duma and the government took on an acute nature. The criminal prosecution of Social Democratic faction deputies, accused of organizing a military conspiracy, became the immediate reason for the dissolution of the Second Duma. Thus, on June 3, 1907, the Second State Duma was dissolved.

After the dissolution of the Second Duma, the government actively moved to political measures, primarily introducing amendments to the electoral law that restricted the rights of the population. The number of representatives from the national borderlands was reduced, and the peoples of Kazakhstan and Turkestan (with the exception of the Ural Cossack Host, which retained the right to propose one deputy) were completely deprived of voting rights.

Undoubtedly, among the members of the Muslim Faction elected to the State Duma from the Steppe Region, the role of Sh. Kosshygul and T. Nurekenov was especially significant.

Kosshygul Shaimerden (1869/1874–1932) was a public figure. He was born in the village of Qogham, Yengbekshilder district, present-day Akmola Region. He studied under Nauran Hazret and later at the Bukhara madrasa. In 1903, for distributing leaflets in Kokshetau Uezd calling for resistance to Russian colonial policy, he was exiled to Siberia, returning in 1905 amid the upheaval of the First Russian Revolution. In January 1906, he was a delegate to the All-Muslim Congress held in St. Petersburg. At the congress, he supported the need to create a national political party for Muslims and was included in the commission to draft the party's program. In 1906–1907, he was elected as a deputy to the First State Duma from Akmola Region. In 1906, he took part in the Third All-Russian Muslim Congress in Nizhny Novgorod, was elected to its presidium, and contributed to drafting resolutions on the current political situation, education, and religious affairs. He became a member of the Central Committee of the "Union of Russian Muslims" formed at the congress. He was also elected to the Second State Duma and joined the Muslim Faction (Inform.kz, n.d.).

T. Nurekenov, a compatriot of A. Bokeikhanov, was born in 1859 in a nomadic family and completed a Kazakh primary school. Later, he served as volost (district) head in Seytenov Volost of present-day Pavlodar Region. In addition, he engaged in livestock breeding and trade. Nurekenov was one of five candidates who had the opportunity to replace A. Bokeikhanov, who had been deprived of the right to run for the Second Duma due to his participation in the "Vyborg Appeal." On February 12, 1907, T. Nurekenov was accepted into the Second Duma, joined the Muslim Faction and the Siberian Group, and participated in debates on assistance for the unemployed. Unfortunately, after the dissolution of the Second Duma, his fate remained unknown (E-history.kz, n.d.).

The results of elections to the First and Second State Dumas clearly demonstrated that the peoples of the Steppe Region had an interest in democratic reforms. For this reason, despite the restriction of voting rights, individuals who enjoyed public respect and supported the reorganization of the socio-political structure—such as the Muslim Faction members Sh. Koshygul and T. Nurekenov—were elected to the Second Duma. They sought to fulfill the wishes of their constituents and remained faithful to their duties and actions.

If you want, I can also merge this with your previous translated sections into one smooth, academic-style English text. That way, it will read as a continuous paper rather than separate translations.

Conclusion. Although the First Russian Revolution of 1905–1907 ended in defeat, it had a significant impact on the development of the self-awareness of traditional Kazakh society. Under the influence of revolutionary events in Russia, outstanding figures of the Kazakh people emerged onto the political stage.

The participation of the best representatives of the Kazakh people in the work of the State Dumas of the Russian Empire played an important and decisive role in the history of the Steppe Region. In particular, the finest sons of the Great Steppe took the floor in the State Duma to declare their positions on crucial issues, first and foremost on the land question.

Overall, the effectiveness of the State Duma was rather low. This was due, of course, to the lack of established traditions, the negative attitude of the supreme authorities towards the deputies, and the skeptical perception by a large part of the population.

Nevertheless, it was an important stage of development and an essential element of the political life of society. The participation of representatives of the Steppe Region in the work of the First and Second State Dumas demonstrated the growth of civic activity among the local population.

References

Bukturgutova, 2007 — *Bukturgutova R.S.* Obshchestvennoe dvizhenie v Stepnom krae v kontse XIX — nachale XX vv. [Social movement in the Steppe Territory in the late 19th — early 20th centuries]. Extended abstract of Doctor’s thesis. Omsk, 2007. (In Russ.).

E-history.kz, n.d. — Kazakhi v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii [Kazakhs in the State Duma of the Russian Empire]. Retrieved from: <https://e-history.kz/ru/news/show/4638/> (In Russ.).

Inform.kz, n.d. — Koshygulov Shaimerden. Retrieved from: https://www.inform.kz/kz/koshygulov-shaymerden_a2261979 (In Russ.).

Lysenko, 2017 — Lysenko Yu.A. The representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the experience of fractional interaction in solving regional ethno-social problems. 2017. Retrieved from: http://case.asu.ru/files/form_312-27178.pdf

Ozganbai, 1996 — Ozganbai O. Kazakhskoe predstavitelstvo v Gosdume [Kazakh representation in the State Duma]. Mysl [Thought], 1996. No. 6. P. 85. (In Russ.).

Usmanova, 1999 — Usmanova D.M. Musulmanskaja fraktsiia i problemy «svobody sovesti» v Gosudarstvennoi dume Rossii (1906–1917) [Muslim faction and problems of “freedom of conscience” in the State Duma of Russia (1906–1917)]. Kazan: Master Line, 1999. (In Russ.).

Usmanova, 2005 — Usmanova D.M. Musulmanskije predstaviteli v rossiiskom parlamente (1906–1916 gg.) [Muslim representatives in the Russian parliament (1906–1916)]. Kazan, 2005. 584 p. (In Russ.).

Usmanova, n.d. — Usmanova D.M. Musulmanskije deputaty v Gosudarstvennoi dume (1906–1917 gg.): novaia politicheskaja elita v Rossiiskoi imperii [Muslim deputies in the State Duma (1906–1917): new political elite in the Russian Empire]. Retrieved from: https://kpfu.ru/portal/docs/F_2099887931/155_3_1_gum_11.pdf (In Russ.).

Yamaeva, 1998 — Yamaeva L.A. Musulmanskije deputaty Gosudarstvennoi dumy Rossii. 1906–1917 gg.: sbornik dokumentov i materialov [Muslim deputies of the State Duma of Russia. 1906–1917: Collection of documents and materials]. Kazan, 1998. 384 p. (In Russ.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 71-82, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_71-82

THE ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY AND THE HISTORY OF THE CREATION OF THE REPUBLIC OF ALASH

Zhussip Sultan-Khan Akkulyuly¹, Zhumatay Samat²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Director of the “Alash” Institute of Spiritual and Cultural Development

 <https://orcid.org/0009-0007-9524-636X>. E-mail: prahacz2002@gmail.com

²Institute of History of Kazakhstan and Central Asia

Astana, Republic of Kazakhstan

General Director

 <https://orcid.org/0000-0001-9667-6205>. E-mail: ihkca.kz@gmail.com

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Zhussip S.-Kh.A., Zhumatay S., 2025

Abstract. After the February Revolution of 1917, the Kazakh people and their national leaders eagerly awaited the election and convocation of the Constituent Assembly of post-imperial Russia, pinning on it the hope that it would recognize the inalienable right of the Kazakhs to national self-determination. But due to the clear defeat in the elections to the All-Russian Constituent Assembly of the Bolshevik RSDLP(b), which forcibly seized the central government of Russia in Petrograd, the convocation and continued existence of the Constituent Assembly itself turned out to be in a difficult situation. Due to the current political situation in post-imperial Russia, the leaders of the Kazakh national party “Alash” restored national statehood before the convocation of the All-Russian Constituent Assembly. After the dispersal of the Constituent Assembly, the Autonomy of Alash was transformed into a sovereign republic.

Keywords: February Revolution, Provisional Government, Constituent Assembly, elections, Kazakh deputies, all-Kazakh kurultai, national self-determination, Alash Autonomy, dissolution of the Assembly, sovereignty

For citation: Zhussip S.-Kh.A., Zhumatay S. The all-russian constituent assembly and the history of the creation of the republic of Alash // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 71-82. (In Russ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_71-82

БҮКІЛРЕСЕЙЛІК ҚҰРЫЛТАЙ ЖИНАЛЫСЫ ЖӘНЕ АЛАШ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫ

Жүсіп Сұлтан Хан Аққұлұлы¹, Жұматай Самат²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан Республикасы

Филология ғылымдарының кандидаты, доцент, «Алаш» рухани және мәдени даму институтының директоры

 <https://orcid.org/0009-0007-9524-636X>. E-mail: prahacz2002@gmail.com

²Қазақстан және Орталық Азия тарихы институты
Астана, Қазақстан Республикасы
Бас директор

 <https://orcid.org/0000-0001-9667-6205>. E-mail: ihkca.kz@gmail.com

Аңдатпа. 1917 жылғы Ақпан төңкерісінен кейін қазақ халқы мен оның ұлттық көшбасшылары постимпериялық Ресейдің Құрылтай жиналысының сайлануын және шақырылуын тағатсыздана күтті. Олар бұл жиналыс қазақтардың ұлттық өзін-өзі анықтауға деген ажырамас құқығын мойындайды деп үміттенді. Алайда Ресейдің орталық билігін Петроградта қарумен басып алған большевиктік РСДРП(б) Бүкілресейлік Құрылтай жиналысы сайлауында айқын жеңіліске ұшырағандықтан, жиналыстың шақырылуы мен әрі қарайғы қызметі күрделі жағдайға тап болды. Постимпериялық Ресейдегі қалыптасқан саяси ахуалға байланысты «Алаш» қазақ ұлттық партиясының жетекшілері Құрылтай жиналысы шақырылғанға дейін ұлттық мемлекеттілікті қайта қалпына келтірді. Құрылтай жиналысы таратылғаннан кейін Алаш автономиясы тәуелсіз республикаға айналды.

Түйін сөздер: Ақпан төңкерісі, Уақытша үкімет, Құрылтай жиналысы, сайлау, қазақ депутаттары, жалпықазақ құрылтайы, ұлттық өзін-өзі анықтау, Алаш автономиясы, жиналысты тарату, егемендік.

Дәйексөз үшін: Жүсіп С.Х.А., Жұматай С. Бүкілресейлік Құрылтай жиналысы және Алаш Республикасының құрылу тарихы // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. 71-82 бб. (Орысш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_71-82

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛАШ

Жусип Султан Хан Аккулулы¹, Жұматай Самат²

¹Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан

Кандидат филологических наук, доцент. Директор института духовного и культурного развития «Алаш»

 <https://orcid.org/0009-0007-9524-636X>. E-mail: prahacz2002@gmail.com

²Институт истории Казахстана и Центральной Азии
Астана, Республика Казахстан

Генеральный директор

 <https://orcid.org/0000-0001-9667-6205>. E-mail: ihkca.kz@gmail.com

Аннотация. После Февральской революции 1917 года казахский народ и его национальные лидеры с нетерпением ожидали избрания и созыва Учредительного собрания постимперской России, возлагая на него надежду, что оно признает неотъемлемое право казахов на национальное самоопределение. Но в связи с явным поражением на выборах во Всероссийское учредительное собрание большевистской РСДРП(б), насильственно захватившей центральную власть России в Петрограде, созыв и дальнейшее существование самого Учредительного собрания оказалось в сложном положении. В силу сложившейся политической ситуации в постимперской России лидеры казахской национальной партии «Алаш» восстановили национальную государственность до созыва Всероссийского учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания Автономия Алаш трансформировалась в суверенную республику.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, Учредительное собрание, выборы, казахские депутаты, общеказахский курултай, национальное самоопределение, Автономия Алаш, разгон Собрания, суверенитет.

Для цитирования: Жусип С.Х.А., Жуматай С. Всероссийское учредительное собрание и история создания республики Алаш // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. С. 71-82. (На Русс.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_71-82

Введение. После свержения самодержавия в России, все внимание казахской национальной интеллигенции, условно именуемой интеллигенцией или элитой «Алаш», было обращено к выборам и созыву Всероссийского учредительного собрания. Под руководством национальных лидеров казахский народ тщательно готовился к выборам и созыву Учредительного собрания. Лидеры казахского национально-освободительного движения начиная с апреля по сентябрь 1917 года организовали и провели практически во всех казахских областях съезды и курултаи областного и общенационального уровня. И постановления всех этих областных и одного июльского общенационального курултаев по этому вопросу были идентичны и обращены к предстоящему созыву с призывом провозгласить Россию демократической федеративной республикой.

Методы и материалы. В настоящей статье изучены и проанализированы исторические документы из архивов РГИА, ГАРФ, ГАТО, ЦА ФСБ РФ, материалы периодической печати периода 1917-1918 годов, как «Русское слово», «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» (Совета народных комиссаров России - Советской власти), «Туркестанский вестник», «Улуг Туркистон», «Қазақ», «Сарыарқа», «Жизнь национальностей», сборников исторических документов (Мартыненко, 1992), воспоминаний свидетелей и участников событий 1917-1918 годов (Валиди, 1994), а также научные работы отечественных ученых (Тастемир, 2012), а также исследования молодых ученых (Zhumatay, et al, 2024). В свою очередь, российские ученые (Протасов Л.Г., Луцкий Е.А., Вишняк М.В.) и зарубежные исследователи (Милюков П.Н., Oliver H. Radkey), посвятили не мало работ теме Всероссийского Учредительного собрания.

Обсуждение. После Февральской революции 1917 года в постимперской России, дальнейшая судьба бывшей колониальной империи зависела от Всероссийского Учредительного собрания, которому казахский народ во главе с национальными лидерами возлагал огромную надежду, что оно признает его неотъемлимое право на национальное самоопределение. Учредительному собранию предстояло определить государственное устройства России. Все казахские областные съезды и Общеказахско-киргизский курултай, состоявшиеся в течение 1917 года, единогласно требовали от предстоящего созыва Собрания провозглашения России федеративной демократической республикой. Но выборы в Учредительное собрание прошли 12-14 ноября 1917 года - после свержения Временного правительства и захвата власти в Петрограде большевиками в октябре (ноябре) 1917 года. Выборы в ряде казахских областей были сорваны, в Степном округе (Акмолинская и Семипалатинская обл.), вначале были перенесены на конец декабря 1917 года, затем – на февраль 1918 года, когда Собрание было уже насильственно распущено.

Так сколько всего казахских депутатов от партии «Алаш» было избрано во Всероссийской Учредительное собрание? Была ли у казахских депутатов возможность добиться признания Учредительным собранием неотъемлемых прав казахского народа на национальное самоопределения?

Результаты. Изначально планировалось проведение Учредительного Собрания (далее ВУС или Собрание) в максимально короткие сроки, о чём сообщалось в прокламации Временного Правительства от 6 марта 1917 года (Милюков, 2017: 71).

Большая группа казахской национальной интеллигенции во главе с А.Н. Букейханом, Миржакыпом Дулатулы (Дулатов), Назиром Торекулулы (Тюрякулов) Февральскую революцию встретила в тылу I-й мировой войны под Минском (Беларусь). В телеграмме «Казахам (в ориг. «Киргизам»), свободным гражданам обновляемой России!» от 16 марта 1917 года, отправленной этой группой по 25-и адресам Степного и Туркестанского краёв, отмечалось следующее:

«Взошло солнце свободы, равенства и братства для всех народов России. Необходимо казахам организовать для поддержания нового строя и нового правительства...

Казахи должны подготовиться к учредительному собранию и наметить достойных кандидатов... Наш лозунг «Демократическая республика» и земля тому, кто извлекает доход из неё скотоводством и земледелием... Не бойтесь никого, кроме Бога!» (Бюллетень, 1917).

Однако подготовка к выборам депутатов Учредительного собрания растянулась на 9 месяцев, на что повлияли две значимые причины. Первая из них была в том, что новому Временному правительству России приходилось решать одновременно множество сложнейших и насущнейших вопросов - политических, экономических, социальных, национальных. Причём в условиях массовой безграмотности ($\frac{3}{4}$) населения страны, отсутствовали необходимые для выборов правовые и технические средства и органы, сама власть была неустойчивой, да ещё в обстановке незаконченной войны и т.д. (Вишняк, 2010: 153).

Вторая причина была в том, что Временное правительство стремилось к созданию идеального и совершенного закона о выборах. С этой целью 25 марта было принято решение о необходимости образования Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Состав этого органа формировался более месяца и приступил к работе 25 мая.

В состав Особого совещания было включено 82 человека, в том числе два казаха, профессиональных юриста Жаханша Досмухаметулы (Досмухаммедов) и Уалитхан Танашулы (Уалитхан Таначев или Танашев).

Ж. Досмухаметулы (1887-1938 гг.) – после окончания юридического факультета Московского университета в 1910 году работал в судебных органах Уральска (Сарсенов, 2012). С 1912 года мировой судья на Алтае, с 1914-го - товарищ прокурора Томского окружного суда. В ноябре 1917 года избран в депутаты Учредительного собрания от Уральского избирательного округа по списку партии «Алаш», в декабре – комиссаром Временного Всеказахского Национального Совета (Правительства) Алаш Орда (Мартыненко, 1917: 74).

У. Танашулы (1887-1949 гг.) – выпускник юридического факультета Казанского университета (1912 г.); в 1910-1912 годах находился в странах Западной Европы. Депутат Учредительного собрания от Ордынского округа (Букеевская орда). В декабре 1917 г. на II Общеказахском национальном курултае (съезде) избран в члены Правительства Алаш Орда (Мартыненко, 1917: 74).

Разработка проекта Положения о выборах в Собрание была завершена в августе 1917 года. Но в результате был принят самый демократичный закон о выборах в Собрание: выборы всеобщие, равные, прямые при тайном голосовании. Принятое положение (закон) значительно опережало социальное развитие избирательного законодательства передовых стран Западной Европы и США и был революционным для России (Протасов, 1997: 368)

Впервые в истории России женщинам и военнослужащим были предоставлены избирательные права, был установлен низкий для того времени возрастной ценз в 20 лет (в Великобритании, Италии, США, Франции возрастной ценз составлял 21 год, в Бельгии, Германии, Нидерландах, Испании - 25 лет).

Положение о выборах в Собрание не признавало имущественного ценза, ценза оседлости, что непосредственно касалось прав полукочевого казахского народа, и грамотности, ограничений по сословному, вероисповедному или национальному признакам. Выборы были свободными и альтернативными.

В силу этих обстоятельств выборы были назначены на сентябрь 1917 года (Рахметов, 1930-1931: 163).

После третьего правительственного кризиса, Временным правительством было принято постановление о проведении выборов 12 ноября 1917 года, со сроком его созыва - 28 ноября (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1022. Л. 159).

В период избирательной кампании большевистская власть осуществляла давление на избирателей либо в форме юридического ограничения прав (декрет о печати, де-факто вводивший цензуру), либо в форме прямого правительственного давления, когда началось массовое закрытие газет и арест их распространителей (ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 91. Л. 130), а также уничтожение оппозиционных типографий (Русское слово, 1917). Имели место факты использования солдат для угроз с требованием, чтобы избиратели отдали голос за большевиков (ГАТО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 13. Л. 133-134).

В ходе подготовки выборов депутатов в Учредительное собрание были и другие не менее сложные задачи, самая значимой из которых – организация выборов. Избирательные участки и комиссии сталкивались с критической нехваткой юридически грамотных, или попросту грамотных людей (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 159). Поэтому к работе участков и комиссий привлекались судьи, учителя, порой дело доходило до назначения в комиссию учащихся старших классов. Невнесение граждан в списки избирателей и невыдача им именных удостоверений было ещё одной проблемой (ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 156. Л. 45).

Кроме того, необеспеченность местных избирательных комиссий элементарными расходными материалами - бумагой, карандашами, клеем и т.д., существенно затрудняло составление депутатских списков. По этой причине в ряде избирательных округов выборы были сорваны и перенесены на конец декабря 1917 года, в том числе в Степном округе (Акмолинская, Семипалат. обл.), а также Закаспийский округ (ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 7. Л. 123).

В общей сложности, выборы растянулись на три месяца. Выборы в ряде регионов, в том числе в Степном округе были назначены на февраль 1918 года, но к этому времени Собрание уже было насильственно разогнано большевиками (Большакова, 1998: 99-116).

Как подчёркивалось в цитируемой выше телеграмме от 16 марта 1917 года из Минска, казахский народ по инициативе и руководству лидеров «Алаш» тщательно готовился к выборам во Всероссийское Учредительное собрание.

Постановления всех казахских областных и одного июльского общенационального курултаев по этому вопросу были идентичны и обращены к предстоящему созыву с призывом провозгласить Россию демократической федеративной республикой (Мартыненко, 1992: 21-36, 46-53, 54-61, 62-75). Как и все подколониальные народы бывшей Российской империи, казахский народ и его лидеры не без основания возлагали огромную надежду на то, что Учредительное собрание признает его неотъемлемое право на самоопределение и возрождение своей национальной государственности. «На нас, избранных в Учредительное собрание членов партии «Алаш», - заявлял основатель и лидер движения и партии «Алаш» А. Букейхан, - падала задача добиться объявления автономии Казахстана. Движения за автономию имело место и в других национальных областях. Наша партия «Алаш» блокировалась с другими национальными партиями (Татарстана, Башкирии и др.). Основой этих блоков было: совместное требование от Учредительного собрания автономии национальных областей в составе Российского (...) государства путём доверенности с российскими (...) партиями... Я лично по всем этим вопросам вёл переговоры, как представитель национальной партии «Алаш» и других национальных партий (л. 28), с членами Временного правительства Керенского, руководителями партий кадетов, меньшевиков и эсеров» (ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № 12066. Л. 28).

Согласно закону о выборах от 200 000 населения избирается один депутат. По расчёту лидера «Алаш» А. Букейхана, в 1917 году численность казахов в 9 областях и одной губернии, в том числе Семиреченской, Сыр-Дарьинской областей, казахских уездов Самаркандской, Ферганской, Закаспийской областей

Туркестанского края и Алтайской губернии, составляла 5,4 млн человек. Следовательно, - резюмирует А. Букейхан, - казахских депутатов должно быть 27, кандидатов в депутаты (для ротации) – 13-14. Таким образом, наших депутатов всего должно быть 40-41» (Кыр баласы, 1917: 2).

В этой статье А. Букейхан на рассмотрение намеченного 21 июля 1917 года I Всеказахского курултая (съезда) выдвинул список наиболее, на его взгляд, достойных кандидатов в депутаты Учредительного собрания из 43 человек. Первый общеказахский курултай, состоявшийся 21-26 июля 1917 года в Оренбурге, целиком одобрил этот список, который затем был опубликован в газете «Казак» (Мартыненко, 1992: 50-51).

Первый курултай также принял решение о создании национальной партии, которой в ходе организационного оформления было присвоено название «Алаш». По свидетельству М. Шокая, «вся киргизская (казахская), относительно немногочисленная интеллигенция, стала под знамя (партии) «Алаш». Только несколько лиц, не принятых в эту партию из-за прошлой дореволюционной их деятельности во вред интересам народа, остались за бортом. Все киргизские съезды (курултай), как областные, так и уездные и волостные, проходили под лозунгом (партии) «Алаш» (Шокай, 2012: 243-244).

Таблица 1 - Все 43 кандидата баллотировались в депутаты Учредительного собрания по списку партии «Алаш» от следующих областей (избирательных округов)

[Table 1 - All 43 candidates ran for deputies of the Constituent Assembly on the list of the Alash party from the following regions (electoral districts)]

№ п/п	Области	Численность казахского населения (тыс. человек)	Число предполагаемых депутатов
1	Семипалатинская	754	3-4
2	Акмолинская	557	2-3
3	Тургайская	486	2,5-2
4	Уральская	536	3-2
5	Закаспийская	82	0,5
6	Сыр-Дарьинская	1 021	5
7	Семиреченская	971	5-4
8	Ферганская	431	2
9	Самаркандская	91	0,5
10	Астраханская	320	2-1

Таблица 2 - Общего числа депутатов, избранных в Учредительное собрание от коренного казахского населения и представителей других народов казахских областей
[Table 2 - The total number of deputies elected to the Constituent Assembly from the indigenous Kazakh population and representatives of other peoples of the Kazakh regions]

№ п/п	№ избирательного округа	Округ	Депутаты (план.)	Депутаты (избранные)	Примечание
1	54	Закаспийская обл.	2	нет	
2	56	Самаркандская обл.	5	5	
3	57	Семиреченская обл.	6	6	
4	58	Сыр-Дарьинская область	9	нет	
5	59	Тургайская обл.	6	5	
6	60	Уральская обл.	6	7	
7	61	Ферганская обл.	10	10	
8	65	Аму-Дарьинский округ	1	нет	
9	69	Ордынский округ	2	2	
10	72	Степной округ (Акмолинская и Семипалатинская обл.)	13	нет	Выборы в перенесены вначале на 26-30.12.1917 г., затем на февраль 1918 г.
		Итого: 47 33			

Выборы в ВУС в перечисленных казахских областях, за исключением Акмолинской и Семипалатинской областей, состоялись 12-14(25-27) ноября 1917 года, но уже при советской власти и под её давлением. Из-за перечисленных выше обстоятельств выборы в Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях были сорваны, Акмолинская и Семипалатинская были объединены в один Степной округ, но выборы в нём сначала были перенесены на конец декабря 1917 года, затем – на февраль 1918-го.

Несмотря на незавершенность выборов в ряде регионов (округов) бывшей Российской империи было признано, что Учредительное собрание сформировано. В него по одним данным было избрано 347 эсера, 180 большевиков, 81 украинских эсера, 16 меньшевиков, 15 кадетов, 11 украинских социал-демократов, 4 народных социалиста, 62 мусульманина и т.д. При этом отмечается, что общее число эсеров составляет около 450 депутатов (Протасов, 1997: 299-300). Из изначально запланированных 808 депутатов было избрано от 703 (Оливер, 1989: 71) до 766 депутатов.

Более достоверным принято считать анализ РЦИОТ при ЦИК России, согласно которым было избрано 766 депутатов, из которых 374 эсера, 180 большевиков, 24 кадетов, 22 меньшевика, 81 украинских эсера, 12 от Партии «Алаш», 10 мусаватов, 25 федералистов и автономистов (Протасов, 1997: 299-300).

Как видно из этих цитат, сведения об общем количестве избранных депутатов, особенно депутатов от казахских областей крайне противоречивы. Этому способствовала отсталая инфраструктура бывшей колониальной империи, которая не позволяла эффективно коммуницировать между округами из далёких азиатских окраин и ЦИКами, а также конфликты ввиду октябрьского государственного переворота и зимнее время года (Протасов, 1997: 93). К примеру, по данным РЦИОТ при ЦИК России, партия «Алаш» получила 12 мандатов Учредительного собрания, но в списке его депутатов, фигурирует лишь имя Мустафы Шокая, избранного от Ферганской области по списку партии «Алаш» (ГАРФ. Ф.Р-749. Оп. 1. Д. 5).

Между тем, за исключением трёх избирательных округов (или четырёх областей), от которых должны были быть избраны всего 22 депутата, из них 13 казахских, но где выборы либо признаны недействительными (Сыр-Дарьинская и Закаспийская обл.), либо перенесены на более позднюю дату (Степной округ), от оставшихся 7 областей (избирательных округов) число депутатов должно было составить не 12, а по крайней мере 17. И это предположение целиком подтверждается сведениями из книги российского историка, профессора Льва Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи» (Протасов, 2008: 464). Л.Г. Протасов приводит полный список всех избранных депутатов Учредительного собрания с краткой биографической справкой в алфавитном порядке (Протасов, 1997: 368).

Так согласно списку Л.Г. Протасова, приведённому порталом «Хронос», в ВУС от казахов было избрано не 12 депутатов, а целых 20. Но, надо отметить, что не все они указаны как выдвиженцы партии «Алаш». Соответственно практически все перечисленные на портале «Хронос» казахские депутаты Учредительного собрания, за исключением Абдурахманбека Оразайулы (в документе Абдурахман-бек Уразаев), были выдвинуты по списку партии «Алаш». А. Оразайулы, С. Акайулы (Сарыкбай Акаев), а также М. Шокай (Чокаев) были избраны в Собрание по общеферганскому списку мусульманских организаций под № 2. М. Тынышбайулы (Тынышпаев) от Семиреченского округа по списку блока социалистов № 2. По единому списку № 3 блока партии «Алаш» и Семиреченского казачьего войска в Собрание были избраны четверо – Садык Аманжолулы (Садык Аманжолов), Ыбырайым Жайнакулы (Ибраим Джайнаков) (ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 369), Диор Саурамбайулы (Саурамбаев) и семиреченский казак Степан Шендриков (Протасов, 1997).

По данным Л.Г. Протасова, выдвинутые партией «Алаш», но не указанные партийная принадлежность Губайдолла Алибекулы (Гайдолла Алибеков), Жаканша Досмухаметулы (Досмухамедов), Халел Досмухаметулы (Досмухамедов), Нургали Ипмагамбетулы (Ипмагамбетов) и Салимгерей Каратлеуулы (Салимгирей Каратлеуев) избраны по списку № 1 уральского областного казахского (киргизского) комитета; Бахтыгерей Кулманулы

(Бахтыгирей Кулманов) и Уалитхан Танашулы (Валидхан Таначев) – от Ордынского округа (Букеевская орда). Непосредственно как депутаты Учредительного собрания, избранные по списку партии «Алаш», фигурируют – А. Байтурсынулы (Байтурсунов), Ахмет Биримжан (Беремжанов), Сагындык Досжанулы (Досжанов) и Габдолла Темирулы (Абдулла Темиров) (Протасов, 2008). Всего – 20 депутатов.

Среди казахских депутатов ВУС, избранных как по списку партии «Алаш», так и по другим спискам, основатель и лидер партии «Алаш» Алихан Букейхан отсутствует. Хотя он баллотировался как кандидат по списку партии в двух округах – Тургайского и Степного. Выборы в Степном округе, как отмечалось выше, перенесли. Но в Тургайском округе список партии «Алаш» из 7 кандидатов одержал триумфальную победу. Примером триумфа «Алаш» могут послужить итоги Тургайского округа, где выборы прошли 12-14 ноября 1917 г. Например, в Тургайском уезде одноименной области на выборах фигурировали три списка: под № 1 список партии «Алаш», № 2 список партии социал-революционеров (далее эс-эры) и № 3 список партии социал-демократов (с.-д. меньшевиков). Из 68 000 избирателей уезда к урнам явилось 55 127 избирателей. Из них 54 976 голосов поданы: за список № 1 партии «Алаш», 110 голосов за список № 2 партии эс-эров и за список № 3 социал-демократов (меньшевиков) – всего 41 голос (Южный Урал, 1917: 3).

В Иргизском уезде Тургайского округа сложилась аналогичная ситуация: из 70 000 избирателей проголосовали 57 046 человек, из них за список № 1 партии «Алаш» 55 349 голосов, за список № 2 (эс-эры) 181 голоса, за список № 3 (с.д. меньшевиков) – 1516 голосов (Южный Урал, 1918: 3).

Из 400 избирателей г. Иргиза (всего 800 избирателей), явившихся к урнам, 360 голосов было отдано за список «Алаш», остальные 40 голосов за списки эс-эров и с.д. меньшевиков (Южный Урал, 1918: 3).

Так в репортаже газеты «Южный Урал» о II Общеказахском курултае, состоявшемся 5-13 (18-26) декабря 1917 года, сообщается, что А. Букейхан избран в члены Собрания от тургайской, акмолинской и семипалатинской областей (Южный Урал, 1917: 3).

Наконец, третьим источником, подтверждающим мандат А.Н. Букейхана как депутата ВУС, является т.н. Государственное совещание, состоявшееся в сентябре 1918 года в Уфе, в работу которого допускались исключительно члены Собрания. В списке участников совещания А.Н. Букейхан вместе с Х. Досмухаметулы и Б. Жахандамулы (Джахандамов) фигурирует как представитель Киргизско-Казахского Правительства Алаш Орда, Имам Алимбекулы (Алимбеков) – как представитель Всекиргизского (Всеказахского) Народного Совета Алаш Орда (Вестник Ком.: 1918, 3). Если бы мандат А.Н. Букейхана, как и любого другого участника уфимского совещания, как члена Собрания не подтвердился, его не допустили бы на совещание. Остальные казахские представители (А. Байтурсынулы, А. Биримжан, С. Досжанулы, Ж. Досмухаметулы, У. Танашулы, М. Тынышбайулы, С. Шендриков, А. Оразайулы, М. Шокай) присутствовали как члены Учредительного собрания. Таким образом, в ВУС от партии «Алаш» и в целом от казахского народа вместе с А. Букейханом, И. Алимбекулы и Б. Жахандамулы было избрано по крайней мере 23 депутата.

Но в связи с захватом большевиками центральной власти в России и особенно с их неожиданным поражением в выборах в ВУС, вопрос о автономии казахских областей целиком теперь зависел не от количества казахских депутатов, а от проигравшей эти выборы советской власти.

Свергнув Временное правительство путём вооружённого путча 25 октября (7 ноября) 1917 года и заняв его место, большевистская советская власть сама признавала, что является временной до созыва ВУС. Об этом свидетельствуют, во-первых, постановления советского правительства, правда, принятые только в период между захватом власти в Петрограде и созывом Собрания, то есть с 25 октября по 26 ноября 1917 года. Но и название официального печатного органа советского правительства отражало действительность – «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», где публиковались все его постановления, декреты

и циркуляры. Ниже приведём одно из последних постановлений советов как временного правительства:

«Постановление Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 26 ноября 1917 г. об открытии Учредительного Собрания

1. Первое заседание Учредительного Собрания собирается по приглашению комиссара над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссией по прибытии в Петроград более четырехсот членов Учредительного Собрания.

2. Заседание открывается лицом, уполномоченным на то Советом Народных Комиссаров, при наличии в зале заседания не менее четырехсот членов Учредительного Собрания.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

Комиссар над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссией М. Урицкий.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Н. Горбунов»

(Газета Врем., 1917: 1).

Очевидно, по этой причине большевики были крайне заинтересованы в легитимизации своей власти постановлением ВУС – последней и единственной легитимной власти послереволюционной России, о чём свидетельствует постановление от 27 октября (9 ноября) 1917 года «о произведении выборов в назначенный (свергнутым Временным правительством. – Авт.) срок – 12 ноября» его депутатов (Газета Врем., 1917: 1).

Также очевидно, что большевики решились на этот рискованный шаг из уверенности в своей безусловной победе в выборах, для чего предпринимали все меры, вплоть до грубых нарушений закона о выборах. Но выборы завершились полной победой эсеров, которые вместе с украинскими эсерами получили более 50% мандатов Учредительного собрания, тогда как большевики набрали чуть больше 34% (по другим данным чуть более 38%).

Собрание собралось на первое своё заседание в Петрограде в срок, назначенный предыдущим легитимным Временным правительством – 28 ноября (11 декабря) 1917 года. Но большевистские депутаты бойкотировали его, из-за чего первое заседание Собрания не набрало кворум. В связи с отсутствием кворума, оно закрылось.

Бойкот большевиков окончательно разбил надежду не только лидеров партии «Алаш» на созыв Учредительного собрания, но и всех народов постимперской России и ускорил процесс автономизации по всей бывшей империи. Вслед за падением Временного правительства и вероломного захвата большевиками власти в Петрограде, а также перехода Уфы (26 октября) и Ташкента (28 октября) под контроль советов, А. Букейхан, занимавший пост комиссара свергнутого Временного правительства в Тургайской области, в конце октября – начале ноября 1917 года собрал своих ближайших соратников по партии «Алаш» на экстренное совещание в своей резиденции в Оренбурге. По свидетельству бывшего главы Башкирской автономии А.-З. Валидова, на совещании, продолжавшегося 2 дня, обсудили ситуацию, сложившуюся в казахских Степном и Туркестанском краях и России в целом. «Решили сохранить верность идеям демократии и Учредительного собрания, не признавать (власть) большевиков, ориентироваться на Украину, осуществляющую политику областной автономной самостоятельности. Договорились в конце декабря в одни и те же дни созвать в Оренбурге казахский и башкирский курултай, в Туркестане также стать на путь борьбы за суверенитет», утверждал далее А.-З. Валидов, участвовавший на этом совещании (Валиди, 1994: 214-215).

В ноябре газеты «Қазақ» (г. Оренбург), «Сарыарқа» (г. Алаш) и Бірлік туы» (г. Ташкент) опубликовали телеграмму лидеров «Алаш», в которой сообщалось о созыве в Оренбурге чрезвычайного общеказахского курултая курултая. Курултай был намечен на 5 декабря 1917 года, в повестку дня которого стоял вопрос о создании национальной милиции для защиты отечества от угрозы интервенции советской власти (Букейханов и др., 1917: 1).

Как отмечалось выше, на совещании в резиденции А. Букейхана в Оренбурге участники договорились, что «в Туркестане также стать на путь борьбы за суверенитет».

26 ноября 1917 года в г. Коканде собрался IV Краевой чрезвычайный мусульманский курултай, который на заседании от 27 ноября «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возведённых Великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной демократической Российской Республикой» (Туркестанский вестник, 1917).

Курултаем были избраны органы власти Туркестанской автономии. Представительным и законодательным органом стал «Временный Народный совет» в составе 54 депутатов, исполнительным - Временное правительство из 12 членов.

Как было согласовано на совещании в Оренбурге, 5(18) декабря 1917 года в Оренбурге начался II Общеказахский курултай, по постановлению которого от 12 декабря была образована Национально-территориальная Автономия Алаш, имеющая все признаки суверенного государства. Курултаем так же был избран её Временный Народный Совет (Правительство) Алаш Орда, из трёх альтернативных кандидатов А. Букейхан был избран его председателем (Мартыненко, 1992: 69).

Совет народных комиссаров своим постановлением от 20 декабря дату открытия сессии Учредительного собрания назначил на 5 января 1918 года (Газета Врем., 1917: 1). Но члены Правительства Алаш орда, избранные в Учредительное собрание по списку партии «Алаш», ясно представляя обречённость Собрания, решили не присутствовать на открытии его сессии.

Заключение. 5(18) января 1918 года Учредительное собрание провозгласило Россию Федеративной Демократической Республикой, тем самым отказавшись от монархической формы правления, как того требовали все казахские областные и общенациональные курултай (съезды) 1917 года, отменило частную собственность на землю (Луцкий, 1917-1918: 102). Отмены частной собственности на землю упорно и последовательно добивался лидер «Алаш» А. Букейхан начиная с 1906 года и она также была одной из трёх важных причин его выхода из рядов кадетской партии в 1917 году (Қазақ, 1917: 3). Собрание также успело призвать к заключению мирного договора (ГАРФ. Ф. Р-749. Оп. 1 Д. 5). Но оно отказалось рассматривать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая наделяла бы Советы рабочих и крестьянских депутатов государственной властью, тем самым пытаясь сделать нелегитимными дальнейшие действия большевистских советов (ГАРФ. Ф.Р-749. Оп. 1 Д. 5).

Большевики за этот отказ решили насильственно разогнать Учредительное собрание. Таким образом, 6(19) января 1918 года Россия, во-первых, лишилась последней и единственной легитимной власти. Во-вторых, Россия не стала федерацией, как на это возлагали большую надежду бывшие ее колониальные народы, в том числе казахский народ на своих областных и общенациональных курултаях 1917 года.

В условиях безвластия в России, Автономия Алаш трансформировалась в республику, обладающую всей полнотой государственной власти, то есть суверенитетом, не ограниченным внешними наднациональными органами власти. И Алаш Орда, уполномоченная курултаем «вести переговоры о блоках (союзах, альянсах) с другими автономными соседями», в течение 1918-1920 годов осуществляла самостоятельную (суверенную) внешнюю политику, ведя переговоры в условиях гражданской войны по вопросам о взаимном признании, военно-политическом союзе и совместной борьбе против советской власти.

Следует также отметить, что после принятия советской властью 1(14) ноября 1917 года «Декларации прав народов России», следуя своей же декларации она должна была признать суверенитет новообразованных национальных автономных государств в лице тех же Алаш, Туркестана, Украины, Башкирии и многих других. Но вместо этого большевистская власть против них предприняла интервенцию.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАТО — Государственный архив Томской области

РГИА — Российский государственный исторический архив

РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Sources

CA FSS RF — Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation
 PSHA — Russian State Historical Archive
 RPE — Russian political encyclopedia
 SARF — State Archive of the Russian Federation
 SATR — State Archive of the Tomsk region

Литература

- Большакова, 1998 — *Большакова О.В.* Всероссийское Учредительное Собрание история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История, 1998. № 4. С. 99-116.
- Букейханов и др., 1917 — *Букейханов А., Дулатов М., Байтурсынов А., др.* Орынбордан телеграм. «Сарыарка», 18.11.1917 г., № 20. с.1.
- Бюллетень, 1917 — *Бюллетень* Семипалатинского областного исполнительного комитета. 1917, № 11.
- Валиди, 1994 — *Тоган Заки Валиди.* Борьба народов Туркестана и др. восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. I. Уфа: «Китап», 1994. 394 с.
- Вестник Ком., 1918 — *Вестник Комитета членов Учредительного собрания*, 1918. Государственное совещание в Уфе. 18.09.1918, № 59. с.3.
- Вишняк, 2010 — *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное Собрание. М: «Российская политическая энциклопедия» РОССПЭН, 2010. 478 с.
- Газета Врем., 1917 — *Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства.* 28.10.1917. № 1. с.1. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 28.11.1917. № 20. с.1. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 28.12.1917. № 42. с. 1.
- Қазақ, 1917 — *газета Қазақ.* 23.12.1917. № 256. с. 3.
- Қыр баласы, 1917 — *Қыр баласы.* Казахские депутаты. Орынбор: «Қазақ». 04.07.1917. № 235. с.2.
- Луцкий, 1917-1918 — *Луцкий Е.А.* Проект Закона о земле Всероссийского Учредительного Собрания. 1917-1918 гг. с. 102.
- Мартыненко, 1992 — *Сост. Н. Мартыненко.* Алаш-Орда: Сборник документов. Алматы: Мало издательство «Айқап», 1992. с.192
- Милюков, 2017 — *Милюков П.Н.* История второй русской революции. В 3 ч. Ч.1/под ред. Л.М. Суриса М. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. с.309
- Оливер, 1989 — *Оливер Х. Рэдки.* Россия идет на выборы: выборы во Всероссийское учредительное собрание, 1917. с.477 Итака; Лондон: Корнеллский университет. издательство, 1989. с.71.
- Протасов, 1997 — *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. Москва, РОССПЭН, 1997. с.368
- Протасов, 2008 — *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. Портрет в интерьере эпохи. М., РОССПЭН, 2008. с.464
- Рахметов, 1930-1931 — *Подготовил к печати Рахметов. В.Н.* Первый Всероссийский съезд советов р. и с. д.: (Стенографич. отчет): Т.1-2. Центархив.Т.2. 489 с. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930-1931. (Л.: тип. Печатный двор) с.163.
- Русское слово, 1917 — *Русское слово:* газета политическая, общественная, экономическая и литературная (без предварительной цензуры); Москва, 25 октября, 1917.
- Сарсенов, 2012 — *Сарсенов А.* Жаканша Досмухамедов – юрист, исследователь, общественный деятель. Прикаспийская коммуна. 25.09.2012.
- Тастемир, 2012 — *Тастемир Д.* Жаканша Досмухамедов - лидер Западной Алаш-орды в 1918-19 гг. // «Юридическая газет». 3 февраля 2012
- Туркестанский вестник, 1917 — *Туркестанский вестник.* 9 декабря, 1917.
- Шоқай, 2012 — *Шоқай М.* Шығармаларының толық жинағы. Он екі томдық. Алматы: «Дайк-Пресс», 2012. Т. 9. с. 600.
- Южный Урал, 1917 — *Южный Урал.* Итоги выборов в Тургайской области. Тургайский уезд. Оренбург: «Южный Урал», 1917. 30.11. № 64. с.3. Н.Ч. Второй Общекиргизский и Третий Общешкиргизский Съезды. «Южный Урал», 14.12.1917. № 75.с. 3.
- Южный Урал, 1918 — *Южный Урал.* Итоги выборов в Учред. Собр. по Иргизскому уезду Тург. Области. «Южный Урал», 01.01.1918. № 87. с. 3.
- Zhumatay, et al, 2024 — *Zhumatay S., Mukanov O.N., Mukanova G.K., Bimakanov Z.Sh.* Избирательное право и его реализация казахами-депутатами Российской Государственной Думы в начале XX века. Алихан Букейханов и Шаймерден Коспыгулов // *Vylye Gody.* 2024. 19(1). 395-406.

References

Boldakova, 1998 — *Boldakova O.V.* (1998). Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie istoriya rozhdeniya i gibeli [All-Russian Scientific Assembly and the theory of births and deaths]. M.: ROSSPEN, 1997. 368 p. // Social and humanistic Sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History, No. 4. pp. 99-116. (In Russ.).

- Bukeikhanov et al., 1917 — *Bukeikhanov A., Dulatov M., Baitursynov A. et al.* Orynbordan telegram. [Orenburg Telegram]. «Saryarka», 18.11.1917, No. 20. p.1. (In Russ.).
- Bulletin, 1917 — *Bulletin* Semipalatinskogo oblastnogo ispolnitelnogo komiteta [Bulletin of the Semipalatinsk Regional Executive Committee.]. 1917, № 11. (In Russ.).
- Bulletin, 1918 — *Bulletin* of the Committee of Members of the Constituent Assembly, 1918. State Meeting in Ufa. Vestnik Komiteta chlenov Ychreditelnogo sobrania. [Bulletin of the Committee of Members of the Constituent Assembly]. 18.09.1918, No. 59. p.3. (In Russ.).
- Kazakh, 1917 — *Kazakh* newspaper [Kazakh]. 23.12.1917. No. 256. p. 3. (In Kaz.).
- Kyr balasy, 1917 — *Kyr Balasy*. Qazaq depytattary [Kazakh deputies]. Orynbor: «Kazakh». 04.07.1917. No. 235. p.2. (In Kaz.).
- Lutsky, 1917-1918 — *Lutsky E.A.* Proekt Zakona o zemle Vserossiiskogo Ychreditelnogo Sobrania. [Draft Law on Land of the All-Russian Constituent Assembly] 1917-1918 p. 102. (In Russ.).
- Martynenko, 1992 — *Martynenko N.* Alash-Orda: Sbornik dokumentov. [Collection of documents] Almaty: Malo publishing house "Aykap", 1992. p.192 (In Russ.).
- Milyukov, 2017 — *Milyukov P.N.* Istoria vtoroi rysskoi revolusii. [The history of the Second Russian Revolution] At 3 p.m.1/edited by L.M. Suris M. M.: Berlin: Direct Media, 2017. p.309 (In Russ.).
- Newspaper of the Prov., 1917 — *Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government*. 28.10.1917. No. 1. p.1. Gazeta Vremennogo Rabocheho i Kresanskogo Pravitelstva. [Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government] 28.11.1917. No. 20. p.1. Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government. 28.12.1917. No. 42. p. 1. (In Russ.).
- Oliver, 1989 — *Oliver H.* Radki. Rossia idet na vybory: vybory vo Vserossiiskoe ychreditelnoe sobranie [Russia goes to the polls: elections to the All-Russian Constituent Assembly], 1917. p.477 Ithaca; London: Cornell University publishing house, 1989. p.71. [in English]
- Protasov, 1997 — *Protasov L.G.* All-Russian Constituent Assembly: Vserossiiskoe Ychreditelnoe sobranie: Istoria rojdenia i gibeli [The history of birth and death]. Moscow, ROSSPAN, 1997. p.368 (In Russ.).
- Protasov, 2008 — *Protasov L.G.* Ludi Ychreditelnogo sobrania. Portret v interere epohi. [People of the Constituent Assembly. Portrait in the interior of the epoch] Moscow, ROSSPAN, 2008. p.464 (In Russ.).
- Rakhmetov, 1930-1931 — *Rakhmetov V.N.* Perviy Vserossiyskiy s'ezd Sovetov R. I s. d.: (Stenographer. otchet).: [The first All-Russian Congress of Soviets of R.] vol.1-2. C.Vol.2. 489 c. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1930-1931. (L.: type. Sad Yard) p.163. (In Russ.).
- Russian Word, 1917 — *Russian Word*. Rysskoe slovo: gazeta politicheskaja, obshestvennaja, ekonomicheskaja i literaturnaja (bez predvaritelnoi senzury) [Russian Word: a political, social, economic and literary newspaper (without prior censorship);] Moscow, October 25, 1917. (In Russ.).
- Sarsenov, 2012 — *Sarsenov A.* Zhakhansha Dosmukhamedov – iyrist, issledovatel, obshestvennyi deiatel [Zhakhansha Dosmukhamedov – lawyer, researcher, public figure] - The Caspian commune. 25.09.2012. (In Russ.).
- Shokay, 2012 - *Shokay M.* Shygarmalaryn tolyk zhinagi. He's a tomdyk [A complete collection of his works. Twelve volumes]. Almaty: «Dyke Press», 2012. Vol. 9. p. 600. (In Kaz.).
- Tastemir, 2012 — *Tastemir D.* Zhakhansha Dosmukhamedov - lider Zapadnoi Alash-ordy v 1918-19 g. [Zhakhansha Dosmukhamedov - leader of the Western Alash Horde in 1918-19] // "Yuridicheskaya gazeta". February 3, 2012 (In Russ.).
- Turkestan Bulletin, 1917 — *Turkestan Bulletin*. Tyrkestanskii vestnik. [Turkestan Bulletin] December 9th, 1917. (In Russ.).
- Vishnyak, 2010 — *Vishnyak M.V.* Vserossiiskoe Ychreditelnoe Sobranie. [All-Russian Constituent Assembly] p.478 M: «Russian Political Encyclopedia» RPE, 2010. p.478 (In Russ.).
- Walidi, 1994 — *Togan Zaki Walidi*. Borba narodov Tyrkestana i dr. vostochnyh mysylman-turkov za nasionalnoe bytie i sohranenie kul'tury. Book I. Ufa: Kitap, [The struggle of the peoples of Turkestan, etc. Eastern Muslim Turks for national existence and preservation of culture] 1994. 394 p. (In Russ.).
- Yuzhny Ural, 1917 — *Yuzhny Urals*. Itogi vyborov v Tyrgaiskoi oblasti. Tyrgaiskii yez. [The results of the elections in the Turgay region. Turgay county] Orenburg: «Yuzhny Ural», 30.11.1917. No. 64. p. 3. N.H. Vtoroi Obshekirgizskii i Tretii Obshebashkirskii Siezy. [The Second All-Kyrgyz and Third All-Bashkir Congresses.] «Yuzhny Ural», 14.12.1917. No. 75.p. 3. (In Russ.).
- Yuzhny Ural, 1918 — *Yuzhny Urals*. Areas. Itogi vyborov v Ychred. Sobr. po Irgizskomy yezy Tyrg. Oblasti. "Yuzhny Ural" [The results of the parliamentary elections. The collection of the Irgiz district Turg.], 01.01.1918. No. 87. p. 3. (In Russ.).
- Zhumatay et al, 2024 — *Zhumatay S., Mukanov O.N., Mukanova G.K., Bimakanov Z.Sh.* The right to vote and its implementation by Kazakh deputies of the Russian State Duma in the early twentieth century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov // *Bylye Gody*. 2024. 19(1). 395-406.

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 83-92, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_83-92

HISTORICAL AND MENTAL-SYMBOLIC MEANING OF THE ARCHETYPE “ALASH” IN THE KAZAKH SOCIO-CULTURAL SOCIETY OF THE XX CENTURY

Kemengger Kaiyrbek R.¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Kazakh Literature
 <https://orcid.org/0000-0003-0691-4527>. E-mail: kkemenger@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Kemengger K.R., 2025

Abstract. Analysis of the archetypal-mental, symbolic meaning of the motto «Alash» in Kazakh society at the beginning of the twentieth century in a new aspect, study of the underlying historical reality, reasoning of spiritual and cultural strength, disclosure of expressive and emotional coloring is one of the most pressing problems in the field of Alash studies today. In this historical period, the meaning of the word Alash, which was adopted in Kazakh society along with the concept of liberation, has deep roots. At this time, the motto Alash was widely used among the Kazakh people and showed its mental and symbolic meaning in a new quality. The slogan, preserved in the historical memory of the nation, went to the level of the nature of the concept that awakened the country, United it, called for political struggle. He brought the consciousness of the Kazakh community to the national level, which led a nomadic lifestyle, lived in a tribal and tribal understanding. The path of Alash is a spiritual heritage, a sacred force that serves the independence of modern Kazakhstan. It is a spiritual value that strengthens the country, leads young people to creativity, initiates solidarity, multiplies morality in the people, encourages respect for sacred concepts such as native land, native language, customs and traditions, the way of ancestors, inspires patriotic feelings called my state-pride, fosters such noble qualities as charity, brotherhood, friendship. The article analyzes the historical origins of the Alash national liberation movement before the Kazakh revolution of 1917, its renaissance character, and its impact on the awakening of the Kazakh nation. The tendency of the Kazakh people to concentrate on the Alash archetype, the desire for statehood is considered. Documents and research revealing the reality of the historical period are analyzed, excerpts from folklore, artistic written literature are given. The historical and mental-symbolic meaning of the motto «Alash» in Kazakh society, its value in the spiritual process are revealed.

Keywords: Kazakh society, alash archetype, alash idea, alash movement, folklore materials, mental and symbolic meaning

Acknowledgments. This research has been/was/is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR28713085).

For citation: Kemengger K.R. Historical and mental-symbolic meaning of the archetype «Alash» in the Kazakh socio-cultural society of the XX century // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 83-92. (In Eng.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_83-92

XX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ҚОҒАМЫНДАҒЫ «АЛАШ» АРХЕТИПІНІҢ ТАРИХИ ЖӘНЕ МЕНТАЛДЫҚ-СИМВОЛДЫҚ МӘНІ

Кемеңгер Қайырбек Ризабекұлы¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан Республикасы

Филология ғылымдарының кандидаты, доцент,

қазақ әдебиеті кафедрасының меңгерушісі

 <https://orcid.org/0000-0003-0691-4527>. E-mail: kkemenger@mail.ru

Аннотация. XX ғасырдың басындағы қазақ қоғамында «Алаш» ұранының архетиптік-менталдық, символдық мәнін жаңа қырынан талдау, оның астарындағы тарихи шындықты зерттеу, рухани-мәдени қуатын негіздеу, айшықты әрі эмоциялық реңкін ашу – бүгінгі алаштану саласындағы ең өзекті мәселелердің бірі. Бұл тарихи кезеңде азаттық ұғымымен қатар қазақ қоғамында орныққан «Алаш» сөзі терең тарихи тамырларға ие болды. Осы тұста «Алаш» ұраны қазақ халқы арасында кеңінен қолданылып, өзінің менталдық және символдық мәнін жаңа сапада көрсетті. Ұлттың тарихи жадында сақталған бұл ұран елді оятқан, біріктірген, саяси күреске шақырған ұғым деңгейіне көтерілді. Ол көшпелі өмір сүрген, рулық-тайпалық түсінікпен өмір кешкен қазақ қауымының санасын ұлттық деңгейге жеткізді. «Алаш» жолы – қазіргі Қазақстанның тәуелсіздігіне қызмет ететін рухани мұра, киелі күш. Ол елді нығайтатын, жастарды шығармашылыққа жетелейтін, бірлікке бастайтын, халықтың адамгершілік қасиеттерін еселейтін, туған жер, ана тілі, салт-дәстүр, ата жолы секілді киелі ұғымдарға құрмет сезімін оятатын, «менің мемлекетім – мақтанышым» деп аталатын отансүйгіштік сезімін шабыттандыратын, мейірімділік, бауырмалдық, достық сияқты ізгі қасиеттерді тәрбиелейтін рухани құндылық. Мақалада 1917 жылғы Қазақ төңкерісіне дейінгі «Алаш» ұлттық-азаттық қозғалысының тарихи бастаулары, оның ренессанстық сипаты және қазақ халқының оянуына тигізген әсері талданады. Қазақ халқының «Алаш» архетипіне топтасу үрдісі, мемлекеттілікке ұмтылысы қарастырылады. Тарихи кезең шындығын ашатын құжаттар мен зерттеулер талданады, фольклор мен көркем жазба әдебиеттен үзінділер беріледі. Қазақ қоғамындағы «Алаш» ұранының тарихи және менталдық-символдық мәні, оның рухани үдерістегі құндылығы айқындалады.

Түйін сөздер: Қазақ қоғамы, алаш архетипі, алаш идеясы, алаш қозғалысы, фольклор материалдары, менталдық және символдық мән

Алғыс. Бұл ғылыми мақала «BR28713085 – XX-XXI ғасырлардың алғашқы ширегіндегі зияткерлік тарихты қазақ тарихшылары мен әдебиетшілерінің еңбектері арқылы кешенді пәнаралық зерттеу» жобасын іске асыру шеңберінде дайындалды.

Дәйексөз үшін: Кемеңгер Қ.Р. XX ғасырдағы қазақ әлеуметтік-мәдени қоғамындағы «Алаш» архетипінің тарихи және менталдық-символдық мәні // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 83-92 бб. (Ағылш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_83-92

ИСТОРИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРХЕТИПА «АЛАШ» В КАЗАХСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ XX ВЕКА

Кемеңгер Каирбек Ризабекұлы¹

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Астана, Республика Казахстан

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой казахской литературы

 <https://orcid.org/0000-0003-0691-4527>. E-mail: kkemenger@mail.ru

Аннотация. Анализ архетипического, ментального и символического значения лозунга «Алаш» в казахском обществе начала XX века в новом аспекте, изучение лежащей в его основе исторической реальности, обоснование духовно-культурной силы, раскрытие его выразительной и эмоциональной окраски – одна из наиболее актуальных задач современной алашеведческой науки. В данный исторический период слово «Алаш», закрепившееся в казахском обществе наряду с понятием свободы, имело глубокие исторические корни. В это время лозунг «Алаш» широко использовался среди казахского народа и проявил своё ментальное и символическое значение в новом качестве. Сохранившийся в исторической памяти нации, этот призыв поднялся до уровня концепта, пробуждающего страну, объединяющего народ и призывающего к политической борьбе. Он вывел сознание кочевого, жившего родоплеменным укладом казахского общества на национальный уровень. Путь «Алаш» – это духовное наследие, священная сила, служащая независимости современного Казахстана. Это духовная ценность, укрепляющая страну, побуждающая молодёжь к творчеству, иницирующая единство, умножающая нравственность народа, воспитывающая уважение к таким сакральным понятиям, как родная земля, родной язык, обычаи и традиции, путь предков; вдохновляющая патриотические чувства, выраженные словами «моё государство – моя гордость»; формирующая такие благородные качества, как милосердие, братство, дружба. В статье анализируются исторические истоки национально-освободительного движения «Алаш» до Казахской революции 1917 года, его ренессансный характер и влияние на пробуждение казахской нации. Рассматривается тенденция казахского народа к консолидации вокруг архетипа «Алаш», стремление к государственности. Анализируются документы и исследования, раскрывающие реальность исторического периода, приводятся фрагменты из фольклора и художественной письменной литературы. Раскрываются историческое и ментально-символическое значение лозунга «Алаш» в казахском обществе, его ценность в духовных процессах.

Ключевые слова: Казахское общество, архетип «Алаш», идея «Алаш», движение «Алаш», материалы фольклора, ментальное и символическое значение

Благодарность: Научная статья подготовлена в рамках реализации проекта «BR28713085 – Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов».

Для цитирования: Кеменгер К.Р. Историческое и ментально-символическое значение архетипа «Алаш» в казахском социокультурном обществе XX века // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. С. 83-92. (На Англ.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_83-92

Introduction. There are a number of opinions about the historical and etymological meaning of the word Alash. Among them, we consider the version associated with The Legend of Sultan Ahmet Khan (1465/66-1503/04), the ruler of Mogulistan, who became alasha Khan. We read the opinion about where the concept of Alash originates in the work of the founder of Kazakh written literature, poet, thinker Abay Kunanbayuly (1845-1904) «a little word about where the Kazakh bottom came from»: «...Akhmet Khan killed many Kalmyks, killed many. The Kalmyk, according to His Grace, said: «this one was a Alash», instead of saying that he was a recipient of Souls. Therefore, he became alasha Khan. This is how it is written in «Babur Nama». Then the Khan put this horse because of the fear of Kalmyk, and now he ordered you to put the motto «Alash-Alash» in the time you rode, and when you shouted at them, he said «Alash-Alash» with the cries of many souls. Therefore, when «Alash-Alash», when Alash Khan, what we did not do to Kalmyk, that is why Alash Chantan became Kazakh» (Abay, 1995: 224).

The word Alash is not widely used in the artistic works of Abay Kunanbayev, who lived in the second half of the XIX century. In the poems of the poet, such words as Kazakh, zhurtym, Elim were used a lot. This example shows us that until the beginning of the twentieth century, when the National Liberation Movement Alash was born, the word Alash was not an asset in the public lexicon. The leaders of the Alash movement were imbued with Abay's heritage. There is reason to believe that in

the cognitive work of the poet «a little word about where the Kazakh bottom came from» he used the legend that the concept of Alash was a slogan for the name of the future party and movement.

Materials and methods. Materials from the collection of the historical archive of the Omsk region of the Russian Federation, the library of the Omsk Museum of local lore of the Russian Federation, the Omsk State Regional Scientific Library named after A.S. Pushkin of the Russian Federation, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, the National Academic Library of the Republic of Kazakhstan, the National Library of the Republic of Kazakhstan were used to write the article.

The methodological basis of the study was the principles of dialectical logic, objectivity, historicity, and systematic approaches. Specific historical conditions that took place in Kazakh society, their certain causal relationships were considered. Critical analysis of archival and library materials, chronological, historical-systemic, as well as comparative historical analysis were identified as a feature of social ethno-cultural models. The author's materials from the periodical of the early twentieth century were taken as a basis.

Discussion. The historical, linguistic and literary meaning of the concept of Alash is analyzed by the Kazakh researcher A. Sharip in his scientific monograph (Sharip, 2013: 123-130). The Book Of Ulugbek («Tarikh Ulys arbiya, Nasab namen kazak»), Kadyrgali Zhalayyr («Jamiat-tauarih»), Shokan Ualikhanov, Kurbangali Khalid («Tawarih Hamsa»), Shakarim Kudaiberdiuly («Turik, Kyrgyz-Kazakh ham khandar shezhiresi»), Alikhan Bukeikhan («Kazakh» newspaper, 1913, № 12), Khalel Dosmukhameduly («Alash» ne soz?». «Kazakh» newspaper, 1913, № 25), etc. in the works of Alash pen figures, as well as scientists of this day, the concept of Alash is revealed. The word «Alash» was given to the name of the party in the National Liberation Movement Alash, the secret of becoming a slogan, its reflection in fiction was studied.

The key to revealing the mental and symbolic meaning of the concept of Alash is found in the work of the Alash figure firewood Alzhanuly (1872-1918). In 1897, the figure published several legends about Alasha Khan in the newspaper of the Steppe Walayat. The heritage, which has a philological and historical and ethnographic character, «Alasha Khan and his son Jochi Khan», was published in the issues of the newspaper No. 13, 14, 18 of 1897 (Alzhanuly, 2004: 395-400). The work, based on the legend, began as follows: «according to the genealogy and the country, the first Kazakh Khan was Alasha Khan. It is a ritual that all the Turkic people call after their heroes or Khans. For this reason, Kazakhs called themselves «Alash», or «people of Alash» (Dala ualayt newspaper, 1990: 118). Having studied why the Kazakh calls himself Alash, where is the ultimate meaning of this concept, the educator gave an example of the popular proverb among the Kazakhs «Alash Alash, Alasha Khan».

Educator-teacher, collector of National Antiquities, statistician, translator, one of the first professional journalists of Kazakh origin, member of the government of Alashorda and organizer of the Alash creation Oтынshinshi Alzhanuly was born on August 12, 1873 in the sixth village of Naryn volost (now Tarbagatai District of East Kazakhstan region), in the Zaisan District of the former Semipalatinsk region. In 1882, he entered the Russian-Kazakh primary school for boys in Zaisan, from which he graduated with honors in 1887 (TGA RK. F.491. Op.1. D.13). Then the young Talap graduated from the District School (1890), The Teachers ' Seminary (1894) in Omsk, the center of the Akmola region and the Steppe region (IAOO. F.115 Op.49 D.74). He was a teacher at the Russian-Kazakh school in Omsk, since 1895 he worked as a linguist in the Akmola regional court. He helped the Kazakhs, who came in search of help, and defended their interests before the Russian uluses.

In the Year of publication of O. Alashanuly's work «Alasha Khan and his son Jochi Khan», the first census of the population was carried out in the Russian Empire. The figure took part in the census and went on a campaign in the Atbasar region of Akmola region. During the visit, he collected and published legends about Alasha Khan and Jochi Khan from Atbasar, Ulytau regions. In his work, the educator calls the peoples who unite within the Turkic community «our Alash child» and wear the

Alash motto. Among them first points to the Nogai peoples of Siberia. In this regard, we know that Nogai – the Turkic peoples of Siberia. The article used the word Nogai in the meaning of the Turkic word. It is known that at the end of the XIX century, at the beginning of the XX century, Kazakhs also called Tatar Nogai. The reason for all this was that Once Upon a time Nogai was a named Ulus, separated from the Golden Horde, the Nogai Khanate lived a separate life, and the title spread far away. It should be noted that the article was not written when the word Nogai was not included in a wide range of Turkic peoples, as it is today, only one people with a small number. And among the Siberian Turks, among the peoples with the same Kazakh roots, we can first mention the peoples of today's Altai, Khakas, Tuva, Shor. «Judging by these words, one might think that one day the Nogai people and the Kazakh people were one Khan. At the time of trouble, the Kazakh and Nogai say to each other: are we not citizens of Alash!» (O.Alzhanuly, 2004: 118). According to the study of O.Alzhanuly, the roots of the word «Kazakh» and «Nogai» in the era of one Khan are drawn to ancient history.

There is a deep meaning in the words of O. Alzhanuly, referring to the free time of the Turkic peoples, who did not fall under the colonial yoke, and the Dauren, who created a Khanate in his own right. The figure, referring to the era of Genghis Khan, the Ulus of Jochi, said that all the Alash-chanted Turks were one country in the Golden Horde state, and also did not hide his longing for the past. In his expert analysis, which sought to study the roots of the word Alash, the surname of alasha Khan, the writer set several goals. First, they tried to explain the content of some Kazakh words, to determine the meaning they expressed in ancient times. Seeking to reveal the etymology of the word. For example, he analyzed what the word Alash means, where its origin comes from. Secondly, a number of legends about Alasha Khan and Jochi Khan were brought together and conducted an cognitive study on the question of whether people were in history. In addition, he gave information about the ancient history of the Kazakh people. Thirdly, the article cites the names of Kazakh lands and waters, focusing on the reason why they are called so. He noted that the ancient owner of the country and land is the Kazakh people, whose name is mentioned in the legend.

In comparison with the three legends about alasha Khan published by O.Alzhanuly, it can be seen that they have similar sides. In all three legends, alasha Khan is the son of Bukhar Khan. In different ways, alasha Khan is elected Khan of the Kazakh people. In one case, the father allowed him to go, and in the other, he expelled his son from the country of Bukhar. In the third legend, Alasha Khan is appointed by himself to the Kazakh people. The only son of alasha Khan, Jochi Khan, died while hunting. It is delivered by the Ketbuk poet dombra to alasha Khan. The Legend of Jochi Khan, widely known on this day, says that the Khan was killed by an ass kick. And in the version of O. Alzhanuly, Jochi Khan, when a crowd pulls a bow to the kulan, the kulans do not run away, but crush it and bite it to death. Only one glass leaves.

The second version of the legend tells about the giant slave of Alasha Khan named Dombaul. He saddles two horses, Kabankulak, Aunkey, and goes to Betpakdala, hoping to kill all the kulan. He kills all of the asses who flee towards the noise, leaving only five. The place where five kulans crossed the Chu river is called "Five kulans" on this day. «I don't know», he said. He calls the Bee a «boar». About five kilometers from the same mountain, the horse Aunkey dies. The people call this place «Aunkey».

The work of O. Alzhanuly, who left a valuable source of knowledge about deep historical figures, and at the same time relied on Legends and sought to reveal the secrets of toponymic names, does not lose its significance for today's reader. It is especially valuable for us: it provides information about the etymological secret of the word Alash, gives information about the ancient Kazakh name Alash, once the Turkic peoples of Siberia United, were part of a single Khanate. At the end of the XIX century, in the official publication of the Governor – General of the Steppe – «newspaper of the Steppe ualayats», we know that the article of the Otyrar Alzhanuly about the concept of Alash and alasha Khan is of a research nature.

And one of the prominent figures of the Alash movement, Zh.Akbayuly, wrote in his report «on the origin of the Kazakh people»: «...Akhmet Khan of the Chagatai Ulus in Tashkent, a ruler known as «Alash» for his severity, made a bloodthirsty resistance against the Kalmyks, whose motto was not

to take any prisoners, but to support his opponent on the battlefield. Therefore, if the Kalmyks lost the battle, they ran away, shouting «Alash», so as not to be captured. It is from this time that the motto «Kazakh» changed to «Alash» (Kul-Muhammad, 1995: 161-185),- emphasizes the subsequent transformation of the cherished concept.

In the late XIX – early XX centuries, steppe Kazakhs sought to the cities of the Russian Empire in search of Education. Among them were many Kazakh students who gathered in Omsk. A. Bokeikhan, A. Turlybayuly, A. Baitursynuly, M. Dulatuly, E. Itbayuly, Zh. Akbayuly, M. Aytenuly, R. Duysenbayuly, K. Togysuly, R. Marsekuly, M. Zhumabayuly, Zh. Saduakasuly, S. Seifollayuly, N. Nurmakuly, A. Dosuly, after that, many public and cultural figures whose names are recognized in the thick Kazakhs can be named.

At the time of the publication of O. Alashanuly's work «alasha Khan and his son Jochi Khan», the Aryans, led by the leader of the Alash national liberation movement Alikhan Bukeikhan, were concentrated in Omsk. Although the official origin of the Alash movement is considered to be the writing of the karkaraly competence in 1905, we can say that its ideological basis was laid in Omsk. A. Bukeikhan, A. Turlybayuly, O. Alzhanovuly, Zh. Akpayuly were elected to the council (government) of the nation in Alashorda in 1917, and E. Itbayuly, S. Zhanaydaruly were elected as candidates for its members.

Early Kazakh readers thought about the ideological justification of the National Liberation Movement Alash, that the word Alash would become a slogan for the national movement. There is reason to believe that if in the same difficult historical period the party was given a different name, and not Alash, the movement would not have acquired a nationwide character. Figures led by A. Bukeikhan, H. Dosmukhameduly, Zh. Akpayuly, M. Tynyshbayuly, M. Dulatuly wrote Special Research articles that reveal the meaning of the word Alash. Poets of such nationalities as Sh. Kudaiberdiuly, N. Ormanbetuly, A. Baitursynuly, Zh. Aimaulytuly, G. Karash, N. Nausabayuly, A. Mametuly, S. Toraigyryly, M. Zhumabayuly wrote poems that glorify the spirit of the country, remind of the feat of warrior ancestors, warm the hot blood in them, and often used the word Alash.

«The idea of Alash formed a common channel of poems, which embodied the country's noble qualities of the Kazakhs, boundless love for the nation. Nurzhan Nausabayuly (1858-1919) «Alashordaga», Gumar Karashuly (1875-1921) «Alashka», «Alashtyn azamattaryna», Sultanmakhmut Toraigyryly (1893-1920) «Alash urany», Sabit Donentayuly (1893-1933) «Kauli», «Saryarka anamyzga», «Adaspaspyz», Beimbet Maylin (1894-1938) «Bul turdi kun bar eken koretin», Akhmet Mametuly (1895-1938) «Alashka salem», Zhusupbek Aimaulytuly (1889-1931) «Asker Marseillaise», «Uran», Asset Naimanbayuly (1867-1923) «Alashka», in addition In the poems of the author «dicated to the thirteenth day of December», published under the pseudonym «M.N.» in the issue No. 17 of the newspaper «Zhas Azamat» dated December 26, 1918, the ideas of liberation and national unity were promoted, the political equality of the Kazakh people, spiritual perfection, the child of Azamat er wedge were taken as the basis of the tasks performed in the historical period. These literary works, which were happy and encouraged by the creation of the Alash party, Alashorda, were based on Sublime pathos, on a nationalist idea», and studies of young scientists like S. Zhumatay (Zhumatay et al, 2024).

These works became the motto of that era, made a great contribution to raising the morale of the people and increasing confidence in the future of the country. The word Alash is perceived as the same as the word liberty, and the concept of Alash has become a temirkazyk star, which leads the Kazakh people to unity, suffering in the cradle of citizenship. Kazakh readers widely popularized the concept of Alash in the press, giving it political and ideological significance.

Results. The process of conducting comprehensive research to recognize the Alash truth is not going to stop. First, we will get acquainted with the heritage written in the Alash period, and then we will be guided by it. We attribute to this heritage the material of the Alash press, scientific and educational work, epistolary writing, artistic work and rely on it as the most basic source material. Secondly, we will consider a monograph, an article of domestic scientists who studied Alash, and get acquainted with their views on the Alash period. Thirdly, we analyze the scientific work, subjective

opinions of foreign scientists written on the topic and keep them in mind. Fourth, we study the historical and cognitive memory of the Alash generation, manuscripts. Thus, after analyzing various factual and archival material, we will try to understand the reality of the National Liberation Movement of Alash. Another point to take into account is that we will analyze the data on the Alash movement under tsarist Russia and the material under Soviet rule separately and look at them critically.

We are looking for answers to the questions of how the Alash Lions understood, dreamed of, imagined in scientific works, articles, works of art, whether their desires were fully realized.

For example, from the fiery poems of the famous Alash poet Magzhan Zhumabayuly, whose creative heritage is an artistic embodiment of the idea of Alash as a whole in the first collection «Sholpan», published in Kazan in 1912, we believe that we should still study the longing of the Kazakh people, the good dreams that we expect from the next day, the beating heart, and look deeply into the background of writing each poem. In the poem «Yesimde tek tan atsyn», published in the newspaper «Kazakh» in 1915, the poet artistically depicts that the Kazakh people were once free, and on this day they are humiliated, unable to achieve equality. In the poem, he repeats the word Alash several times. The poet deliberately adds the word Alash, which he used as an equivalent of the Kazakh concept. In this way, it seeks to convey to the reader the mental meaning behind this word, which was like a symbol of freedom and freedom.

Kun altyn zhan-jagyna saule shashty,

Zharyk pen karangylyk aralasts.

Saulesi kyzyl altyn – salemi edi,

«Korgensh kosh, alash!» - he said (Zhumabayuly, 2005: 36).

The sun, rising above the Kazakh steppe, mixes darkness and light and greets Alash with its red-gold light.

The poet uses the words Alash and Kazakh in a synonymous sense. We understand such high-spirited works as the dream of a poet who wished to become a country, the best wishes of the people.

The first All-Kazakh party, which was held in the city of Orenburg from June 21 to 26, 1917, was created in order to preserve the integrity of the Kazakh land of atakonys, which aroused national consciousness. We perceive the historical role of the party, the selfless activity of the figures of the turbulent period, hard work in the field of education, the press, culture, art, literature, science as the immortal preservation of the spirit of Alash, the revival of the idea of Alash in a new content, the dream and great mission to turn into a socio-political force and bring the Kazakh nation to independence.

Alash leader Alikhan Bukeikhan: «if we are alive, we have a big wedding. Alash's son, if not this time, will soon have his own separate state» (Alash kozgalysy, 2004: 356), – what historical and social situation caused him to say? Press materials, telegrams, archival documents from the period of Tsarist Russia prove that the Alash grayds longed to become an independent state, and the main goal of the Alash movement was to achieve the country. On this day, we know that there is a discussion among the researchers of the Alash topic about whether the Alash autonomy was declared or not. In our opinion, when studying the history of the Alash movement, first of all, it is important to pay attention to the desire of the Alash Aryans to become a separate country, to achieve statehood, what they did on this path, what they thought about the future independent Kazakh country should be, and to study the evolutionary path of the idea of Alash.

In the documents of Alash, the future Azat is associated with the principles of national values and universal humanistic principles, such as the structural system of the Kazakh country, democratic principles in the form of government, the order of internal and external communication, educational and Religious Affairs, the system of organizing social life, such as the army, the court, taxes.

If we study the reason for the emergence of thoughts about becoming an independent country in Kazakh society, we will see that since the death of Kenesary, the last Khan of the Kazakh people, not a single good Ansar has been lost. The sacrifice of Khan Kene for independence, the fact that National Liberation uprisings did not stop in every region of the Kazakh steppe until the end of the XIX century, all of which are depicted in folk legends and historical songs, sagas in a sublime

romantic style, testify to the desire of the Kazakh people to be a separate country, a state of their own free will. At the end of the XIX-beginning of the XX centuries, a Kazakh boy who was late for Civilization due to various political, economic, social and domestic conditions, striving to reach the number of cultured people, was asked the question of preserving or not preserving Atameken in his native land. Aktaban experienced the Times of shubryyn, fought for two centuries against colonialism, and did not give his head to the reins of slavery. In such a difficult historical period, the eyes of the creator were straight, and the National Liberation Movement Alash was born to preserve the Kazakh child on earth.

The reason for the sacred struggle that the Alash grayds began for the well-being of the country and the integrity of the land arose from the policy of bloody colonization of the Tsarist Russian authorities. The educated elite of the Kazakh people was forced to wage a political struggle with the colonial authorities. Alash figures, who understood that according to the law of struggle, it is necessary to lose or win, knew that the path chosen was sacred, their deeds were positive, their intentions were right, and they put their heads in the race. He believed that even if he became a victim on this path, the bottom would bear fruit of this sacred struggle, it would not be wasted, the idea of Alash would be revived and the Kazakh country would gain independence.

The official beginning of the Alash kogaly started with the writing of the karkaraly competence in 1905. In the historical competence, it was established that the metropolis showed the character of the Empire, changed the tactics of the struggle of the Kazakhs, not as in the XIX century. Not a single karkaraly competence, but the beginning of writing petitions from everywhere, from different regions of the Kazakh steppe, raising the rights and freedoms of citizens, demanding democratic principles from the authorities, holding siezes in regional centers, the birth of the National Press, the selfless work of the Kazakh newspaper, the increase in youth organizations that set cultural and political goals, the educational and civic activity of national literature, the awakening of the general population – showed that the National Liberation Alash movement has become a socio-political force, the Tsarist authorities cannot control the Kazakh people as before. In the 19th century, the Kazakh people were imprisoned, exiled, and tried to keep one from the other, when the government began to wake up, crushing the spirit of liberation of the country. At the beginning of the century, Kazakh students, concentrated in the Central Steppe City of Omsk, were deported to different regions, which for some time slowed down the pace of the liberation struggle. For example, the leaders of Alash, who once lived together in Omsk, A.Bukeikhan was exiled to Samara in 1909, O. Alzhanuly – to Lepsy uyezd, A. Baitursynuly in 1910, M.Dulatuly in 1912 – to Orenburg, Zh.Akbayuly – to Zhetysu euz in 1908. However, the revival of the spirit of Alash, the popular awakening of faith in the slogan of Alash, the underground struggle of the leaders of the national movement, the desire of Kazakh youth to study began to bear fruit.

No one brought the movement, which arose from the goal of self-preservation, to the Kazakhs from the outside. The military-monarchical authorities of Tsarist Russia did not want the Kazakh people to think of Virtue and flourish their steppes in a cultured way. After the nationalization of the Kazakh steppe, he took up the planned resettlement of karachekpendis from inner Russia.

The resolution of the military governor of the Zhetysu region, which explained the policy of the Tsarist administration about the Kazakh people, reads as follows: «...Russian Russians should always be especially firm in their relations with the natives, remembering that the Russian name and Russian interests should always prevail in everything. In the region, we should have Cossacks in the foreground and peasants and burghers with them, and natives in the background, because although they are all equal as members of one great family, there are older and younger brothers in the family. Russian russians should take the simple view that we do not live in Asia, where the Russian element is still weak and is just beginning to establish itself, but in the Russian region, where the old Asian customs and mores are still temporarily surviving, the fate of which can be only one: either merge with the general imperial citizenship or disappear. We should be interested in the natives only as the material from which ordinary Russian peasants, albeit of Muslim faith, should be developed in the near future. Therefore, they must be introduced into the spirit of the strictest respect for all Russian. Those of them who decide not to obey this will undoubtedly experience a sad fate: they will either

remain landless beggars and die, or Russia will part with them. All this must be kept in mind, but without unnecessary conversations on this topic» (Alash kozgalysy, 2004: 98-99).

This resolution, which was seen by the Kazakh people of the second category, explains why the National Liberation Movement Alash came to life. In 1911, a collection of poems by A. Baitursynov «Masa» was published, which contained the resolution of the military governor of the semirechye region. The poet Alash wanted to awaken the Kazakh people there and touched them like this:

«Kazagym, elim,
Kaykayyp belin,
Sonuga turtayanip.
Talaud malyn,
Kamauda zhanyn,
Ash, kozindi oyanip!» (Baitursynuly, 2013: 101).

The tyrannical policy of the Tsarist government in relation to the Kazakhs was written by Alash bilimp K. Kemengeruly in his book "former oppressed nations: «the Russian government had the following bloody policy about the Kazakhs: 1.sucking Kazakh wealth like a leech. 2.sweep the Kazakhs out of the soup and drive the Kazakhs into the desert. 3.Aulnay, power, volost party, blowing firewood, throwing oil, hand-whipping Kazakhs with each other, not cultivating a sense of national citizenship. 4. baptism of the Kazakhs» (Kemengeruly, 2005: 85). The figure of Alash Kalam believed that the essence of the Tsarist government's «locust-like encroachment» of aliens into the Kazakh steppe was to involve monetary landlords in the colonial policy, bring Russian rich people who raised livestock and planted crops to the Kazakh steppes. Since the landowner needed a worker, the karachekpendis were delivered to the Kazakh land in a planned manner. The Alash scholar revealed that the colonial authorities had such a cunning goal behind the policy of resettling karashekipendis in the Kazakh steppes.

Such a colonial policy prompted the Kazakhs to move away from their land, or, as the government suggested, to give in to fifteen decibels to replace the profession of ancestors, animal husbandry, land cultivation. The leaders of Alash, led by A.Bukeikhan, understood that the evil plan of power, that is, the Kazakh will become poor, the poor Kazakh will be hired by the Russian rich, and all this will leave the Kazakh land and lose their former Free character and free spirit, and showed the people the right choice in a narrow age.

Kazagym, zherin kaida atameken,
Kazakh Kazakh bolgaly meken etken.
Kazirde barinizdi kuyp shygyp,

Ornyna kala salyp khokhol zhetken (Dulatuly, 1996: 33), – Mirzhakyp Dulatuly said: «Oyan, Kazakh!» in his book, he openly wrote that the times have narrowed, and the son of Alash atakonys is losing his best places. The poem, which raised the spirit of the Kazakh people, was waiting for the figures who read it from within themselves, where the citizens who would take refuge in the country in such difficult conditions.

The traditional Kazakh economy suffered greatly from the mixing of the two peoples as a result of the policy of resettlement of the karachekpendis. The Kazakh country, which for centuries had a nomadic life and was mainly engaged only in animal husbandry, in a short time was forced to adapt to settlement and master new types of professions. It is known that if we understand this relationship only as a connection between Kazakh and Russian, or as a conflict between karachekpendis and local Kazakhs, we will not be able to get to the root of the problem. In fact, behind the colonial policy of Tsarist Russia against the Kazakhs in the XIX century, we also see the struggle between two civilizations, between a settled and a nomadic civilization.

Conclusion. In the period before the October Revolution, especially in 1917, in the press materials, there was a lot of desire to become a people of the Kazakh people, to forget about Discord, to unite. For example, articles in the newspaper «Kazakh» ended like this: «Keyingi urim-butak is not algys, not kargys bere zhuretin aldymyzda zor sharttar bar! Osyny aghar, zhurтым kazak!» (04.07.1917), «Zhurттыk kylandar, tiyndamandar!» (17.07.1917), «Zhastar, zhurтshyldar, oz beinmen

iske kiris!» (17.07.1917), «Alashtyn ar-namysyn gibermeyin desek, zhurt, zhurtyk kyl» (31.07.1917), «Alash tuyn koteretin, zhurtygymyzdy korsetetin, tengimizdi alatyn, uranymyzdy shakyratyn kun tudy. Alash! Alash!» (19.10.1917).

Alash figures, who understood national liberation as a choice of fate, turned the idea of Alash into a life ideal, put the interests of the nation above personal concerns, aroused the honor of the entire Kazakh community in a difficult political and social situation, fixed the seed of the thought of freedom in their minds and convinced them that they could become a country.

Comparing the nature of European Enlightenment and enlightenment on Kazakh soil, Alash scientist M. Koigeldiev expresses the following opinion: «from a comparative point of view, for example, European Enlightenment went freely through all stages of formation and development without any external intervention. And its representatives were not victims of any repression. And the Kazakh enlighteners, as a full-fledged holistic social process with all its signs, developed intensively at the beginning of the twentieth century, but did not last long. It lasted only less than 20 years. And almost all the persons who started it and determined their direction became victims of repression. And no European nation has experienced such a tragedy» (Koigeldiev, 2019: 4).

The independence of our country has opened up a wide range of opportunities for taking stock of our history and integrating our spiritual essence. The study of the nature of the historical milestone defined on the path of formation as a creative nation requires the most deep scientific research. Obviously, this is also directly related to the study of the Alash movement. In this regard, the assessment of the national liberation movement is limited only from a political and social point of view. It should be noted that the movement of the beginning of the twentieth century should be based on the spiritual nature, cultural and philosophical aspect, defining its historical essence from the height of today. We consider the movement as the largest spiritual and cultural phenomenon that took place on the Kazakh land. The phenomenon had a great influence on the individual, on the community, on the people as a whole. The Alash movement, which has a renaissance character, had a great impact on the National qualitative development of the Kazakh people.

Sources

IAOO — Istorichesky archive Omskoy oblast [Historical archive Omsk region]
TGA RK — Tsentralny gosudarstvenny archive Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]

References

- Abay, 1995 — *Abay (Ibrahim) Kunanbayuly* Shygarmalaryn eki tomdyk tolyk zhinagi [A complete two-volume collection of his works]. Almaty, 1995. (In Kaz.).
- Alash kozgalysy, 2004 — *Alash kozgalysy* Kuzhattar men materialdar zhinagi. Saur 1901 zh. – zheltoksan 1917 zh. [Collection of documents and materials. April 1901-December 1917]. Almaty, 2004. (In Kaz.).
- Alzhanuly, 2004 — *Alzhanuly O* Shygarmalar zhinagi [Collection of works]. Almaty, 2004. (In Kaz.).
- Baitursynuly, 2013 — *Baitursynuly A.* Alty tomdyk shygarmalar zhinagi [Collection of works in six volumes]. Almaty, 2013. (In Kaz.).
- Dala ualay newspaper, 1990 — *Dala ualay newspaper* Dala ualay gazeti [Dala ualay newspaper]. Almaty, 1990. (In Kaz.).
- Dulatuly, 1996 — *Dulatuly M.* Shygarmalary: Makalalar men zertteuler. 1-tomdygy [Works: articles and research. Volume 1]. Almaty, 1996. (In Kaz.).
- Kemengeruly, 2005 — *Kemengeruly K.* Ush tomdyk shygarmalar zhinagi. 1-tomdygy [Collection of works in three volumes. Volume 1]. Almaty, 2005. (In Kaz.).
- Koigeldiev, 2019 — *Koigeldiev M.* Alash kayratkerlinin azattyk ideologiyasyn kalyptastru kyzmet [Activities for the formation of the ideology of liberation of Alash figures]. Almaty, 2019. (In Kaz.).
- Kul-Muhammad, 1995 — *Mukhtar Kul-Muhammad.* Patriot. Politik. Pravoved. Politiko-pravovie vzglyadi J. Akpaeva. [Patriot. Politician. A lawyer. Political and legal views of Zh. Akpaev]. Almaty, 1995. (In Russ.).
- Mukanova et al, 2023 — *G.K. Mukanova, O.T. Abisheva, S.Zhumatay, Z.A. Batyrkhanova.* Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan, Turn of the 19th–20th centuries // *Bylye Gody*, 2023. 17(2). pp. 824-833.
- Sharip, 2013 — *Sharip A.* Rukh pen ramiz: mentaldyk modelderi [Spirit and symbol: mental models]. Almaty, 2013. (In Kaz.).
- Zhumabayuly, 2005 — *Zhumabayuly M.* Kop tomdyk shygarmalar zhinagi. 2-tomdygy. Olender, dastandar, audarmalar [A collection of multi-volume works. Volume 2. Poems, epics, translations]. Almaty, 2005. (In Kaz.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 93-109, 2025
Journal homepage: <https://sjcacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_93-109

MELODIES OF THE STEPPE: THE REPRESSED CULTURAL FIGURE OF KAZAKHSTAN, COMPOSER IVAN KOTSYK (1891-1938)

Gyulnar K. Mukanova¹, Kuralay K. Sarsembina²

¹Branch of the Valikhanov Institute of History and Ethnology
Astana, Republic of Kazakhstan
Candidate of Historical Sciences, Professor, Leading researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>. E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

²Branch of the Valikhanov Institute of History and Ethnology
Astana, Republic of Kazakhstan
Candidate of Historical Sciences, Branch Director
 <https://orcid.org/0000-0002-5571-7944>. E-mail: kuralai_sk@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Mukanova G.K., Sarsembina K.K., 2025

Abstract. *Introduction.* The history of repression in Soviet Kazakhstan contains "white spots", especially when carefully considering the role of individuals of non-Kazakh nationality in joint creative work with the Alash. *Goals and objectives.* To restore the specific biography of the Polish composer, teacher, choirmaster, who worked in the Kazakh and Kyrgyz Republics to create a national choir and opera theater, and also to identify the category of cultural figures of non-Kazakh ethnicity who were included in the list of repeatedly arrested, convicted and victims of repression precisely "for their connection" with Alash figures. *Materials and methods.* The sources for the study were materials from the archives of Kazakhstan, Russia, as well as memoirs, periodical press, photographic documents. The research methodology is based on the laws of dialectical logic and the principles of the humanities and social sciences. *Results.* Unknown stages of Kotsyk's biography and work have been reconstructed. Kazakh song and choral art were the object of professional analysis and synthesis of the Polish composer. *Conclusion.* The younger generation of the Kazakhstan should appreciate the civic feat of Kotsyk, who processed the melodies of nuggets, in particular from the northern regions. He appreciated Alash figures, which was twice the reason for his arrest and exile in the camp.

Key words: History of Kazakhstan of the twentieth century, repression, Alash, musical heritage, Pole, Kazakh culture, categories, rehabilitation

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of "Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan" Program-targeted financing the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan (registration number № BR24993057).

For citation: Mukanova G.K., Sarsembina K.K. Melodies of the Steppe: The repressed cultural figure of Kazakhstan, composer Ivan Kotsyk (1891-1938) // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 93-109. (In Russ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_93-109

ДАЛА ӘУЕНДЕРІ: ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН ҚАЗАҚСТАННЫҢ МӘДЕНИЕТ ҚАЙРАТКЕРІ, КОМПОЗИТОР ИВАН КОЦЫК (1891-1938)*Гүлнар Қайроллақызы Мұқанова¹, Құралай Қуандықызы Сәрсембина²*

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Астана, Қазақстан

Тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>. E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Астана, Қазақстан

Тарих ғылымдарының кандидаты, филиал директоры
 <https://orcid.org/0000-0002-5571-7944>. E-mail: kuralai_sk@mail.ru

Аңдатпа. *Kіріспе.* Кеңестік Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін тарихында "ақ дақтар" жоқ емес, әсіресе Алаш зиялыларымен бірлескен жасампаз еңбектегі қазақ емес ұлттың жекелеген тұлғалардың тағдырларын қарастырған кезде. *Мақсаттары мен міндеттері.* Авторлар екі мақсатты көздеді: қазақ және Қырғыз республикаларында ұлттық хор мен опера театрын құру үшін еңбек еткен поляк композиторы, педагогы, хормейстерінің нақты өмірбаянын қалпына келтіру, сондай – ақ Алаш қайраткерлерімен бірнеше рет қамауға алынған, сотталған және қуғын-сүргін құрбандарының тізіміне енген қазақ емес этникалық мәдениет қайраткерлерінің санатын анықтау. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің қайнар көзі Қазақстан, Ресей, Қырғызстан мұрағаттарының материалдары, сондай-ақ естелік, мерзімді кеңестік баспасөз, фотоқұжаттар болды. Зерттеу әдістемесі диалектикалық логика заңдарына және гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар принциптеріне негізделген. *Нәтижелер.* И. Коцыктің өмірбаяны мен шығармашылығының белгісіз кезеңдері қайта құрылды. Қазақ ән және хор өнері сталиндік саяси қуғын-сүргін құрбаны болған энтузиаст, зерттеуші қызметінің мәнін құрайтын поляк композиторының кәсіби талдауы мен синтезінің объектісі болды. *Қорытынды.* Қазақстан Республикасының жас ұрпағы орындаушылардың әуендерін, атап айтқанда Қазақстанның солтүстік облыстарынан өңдеуді жүзеге асырған В.И. Косиктің азаматтық жауапкершілігін бағалауы тиіс. Ол Алаш зиялыларының көптеген қайраткерлерімен таныс болды, бұл жағдай композитордың екі рет заңсыз тұтқындалуына және лагерьге жер аударылуына себеп болды. **Түйінді сөздер:** ХХ ғасырдағы Қазақстан тарихы, қуғын-сүргін, Алаш, музыкалық мұра, поляк, қазақ мәдениеті, санаттары, оңалту

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Жоғары білім және ғылым министрлігінің "Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу" бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын іске асыру шеңберінде орындалған (тіркеу нөмірі № BR24993057).

Дәйексөз үшін: Мұқанова Г.Қ., Сәрсембина Қ.Қ. Дала әуендері: қуғын-сүргінге ұшыраған Қазақстанның мәдениет қайраткері, композиторы Иван Коцык (1891-1938) // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. 93-109 бб. (Орысш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_93-109

МЕЛОДИИ СТЕПИ: РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА, КОМПОЗИТОР ИВАН КОЦЫК (1891–1938)*Гюльнар Кайроллиновна Муканова¹, Құралай Қуандыковна Сарсембина²*

¹Филиал Института Истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
Астана, Казахстан

Кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>. E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

²Филиал Института Истории и этнологии имени Ч.Ч.Валиханова

Астана, Казахстан

Кандидат исторических наук, директор филиала

 <https://orcid.org/0000-0002-5571-7944>. E-mail: kuralai_sk@mail.ru

Аннотация. *Введение.* История политических репрессий в Казахстане безусловно содержит «белые пятна», что заметно при изучении гонений на деятелей культуры. *Цели и задачи.* Автором преследовалась цель: восстановить конкретную биографию польского композитора, педагога, хормейстера, трудившегося в Казахской и Кыргызской советских республиках над созданием национального хора и театра оперы, выяснить причины его арестов. *Материалы и методы.* Источниками для исследования послужили как материалы государственных архивов, так и мемуары супруги И. Коцыка, периодическая советская печать, фотодокументы. Методология исследования строится на законах диалектической логики, сравнительном методе и принципах гуманитарных и социальных наук. *Результаты.* Реконструированы неизвестные этапы биографии и творчества И.В. Коцык. Казахское песенное и хоровое искусство было объектом профессионального анализа и синтеза польского композитора, что составило суть деятельности энтузиаста, исследователя, ставшего жертвой политических репрессий. *Заключение.* Молодое поколение Республики Казахстан должно ценить вклад Коцыка И.В. в казахскую музыкальную, хоровую и оперную культуру, ведь он самостоятельно и безвозмездно осуществил обработку народных казахских мелодий, переложил на ноты кюи и песни в исполнении самородков, в частности в северных областях Казахстана. Коцык преподавал в казахском и русском педтехникумах Петропавловска, был знаком со многими деятелями Алаш, что дважды послужило поводом к незаконным его арестам и лагерной ссылке. В ходе поиска были выявлены редчайшие групповые фотографии 1920 годов, где изображены преподаватели Иван Коцык, Жумагали Тлеулин, Хайретдин Болганбаев, Сеитбаттал Мустафин, Али Кемелев, Галауетден Мамеков и другие.

Ключевые слова: Деятели культуры, история, репрессии, Алаш, музыкальное наследие, поляк, казахская опера, хормейстер, архивы

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане» МНВО РК (№ BR24993057).

Для цитирования: Муканова Г.К., Сарсембина К.К. Мелодии Степи: репрессированный деятель культуры Казахстана, композитор Иван Коцык (1891–1938) // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. С. 93-109. (На Русс.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_93-109

Введение. История этнографических экспедиций XX века в автохтонные сообщества Центральной Азии составляет немаловажную страницу из истории практических изысканий и теоретических обобщений богатого культурного наследия народов материка. Напевы башкир, ногаев, гагаузов, казахов, кыргызов, туркмен и якутов стали восприниматься такой же равновесной долей мирового этномызыка, как например мелос бедуинов Северной Африки (Магриб) и Ближнего Востока. Европейский подход к систематизации музыкальных предпочтений автохтонного населения Сибири и Средней Азии стал проявляться по мере распространения влияния русской культуры в восточные регионы. Помимо строительства и обустройства кадетских корпусов, начальных школ и ремесленных училищ для подготовки переводчиков-толмачей и офицеров для обслуживания интересов администрации, на местах представители демократической интеллигенции стали практиковать «хождение в народ». Непосредственные контакты с аульными жителями способствовали взаимной межкультурной коммуникации и знакомству с народными обычаями и традициями. Безусловно, в российских газетах и журналах появлялись заметки о самородках песенного и исполнительского искусства кочевых этносов. Однако фактов строительства специализированных музыкальных учебных

заведений среди кочевников либо подготовки специалистов для сбора коллекций и обработки их песен и мелодий, в казахских землях в дореволюционный период не фиксируется.

Коцьк Иван Васильевич (Коцьк) родился в Польше в 1891 году, по некоторым сведениям, учился в Варшавской консерватории. Внес огромный вклад в создание впервые в Казахской республике многоголосного хора, партитур для первых казахских опер, киносценариев. Его произведения частично были записаны на грампластинках в 1930 годы и сохранились в архивных коллекциях. К сожалению, о нем мало пишут, он словно остался в тени своих оставшихся в истории музыкального искусства коллег: Затаевича, Брусилковского, хотя сотрудничал с ними, делился практическими наработками по музыкальной обработке народных казахских песен и кюев. А ведь именно Коцьку И.В. принадлежит заслуга в собирании и обработке казахских народных песен и музыкальном переложении произведений казахских самородков-исполнителей.

Вклад польского композитора, музыковеда, хормейстера в изучение и консервацию казахского народного песенного и исполнительского (кюи) искусства трудно переоценить. Это пример дружбы двух народов: казахского и польского, вобравший в свою орбиту огромное взаимное уважение и профессиональное отношение. Основной период этнографических экспедиций И. Коцька – это 1923–1929 годы, причем термин «экспедиция» в данном случае применим весьма условно, так как исследователь взялся за собирание мелосов и запись их с переложением на ноты, по собственной инициативе и никаким учреждением его изыскания не финансировались. В годы гражданской войны и первые десятилетия после установления советского строя, ряд зарубежных энтузиастов (чехи, поляки) по собственной инициативе занимались записью песен и мелодий восточных народов. Эту работу следует отнести к разряду предтечи этнографических академических экспедиций, поскольку результаты переложений, к примеру, казахских песен, на практике дополнили репертуар национальных театральных трупп.

Уникальность экспедиций в северных областях Казахстана по инициативе Коцька в далекие двадцатые годы прошлого века видится и в том, что он успел выслушать и записать произведения тех самородных казахских исполнителей, который сами стали жертвами репрессий. Например, Ибрай Сандыбаев, известный больше как «Укили Ыбырай». Известный сочинитель глубоких поэм-раздумий и лирических песен и мелодий к ним, И.Сандыбаев часто критиковал власти, допустившие массовый голод в казахских землях в начале 1920-х годов. За это он подвергся преследованию и аресту, погиб в 1930 году. Вся сознательная жизнь Коцька связана была, прямо и опосредованно, с деятелями Алаш интеллигенции: педагогами, публицистами, поэтами и музыкантами, исполнителями, просветителями, что выявляет малоизученный пласт истории Казахстана: сфера культуры и образования молодой республики складывалась через взаимопроникновение европейской и азиатской музыкальных цивилизационных основ, благодаря подвижничеству мастеров кисти, слова и – музыкальной грамоты.

Материалы и методы. Источниками написания статьи послужили нарративы (воспоминания знавших И.В. Коцьк педагогов и его учеников, супруги), архивные материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), ЦГА Кыргызской Республики (ЦГА КР), фондов центральных (московских) архивов экс-советских учреждений культуры, фотозаписи исполнения казахских песен, переложенных на ноты И. Коцьком, и др. Также следует выделить в особый разряд источников те фотографии, на которых запечатлен был И. Коцьк, преподаватель Казахского и Русского педтехникумов в Петропавловске (1925, 1927-1928 годы) с коллегами, афиши выступлений его хора, а также вырезки из советских газет с заметками об успехах казахского студенческого хора и проч. (ЦГА РК). Эти и другие источники обработаны с новых методологических позиций, на основе методов диалектической логики: анализ и синтез, компаративистики, количественного и качественного анализа. Методом экстраполяции реконструируются аспекты деятельности и мировоззрения Алаш интеллигенции, через призму творческой биографии польского

композитора. С критических позиций верифицированы переписка Коцык с коммунистическими идеологами (М.Кольцов и др.), материалы советской пропагандистской печати, афиши и др. Большим подспорьем в реконструкции биографии и творческой лаборатории И.В. Коцык оказались мемуары его вдовы, также отложившиеся в казахстанском центральном архиве. Разножанровость изученных документов составила определенную сложность для обработки, вместе с тем именно это позволило восстановить более объемно обстоятельства преследования Коцык и репрессий за общение с деятелями Алаш. Параллельно были уточнены этапы творчества, когда раскрылся его талант аранжировщика, композитора, педагога и качества гражданина, искренне любившего культуру казахов и гордившегося тем, что сумел возродить из угасающих текстов и напевов, подлинно великую песенную палитру древнего этноса.

Обсуждение. Изучение и систематизация песен и мелодий кочевых восточных этносов представляет непреходящий интерес; этнографы приступили к записи музыки кочевников в разных частях света – у бедуинов Магриба в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в Монголии и Средней Азии и степях Казахстана в разные хронологические периоды. Вместе с тем их исследования объединяет стремление глубже понять культуру кочевников, выявить ценностные компоненты и презентовать другим народам

Известные экспедиции путешественников, географов, офицеров Генштаба России в terra incognita - Тибет, Северо-Западный Китай, предгорья Тян-Шаня, инициированные не без содействия Западно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества, состоялись в 18–19 столетиях. Помимо топографии и составления карт полезных ископаемых, сакральных мест и гидроресурсов, такие известные фольклористы как Чокан Валиханов, Григорий Потанин и их сподвижники привозили с собой зарисовки и записи любопытных изречений, рисунков и наскальных изображений. В их походных дневниках немало полевого материала, в том числе отзывы о мелодиях и музыкальных инструментах народностей, встречавшихся им в глубинке восточных регионов.

Чингизид, один их первых европейски образованных казахов Чокан Валиханов (1835-1865): «Влияние ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцание природы, всегда открытого звездного неба и беспредельных зеленых степей были причиной к поэтическому и умозрительному расположению духа этих степных кочевников...». (Антология..., 2013: 305) Сборники песен для хоровых коллективов увидели свет в других регионах Российской империи, например в Воронеже (Luchkin, 1911).

Казахский фольклор и мелодии вызывали восторг у Р. Ролана, М. Горького, Б. Асафьева и др. Во второй половине XX столетия казахская музыкальная культура обобщалась трудами Б.Г.Ерзаковича, который «впервые расшифровал и описал «Кодекс куманикус» - памятник письменности XIII-XIV вв., древнейший образец истоков казахского музыкального языка». (См. Антология каз музыки). Во второй половине XX столетия в планах зарубежных издательств между тем был выпуск книг для хоровых коллективов, например рождественские гимны для женского хора. (Walter Ehret, 1967) Традиция хорового пения безусловно зародилась в античности и присуща преимущественно оседлым социумам. Коцык ломал стереотипы и создавал хоровые коллективы с казахской молодежью, отцы и деды которых относились к скотоводам.

Зарубежный контент библиографии темы продолжает пополняться в последние десятилетия. В Будапеште в 2001 году была издана монография «Kazakh Folksongs. From the two ends of the steppe» фольклориста Яноша Шипоша (Jands Sipos) о казахских народных песнях. В книге приведены сведения о А.Затаевиче. (Sipos, 2001) В статье монгольского автора Ц. Эрдэнэтуяа (2018) раскрываются этапы истории монгольской вокально-хоровой культуры под влиянием русской и европейской традиции. Первая опера «Три печальных номера» на монгольском языке была поставлена на сцене в 1942 году, тогда как Казахский театр дебютировал оперным и постановками раньше, в 1934-м. Немалая заслуга в этом Коцык И.В. В 2013 году исследователь этнограф Waligorska выпустила книгу, основной идеей которой

является идея возрождения этнических жанров. Автор издания опирается на различные области, включая музыковедение, этномузыковедение, историю, социологию и культурологию. (Waligorska, 2013) В книге освещается уникальная деятельность этнограф-музыковеда, уроженца Польши, волею судеб попавшего в северные области Казахстана после окончания гражданской войны. Иван Васильевич Коцык сумел путем невероятной работоспособности, не только прослушать незнакомые мелодии и песни на казахском языке, но и осуществить в сжатые сроки их обработку для голоса и классических музыкальных инструментов, а затем гармонично встроить казахские мелодии в канву первых оперных постановок Казахского театра. Ведь до него казахские популярные мелодии исполнялись соло либо в сопровождении двуструнного народного инструмента «домбра».

И.В.Коцык является пионером казахского хорового искусства, иными словами - он привнес на почву степной кочевой традиции совершенно новые нюансы, практически раскрыв широкие горизонты многоголосья. Воспитанный в иной культурной европейской традиции оседлых народов, знакомый с институтом церковного хорового пения, Иван Васильевич провел колоссальную работу по сбору полевого материала. К началу 1920 годов на севере Казахстана казахское население перешло к частичной оседлости, и во время сезонных ярмарок и стационарных базарных распродаж, местных казахов можно было встретить и в городской черте. Поступившие на учебу в педагогический техникум казахские юноши и девушки также исполняли по просьбе Коцыка народные песни.

За исключением ряда дореволюционных фрагментарных опытов, когда по просьбе русских ученых из Омска и Санкт-Петербурга, местными казахами из числа приближенных к русской администрации собирались фрагменты казахских народных музыкальных произведений, эпосов, записаны они были крайне редко и бессистемно. Известно, что сбором казахского фольклора и записью текстов занимались в 19 веке казахская аристократия Валиханов Чингиз, Чорманов Муса и известный ученый-путешественник Валиханов Чокан, казахские поговорки и сказки, изучал и публиковал Г.Н. Потанин. До революции сбором казахских поговорок и пословиц, легенд и сказок, образцов костюма, обычаев и народных примет, сведений о календаре кочевников занимался башкир по происхождению Абубуакир Диваев, выпускник Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге. Однако А.А. Диваев проводил экспедиции в основном на юге: в Семиреченской и Сырдарьинской областях. Ученый-этнограф оставил богатое наследство, его труды увидели свет в газете «Туркестанские ведомости» и научных сборниках. Известна публикация Диваева о казахских колыбельных. (Диваев, 1900) К сожалению, Диваев не имея музыкального образования либо времени, воздержался от переложения мелодий на нотный стан.

Известно, что И.В.Коцык сменил место жительства, перебравшись из украинского Донбасса, в Казахстан, в город Петропавловск, по семейным обстоятельствам, и устроился рядовым преподавателем в местные учреждения образования. То есть, он еще не был известен в республике как композитор, теоретик музыки и этнограф, и решение изучать казахскую песенную культуру путем опроса носителей языка, он осуществлял за счет семейного бюджета.

Как пишет исследователь Колесникова, «Педагогический техникум был первым средним специальным учебным заведением Акмолинской губернии, который занимался подготовкой педагогических кадров. «Учебная программа Казпедтехникума включала следующие дисциплины: изучение музыкальной грамоты, методика обучения пению, обучение игре на музыкальных инструментах – скрипке, фисгармонии и домбре, теория музыки» (Колесникова, 2015: 144). Образовательная программа была довольно насыщенной в целях разносторонней подготовки кадров будущих учителей.

Таким образом, на фоне изучения в мире жанра народной песни, казахская национальная песенная культура и история ее собирателей, еще не полна. Репрессии и гонения, вынужденная эмиграция исключили целый ряд достойных имен из анналов этого направления. Наша статья возможно привлечет внимание искусствоведов и дополнит те материалы, которые ныне

встречаются в кратких справках в энциклопедиях, перечне педагогов Казпедтехникума г. Петропавловска. Иллюстративный материал также не был ранее столь широко представлен.

Результаты. Супруга Ивана Васильевича, Суркова Е.Г., вспоминала: «Как начал свою работу, запись песен, Иван Васильевич, опишу подробно. В 1923 году познакомился с народным артистом Шаниным. В беседе узнал о записи Затаевича. Иван Васильевич заинтересовался записями Затаевича и стал не только записывать песни, но и переложения их на 2-х, 3-х и 4-х голосную песню и аккомпанемент к ним» (ЦГА РК.Ф. 1639 Оп.1. Д. 69. Л. 1). О методике работы музыковеда-этнографа она сообщает: «Иван Васильевич ловил на улице, на базаре пожилых и молодых казахов, и приводил домой и записывал их напевы, а затем сам напевал. Певец удивлялся, как он сразу может петь ту песню, что тот пропел певец со степи и ауа. Часто я слышала замечания Ивана Васильевича, что певец только пропел один раз так, а второй раз – иначе». – Было трудно переложить напев в таких ситуациях, но идея собрать как можно больше интересных мелодий захватила его целиком. Были моменты отчаяния, поскольку работа осуществлялась впервые и требовала колоссальных усилий. Из записей Сурковой: «А когда Иван Васильевич начал организовывать хор, часто возвращался домой усталый и огорченный неудачами и безнадежно опускал руки, а затем снова и снова принимался за работу. Ведь это не теперешние казахи, окончившие консерватории, грамотные, культурные люди. Иван Васильевич имел дело с сырым материалом, но людьми добрыми по натуре и гостеприимными». Работать приходилось в полевых условиях в буквальном смысле: «Мы с Иваном Васильевичем часто бывали в аулах и юртах, у пастухов за городом, где он делал записи песен. Везде нас радушно встречали» (ЦГА РК. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об.)

Этому предшествовали особые обстоятельства, однако семья Коцык была увлечена служением искусству настолько, что не замечала внешней конъюнктуры. Патронаж Затаевича, Шанина, Досова, а позже Жургенева оказался не самым надежным щитом, как только возникли угрозы со стороны ОГПУ. Дело в том, что обстоятельства, приведшие будущего мэтра хормейстерского искусства ряда республик Центральной Азии, в том числе Казахской и Кыргызской, следующие: его родного младшего брата Николая, работавшего инженером в Петропавловске, арестовали в 1922 году. По-видимому, то было следствием начавшихся «чисток», когда донос либо некие события прошлого (участие в контрреволюционных мероприятиях или служба в царских войсках, даже учеба в «царских» учреждениях и т. п.) могли стать поводом к задержанию и вызывали настороженное отношение к субъекту, со стороны правоохранительных органов. Удалось ли договориться с властными структурами, или помогли иные обстоятельства, однако, как видно из официальных справок о реабилитации, брат был освобожден из-под ареста, «за отсутствием состава преступления».

После того, как Иван Васильевич Коцык с семьей принял решение помочь брату и оказался на севере Казахской республики, в далеком 1923 году, прошло несколько лет, в течение которых энтузиастом-музыковедом была осуществлена уникальная работа: им были переложены на ноты старинные казахские народные песни, песни современных казахских исполнителей (среди них - знаменитый Укили Ибрай Сандыбайулы и др.). Кроме этой трудоемкой работы, в ходе которой Коцыку пришлось разыскивать исполнителей, буквально отлавливать их на рынках, во время массовых ярмарок в Петропавловске и Кокчетаве (Кокшетау). Он уговаривал застенчивых степняков уделить время для записи, приводил домой, поил чаем... Со слов супруги, было непросто устроить быт в условиях такой увлеченной деятельности мужа, однако Коцык имел характер, как она пишет «до дерзости прям» (ЦГА РК. Ф. 1639. Оп.1. Д. 69. Л. 12), что привнесло определенные нюансы и в его взаимоотношения с руководством Казахского театра и Совнаркома впоследствии, в 1930 годы.

Пока же И.В.Коцык испытывал большое удовольствие от работы с действительно еще «сырым» этнографическим материалом; ведь до его появления в северной части Казахской республики никому в голову не приходило профессионально записывать народный мелос. Его деятельность поощрялась друзьями-казахами из числа работников просвещения: директора Казахского педагогического техникума Жумагали Тлеулина и его приятелей – поэта Магжана

Жумабаева и Смагула Садвокасова (ГАСКО. Ф.2. Оп. 1. Д. 377. Л. 107). Последний редко бывал в Петропавловске, поскольку работал то в городе Оренбурге, посвятив себя работе с молодежью и комиссии по планированию, то в Кызылорде, в должности наркома просвещения республики. Официальные письма за подписью наркома С.Садвокасова приходили в Петропавловск, в них ощущалась забота о подрастающем поколении (ГАСКО. Ф.2 Оп. 1. Д. 501. Л. 6). Будучи человеком любознательным и разносторонним, Садвокасов общался в Оренбурге с маэстро А.В.Затаевичем, помогал ему собрать самородков из числа студентов рабфака-казахов, чтобы записать народные песни и мелодии, исполненные на казахском инструменте – двуструнной домбре. Выступая в Ташкенте на открытии первого казахского высшего учебного заведения – Казпедвуза, - в 1927 году, Смагул Садвокасов отметит вклад Затаевича в издание сборника казахских песен. Супруга Коцык указывала, что И.В.Коцык так же познакомился с творческой лабораторией Александра Затаевича. Судьба сблизила их на основе схожих предпочтений, и оба музыканта собирали казахские народные песни как бы синхронно.

Особой страницей в жизни И.Коцыка было его знакомство с казахским поэтом Магжаном Жумабаевым. В книге историка К.Муканова «По следам поэта» есть данные, что Магжан летом 1927 года, после Высших литературно-художественных курсов в Москве под патронажем Брюсова, возвращается в родной Петропавловск. (Муканов, 2013: 368) Поэт написал поэму «90 – большинство» и опубликовал ее 17 августа 1927 года в республиканской газете. (Муканов, 2013: 368) Магжан преподавал в Петропавловске в общеобразовательных школах и совпартшколе, у них с Иваном Коцыком были общие знакомые. Город был небольшой, и интеллигенция тесно общалась, встречались на публичных мероприятиях, концертах. Магжан был другом Жумагали Тлеулина – директора Казахского педтехникума, в котором Коцык вел уроки пения. Магжана ценили и уважали его поэтический дар Смагул Садвокасов, который отметил его талант в сборнике «Молодой Казахстан», который вышел в следующем 1928 году, в Москве. В творческом ключе Магжан Жумабаев сотрудничал с прозаиком Мухтаром Ауэзовым, они обсуждали проект создания литературного объединения казахских писателей.

Несмотря на занятость, друзья Смагула общались через письма, любили петь песни и ценили музыкальные таланты Коцыка. В городе Петропавловске были фотоателье, и очередной выпуск Казпедтехникума считал честью запечатлеть торжественный день получения дипломов вместе с любимыми преподавателями. Иван Васильевич не отказывал студентам и охотно позировал для памятных фото. К сожалению, вышеперечисленные фамилии казахской интеллигенции оказались в списках репрессированных в 1920–1930 годы. И их окружение в педагогической среде так же пострадало: в июле 1929 года был арестован Магжан Жумабаев. К его «делу» привлекли многих преподавателей педтехникума, в их числе оказался И.Коцык.

Вместе с тем, только благодаря И.Коцыку казахское многоголосье в 1920 годы обрело наконец крылья, набрало достойную высоту и зазвучало так, что им заслушивались искушенные критики. В газетах тех лет, в Петропавловске и Кызылорде, тогдашней столице Казахстана, созданный трудами Коцыка казахский хор получил высокую оценку. (Смычка, 1926) Авторы заметок не скупилась на комплименты, и детище этнографа и музыканта – хор того заслуживал. Музыка на казахские песни, как следует из рукописного фонда И.В. Коцыка, была воссоздана им одним и составляет значительный массив произведений. Среди них: казахские народные песни «Елим-ай» (в переводе с казахского «О, Родина», «Конырау» («Колокольчик»), «Агажай» (в обработке для четырехголосного хора), «Сармойын» (в обработке для вокального квартета), «Орынбай ани» («Песня Орынбая», записана от Исы Байзакова, популярного казахского исполнителя-импровизатора) (ЦГА РК. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 63), (Куляш, 1938). Копилку казахских народных песен в обработке И. Коцыка дополнили: песня «Гурьев», записанная от Камбара Медетова, народная песня «Агигай», исполненная Куляш Байсеитовой, примой казахского оперного искусства, а также

«Курама» («Лоскуты»), в обработке для оркестра русских народных инструментов, что само по себе интересный эксперимент (ЦГА РК. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 63).

Рисунок 1 - Преподаватели Казпедтехникума в Петропавловске, 1925 год.
ЦГА РК. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 63.

[Fig. 1 - Teachers of the Kazakh Pedagogical College in Petropavlovsk, 1925
Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. F. 1693. Inv. 1. C. 63]

Исследователи биографии выдающегося хормейстера и организатора музыкальной хоровой певческой культуры Казахстана до сих пор не публиковали факты его преследований со стороны Советской власти. Причиной тому был дефицит документальных материалов о его контактах с известными деятелями Алаш интеллигенции. Нам удалось не только восстановить эту страницу биографии великого музыканта-этнографа, в частности, о первом аресте 1930 года и пребывании в ГУЛаге, но и обнаружить редчайшие фотоснимки его пребывания в Петропавловске. Так, на одном из фото Иван Коцык запечатлен с коллегами по Казахскому педтехникуму в 1925 году (Фото 1). Именно в июне 1925 года состоялся первый выпуск, на фото в верхнем ряду выпускники, сидят преподаватели.

Что интересно, эта редкая фотография позволила идентифицировать, как выглядели на середину двадцатых годов XX века деятели Алаш, биография которых связана с Омском и Петропавловском и Ташкентом. Это те активисты Алаш, которые создавали среди казахской молодежи, обучавшейся в Омске, первые общественные объединения и принимали участие в пропаганде идеи формирования молодежных формирований (Тлеулин). Третий слева в первом ряду – директор Казпедтехникума, также позднее репрессированный, один из первых казахских врачей-инфекционистов, автор книг Жумагали Тлеулин. Его изображений у потомков почти не сохранилось, снимки были изъяты при аресте. Второй справа в первом ряду – Иван Коцык, преподаватель пения и теории музыки. Третий справа, сидит между Тлеулиным и Коцыком, - Хайретдин Болганбаев, деятель Алаш, уроженец Акмолинской области, работавший в Туркестане и знавший Мустафу Шокая и других, публицист, педагог, также впоследствии жертва сталинских репрессий. Снимок хорошего качества, передает атмосферу воодушевления (ЦГА РК. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 63). Еще ничто не омрачало надежды на будущее и грандиозные планы коллектива...

Коцык умел удивляться и удивить, находя гармоническое созвучие разных инструментов. Так, он записал казахскую народную песню «Дуние-ай» («О, бренный мир») для трио: фортепиано, скрипка, виолончель. Его легкому перу принадлежат: обработка песни «Зауреш» (имя девушки), «Женеш-ай» («Невестка»), «Аль-кыныр» в сопровождении фортепиано, «Кара торгай» («Скворец») для сопрано.

Им были записаны казахские песни философского наполнения «Сары арка» («Степь») от Караходжаева, «Канат талды» («Крылья сложены») со слов Жусупбека Елеубекова, ритмичная

«Дудар-ай» - от Марьям Егоровой – автобиографичная песня о любви русской девушки и казахского юноши. Песня «Сырымбет» была записана для тенора. Песня «Жулагер» (сочиненная Аканом Серэ в честь своего быстроходного скакуна) была записана от исполнителя Зараба Темербекова.

Петропавловский период деятельности Коцик И.В. подробно освещается в статьях и книгах петропавловских краеведов К.Муканова и Т.Макаровой. Именно в Петропавловске работал маэстро с 1923 года и прославил Казахский педтехникум (открыт в 1922 году), создав многоголосый хор студентов. Да такой хор, что его пригласили выступить в 1928 году в Москве. Центральные и местные газеты бурно приветствовали успех коллектива и его руководителя...

В петропавловской газете «Смычка» от 13 апреля 1929 года было опубликовано благодарственное письмо из Москвы за подписью Президента Государственной Академии художественных наук П. С. Когана: «Комитет по изучению искусства народов СССР Государственной Академии художественных наук настоящим выражает свою глубокую благодарность хору Казахского педагогического техникума, выступавшего в Академии под управлением преподавателя И.В. Коцыка. Комитет отмечает большую ценность работы хора, выразившуюся в хорошо звучащих образцах народной казахской песни, а также в интересном опыте тов. Коцыка в деле переложения на многоголосие казахских народных мотивов. Москва, 29 марта 1929 г.».

...Официальная биография Ивана Васильевича обрывается примерно на 1937 году, его работе в столице Кыргызской республики. В письме редактору газеты «Правда» Михаилу Кольцову в 1936 году, и в автографических «сведениях о музыкальной деятельности» (1935 год) Коцык указывал, что родился в Польше, учился и работал, пока в 1918 году не был выслан в Советскую Россию, вместе с другими русскими, по приказу немецкого командования. С 1919 года в Донбассе занимался педагогической деятельностью, преподавал географию, русский язык и пение. «В 1923 году из Донбасса (Дружковские заводы) с семьей переехал в Петропавловск, где младший брат состоял на службе в Красной Армии». (Композитор умолчал о том, что Николай Васильевич Коцык, 1893 г.р., инженер, за год до этого, в 1922 году, был арестован в Петропавловске. Младший брат обвинялся в контрреволюционной деятельности, однако вскоре был выпущен на свободу. В том письме Кольцову Иван Васильевич причислил себя к числу «выживших в лагерях ОГПУ (НКВД), честно прошедших эту суровую школу».

Фото 2 - 1-ый выпуск Казпедтехникума им. Темирбекова в г. Петропавловске. 1927-1928 учебного года. ЦГА РК. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 63.

[Fig. 2 - 1st edition of Kazpedtechnikum named after Temirbekov in Petropavlovsk. The academic year 1927-1928]

В Петропавловске Коцык старший оказался востребованным, как организатор оркестра и хора, преподаватель теории музыки. Ему «предложено было работать в казахском и русском педтехникумах, совпартшколе и средних школах». На первых порах, как сообщал композитор, «я заинтересовался казахскими песнями, стал собирать и записывать их, организовал первый в истории Казахстана казахский хор из 60 человек». И.В.Коцык впервые ввел четырехголосие и составил сборник из 50 песен казахского народа, с историей каждой песни. Его творческая деятельность была известна А.В.Затаевичу. Благодаря этнографическому поиску, который осуществил И.В.Коцык, мелодии казахского самородка Ибрая вошли в канву первой казахской оперы «Айман-Шолпан» и «Шуга», популярны и исполняются до сих пор. Коцык делился своими записями с А.Затаевичем, который также включил мелодии и песни Укили Ыбырая в свои сборники.

Вместе с тем сам композитор не успел систематизировать и подготовить «полевые материалы» к изданию отдельной книгой. По свидетельству современников и родных, произведения И.В.Коцыка после его ареста в 1938 году и безвременной кончины транслировались по радио и значились на афишах под фамилиями других хормейстеров. Исправить неточности в авторстве делают попытки искусствоведы и историки театра, биографы уникального этнографа-музыканта Круг общения одаренного музыканта складывался в городе из педагогов и студентов местных школ, совпартшколы и педтехникумов, сотрудников библиотек, участников большого русского хора при губернском финотделе. С началом сезона арестов среди казахской интеллигенции Алаш, за Коцыком пришли в ноябре 1930 года. Первый арест состоялся в Петропавловске, но об этом биографы не упоминают вовсе. В некоторых публикациях ошибочно указывается, что якобы «...Коцык был приглашен в Алматы и летом 1929 года вместе с семьей покинул Петропавловск». ожно, Поводом к первому аресту могло послужить знакомство Ивана Коцык с опальным поэтом Магжаном Жумабаевым и Жумагали Тлеулиным, директором Петропавловского Казпедтехникума в 1922–1927 годах. К аресту И.В.Коцык требовались серьезные основания; ведь он был фигурой известной, обласкан Казахским правительством, переписывался с другим музыковедом А.В.Затаевичем. Общность судеб М.Б.Жумабаева и И.В.Коцыка прослеживается в том, что оба они были направлены в Карелию отбывать лагерный срок.

После разоблачения культа Сталина, в июне 1957 года супруга Коцыка в письмах к В.П.Дерновой указывала, что муж «был арестован вместе со многими преподавателями педтехникума. Об Иване Васильевиче тогда хлопотал председатель КазЦИК Ерназаров. За его подписью я носила заявление в Управление КазетЛАГа в Алма-Ата в 1932 году, где председатель КазЦИКа Ерназаров ходатайствовал об отчислении его из КазахЛАГа на работу в Наркомпрос, так как он является ценным работником по культурной части и многое сделал для линии хорового искусства, является пионером казахского хорового искусства» (ЦГА РК. Ф.1639. Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об.). Казахские руководители ценили заслуги И.В.Коцыка в этнографическом изучении народного искусства. Но, продолжает далее Е.Суркова, «...на второй день после моего заявления, Ивана Васильевича отправили в Карелию на Медвежью Гору» (ЦГА РК. Ф.1639. Оп. 1. Д.69. Л. 1 об.).

Изучив личный фонд И.В.Коцыка в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан и документы Казахского педагогического техникума в Государственном архиве Северо-Казахстанской области, а также сведения о фондах А.В. Затаевича в Москве, нам удалось установить ранее неизвестные подробности его жизни и творчества. Оказалось, что после частичного отбывания наказания на Беломорканале он был выпущен на 10 месяцев раньше срока, как «ударник-культурник» (из автобиографии), т. к. вел в лагерях музыкальную работу дирижера хора и оркестра народных инструментов. Из воспоминаний вдовы: «Я была у него в Карелии, полтора месяца, с двумя детьми. Жил он за чертой лагеря, и только вечерами занимался хором и оркестром в лагере. В 1933 году в начале возвратился Иван Васильевич в Алма-Ата».

Этнографические труды Коцька нашли продолжение. Он переезжает наконец в столицу Казахской республики, чтобы воплотить в жизнь свой замысел – представить переложения народных казахских песен широкой публике. Этап формирования труппы Казахского театра, постановки первых опер, написание партитур – интересный и трудный процесс, который захватил полностью время сорокалетнего композитора. Казалось, что вызовы судьбы – в прошлом, а впереди – безоблачная карьера, любимая работа. Он плодотворно трудится: заведующим литературной частью радиокомитета, выступал с вновь созданным казахским хором на эстраде и в театрах Алма-Аты. Одновременно успевал исполнять обязанности «научного работника по искусству при наркомате просвещения».

В сентябре 1933 года Иван Коцьк вместе с народным артистом Жуматом Шаниным приступил к созданию первого в истории республики музыкального театра. В ноябре того же, 1933 года его приняли композитором Музыкального театра, заведующим учебной частью студии и дирижером симфонического оркестра. Работоспособность его была колоссальной. К примеру, как он писал в отчете, «За 35 дней написал музыку к первой музыкальной пьесе «Айман-Шолпан» (ноябрь 1933), премирован Наркомпросом. Театр оперы и балета Казахстана рождался из небольшой студии, перед которой была поставлена задача постановки музыкальной пьесы М.Ауэзова «Айман – Шолпан». Музыка к спектаклю была основана на калейдоскопе «казахских народных песен и кюев. Их обработал польский хормейстер Иван Коцьк совместно с дирижером и пианистом Сергеем Шабельским. 13 января 1934 года состоялась премьера «Айман – Шолпан». Через четыре дня студия была переименована в Казахский государственный музыкальный театр». Художественным руководителем театра был назначен Жумат Шанин. (Антонов, 2016)

В апреле 1934 года Коцьком за 45 дней была написана музыка к пьесе «Шуга», за что он был награжден Почетной грамотой КазЦИКа». Радость творчества и стремление дарить людям слышать симфонию звуков в, казалось бы, простых народных мелодиях, отличала деятельность Коцька в алматинский период творчества. Благодарные слушатели из числа национальной интеллигенции высоко оценили переложения народных мелодий, выполненные И.Коцьком. По словам классика казахской литературы, знатока и тонкого ценителя фольклора М. О. Ауэзова, «...музыка всех этих постановок взята всецело из богатейших запасов народных вокальных и инструментальных мелодий. Над обработкой, сюжетной увязкой и перекомпоновкой их для создания увертюры, соответственно осмысленных арий и для создания музыки балетных номеров работают талантливые русские композиторы Брусиловский, Коцьк использовали в музыкальном оформлении пьес наиболее содержательные и красочные песни, кюи (сложные мелодии) различных областей Казахстана».

С сентября 1934 года, параллельно с обязанностями хормейстера, Иван Васильевич работает в муздрамтехникуме: как завуч и преподаватель. С декабря 1934-1935 гг. – заместитель директора по художественной части Казахской Государственной филармонии, руководитель казахской и русской капеллы. Как установлено в ходе нашего исследования, на веб-сайте «Мир русской грамзаписи» хранится пластинка Ногинского завода с произведениями в аранжировке И.В.Коцька, в исполнении оркестра народных казахских инструментов имени Курмангазы, дирижер А.К.Жубанов. Это прижизненная запись 1935 года в Москве содержит песню «Карасай», музыку к танцу «Келиншек» к опере «Айман-Шолпан» (автор либретто – Мухтар Ауэзов, однако он не указан в этикетке пластинки, т.к. к 1935 году подвергся репрессиям и его имя официально не упоминалось). На другой грампластинке 1935 года (записана в Алма-Ате) звучит голос казахской оперной дивы Куляш Жасыновны Байсеитовой, которая исполняет арию «Ак толгай» из оперы «Айман-Шолпан» Коцька под аккомпанемент фортепиано. (Байсеитова, 2024) Раритетные записи на грампластинках советского производства запечатлели чарующие звуки народных мелодий в обработке Ивана Васильевича. Однако после 1935 года других высокопрофессиональных записей его партитур не состоялось, – вал репрессий ломал судьбы ученых, мастеров искусства,

В годы работы в Казахском театре труд Коцька получил заслуженное признание. Как следует из его автобиографических записей, «...в апреле 1935 года премирован 500 рублями и

награжден грамотой Карагандинского облисполкома за проведение олимпиады по искусству. С июля 1935 года заведовал курсами по подготовке в Москву хора оперного отделения» ... С этого момента биографы Коцька И.В. ошибочно указывают причины его отъезда в Кыргызию, одни пишут, что он уехал в Польшу, дата смерти указывается примерно, 1946 год. Супруга Коцька отрицала, что он мог умереть в 1946 году, она была уверена, что он погиб в 1938-м. Нам удалось установить, что вследствие начавшихся политических репрессий, Коцьку стали указывать на факт его биографии, а именно: арест в 1930 году и отбывание наказания в Карелии. И как бы ему не хотелось не замечать сгущавшихся туч, то была действительно «лебединая песня» хормейстера, который вложил душу в подготовку знаменитой декады казахского искусства в Москве.

...В 1935 году вся республика готовилась к празднованию 15-летия советского Казахстана. Музыкальное произведение к этой дате готовил и Иван Васильевич Коцьк. Однако оно неизвестно специалистам, т. к. на автора начались гонения. Оригинальный экземпляр партитуры мы обнаружили в Москве в фонде Затаевича, где хранятся две музыкальные рукописи И.Коцьк: «XV лет Казахстана» для фортепиано и - обработка казахской народной песни «Зауреш» для голоса и фортепиано. Будучи в отчаянии от того, что его не включили в делегацию от КазАССР на дни декады казахской культуры в Москве, Иван Васильевич написал письмо известному публицисту Михаилу Кольцову, редактору газеты «Правда». В нем он указывает свои данные: русский (видимо, из соображений политкорректности, этничность «поляк» Коцьк предпочел скрывать. – Авт.), заместитель директора по художественной части Казахской филармонии, композитор. В письме указан адрес, по которому он проживал с семьей в Алма-Ате – улица Карла Маркса, 61, квартира 9. Увы, воодушевленно готовившего труппу филармонии и театра к декаде в Москве, Коцька в последний момент отстранили от поездки. Композитор был в отчаянии, ведь его в Москве на вокзале должны были встречать ученики и знакомые. Однако сопровождавший коллектив артистов нарком Т. Жургенев сообщил им, что Коцьк «сильно болен». Юбилейный год для композитора оказался драматичным: его не представили к наградам, фамилии его исчезли с афиш. Ему напомнили об отсидке в лагерях...

Год спустя, в 1936 году семья Коцьк в составе пяти человек переехала в Киргизию, где композитор приступил к работе по обработке кыргызских песен, организовал при местном театре хоровую капеллу. По воспоминаниям супруги, композитор в пути заболел брюшным тифом, и четыре месяца провел в больнице. За это время ему стали искать замену, и к тому же новые коллеги увидели в Коцьке конкурента, что осложнило их взаимоотношения. Тем не менее, Иван Васильевич напряженно трудился и принял участие в 1937–1938 гг. в качестве хормейстера в подготовке музыкальной пьесы «Алтын кыз». И все же первый арест, и лагерное прошлое сыграли злую роль; Коцьк был вторично арестован во Фрунзе (ныне город Бишкек) в грозном 1938 году, далее его судьба неизвестна. Среди композиторов, с которыми по служебной необходимости мог общаться И.Коцьк, был В.Асафьев. Асафьеву принадлежат такие строки: «Казахская песенная и инструментальная импровизация — это, прежде всего, живая речь, это действительность. Отсюда вытекают широкие творческие перспективы не только для театральной, но и симфонической музыки на народно-национальной основе». (Асафьев, 1987)

Наследие композитора сохранилось частично; право на наследство было выдано его вдове после реабилитации лишь на три года, срок истек в 1960 году. После этого она не имела права хлопотать о проверке авторства и сравнении архива Коцька с музыкальными произведениями, звучавшими в радио эфире. В письмах Сурковой указан любопытный факт, в части ее беспокойства «...о судьбе нот в радиокомитете, как хоровых, так и других. Уж очень мне знакома мелодия «вальса Казахского» Хамиди..., но черновики пока не нашла, а также не могу найти черновики «Казахского марша», он (Коцьк) назвал его «Маршалды». Сначала назвал «Пять маршалов» ... «Биш маршалды» (с киргизского), но с Тухачевским что-то произошло, и название изменили» (ЦГА РК. Ф. 1639. Оп.1. Д.69. Л. 10-11). Таким образом есть мнение супруги, что по просьбе администрации Иван Васильевич создавал марш, посвященный легендарному Михаилу Николаевичу Тухачевскому, точнее, пяти маршалам.

Пять первых маршалов: проявившие себя в гражданской войне К.Е. Ворошилов, М.Н. Тухачевский, С.М. Буденный, А.И. Егоров, В.К. Блюхер. Этот эпизод заслуживает внимания; авторитет Тухачевского как полководца был велик. В историю установления советской власти в Казахстане имя кадрового военного было вписано с эпохи гражданской войны; армия под командованием Тухачевского осенью 1919 года дислоцировалась в Петропавловске. Марш был написан И.В. Коцыком, по-видимому, ранее 11 июня 1937 г., тогда состоялся суд над Тухачевским, Якиром и Уборевичем и др. Знаменитый маршал был приговорен за «участие в военном заговоре в Красной армии и подготовке свержения Советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне» к высшей мере наказания и расстрелян 12 июня 1937 г. Как следствие, задуманный вначале как «Казахский марш», или «Марш пяти маршалов» Коцыка, функционеры изъяли, нотные записи утеряны. Они могли быть заимствованы позднее... В статьях современных искусствоведов (А.Омарова и др.) упоминаний об этом произведении Коцыка мы не находим. В общей классификации жанров степной музыки, собственно марш присутствовали издревле, имитируя ритмические движения кавалерии. Известно, что упоминавшийся выше А.Затаевич записал у казахских респондентов такие известные в прошлом марши, как «Марш Абылай хана» и «Марш Кенесары хана».

Так, судьба музыкального творения зачастую повторяет судьбу прототипа. Исчезли с политической арены жертвы сталинских репрессий Блюхер и Тухачевский, - и исчезнуть должны были музыкальные славницы в их честь. Вмешательство политических трендов сыграло довольно активную роль в развитии музыкальной культуры среднеазиатских республик. К примеру, известные поэмы престарелого казахского акына Джамбула Джабаева, восхвалявшие Сталина, Ежова, Ворошилова, продолжали транслироваться по республиканскому и союзному радио, печатались в газетах. Бравурные и лирические вальсы, абсолютно не типичный жанр для степной казахской традиции (есть запрет на кружение вокруг себя, чтобы не потерять память), становились «приобретением» советизации. Сам Коцык, по собственному признанию, в юности певший в польском церковном хоре, окончивший духовную семинарию, помимо литургий, тяготел к народным истокам кочевой культуры, восхищался чистотой звука и силой голосов степняков. В его багаже такого рода записи преобладают.

Вдова Коцыка оказалась сильной личностью и, защищая честное имя дорогого ей человека, она неоднократно обращалась в союзную Комиссию по проверке дел 1937–1938 гг. Она добивалась полной реабилитации супруга и прав на его творческое наследство, для этого требовалось доказать авторство ряда произведений. Супруга вспоминала: «во Фрунзе Иван Васильевич мне ответил: подожди, жена, придет время, и обо мне скажет история. Я же самородок» (ЦГА РК.Ф, 1639. Оп.1. Д. 69. Л. 12). Идеино-политические процессы в СССР и открытые «суды» над «изменниками Родины» в 1937–1938 годы стали страшной реальностью для рядовых граждан. Люди, которые возглавляли правительства союзных республик, руководили наркоматами культуры, курировали деятельность театров, по лживым доносам теряли должности. Однако Коцык продолжали верить в их покровительство и надеялись, что это временные недоразумения. В письмах вдовы композитора Е.Г.Сурковой часто фигурирует фамилия наркома просвещения Темирбека Жургенева. Сведения о последних годах жизни Ивана Коцыка составляют слабо изученную страницу. Одни авторы ограничиваются тем, что он якобы «выехал в Польшу», другие признаются, что не располагают точными данными. Скорее всего, Коцык погиб не своей смертью, но пал жертвой политических репрессий. Мотивом для арестов было окружение из числа казахской интеллигенции, выражавшей в разной степени оппозиционные и критические взгляды о советской действительности. Творческое наследие Коцыка: нотные записи казахских народных песен и собственные сочинения, - частично утеряно.

Заключение. Таким образом, проведенные в архивах исследования позволили не только восстановить более полную биографию и этапы деятельности польского композитора, хормейстера, основателя жанра хорового исполнения казахских народных песен, Ивана Васильевича Коцык. Поиски увенчались находками редких фотографий, на которых Коцык изображен вместе с Жумагали Тлеулиным, Сейтбатталом Мустафиным, Али Кемелевым, Хайретдином Болганбаевым, Баки Чермановым и другими педагогами Казпедтехникума, в 1927-1928 годах в Петропавловске. Как выяснилось, Коцык стал жертвой репрессий дважды, сначала в 1930 году, в связи с арестом его знакомого и коллеги Магжана Жумабаева; хормейстер был приговорен к лагерям. После освобождения он не мог трудоустроиться на прежней работе. Сменив место жительства, с Петропавловска на Алма-Ату, он был одним из тех, кто создавал профессиональную оперную труппу, организовал постановки первых казахских опер. По ряду обстоятельств, Коцык с семьей впоследствии выехал на работу в Кыргызскую ССР, где был арестован второй раз в 1937 году. Воспоминания, фотографии из личного архива Коцык, собранного его вдовой, оказались важны в плане идентификации через фотоизображения, деятелей Алаш Туркестана и Западной Сибири, среди них: Жумагали Тлеулин, Сейитбаттал Мустафин, Хайретдин Болганбаев и др. Начало работы И. Коцык в Петропавловске в качестве преподавателя казахского и русского педтехникумов совпадает с этапами биографии Магжана Жумабаева, уроженца Северного Казахстана, который также преподавал в педтехникумах и Совпартшколе Петропавловска. Это дало основания с большой долей вероятности предположить, что Коцык и Жумабаев были знакомы.

Казпедтехникум в 1920-е годы работал под патронатом наркомата просвещения республики. Первые руководители наркомпроса: Смагул Садвокасов, Ахмет Байтурсынов, имели отношение к своду и изданию песен и кюев, собранных другим польским композитором А. Затаевичем. Сама чудом избежавшая ареста (лежала в больнице с младшим сыном), супруга Коцыка вспоминала, что И.Коцык вел переписку и дружил с Затаевичем, высылал ему ноты казахских песен. То есть, высока вероятность того, что сборники Затаевича пополнились в том числе при содействии Коцыка. Эти моменты требуют дополнительного изучения. Супруги Коцык сожалели, что помогавший найти работу в Алма-Ате польскому композитору и хормейстеру, Жумат Шанин сам стал жертвой политических репрессий. Этот факт рикошетом отразился на судьбах многих деятелей культуры республики. В первой половине XX века в республике произошли кардинальные реформы в сфере культуры. При систематизации сведений о жертвах репрессий, есть смысл выделить в отдельную категорию работников сферы национального искусства, театра, живописи. Биографии и наследие многих из них до сих пор остается малоизученным, т.к. частично утеряны нотные записи, партитуры, афиши. Хотя во всех учебниках отмечается место «культурной революции» в республиках. По Коцыку, до последнего времени имя И.Коцык в истории кыргызского театрального музыкального искусства практически не упоминалось. Точная дата смерти и место захоронения И.В. Коцыка не установлены, а 1946 год в официальной справке указан лишь приблизительно. Благодаря сохранившемуся семейному архиву оказалось возможным систематизировать вклад И.В. Коцыка в этнографическое изучение казахской песенной и музыкальной культуры. Большинство тех, кто по просьбе Коцыка исполнял ему казахские песни и кюи, также как и он, оказались жертвами репрессий. Находки нотных записей, личных автографов фольклориста и композитора И.В.Коцыка есть отражение его титанической воли и трудоспособности, вплоть до самопожертвования, отсвет его глубокого внутреннего мира. Педагог Коцык навсегда остался в сердцах благодарных учеников, которые несли знания в глубинку, в казахские аулы. Наставник прививал им усердие и трудолюбие, ответственность и целеустремленность, что немаловажно для воспитания молодежи.

Жизнь хормейстера, композитора оборвалась слишком рано, он мог создать еще немало для национального искусства, пополнить коллекции народного песенного творчества народов Центральной Азии и Казахстана. В рамках государственной задачи полной реабилитации, следует реанимировать заслуги тех мастеров кисти, искусства, слова, чьи труды составляют

сегодня антологию этнокультурной сокровищницы региона, а также их личные контакты и сотрудничество с деятелями Алаш, казахской и кыргызской интеллигенции.

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы
ГАСКО — Государственный архив Северо-Казахстанской области, Петропавловск

Sources

CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, Almaty
GASKO — State Archive of the North Kazakhstan region, Petropavlovsk

Литература

- Антология, 2013 — *Антология казахской музыки в пяти томах. Том 3.* Алматы, 2013. <https://e-history.kz/ru/first-president/show/12376/>
- Антонов, 2016 — *Антонов С.* 82 года без антракта: полная история Театра оперы и балета имени Абая. 2016 // <https://voxpopuli.kz/82-goda-bez-antrakta-polnaya-istoriya-gatob-imeni-abaya-chast-1-12936/>
- Асафьев, 1987 — *Асафьев В.* Музыка Казахстана. В книге: Асафьев В.О народной музыке. Часть I. Статьи. Ленинград.: Музыка, 1987. 248 с. // https://ale07.ru/music/notes/song/muzlit/asafiev/nm1_8.htm
- Байсеитова, 2024 — *Байсеитова Куляш.* Некрополь деятелей искусств <https://akteruss.ucoz.net/index/0-357>
- Диваев, 1900 — *Диваев А.* Киргизские колыбельные песни // Известия Туркестанского отделения Русского географического общества (ИТРГО). 1900. Т. II, вып. I. С. 111—119.
- Колесникова, 2015 — *Колесникова Г.А.* Становление музыкального образования в Северном Казахстане (1920–1930 гг.). В Сборнике «Под единым шаныраком». Петропавловск, 2015. С.143-146.
- Куляш, 1938 — *Куляш Байсеитова; Халима Насырова:* нар. артистки : [биогр. очерки] Ростов н/ Д: Ростиздат, 1938. 16 с. В конце текста: "Очерки из газ. «Сов. искусство», 11 сентября 1936.
- Муканов, 2013 — *Муканов К.* По следам поэта (О жизни и творчестве Магжана Жумабаева). Петропавловск, 2013. 440 с.
- Смычка, 1929 — *Смычка.* 13 апреля 1929 года // <https://mybiblioteka.su/tom2/2-38413.html>
- Цэнд, 2018 — *Цэнд Эрдэнэтуяа.* Становление и развитие вокально-хоровой культуры Монголии // Наука и школа. 2018. № 2. СС.173-176.
- Haberl, Francis, 1877 — *Haberl N., Francis Xavier; Donnelly.* Magister Choralis: a Theoretical and Practical Manual of Gregorian Chant-for the Use of the Clergy, Seminarists, Organists, Choir-Masters, Choristers & C. Frederick Pustet, 1877.
- Luchkin, 1911 — *Luchkin P.* Sbornik horov na stih Iвана Savvicha Nikitina. /Luchkin P. Collection choirs on poems by Ivan Savich Nikitin. Voronezh. Tipo-Litografiya T-va N.Kravcov and K., 1911. 12 p.
- Sipos, 2001 — *Sipos, Jands.* Kazakh Folksongs. From the two ends of the steppe. Akademiai Kiado, Budapest, 2001. 304 с.
- Waligorska, 2013 — *Waligorska, Magdalena.* Klezmer's Afterlife: An Ethnography of the Jewish Music Revival in Poland and Germany Illustrated Edición. Oxford University Press. 2013. 320 p.
- Walter, 1967 — *Walter Ehret.* Hasten, All Ye Shepherds. Christmas Polish Carol for Women's Choir. Elkan-Vogel, 1967.

References

- Anthology, 2013 — *Anthology of Kazakh music in five volumes. Vol. 3.* [Anthology of Kazakh music in five volumes] Almaty, 2013. <https://e-history.kz/ru/first-president/show/12376/> (In Russ.).
- Antonov, 2016 — *Antonov S.* (2016) 82 goda bez antrakta: polnaya istoriya Teatra opery i baleta imeni Abaya [82 years without intermission: the complete history of the Abai Opera and Ballet Theater]. 2016 <https://voxpopuli.kz/82-goda-bez-antrakta-polnaya-istoriya-gatob-imeni-abaya-chast-1-12936/> (In Russ.).
- Asaf'ev, 1987 — *Asaf'ev V.* (1987) Muzyka Kazakhstana. V knige: Asaf'ev V.O narodnoi muzyke [Music of Kazakhstan. In the book: Asaf'ev V. About folk music] Part I. Articles. Leningrad, 1987. 248 p. https://ale07.ru/music/notes/song/muzlit/asafiev/nm1_8.htm (In Russ.).
- Baiseitova, 2024 — *Baiseitova Kulyash.* Nekropol' deyatelei iskusstv Baiseitova, 2024 - Baiseitova Kulyash. Nekropol' deyatelei iskusstv [Bayseitova Kulyash. Necropolis of artists] <https://akteruss.ucoz.net/index/0-357> (In Russ.).
- Divaev, 1900 — *Divaev A.* Kirgizskie kolybel'nye pesni [Kyrgyz lullabies] // Proceedings of the Turkestan Branch of the Russian Geographical Society (IRGO). 1900. Vol. II. Issue 1. Pp. 111-119.] (In Russ.).
- Haberl, Francis, 1877 — *Haberl N., Francis Xavier; Donnelly* (1877). Magister Choralis: a Theoretical and Practical Manual of Gregorian Chant-for the Use of the Clergy, Seminarists, Organists, Choir-Masters, Choristers & C. Frederick Pustet, 1877.
- Kolesnikova, 2015 — *Kolesnikova G.A.* (2015) Stanovlenie muzykal'nogo obrazovaniya v Severnom Kazakhstane (1920–1930 gg.) [The formation of musical education in Northern Kazakhstan (1920-1930)]. In the Collection "Under a single shanyrak". Petropavlovsk, 2015. Pp.143-146. (In Russ.).

Kulyash, 1938 — *Kulyash Baiseitova*; Khalima Nasyrova: nar. artistki : [biogr. ocherki] V kontse teksta: "Ocherki iz gaz. «Sov. iskusstvo», 11 sentyabrya 1936. Rostov n/D : Rostizdat, 1938. 16 p. [Kulyash Bayseitova; Halima Nasyrova: nar. the artists: [bio. essays] At the end of the text: "Essays from the newspaper. "Soviet Art", September 11, 1936. Rostov on Don, 1938. 16 p. (In Russ.).

Luchkin, 1911 — *Luchkin P.* (1911) Sbornik horov na stihy Ivana Savvicha Nikitina [Collection choirs on poems by Ivan Savich Nikitin]. Voronezh, 1911. 12 p. (In Russ.).

Mukanov, 2013 — *Mukanov K.* (2013) Po sledam poeta (O zhizni i tvorchestve Magzhana Zhumabaeva) [In the footsteps of the poet (About the life and work of Magzhan Zhumabayev)]. Petropavlovsk, 2013. 440 p. (In Russ.).

Sipos, 2001 — *Sipos, Jands* (2001). Kazakh Folksongs. From the two ends of the steppe. Budapest, 2001. 304 c.

Smychka, 1929 — *Smychka* [The bow]. April 13, 1929 // <https://mybiblioteka.su/tom2/2-38413.html> (In Russ.).

Tsend, 2018 — *Tsend, Erdenetuyaa* (2018). Stanovlenie i razvitie vokal'no-khorovoi kul'tury Mongolii [Formation and development of vocal and choral culture of Mongolia] // *Nauka i shkola*. 2018. No 2. Pp.173-176. (In Russ.).

Waligorska, 2013 — *Waligorska, Magdalena* (2013). Klezmer's Afterlife: An Ethnography of the Jewish Music Revival in Poland and Germany Illustrated Edición. Oxford University Press. 2013. 320 p.

Walter, 1967 — *Walter Ehret. Hasten, All Ye Shepherds*. Christmas Polish Carol for Women's Choir. Elkan-Vogel, 1967.

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 110-121, 2025
Journal homepage: <https://sjacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_110-121

ORTHODOXY IN KYRGYZSTAN: STAGES OF FORMATION AND ROLE IN THE SPIRITUAL LIFE OF SOCIETY

Rita B. Salmorbekova¹, Nur K. Saralaev², Zina K. Murzalieva³

¹National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Bishkek, Kyrgyz Republic

Professor, Doctor of Social Sciences, Chief Researcher

A. Altyмышbayev Institute of Philosophy

 <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>. E-mail: 20ritasalmorbekova@gmail.com

²National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Bishkek, Kyrgyz Republic

Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Director of the Institute

A. Altyмышhev Institute of Philosophy

 <https://orcid.org/0009-0008-2276-9319>. E-mail: nur200557@mail.ru

³National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Bishkek, Kyrgyz Republic

Candidate of Pedagogical Sciences, Doctoral Student

A. Altyмышhev Institute of Philosophy

 <https://orcid.org/0009-0007-6997-5008>. E-mail: murzalieva.51@gmail.com

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Salmorbekova R.B., Saralaev N.K., Murzalieva Z.K., 2025

Abstract. Introduction. This article examines the spiritual practices of the Orthodox community in Kyrgyzstan and their influence on the religious identity and daily life of believers. As a multi-ethnic and multi-confessional state, Kyrgyzstan presents particular interest for studying interactions between religious traditions. Despite its minority status, the Orthodox community remains a significant element of the country's cultural and spiritual landscape, especially for the Russian-speaking population. The study aims to analyze: 1) the role of spiritual practices in forming religious identity, 2) their adaptation to local conditions, and 3) their functions during social transformations. The research objectives include: 1) providing a historical overview of Christianity in Kyrgyzstan, 2) identifying the community's key spiritual practices, 3) examining their impact on believers' psycho-emotional well-being, and 4) assessing interfaith interactions. The research results are based on qualitative methods (interviews, observations, and analysis of liturgical texts) and data from pastoral consultations conducted between 2014 and 2024. The study reveals that spiritual practices (prayer, fasting, catechesis) serve as identity preservation mechanisms within the Islamic majority context. Key concerns among believers include: spiritual life (524 consultations), matters of faith (300), family values (158), and interfaith relations (169). Notably, the adaptation of practices to local contexts involves integrating Orthodox traditions with regional cultural norms. The conclusion emphasizes that Kyrgyzstan's Orthodox community maintains stability through spiritual practices, despite the challenges of globalization and its minority status. These practices fulfill not only religious but also social functions: strengthening community bonds, facilitating interfaith dialogue, and

ensuring psychological stability. Further research should focus on Orthodoxy's role in Central Asia's socio-cultural space.

Keywords: Well-being, spiritual practices, historical Christianity, catechesis, interfaith dialogue, Orthodox community, religious identity, social adaptation

For citation: Salmorbekova R.B., Saralaev N.K., Murzalieva Z.K. Orthodoxy in Kyrgyzstan: Stages of Formation and Its Role in the Spiritual Life of Society // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 110-121. (In Russ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_110-121

ҚЫРҒЫЗСТАНДАҒЫ ПРАВОСЛАВИЕ: ҚАЛЫПТАСУ КЕЗЕҢДЕРІ МЕН РӨЛІҚОҒАМНЫҢ РУХАНИ ӨМІРІНДЕ

Салморбекова Рита Бобуевна¹, Саралаев Нұр Керімқұлұлы², Мурзалиева Зина Кочековна³

¹Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясы

Бішкек, Қырғыз Республикасы

Профессор, әлеуметтану ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер

Академик А. Алтымышбаев атындағы Философия институты

 <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>. E-mail: 20ritasalmorbekova@gmail.com

²Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясы

Бішкек, Қырғыз Республикасы

Профессор, философия ғылымдарының докторы, институт директоры

Академик А. Алтымышбаев атындағы Философия институты

 <https://orcid.org/0009-0008-2276-9319>. E-mail: nur200557@mail.ru

³Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясы

Бішкек, Қырғыз Республикасы

Педагогика ғылымдарының кандидаты, докторант

Академик А. Алтымышбаев атындағы Философия институты

 <https://orcid.org/0009-0007-6997-5008>. E-mail: murzalieva.51@gmail.com

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақалада Қырғызстанның православиелік қауымдастығының рухани тәжірибелері олардың дінге сенушілердің діни болмысы мен күнделікті өміріне әсері контекстінде қарастырылады. Қырғызстан көпэтносты және көпконфессиялы мемлекет ретінде діни дәстүрлердің өзара әрекеттесуін зерттеуде ерекше қызығушылық тудырады. Азшылық мәртебесіне қарамастан, православиелік қауым елдің, әсіресе орыстілді халық үшін мәдени және рухани ландшафтының маңызды элементі болып қала береді. *Зерттеудің мақсаты* – діни бірегейлікті қалыптастырудағы рухани тәжірибелердің рөлін талдау, олардың әлеуметтік трансформациялар жағдайында жергілікті жағдайлар мен қызметтерге бейімделу. *Міндеттерге мыналар кірді:* 1) Қырғызстандағы христиан дініне тарихи шолу, 2) қауымдастықтың негізгі рухани тәжірибелерін анықтау, 3) олардың сенушілердің психоэмоционалдық әл-ауқатына әсерін зерттеу, 4) конфессияаралық өзара әрекеттесуді бағалау. Зерттеу нәтижелері сапалы әдістерге (сұхбат, бақылау, литургиялық мәтіндерді талдау) және 2014-2024 жж. Рухани амалдар (намаз, ораза, катехез) исламдық көпшілік контекстінде сәйкестікті сақтаудың тетіктері ретінде қызмет ететіні анықталды. Діндарларды толғандыратын негізгі тақырыптар: рухани өмір (524 өтініш), сенім мәселелері (300), отбасы құндылықтары (158), конфессияаралық қатынастар (169) анықталды. Тәжірибелерді жергілікті жағдайға бейімдеу, мысалы, православиелік дәстүрлерді аймақтың мәдени нормаларымен синтездеу ерекше маңызға ие. *Қорытындыда* Қырғызстанның православиелік қауымдастығы жаһандану қиындықтарына және азшылық мәртебесіне қарамастан, рухани тәжірибелер арқылы тұрақтылықты сақтап отырғаны баса айтылады. Олар тек діни ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік функцияларды да орындайды: олар қауымдастықты нығайтады,

конфессияаралык диалогты дамытады және психологиялык тұрақтылыкты қамтамасыз етеді. Зерттеудің болашағы православиенің Орталық Азия әлеуметтік-мәдени кеңістігіндегі рөлін терең зерттеумен байланысты.

Түйін сөздер: Әл-ауқат, рухани тәжірибе, тарихи христиандық, катезия, конфессияаралық диалог, православиелік қауымдастық, діни бірегейлік, әлеуметтік бейімделу

Дәйексөз үшін: Салморбекова Р.Б., Саралаев Н.К., Мурзалиева З.К. Қырғызстандағы православие: қалыптасу кезеңдері және қоғамның рухани өміріндегі рөлі // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 110-121 бб. (Орысш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_110-121

ПРАВОСЛАВИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РОЛЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Салморбекова Рита Бобуевна¹, Саралаев Нур Керимкулович², Мурзалиева Зина Кочекевна³

¹Национальной академии наук Кыргызской Республики

Бишкек, Кыргызская Республика

Профессор, д. соц. н., главный научный сотрудник

Институт философии им. академика А. Алтмышбаева

 <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>. E-mail: 20ritasalmorbekova@gmail.com

²Национальной академии наук Кыргызской Республики

Бишкек, Кыргызская Республика

Профессор, д. филос. н., директор института

Институт философии им. академика А. Алтмышбаева

 <https://orcid.org/0009-0008-2276-9319>. E-mail: nur200557@mail.ru

³Национальной академии наук Кыргызской Республики

Бишкек, Кыргызская Республика

к.пед.н., докторант Институт философии им. академика А. Алтмышбаева

 <https://orcid.org/0009-0007-6997-5008>. E-mail: murzaliyeva.51@gmail.com

Аннотация. *Введение.* В статье исследуются духовные практики православной общины Кыргызстана в контексте их влияния на религиозную идентичность и повседневную жизнь верующих. Кыргызстан, как полиэтничное и поликонфессиональное государство, представляет особый интерес для изучения взаимодействия религиозных традиций. Несмотря на статус меньшинства, православная община остается значимым элементом культурного и духовного ландшафта страны, особенно для русскоязычного населения. *Цель исследования* — анализ роли духовных практик в формировании религиозной идентичности, их адаптации к местным условиям и функциям в условиях социальных трансформаций. Задачи включали: 1) исторический обзор христианства в Кыргызстане, 2) выявление ключевых духовных практик общины, 3) изучение их воздействия на психоэмоциональное благополучие верующих, 4) оценку межконфессионального взаимодействия. *Результаты* исследования основаны на качественных методах (интервью, наблюдение, анализ богослужебных текстов) и данных обращений к священникам за 2014–2024 гг. Установлено, что духовные практики (молитва, пост, катехизация) служат механизмами сохранения идентичности в условиях исламского большинства. Выявлены ключевые темы, волнующие верующих: духовная жизнь (524 обращения), вопросы веры (300), семейные ценности (158), межконфессиональные отношения (169). Особое значение имеет адаптация практик к локальному контексту, например, синтез православных традиций с культурными нормами региона. *Заключение* подчеркивает, что православная община Кыргызстана, несмотря на вызовы глобализации и статус меньшинства, сохраняет устойчивость через духовные практики. Они выполняют не

только религиозные, но и социальные функции: укрепляют общину, способствуют межконфессиональному диалогу и обеспечивают психологическую стабильность. Перспективы исследования связаны с углубленным изучением роли православия в центральноазиатском социокультурном пространстве.

Ключевые слова: Благополучие, духовные практики, историческое христианство, катехизация, межконфессиональный диалог, православная община, религиозная идентичность, социальная адаптация

Для цитирования: Салморбекова Р.Б., Саралаев Н.К., Мурзалиева З.К. Православие в Кыргызстане: этапы становления и роль в духовной жизни общества // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 110-121. (На Русс.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_110-121

Введение. Кыргызстан — это страна с многонациональным и многоконфессиональным населением. Православная община Кыргызстана, являясь частью многоконфессионального и многонационального общества, представляет собой уникальный пример сохранения и развития христианской традиции в условиях Центральной Азии. Исследование духовных практик православной общины помогает, как они влияют на идентичность и взаимодействие различных этнических и религиозных групп. В условиях глобализации и быстрого изменения социальных норм и ценностей, духовные практики могут служить источником стабильности и поддержки для верующих. Анализ их значения может выявить, как они помогают людям справляться с вызовами современности. В условиях стресса и неопределенности, вызванных экономическими и политическими изменениями, духовные практики могут способствовать психоэмоциональному благополучию. Исследование их роли в жизни православной общины полезно для понимания их влияния на здоровье и качество жизни верующих.

Православная община в Кыргызстане взаимодействует с другими религиозными группами, такими как ислам. Православие имеет долгую историю в Кыргызстане, и исследование духовных практик помогает понять, как они развивались и адаптировались в условиях местной культуры и традиций. Духовные практики, как важный элемент религиозной жизни, играют ключевую роль в формировании идентичности верующих, укреплении их веры и интеграции в общество. Практическая теология, как дисциплина, направленная на изучение взаимодействия религиозных традиций с повседневной жизнью, позволяет глубже понять значение этих практик в контексте современного Кыргызстана.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на качественных методах, включающих интервью с представителями православной общины, наблюдение за религиозными практиками и анализ богослужебных текстов. Особое внимание уделяется роли духовных практик в формировании религиозной идентичности и их адаптации к местным культурным условиям.

Русской Православной Церкви в Средней Азии и Кыргызстане исследовали такие ученые, как Е.Е. Озмитель (Озмитель, 2011: 213), митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Устименко, 2011: 303), В.В. Бартольд (Бартольд, 1966), А. Табышалиева (Табышалиева, 2001) и др. Их работы внесли значительный вклад в изучение исторического и богословского контекста возникновения и развития православия на территории Кыргызстана.

История Русской Православной Церкви в Кыргызстане. В середине I века христиане действительно начали проникать на территории Центральной Азии, включая современный Кыргызстан. К IV веку здесь уже существовала мощная Центральноазиатская Церковь, которая играла значительную роль в духовной и культурной жизни региона. Известный востоковед В.В. Бартольд также отмечал, что христианство начало распространяться в Средней Азии уже с III века н.э. (Бартольд, 2002). Этот процесс был связан с активной миссионерской деятельностью, а также с развитием торговых путей, таких как Великий

Шёлковый путь, которые способствовали культурному и религиозному обмену между Востоком и Западом. Христианство в регионе представлено было преимущественно несторианским течением, которое получило широкое распространение среди местного населения.

Тем не менее, христианство оставалось одной из главенствующих религий в регионе вплоть до XIV века (Мамбеталиев, 2013), когда его влияние начало ослабевать в связи с распространением ислама, который постепенно стал доминирующей религией в Средней Азии.

Существуют легенды, согласно которым останки одного из первых учеников Иисуса Христа покоятся на побережье озера Иссык-Куль. Эти предания привлекают внимание исследователей и паломников, связывая регион с ранней историей христианства. Православные источники также упоминают другого ученика Иисуса — апостола Андрея, который, согласно преданиям, проповедовал на территориях современного Казахстана и Узбекистана (<http://www.eparchy.kg/site/history.html>).

В горах Кыргызстана, на Великом Шёлковом пути, был построен уникальный монастырь Таш-Рабат, который, по мнению исследователей, мог служить не только крепостью, но и духовным центром для христианских общин (<http://www.pravoslavie.uz/histor.htm>). К VII веку город Мерв (на территории современного Туркменистана) оставался важной миссионерской базой, откуда христианство распространялось по Центральной Азии. Позже роль религиозного и культурного центра перешла к Бухаре и Самарканду, где были основаны целые христианские селения.

Эти общины, преимущественно несторианского толка, демонстрировали удивительную устойчивость, сохраняя свою веру и традиции на протяжении веков. Они пережили арабские завоевания, тюркские нашествия и даже монгольское нашествие, просуществовав вплоть до середины XIII века (Оomen, 1998). Это свидетельствует о глубоких корнях христианства в регионе и его значительном влиянии на культурное и религиозное развитие Центральной Азии.

Автор книги «История кыргызов» К. Сыдыков, отмечает, что в период 1137–1218 годов на территории Тянь-Шаня сосуществовали различные религиозные традиции, включая несторианство, шаманизм и ислам (Сыдыков, 2007). Этот факт подчеркивает религиозное разнообразие региона, где христианство, представленное несторианскими общинами, играло значительную роль наряду с местными верованиями и постепенно распространявшимся исламом.

В империи Моголов христиан-несториан часто именовали тарсами. Как отмечает Ю.Н. Рерих, в Центральной Азии несториане были известны под названием эркэгун-аргун, а в Могольской империи их называли тарсами или эркэгунами (Рерих, 1991). Исследователь Молдобаев высказывает предположение, что несториане, или тарса, объединённые общей верой, несмотря на принадлежность к разным племенам, могли на определённом этапе восприниматься как единый народ (Молдобаев, 2011). Это свидетельствует о значительной роли христианства в формировании культурной и социальной идентичности в регионе, где религиозные общины играли важную роль в объединении разнородных этнических групп.

Согласно историческим данным, первая церковь на территории Кыргызстана была возведена в селе Теплоключенка на берегу Иссык-Куля. Её конструкция напоминала традиционную юрту, так как она была изготовлена из войлока с частичным использованием деревянных досок, и получила название кошемной. Однако уже в конце 1860-х годов на этом месте был построен новый храм из сырцового кирпича, а кошемную церковь, ставшую ненужной, передали в дар верующим переселенцам в городе Каракол. К сожалению, после землетрясения 1887 года здание церкви было практически полностью разрушено. К 1898 году на её месте возвели новую деревянную церковь, которая была освящена. В 1938 году Церковь святого Георгия была изъята у верующих. В последующие годы, вплоть до 1992 года, здание использовалось для различных целей: сначала как спортивный зал, затем как этнографический музей, Дом культуры и библиотека (Турдалиев, 2012: 60).

Храм Пресвятой Троицы в городе Каракол изначально возводился как главный городской собор и стал первым культовым сооружением такого масштаба на территории Кыргызстана. После мощного землетрясения 1887 года, которое практически полностью уничтожило ранее построенную церковь, в 1893–1895 годах по уникальному проекту местных мастеров был создан новый деревянный храм Пресвятой Троицы. В его строительстве активное участие принимали монахи Валаамского монастыря. История этого храма оказалась непростой. В 1930 году здание было конфисковано и передано под нужды детской спортивной школы. Однако в период Великой Отечественной войны его вернули верующим жителям Каракола. В 1960-х годах храм снова отобрали и вновь передали спортивной школе, где он функционировал до 1982 года. После многолетних реставрационных работ, в 1991 году храм окончательно возвратили православной общине города Каракол (Иманкулов, 2008).

Николаевская церковь располагалась в дубовом парке города Пишпек, заложенном в 1898 году. В советский период здание церкви было перестроено и приспособлено под музей изобразительных искусств, а позже использовалось в качестве выставочной галереи (Носова, 2019: 78).

В Кыргызстане в период Второй мировой войны, на фоне ослабления репрессий, были восстановлены и открыты многие церкви. К 1946 году на территории республики действовало 32 храма. После смерти Сталина в 1953 году смена руководства страны привела к определенным изменениям в общественной жизни, включая рост свободы и активности верующих. Расширились международные связи, хотя государственные органы, такие как Совет по делам религиозных культов и Совет по делам Русской православной церкви, продолжали осуществлять контроль. Например, была создана картотека на религиозных деятелей, в которой к 1953 году числилось более 1 500 человек. Особое внимание уделялось взаимодействию религиозных обществ с иностранными делегациями. Руководители обществ обязаны были отчитываться о каждом подобном контакте. Так, в 1953 году религиозные организации посетили 36 делегаций, а за первые 10 месяцев 1954 года – уже 55. Основной темой обсуждения часто становились вопросы свободы вероисповедания (Озмитель, 2003).

В этот период также снизился уровень секретности в работе Совета. С 1953 года был снят гриф секретности с документов, а отчеты за предыдущие годы стали доступны для изучения. Материалы Совета по делам культов были систематизированы. В 1965 году был создан Совет по делам религий при Совете Министров СССР, главной задачей которого стал тотальный контроль над деятельностью религиозных организаций и духовенства (Шабданбекова, Курбанова, 2024).

1990 года население Кыргызстана в основном исповедовало две религии – суннитский ислам и православное христианство. Помимо них, в стране также присутствовали другие христианские течения, такие как Свидетели Иеговы и католики, которые были официально зарегистрированы государственными органами в 1956 и 1969 годах соответственно. К моменту обретения независимости в республике официально функционировали 25 храмов и приходов Русской православной церкви (РПЦ), а также 39 соборных мечетей (Абытов, 2011: 50).

Согласно данным исследовательницы Табышалиевой (Табышалиева, 2001), в 1993 году в Союзе церквей евангельских христиан Средней Азии насчитывалось около 2200 членов, среди которых были и представители кыргызского народа. На сегодняшний день число кыргызов, принявших христианство, значительно выросло, хотя точное количество установить сложно из-за отсутствия официальной статистики и разнообразия религиозных общин. Этот процесс свидетельствует о возрождении интереса к христианству в регионе и его адаптации к современным условиям.

На заседании Священного Синода от 27–28 декабря 2011 года (https://drive.google.com/file/d/1q33_T3aaqMEhCLae2n69vpUDDPdQ3v0h/view?usp=sharing) было принято решение об образовании Бишкекской епархии, выделив ее из состава Ташкентской епархии. Епархиальному архиерею Бишкекской епархии был определен титул «Бишкекский и Киргизский». В ходе заседания Синода Среднеазиатского митрополичьего округа от 29 марта 2012 года было принято решение ходатайствовать перед Святейшим

Патриархом Московским и всея Руси об изменении титула епархиального архиерея Бишкекской епархии на «Бишкекский и Кыргызстанский» (https://pravoslavie.kg/pages/reg_documents).

В представленных сведениях учётной регистрации на 2011 год зарегистрирована 370 различные христианские организации, которые можно классифицировать по основным направлениям христианства: *Православие, Католицизм и Протестантизм. Основные направления христианства и количество зарегистрированных организаций:*

- Православие: Русская православная церковь (РПЦ) – 49 организаций.
- Католицизм: Римско-католическая церковь – 24 организации.
- Протестантизм: Баптисты – 49 организаций; Лютеране – 21 организация; Пятидесятники – 54 организации; Христиане адвентисты седьмого дня – 31 организация; Пресвитериане – 36 организаций; Харизматы – 43 организации; Свидетели Иеговы – 41 организация (Кабак, Эсенгельдиев, 2011).

В Кыргызской Республике зарегистрировано множество религиозных организаций, отражающих многообразие вероисповеданий в стране. Согласно данным Государственной комиссии по делам религии Кыргызской Республики на 2024 год, общее число зарегистрированных религиозных организаций составляет 3385. Наиболее крупным религиозным сообществом в Кыргызстане является мусульманское (исламское), которое представлено 2968 официально зарегистрированными организациями. Христианские религиозные организации насчитывают 404 зарегистрированные единицы. Кроме того, на территории республики действуют религиозные группы бахаи (12 организаций), еврейские (2 организации) и буддийские (1 организация) (Салморбекова, Ибраев, 2024: 48). По данным на 2024 год, количество зарегистрированных христианских религиозных организаций составляет 404. Для сравнения, в 2011 году было зарегистрировано 370 организаций, распределённых по основным направлениям христианства. За период с 2011 по 2024 год общее количество христианских организаций увеличилось на 34, что указывает на устойчивый интерес к религиозной деятельности. В ближайшие годы можно ожидать дальнейшего роста числа протестантских организаций, особенно в регионах с низким уровнем религиозной конкуренции.

Сферы деятельности религиозных организаций. Религиозные организации не ограничиваются исключительно вероисповедной деятельностью. Многие из них реализуют социальные программы, такие как проекты, направленные на укрепление здоровья, школы правильного питания, а также помощь малоимущим, включая организацию посещения бани.

По данным Госкомиссии по делам религий, в Кыргызстане проживают представители 84 национальностей. Религиозный состав населения распределяется следующим образом: около 80% составляют мусульмане, 16% — православные и 4% — представители других конфессий (http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered/%D1%81hristian). Однако стоит отметить, что такая статистика основана на этнической принадлежности граждан, что приводит к механическому отнесению всех представителей так называемых «исламских народов» к мусульманам, а всех русских, украинцев, белорусов и других «православных народов» — к православным, без учёта их реальных религиозных убеждений или практик. Мусульманская община страны представлена более чем 15 национальностями. Наибольшую долю среди мусульман составляют кыргызы (более 50%), за ними следуют узбеки (15%), а также уйгуры, казахи, татары, башкиры, таджики, азербайджанцы, дунгане, турки, чеченцы, ингуши, даргинцы и другие (Крылов, 2006: 105). Таким образом, текущая статистика отражает скорее этнокультурную принадлежность, чем реальную религиозную практику или самоидентификацию граждан. Это подчёркивает необходимость более детального изучения религиозной ситуации в стране с учётом индивидуальных убеждений и практик, а не только этнического происхождения.

Сегодня православная церковь играет важную роль в сохранении культурной и духовной идентичности русскоязычного населения. Несмотря на то, что православные составляют меньшинство, их влияние на общественную жизнь, особенно в крупных городах, остаётся

значительным. Анализ обращений к священникам с 2014 по 2024 год позволяет глубже понять, как православие функционирует в условиях многоконфессионального общества, какие вопросы волнуют верующих и как они взаимодействуют с церковью в повседневной жизни. Анализ обращений к священникам за последние 10 лет позволяет выделить ключевые темы, которые волнуют православных верующих в Кыргызстане (<https://pravoslavie.kg/answers>). Эти темы отражают как общие тенденции, характерные для православных общин в других странах, так и специфику региона.

Духовная жизнь и благочестие (524 обращения). Эта тема занимает первое место, что свидетельствует о стремлении верующих к углублению своей духовной жизни. В условиях многоконфессионального общества, где доминирует ислам, православные верующие особенно нуждаются в поддержке и руководстве со стороны церкви. Примеры вопросов: как правильно молиться? Как соблюдать посты? Как бороться с искушениями?

Девушка из православной семьи обращается с проблемой: её молодой человек работает охранником в стриптиз-баре, что противоречит её моральным и религиозным принципам. Она беспокоится о его духовном состоянии и разрушении их будущей семьи. Её главный вопрос: какую молитву читать, чтобы вразумить его?

Ответ, Священник акцентирует внимание на нескольких ключевых моментах:

Ошибка в восприятии молитвы: Он объясняет, что молитва — это не магический ритуал или заговор, а способ общения с Богом, который требует правильного духовного состояния. Важно не столько точное произнесение текста, сколько смирение и искренность.

Смирение как основа молитвы: Священник цитирует святых отцов (свт. Игнатия Брянчанинова и преп. Симеона Нового Богослова), подчёркивая, что смирение — это ключ к действенной молитве. Оно достигается через осознание своей немощи и борьбу с грехами. Он рекомендует сопровождать молитву постом, добрыми делами и борьбой с собственными грехами. Это усиливает молитву и делает её более действенной. В конце приводится текст молитвы к Богородице, которая традиционно считается заступницей и помощницей в трудных ситуациях (<https://pravoslavie.kg/answers>).

Девушка сталкивается с конфликтом между своими религиозными убеждениями и действиями молодого человека. Это типичная ситуация для верующих, когда близкий человек не разделяет их ценности. Её беспокойство связано не только с моральной стороной вопроса, но и с потенциальным разрушением их отношений и будущей семьи.

Вопрос о молитве отражает распространённое среди верующих убеждение, что молитва может изменить ситуацию или человека. Однако священник подчёркивает, что молитва — это не инструмент для манипуляции, а способ духовного роста и смирения. Ответ священника акцентирует внимание на внутренней работе над собой. Это важный момент: вместо того чтобы пытаться изменить другого человека, девушке предлагается сосредоточиться на своём духовном состоянии. Священник предлагает конкретные шаги: пост, добрые дела, борьба с грехами. Это помогает не только усилить молитву, но и укрепить собственную веру. Молитва является центральной духовной практикой православных христиан. В Кыргызстане молитва не только выполняет литургическую функцию, но и служит средством укрепления веры в условиях, где православные составляют меньшинство.

Православная вера 300 обращений, вопросы, связанные с основами веры, указывают на необходимость катехизации. Многие верующие, особенно молодёжь, ищут ответы на вопросы о догматах, традициях и истории православия. Примеры вопросов: что такое Святая Троица? Как понимать церковные каноны?

Вопрос о том, почему Иисуса называют Богом, несмотря на Его человеческую природу и обычную жизнь до определённого возраста, является одним из ключевых в христианском богословии. Этот вопрос затрагивает центральную доктрину христианства — учение о Богочеловечестве Иисуса Христа. Ответ священника Дмитрия Шушпанова (<https://pravoslavie.kg/answers>) основывается на традиционном православном богословии, которое раскрывает эту тему через призму Священного Писания и учения Церкви.

Вопрос отражает недоумение, связанное с совмещением двух природ в Иисусе Христе: божественной и человеческой. Как может быть, что Иисус, будучи человеком, который рос, испытывал голод, усталость и другие человеческие состояния, одновременно является Богом? Этот вопрос характерен для людей, которые пытаются осмыслить догмат о Боговоплощении с рациональной точки зрения. Вопрос связан с пониманием природы Иисуса Христа, которая является одной из самых сложных тем в христианском богословии. Он затрагивает такие понятия, как единство божественной и человеческой природ, вечность Сына Божьего и временность Его человеческой жизни. Священник начинает с объяснения учения о Святой Троице, подчёркивая, что Бог един, но существует в трёх Лицах: Отец, Сын (Логос) и Святой Дух. Это важно для понимания, что Иисус как Сын Божий является одной из Лиц Троицы и обладает той же божественной природой, что и Отец. Упоминание о том, что Сын рождается от Отца "как ум рождает слово", помогает объяснить вечную природу Сына, который существовал до сотворения мира. Ответ подчёркивает, что Воплощение Сына Божьего было предопределено от вечности как средство спасения человечества. Это означает, что Иисус Христос не стал Богом в какой-то момент, а всегда был Богом, но в определённый момент времени принял человеческую природу.

Цитирование Евангелия от Иоанна (Ин. 1:1-3, 14) подтверждает, что Слово (Логос) было Богом изначально и стало плотью, то есть приняло человеческую природу. Две природы Христа, священник объясняет, что Иисус Христос является Богочеловеком, в котором соединены две природы: божественная и человеческая. Это соединение не смешивает природы, но сохраняет их свойства. Человеческая природа Христа проявлялась в Его физических и эмоциональных потребностях (голод, усталость, смерть), а божественная природа — в чудесах, исцелениях и воскресении. Ответ подчёркивает, что Воплощение было необходимо для исцеления человеческой природы от последствий греха. Христос, будучи безгрешным, стал "Лекарством от греха и смерти", что реализуется через Таинства Церкви, такие как Крещение и Евхаристия.

Ответ священника соответствует христологическому догмату, сформулированному на Вселенских Соборах (особенно на Халкидонском Соборе в 451 году), который утверждает, что Иисус Христос является истинным Богом и истинным человеком, "неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно". Это учение позволяет объяснить, как Иисус мог одновременно быть вечным Богом и временным человеком.

С точки зрения философии, вопрос о совмещении божественной и человеческой природ в одной личности связан с проблемой единства и множественности. Христианское богословие решает эту проблему через концепцию ипостасного единства, где две природы соединены в одной Личности (Ипостаси) Христа.

Крещение и огласительные беседы 246 обращений, интерес к таинству крещения связан как с традиционным подходом к этому обряду, так и с увеличением числа новообращённых. Огласительные беседы помогают подготовить людей к осознанному принятию веры. Примеры вопросов: Как подготовиться к крещению? Что нужно знать перед крещением ребёнка?

Грехи и покаяние 246 + 83 обращения, тема грехов и покаяния занимает важное место, что свидетельствует о стремлении верующих к очищению души и исправлению своей жизни. В условиях современного общества, где сталкиваются разные ценности, эта тема становится особенно актуальной. Поднимаются вопросы: как бороться с завистью? Как правильно исповедоваться?

Семейные вопросы 158 + 89 + 54 обращения, вопросы, связанные с браком, воспитанием детей и отношениями, занимают значительное место. Это отражает важность семьи как основы православной жизни. Как сохранить мир в семье? Как воспитывать детей в православной вере?

Суеверия и заблуждения 147 обращений. В условиях Кыргызстана, где сильны традиционные верования и суеверия, эта тема особенно актуальна. Верующие обращаются к священникам за разъяснениями, как отличить православную традицию от суеверий.

Другие религии 169 обращений: Вопросы, связанные с исламом и другими религиями, отражают интерес к межконфессиональному диалогу и необходимость защиты православной идентичности. Православные верующие в Кыргызстане живут в окружении мусульманского большинства, что влияет на их религиозную практику. Например, вопросы о взаимодействии с мусульманами, участии в общих праздниках или соблюдении традиций часто обсуждаются с священниками.

Культурная идентичность: для многих православных в Кыргызстане вера тесно связана с этнической идентичностью. Это проявляется в вопросах о сохранении традиций, языка и культуры.

Православная церковь в Кыргызстане активно занимается миссионерской работой, что отражается в увеличении числа обращений от новообращённых. Практическая теология позволяет рассмотреть духовные практики не только как религиозные ритуалы, но и как инструменты формирования идентичности и социальной интеграции. В условиях Кыргызстана, где православные христиане составляют меньшинство, духовные практики играют важную роль в сохранении религиозной традиции и укреплении общины. Они также способствуют диалогу с представителями других конфессий, подчеркивая универсальные ценности христианства.

Заключение. Настоящее исследование позволило системно изучить роль православия в Кыргызстане, его исторические этапы становления и влияние на духовную жизнь общества. В ходе работы были реализованы поставленные цели: проведен анализ богослужбных практик, исследована адаптация православной традиции в условиях многоконфессиональной среды, а также выявлены ключевые вызовы, с которыми сталкивается православная община. Для достижения поставленных задач применялись качественные методы, включающие: интервью с представителями православной общины, что позволило выявить актуальные запросы верующих и их восприятие религиозных практик; наблюдение за богослужениями и таинствами, что дало возможность проанализировать их роль в формировании религиозной идентичности; анализ архивных и богословских источников, способствовавший углубленному пониманию исторического контекста. *Основные результаты исследования:*

Историческая динамика: Православие в Кыргызстане прошло сложный путь от активного развития в дореволюционный период до гонений в советское время и постепенного возрождения в постсоветскую эпоху.

Современное состояние: Несмотря на малочисленность общины, православие сохраняет значимость как духовный и культурный институт, особенно для русскоязычного населения.

Роль духовных практик: Богослужения, таинства и катехизация способствуют не только религиозному воспитанию, но и социальной интеграции, формируя устойчивую идентичность в условиях инорелигиозного окружения.

Межконфессиональный аспект: Православная церковь в Кыргызстане демонстрирует потенциал для диалога с исламом, что способствует укреплению межрелигиозного мира.

Выводы. Православие в Кыргызстане остается важным элементом религиозного ландшафта, выполняющим не только сакральные, но и социально-культурные функции. Адаптация православных практик к местным условиям свидетельствует о гибкости традиции и ее способности отвечать на вызовы времени. Обращения верующих к священникам отражают не только духовные, но и бытовые запросы, что подчеркивает роль церкви как института поддержки. Научные перспективы: углубленное изучение влияния миграционных процессов на православную общину; сравнительный анализ адаптации православия в других странах Центральной Азии; исследование роли цифровизации в религиозной жизни (онлайн-богослужения, катехизация). Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что православие в Кыргызстане продолжает играть значимую роль в духовной и социальной жизни, а его дальнейшее изучение может способствовать более глубокому пониманию религиозных процессов в регионе. Полученные результаты открывают новые направления для научной работы и практической деятельности, направленной на укрепление позиций православной традиции в условиях современного общества.

Литература

- Абытов, 2011 — *Абытов Б.К.* Кыргызстан - страна религиозных конфессий: состояние и перспективы // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2011. № 8. С. 50-56.
- Бартольд, 1964 — *Бартольд В.* Еще о христианстве в Средней Азии. М.: Наука, 1964. Т. 2.
- Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* Сочинения в 9-ти томах. Т. 6. Работы по истории ислама и арабского халифата. М., 1966.
- Бартольд, 2002 — *Бартольд В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература РАН, 2002.
- Богослужбные тексты, 2010 — *Богослужбные тексты* Православной Церкви. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010.
- Государственная комиссия, [б.г.] — *Государственная комиссия* по делам религии Кыргызской Республики. [Online]. URL: http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered/%D1%81hristian
- Иманкулов, 2008 - Иманкулов Д. Монументальная архитектура юга Кыргызстана XIX-XX вв. Бишкек, 2008.
- Кабак, Эсенгельдиев, 2011 — *Кабак Д., Эсенгельдиев А.* Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике: обзор правового обеспечения и практики. Бишкек: Общественный фонд "Открытая позиция", 2011.
- Крылов, 2006 — *Крылов А.* Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6 (48). С. 101-108.
- Мамбеталиев, 2013 — *Мамбеталиев А.* След Христа. 2013.
- Мейендорф, 2005 — *Мейендорф И.* Православие в современном мире. М.: Издательство Московской Патриархии, 2005.
- Молдобаев, 2011 — *Молдобаев И.* Были ли кыргызы христианами? [Online] 2011. URL: http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=276&Itemid=58
- Носова, 2019 — *Носова Е.* Государственно-религиозные отношения в Киргизии в советский период // Христианство в Кыргызстане. Бишкек, 2019. С. 78.
- Озмитель, 2011 — *Озмитель Е.Е.* История православной культуры Киргизии // [Название журнала или сборника]. 2011. С. 213.
- Озмитель, 2003 — *Озмитель Е.* История православия в Кыргызстане, XIX - XX вв. [Online] 2003. URL: <https://www.disserscat.com/content/istoriya-pravoslaviya-v-kyrgyzstane-khikh-khkh-vv>
- Ответы священников, [б.г.] — *Ответы священников* на вопросы - Бишкекская и Кыргызстанская епархия. [Online]. URL: <https://pravoslavie.kg/answers>
- Практическая теология, 2018 — *Практическая теология: теория и практика* / под ред. В. И. Петрушина. СПб.: Издательство СПбДА, 2018.
- Регистрационные документы, [б.г.] — *Регистрационные документы* епархии - Бишкекская и Кыргызстанская епархия. [Online]. URL: https://pravoslavie.kg/pages/reg_documents
- Религиозная ситуация, 2024 — *Религиозная ситуация* в Кыргызской Республике / ред. Н. К. Саралаев; авт. Салморбекова Р.Б., Ибраев М.Э. Бишкек, 2024. 48 с.
- Рерих, 1991 — *Рерих Н.* О Вечном. Книга о воспитании. М.: Издательство политической литературы, 1991.
- РПЦ, 2012 — *Русская Православная Церковь.* Бишкекская и Среднеазиатская Епархия. История Православия в Киргизии. [Online] 2012. URL: <http://www.eparchy.kg/site/history.html>
- Сыдыков, 2007 — *Сыдыков К.* Кыргыз тарыхы. Бишкек: Бийиктик, 2007.
- Табышалиева, 2001 — *Табышалиева А.* Взгляд на религиозную ситуацию в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5.
- Турдалиев, 2012 — *Турдалиев М.Ж.* Церковная архитектура русского населения в Кыргызстане в XIX - начале XX вв. // Наука и новые технологии. 2012. № 8. С. 60-63.
- Устименко, 2011 — *Устименко А.П.* Владимир, Митрополит Среднеазиатский: (главы из биографии): Одесса, Москва, Карловы Вары, Ашхабад, Бишкек, Душанбе, Ташкент, Омск. Ташкент: Ташкентское и Среднеазиатское епархиальное упр., 2011. 303 с.
- Шабданбекова, Курбанова, 2024 — *Шабданбекова А.Ш., Курбанова Н.У.* История русской православной церкви в Кыргызстане в контексте межконфессионального сотрудничества // Вестник Арабаева. 2024. № 4/2.
- Шмеман, 2003 — *Шмеман А.* Исторический путь Православия. М.: Паломник, 2003.
- Oomen, 1998 — *Oomen P.* East of the Euphrates: Early Christianity in Asia. [Online] 1998. URL: <http://www.religiononline.org/showchapter.asp?title=1553&C=1362>

References

- Abytov, 2011 — *Abytov B.K.* Kyrgyzstan – A Country of Religious Denominations: Current State and Prospects. Izvestiya VUZov (Kyrgyzstan), 2011. No. 8. Pp. 50–56. (In Russ.).
- Bartold, 1964 — *Bartold V.* More on Christianity in Central Asia. Moscow: Nauka, 1964. Vol. 2. (In Russ.).
- Bartold, 1966 — *Bartold V.V.* Works in 9 Volumes. Vol. 6. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate. Moscow, 1966. (In Russ.).
- Bartold, 2002 — *Bartold V.* Works on the History and Philology of Turkic and Mongolian Peoples. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2002. (In Russ.).

- Cassirer, 2002 — *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Moscow; St. Petersburg, 2002. (Russ. transl.).
- Frank, 2000 — *Frank S.* Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiiu religii [The Unknowable: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. Minsk; Moscow, 2000. (In Russ.).
- Hume, 1996 — *Hume D.* Works in 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1996. (Russ. transl.).
- Imankulov, 2008 — *Imankulov D.* Monumental Architecture of Southern Kyrgyzstan in the 19th–20th Centuries. Bishkek, 2008. (In Russ.).
- Irkhin, 2014 — *Irkhin Yu.* Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie [Discourse-Analysis: Essence, Approaches, Methodology, Projecting]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniia, 2014. Vol. 4. Pp. 128–143. (In Russ.).
- Kabak, Esengeldiev, 2011 — *Kabak D., Esengeldiev A.* Freedom of Religion in the Kyrgyz Republic: An Overview of Legal Framework and Practice. Bishkek: Public Foundation “Open Position”, 2011. (In Russ.).
- Kalashnikova, 2011 — *Kalashnikova S.* Chelovek i zhiznennaiia sreda: psikhologiya vzaimodeistviia [The Human Being and the Living Environment: Psychology of Interaction]. Problema sootnosheniia estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke, 2011. Vol. 2. Pp. 67–76. (In Russ.).
- Kormina, 2001 — *Kormina Zh.* Chudo v narodnoi traditsii: kontsept i ritorika [A Miracle in the Folk Tradition: The Concept and Rhetoric]. In: Kontsept chuda v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii. Sbornik statei [The Concept of a Miracle in the Slavic and Jewish Cultural Traditions. Collection of Articles]. Moscow, 2001. Pp. 116–129. (In Russ.).
- Krasina, 2018 — *Krasina M.* Diskurs-analiz i metody ikh primeneniia v mezhdistsiplinarnykh proektakh [Discourse Analysis and Methods of Its Application in Interdisciplinary Projects]. Vestnik TGU, 2018. Vol. 2. Pp. 159–165. (In Russ.).
- Krylov, 2006 — *Krylov A.* Religion in the Socio-Political Life of Kyrgyzstan. Central Asia and the Caucasus, 2006. No. 6 (48). Pp. 101–108. (In Russ.).
- Le Goff, 2001 — *Le Goff J.* L'imaginaire médiéval. Moscow, 2001. (Russ. transl.).
- Liturgical Texts, 2010 — *Liturgical Texts* of the Orthodox Church. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2010. (In Russ.).
- Lossky, 1994 — *Lossky N.* Bog i mirovoe zlo [God and the World's Evil]. Moscow, 1994. (In Russ.).
- Mambetaliev, 2013 — *Mambetaliev A.* The Trace of Christ. 2013. (In Russ.).
- Meyendorff, 2005 — *Meyendorff I.* Orthodoxy in the Modern World. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2005. (In Russ.).
- Mkrtychyan, 2014 — *Mkrtychyan S.* Adaptivnost' kak sistemnoe svoistvo sredy prozhivaniia [Adaptivity as a Systemic Property of the Living Environment]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. Vol. 5 (166). Pp. 79–84. (In Russ.).
- Moldobaev, 2011 — *Moldobaev I.* Were the Kyrgyz Christians? [Online]. 2011. URL: http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=276&Itemid=58 (In Russ.).
- Nosova, 2019 — *Nosova E.* State-Religious Relations in Kyrgyzstan during the Soviet Period. In: Christianity in Kyrgyzstan. Bishkek, 2019. P. 78. (In Russ.).
- Ozmitel, 2011 — *Ozmitel E.E.* History of Orthodox Culture in Kyrgyzstan. 2011. P. 213. (In Russ.).
- Ozmitel, 2003 — *Ozmitel E.* History of Orthodoxy in Kyrgyzstan, 19th–20th Centuries. [Online]. 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriya-pravoslaviya-v-kyrgyzstane-khikh-khkh-vv> (In Russ.).
- Petrushin (ed.), 2018 — *Practical Theology: Theory and Practice* / ed. by V.I. Petrushin. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Theological Academy, 2018. (In Russ.).
- Saralaev (ed.), 2024 — *Religious Situation in the Kyrgyz Republic* / ed. by N.K. Saralaev; auth. Salmorbekova R.B., Ibraev M.E. Bishkek, 2024. 48 p. (In Russ.).
- Roerich, 1991 — *Roerich N.* On the Eternal. A Book on Education. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1991. (In Russ.).
- Russian Orthodox Church, 2012 — *Russian Orthodox Church.* Bishkek and Central Asian Diocese. History of Orthodoxy in Kyrgyzstan. [Online]. 2012. URL: <http://www.eparchy.kg/site/history.html> (In Russ.).
- Sydykov, 2007 — *Sydykov K.* Kyrgyz Tarikhy. Bishkek: Biyiktik, 2007. (In Kyrgyz.).
- Tabyshalieva, 2001 — *Tabyshalieva A.* A View on the Religious Situation in Kyrgyzstan. Central Asia and the Caucasus, 2001. No. 5. (In Russ.).
- Turdaliev, 2012 — *Turdaliev M.Zh.* Church Architecture of the Russian Population in Kyrgyzstan in the 19th – Early 20th Centuries. Science and New Technologies, 2012. No. 8. Pp. 60–63. (In Russ.).
- Ustimenko, 2011 — *Ustimenko A.P.* Vladimir, Metropolitan of Central Asia: (Chapters from a Biography): Odessa, Moscow, Karlovy Vary, Ashgabat, Bishkek, Dushanbe, Tashkent, Omsk. Tashkent: Tashkent and Central Asian Diocesan Administration, 2011. 303 p. (In Russ.).
- Shabdanbekova, Kurbanova, 2024 — *Shabdanbekova A.Sh., Kurbanova N.U.* History of the Russian Orthodox Church in Kyrgyzstan in the Context of Interfaith Cooperation. Arabaev Bulletin, 2024. No. 4/2. (In Russ.).
- Schmemmann, 2003 — *Schmemmann A.* The Historical Path of Orthodoxy. Moscow: Palomnik, 2003. (In Russ.).
- Oomen, 1998 — *Oomen P.* East of the Euphrates: Early Christianity in Asia. [Online]. 1998. URL: <http://www.religiononline.org/showchapter.asp?title=1553&C=1362>.
- State Commission, n.d. — *State Commission* for Religious Affairs of the Kyrgyz Republic. [Online]. URL: http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered/%D1%81hristian.
- Bishkek Diocese, n.d.a — *Answers from Priests.* Bishkek and Kyrgyzstan Diocese. [Online]. URL: <https://pravoslavie.kg/answers>.
- Bishkek Diocese, n.d.b — *Registration Documents* of the Diocese. Bishkek and Kyrgyzstan Diocese. [Online]. URL: https://pravoslavie.kg/pages/reg_documents.

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 122-138, 2025
Journal homepage: <https://sjcascourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_122-138

FROM THE PAGES OF THE HISTORY OF THE SOVIET COLLECTIVE FARM: THE COLLECTIVE FARM “MOUNTAIN GIANT” IN THE CITY OF ALMA-ATA. THE 30S OF THE XX CENTURY

*Saule K. Tulbassyieva*¹

¹Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Republic of Kazakhstan

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of History of Kazakhstan
named after Academician T.S. Sadykov

 <https://orcid.org/0000-0003-0197-2023>. E-mail: sauletulbassieva@gmail.com

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Tulbassyieva S.K., 2025

Abstract. Recently, interest in the problems of everyday life has noticeably increased in historical science, especially at the regional level during a certain historical process. The last thirty years have become a period of radical rethinking of socio-economic history and testing of new methodological approaches. In addition, this actualizes the topic we have chosen. The object of our study, we chose a special city of the Zhetysu region, the city of Almaty and its history during the period of collectivization. The subject of the study is the new rural life experienced by the peasantry as part of the city, which underwent a significant transformation during the formation of the Soviet state, associated with the implementation of a targeted state policy that had a tremendous impact on all spheres of life, which makes it possible to reveal key aspects of the history of everyday life, aimed at studying objective and subjective aspects of the historical process of this period for the residents of the city of Almaty. The purpose of this article is to study the most important aspects of the daily life of the rural population of the city of Almaty in the period 1930-1934.

Key words: Kazakhstan, Alma-Ata, collectivization, collective farm, Mountain Giant, everyday life

For citation: Tulbassyieva S.K. From the pages of the history of the Soviet collective farm: the collective farm “Mountain Giant” in the City of Alma-Ata. The 30s of the XX century // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 122-138. (In Russ.).

DOI: [10.64970/3105-241X_2025_1_1_122-138](https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_122-138)

КЕҢЕСТІК КОЛХОЗ ТАРИХЫНЫҢ БЕТТЕРІНЕН: «ГОРНЫЙ ГИГАНТ» КОЛХОЗЫ – АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНДА. XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫ

*Сауле К. Тулбасиева*¹

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан Республикасы

Тарих ғылымдарының кандидаты, академик Т.С. Садықов атындағы Қазақстан тарихы
кафедрасының аға оқытушысы

 <https://orcid.org/0000-0003-0197-2023>. E-mail: sauletulbassieva@gmail.com

Аннотация. Соңғы уақытта тарихи ғылымда, әсіресе белгілі бір тарихи үдеріс кезеңінде өңірлік деңгейде күнделікті өмір мәселелеріне қызығушылық айтарлықтай артты. Соңғы отыз жыл әлеуметтік-экономикалық тарихты түбегейлі қайта ойластыру және жаңа әдістемелік тәсілдерді қолдану кезеңі болды. Бұл біздің таңдап алған тақырыптың өзектілігін арттырады. Біздің зерттеу нысанымыз ретінде Жетісу өңірінің ерекше қаласы – Алматы қаласын және оның ұжымдастыру кезеңіндегі тарихын алдық. Зерттеу пәні – кеңестік мемлекеттің қалыптасу кезеңінде мақсатты мемлекеттік саясаттың жүргізілуімен байланысты, барлық өмір салаларына орасан зор ықпал еткен, ауыл шаруашылығы халқының жаңа ауылдық өмірі. Бұл Алматы қаласының тұрғындары үшін сол кезеңдегі тарихи үдерістің объективті және субъективті қырларын зерттеуге бағытталған күнделікті өмір тарихының негізгі аспектілерін ашуға мүмкіндік береді. Мақала мақсаты – 1930–1934 жылдар аралығында Алматы қаласындағы ауыл халқының күнделікті өмірінің маңызды аспектілерін зерттеу.

Түйін сөздер: Қазақстан, Алматы, ұжымдастыру, колхоз, Горный Гигант, күнделікті өмір
Дәйексөз үшін: Тулбасиева С.К. Кеңестік колхоз тарихының беттерінен: «Горный гигант» колхозы – Алматы қаласында. XX ғасырдың 30-жылдары // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 122-138 бб. (Орысш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_122-138

ИЗ СТРАНИЦ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КОЛХОЗА: КОЛХОЗ «ГОРНЫЙ ГИГАНТ» В ГОРОДЕ АЛМА-АТЫ. 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Сауле К. Тулбасиева¹

¹Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Алматы, Республика Казахстан

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана им. академика Т.С. Садыкова

 <https://orcid.org/0000-0003-0197-2023>. E-mail: sauletulbassieva@gmail.com

Аннотация. В последнее время в исторической науке заметно возрос интерес к проблемам повседневности, особенно на региональном уровне в период определенного исторического процесса. Последние тридцать лет стали периодом кардинального переосмысления социально-экономической истории и апробации новых методологических подходов. И это актуализирует выбранную нами тему. Объектом нашего исследования мы выбрали особый город Жетысуйского региона, город Алматы и его историю в период коллективизации. Предметом исследования является пережитая крестьянством новая сельская жизнь в составе города, претерпевшая значительное преобразование в период становления советского государства, связанная с проведением целенаправленной государственной политики, оказавшей колоссальное влияние на все сферы жизни, что позволяет раскрыть ключевые аспекты истории повседневности, направленной на изучение объективных и субъективных аспектов исторического процесса этого периода для жителей города Алматы. Целью данной статьи является исследование важнейших аспектов повседневной жизни сельского населения города Алматы в период 1930-1934 годов.

Ключевые слова: Казахстан, Алма-Ата, коллективизация, колхоз, Горный Гигант, повседневность

Для цитирования: Тулбасиева С.К. Из страниц истории советского колхоза: колхоз «Горный гигант» в Городе Алма-аты. 30-е годы XX века // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 122-138. (На Русс.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_122-138

Введение. Исторический период коллективизации вместил в себя ряд важнейших событий в становлении советского общества. Это было время массовой социализации, потрясений в результате которых миллионы людей сменили род занятий и даже место жительства.

Развернувшиеся те годы реформы Советского государства требовали колоссальных средств и сил, поскольку страна была в основном сельскохозяйственной, колхозы должны были стать основным источником, где государство могло изымать себе необходимые ресурсы. И это стало главной причиной осуществления аграрных преобразований, которые привели к полному изменению социального положения и повседневного быта сельской местности. В результате советские реформы в том числе и коллективизация в конечном итоге спровоцировали конфликт между старыми порядками сельского населения и новыми государственно-административными организациями - артелями, коммунарами и колхозами, которые разрушили прежний быт сельского населения.

Следовательно, без изучения особенностей развития сельского населения, особенно по определенному региону, невозможно воссоздать подробную и целостную картину повседневного быта людей этого края. Изучение повседневного быта, позволяет получить больше примеров, восприятия человеком, новых условий в период социального потрясения.

В последнее время в исторической науке заметно возрос интерес к проблемам повседневности, особенно на региональном уровне в период определенного исторического процесса. Последние тридцать лет стали периодом кардинального переосмысления социально-экономической истории и апробации новых методологических подходов. И это актуализирует выбранную нами тему.

Объектом нашего исследования мы выбрали особый город Жетысуйского региона, город Алматы и его историю в период коллективизации. В конкретности, на примере одного колхоза мы хотим показать историю становления советского хозяйства в городе Алма-Ате.

Предметом исследования является пережитая крестьянством новая сельская жизнь в составе города, претерпевшая значительное преобразование в период становления советского государства, связанная с проведением целенаправленной государственной политики, оказавшей колоссальное влияние на все сферы жизни, что позволяет раскрыть ключевые аспекты истории повседневности, направленной на изучение объективных и субъективных аспектов исторического процесса этого периода для жителей города Алматы.

Целью данной статьи является исследование важнейших аспектов повседневной жизни сельского населения города Алматы в период 1930-1934 годов и показать объективные факторы преобразования повседневности. В том числе основная цель состоит в том, чтобы рассказать историю воплощения советской модернизации на примере на одного колхоза города Алматы.

В соответствии с поставленной целью в статье были поставлены следующие задачи:

- осветить социально-экономические тенденции, повлиявшие на повседневную жизнь колхозов города Алматы;
- выявить особенности социальных взаимодействий и настроений сельского населения в период коллективизации на примере одного колхоза;
- показать условия, уровень, образ жизни и быта сельского населения города Алматы.

Материалы и методы. Методологическую основу составили принципы историзма и системный подход. А также были использованы проблемно-хронологические, историко-сравнительные, типологические подходы. Использовались также общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.), специально-исторические методы исследования, на конкретных примерах, проблемно-хронологические, фронтальные исследования архивных данных и т.д. Научные работы отечественных ученых (Kabuldinov, et al, 2023) посвятил не мало работ теме истории советского колхоза.

Обсуждение. Актуальность выбранной темы заключается в недостаточном изучении повседневной жизни сельского населения Алматинского региона в 1930-1934-х гг.

По истории Казахстана недостаточно научных работ по изученности исторических данных в разрезе регионов этого периода. Они все рассматривались обобщенно, комплексно.

Поэтому одним из способов создания ретроспективы 30-х годов стал интерес исследователей изучить историю в разрезе региона по определённому периоду.

История создания, укрепления и деятельности массовых крестьянских организаций в переходный период, а также работа сельских советов были рассмотрены в работе М.К. Козыбаева (Козыбаев, 1992: 111-114). Он отмечает, что деятельность крестьянских организаций некоторое время расследовалась в одностороннем порядке.

По его словам, вопросы взаимоотношений крестьянских организаций между собой, их отношений с аульными и сельскими советами в борьбе за строительство социализма, т.е. механизм реального участия рабочих в историческом творчестве, остался вне поля зрения ученых.

В монографии, посвященной анализу партийного руководства с массовыми организациями, Ш.А. Кусановой дает общее представление об основных направлениях развития аграрной политики (Кусанова, 1976: 8-19). Сосредоточившись на основной направленности партийного руководства, автор затронул вопросы идейно-организационного укрепления сельских партийных организаций.

Значительное место в казахской историографии занимают работы С.Л. Ковальского (Ковальский, 1973: 59-70). В его научных работах показаны проблемы совхозного строительства в довоенный период, деятельность производственных бригад под руководством КПСС и Советского государства, и совхозов крупных аграрных отряды рабочего класса в деревне.

Логическим продолжением этой проблемы в новых исторических условиях стала работа С.Л. Ковальского и Х. Маданова «Освоение целинных земель Казахстана» (Ковальский, 1986: 56). Где исследован широкий круг вопросов, связанный с организацией и развитием совхозного производства на целинных землях Казахстана в довоенный и послевоенные периоды.

А.Б. Турсунбаев одним из первых в Казахстане показал жизнь двора и деревни в 20-е и 30-е годы, раскрыв роль партийных организаций в распространении массовых идей коллективизации, указав на помощь рабочих поселков и дворов в строительстве систем по мелиорации земель, что колхозы и колхозники пользуются единым сельскохозяйственным налогом (Турсунбаев, 1967: 3-9; Турсунбаев, 1977: 247). На основе архивных материалов автор прослеживает развитие коллективизации фермерских хозяйств в Казахстане и пути решения двух исторических проблем - консолидации личных хозяйств в коллективные и переход от кочевого образа жизни к оседлому.

Общие исследования социально-экономических проблем и конкретно-исторического опыта перехода казахских кочевников и полукочевников к оседлому образу жизни при Советской власти составляют работы Г. Ф. Дахшлейгера и К. Нурпеисова (Дахшлейгер, 1985: 4-20). Их отличает широкая источниковая база, глубокий анализ материала, обоснованность предположений и обобщений по важнейшим вопросам этого периода. Конкретно-исторический обзор побед колхоза в республиках советского Востока, в том числе и в Казахстане, описан в трудах Б. А. Тулепбаева (Тулепбаев, 1984: 21; Тулепбаев, 1971: 15-42; Тулепбаев, 1984: 5-14). Среди них особое место занимает его монография «Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане». Его работа отличается тем что, в них проведен анализ политических, экономических и социальных предпосылок коллективизации.

Таким образом, можно сделать обзор научных работ относящейся к этому периоду, но исторический обзор выявляет недостаточный уровень исследования этого периода в региональном разрезе.

В качестве источниковедческой основы нашего исследования были привлечены архивные данные, прежде всего Алматинского городского архива, Архива Президента Республики Казахстан, и особо незадействованные архивные документы более раннего исследовательского круга.

В конкретности, нами были использованы материалы Фонд-70 Дела Алма-Атинского городского народного суда 1928-1936 годах (ГАА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 11. Л. 147).

Научная новизна представляет собой первую попытку всестороннего и общего изучения повседневной жизни сельского населения города Алматы в период коллективизации, когда формировалась новая система советской собственности.

В период нашего исследования, город Алма-Аты был административным центром Жетысуйской губернии. С 3 сентября 1928 по 1936 годы Алма-Ата была столицей Казахской АССР и административным центром Алматинского округа.

В соответствии с постановлением Президиума Казахского ЦИК от 17 декабря 1930 года «О новом районировании» в Казахстане было создано 126 районов. Будучи столицей Казахстана, Алма-Ата стала административным центром крупного района. К нему присоединились населенные пункты Мало Алматинского, Ленинского сельсовета Калининского района и Горно-Октябрьского сельсовета (ЦГА РК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 205. Л. 91). В результате реформы 3070 фермерских хозяйств, расположенных на площади 49 264 га, находились в ведении 12 колхозов и 1 сельскохозяйственный кооператив-артель. Общее количество обслуживаемых городским советом людей достигло 141 590 человек.

Значительная часть городского населения занималась сельскохозяйственно-ной деятельностью, по развитию садоводства и огородничества наряду с выращиванием зерновых культур. Сельское хозяйство до февраля 1930 г. существовало как кустарное объединение колхозов, позже это объединение было реорганизовано в Райколхозпродовощ Союз, а позже, после учреждения горсовета, был создан Горколхозсоюз.

В начале 1930-х годов в городе было 13 колхозов, из них 1 коммуна и 12 артелей. Колхозы объединяли 1065 хозяйств и 4816 душ населения, что составляло 38,5 % всего городского населения, занятого в сельском хозяйстве.

Размер сельскохозяйственной деятельности колхозов определялся следующими данными: в 1929-30 гг. зерновыми культурами было засеяно 2128 га, огородами – 216,5 га, новыми садами – 71,5 га. Общая площадь садов составляла 834 га, из них 408 га - плодоносящие сады, 375 га - неплодоносящие сады и 51 га - сады. Самым большим недостатком в организации колхозов являлась нестабильность сельскохозяйственной территории (ЦГА РК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 205. Л. 105).

Некоторые колхозы, например, артель «Беднота», имели до 100 земельных участков. В начале 1930-х годов ряду колхозов было выделено для развития садоводства 575 га, а вышеупомянутой артели «Беднота» предоставлено 150 га в одном массиве, за счет земель, отобранных у лишенцев и кулаков. Посев огородных культур в 1929 году был равен 216,5 га, в 1930-31 гг. - 2128 га, по плану на 1930/31 г. - 1534 га. Таким образом, огородные культуры были увеличены на 39,8 процентов, а зерновые сокращены на 38, 8 процентов. Собирая материалы по хлебозаготовке по городу Алматы, мы столкнулись с делом одного колхоза, входящего состав города. И решили взять данный объект как предмет нашего исследования.

Так, в 1933 году в газете «Казправда» была опубликована статья об одном колхозе Алма-Атинского района. Авторами статьи являются все бригады МТФ в количестве 28 человек из одного колхоза.

В статье сообщается “Что в городе Алма-Ата есть один сильный колхоз “Горный Гигант”. В 1933 году он экспортировал одних яблок «Апорт» 800 тонн, не говоря о других плодах и его богатстве” (ГАА. Ф. 174. Оп. 16. Д. 142. Л. 38). В этом колхозе производилось до 50 сортов вина.

Согласно изученных материалов, по состав и деятельность колхоза «Горный Гигант» в этот период выглядела следующим образом:

Таблица 1 – Состав и деятельность колхоза «Горный Гигант» (ГАА. Ф. 174. Оп. 16. Д. 142. Л. 38)
 [Table 1 – Composition and Activities of the Collective Farm "Gornyi Gigant" (SAA. F. 174. Op. 16. D. 142. L. 38)]

	число хозяйств	число едоков	число трудоспособных
в 1934 году	382	1528	866
в 1935 году	445	1804	1010

По хозяйству:

Наименование культур	Количество гектаров
Пшеница	544
Просо	10
Ячмень	30
Овес	110
Картофель	68
Овощи	42,63
Подсолнечник	5,7
ВСЕГО	810,33 га

Таблица 2 – О наличии скота в единоличном пользовании колхозников колхоза Горный Гигант (ГАА. Ф. 174. Оп. 16. Д. 142. Л. 43)
 [Table 2 – On the Availability of Livestock in the Personal Use of Collective Farmers of the "Gornyi Gigant" Collective Farm (SAA. F. 174. Op. 16. D. 142. L. 43)]

Наименование скота	количество голов по сведению 1933-1/1-1934г	количество голов по сведению 1934-1/1-1935г
Коров	142	183
Нетелей и телят	47	136
Свиней	-	124
Овец	35	12
Быков	-	36
Ослов	-	19
ВСЕГО:	228	614

Таблица 3 – Сведения о валовом выходе продукции колхоза Горный Гигант (ГАА. Ф. 174. Оп. 16. Д. 142. Л. 42)
 [Table 3 – Data on the Gross Output of the "Gornyi Gigant" Collective Farm (SAA. F. 174. Op. 16. D. 142. L. 42)]

№п/п	Наименование культур	Сбор 1933 году в центнерах	Сбор 1934 году в центнерах
1	Пшеница	2994	7320
2	Просо	27	198
3	Овес	621	1990
4	Ячмень	567	348
5	Подсолнечник	24	68
6	Картофель	2058	5207
7	Капуста	269	1070
8	Огурцы	392	338
9	Помидоры	1478	1078
10	Прочие огородные	56	531
11	Бахчеводство	177	313
12	Яблоки, груши и проч.	18999	7657
	Валовый денежный доход	2401275	11151555-90

Таблица 4 – Сдано государству (ГАА. Ф. 174. Оп. 16. Д. 142. Л. 42)
 [Table 4 – Delivered to the State (SAA. F. 174. Op. 16. D. 142. L. 42)]

№п/п	Наименование культур	Сбор 1933 году в центнерах	Сбор 1934 году в центнерах
1	Пшеница	398	1165
2	Овес	160	-
3	Ячмень	140	331
4	Картофель	557	601

5	Огурцы	174	73
6	Помидоры	764	323
7	Капуста	15	66
8	Яблоки, груша	8123	4254
	ВСЕГО	10331	6813

По данным таблицам на первый взгляд, казалось бы, все хорошо.

В эти годы в колхозе часто проводилась чистка чуждых элементов. Примером может служить, суд над 24 людьми, колхоза «Горный Гигант» по уголовным делам против руководства и членов колхоза. В том же колхозе была проведена конференция, то есть собрание колхозников из 250 человек и в итоге 1933 году за халатное отношение к колхозному имуществу «Горный Гигант» было осуждены люди.

В конкретности, Белоусов Антон Александрович-осужден за срыв сева, Кахнович Никифор Евстафьевич-бухгалтер, осужден за запутанность учета, продал картошки 8 тонн. Костюков Яков Георгиевич- кулак, сослан. Курилов Николай Николаевич-бригадир, осужден за халатность, приговорен к 6-ти месяц принудительной работы. Пашенко Павел Сергеевич- за пьянку, работал рядовым во второй садовой бригаде. Соловьева Хиония Филипповна-бригадир, осуждена за склоку по 95 статье, до суда сидела 3 месяца, судом оправдана. Жуков Василий Николаевич-обвинялся за участие в воровстве хлеба и фруктов (ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д.142. Л.8).

Для всесторонней проверки фактов, сообщаемых в поступивших в Горком ВКП(б) материалам, была создана комиссия из пяти человек: председатель комиссии-Конуспаев. Члены комиссии Еричев, Кладнева, Куварзин, Василенко (ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 142. Л. 46).

В поступившем материале на имя Горкома ВКП(б) и Горсовета было указано, что уцелевшие кулаки, а также ранее осужденные социально-чуждые, антиколхозные элементы, отбыв срок наказания, пробравшись к руководству колхоза (члены правления, бригадиры), разваливают колхоз, растранижают имущество и т.д.

В результате проведенного глубокого расследования установлено: что на протяжении всего периода работы старого состава правления колхоза, возглавляемого бывшим председателем колхоза Морозихиным, абсолютно отсутствовала критика и самокритика в колхозе.

Зачастую со здоровыми требованиями, запросами и заявлениями колхозников совершенно не считались. Инициатива колхозников зажималась, воспитательная работа среди колхозников не проводилась. Правление колхоза и его председатель работали по методу «как хочу, так и ворчу». Колхозники запугивались. Председатель колхоза Морозихин на замечания колхозников отвечал: «Я председатель колхоза и член Горкома и Горсовета, поэтому что хочу, то и делаю в колхозе». Все это подтверждается беседами с колхозниками, а также выступлениями колхозников на собраниях.

Например, на общем собрании членов артели 1-го марта колхозники в своих выступлениях заявляли следующее:

Данилин: - «При старом руководстве у нас почти не было собраний».

Золотарева: - «на редко проводимых собраниях колхозники почти не выступали, потому что были запуганы».

Шевченко: - «Меня не раз ругал Морозихин, не давал говорить, исключал из колхоза и обещал отдать под суд за то, что отмечала недостатки. Угрожал, говорил: «я член Горсовета, что хочу то и делаю».

Шишова: - «Я не раз приходила в правление и говорила о недостатках в работе, Морозихин меня прогонял, не велел ходить и т.д.».

Курилова (МТФ): - «У нас в колхозе был большой зажим со стороны Морозихина, -я работала ударно. Бригада меня зачислила в список ударников, а Морозихин вычеркнул меня из списка ударников за то, что просила освободить меня от работы на один день по случаю болезни грудного ребенка».

Вуцык (СТФ): - «Морозихин зажимал инициативу колхозников, грубо обращался с колхозниками. Было много случаев, когда много женщин плакало от запугивания Морозихина».

Отсутствие критики и самокритики, наличие голого администрирования в работе, методом запугивания колхозников со стороны старого руководства привели к явному ослаблению трудовой дисциплины среди колхозников, к безответственности, расхлябанности со стороны бригадиров- с одной стороны, и с другой-дали большую возможность, проникшим в колхоз антиколхозным, социально-чуждым элементам вести преступную работу, направленную на разложение колхоза. Вот несколько фактов недостаточного и явно неправильного использования труда в колхозе:

- а) 1. Бисимбаев Р. имеет 566 трудовых дней,
2. Байлибаев П. имеет 526 трудовых дней,
3. Беленко Ф. имеет 625 трудовых дней,

Всего: 1717 т/дней

В среднем каждый мужчина выработал 572 т/дней ($1717:3=572$). Это средняя я выработка.

- б) 1. Чингильбаев имеет 277 трудовых дней,
2. Абу-Ишем имеет 263 трудовых дней,
3. Ембаев Д. имеет 325 трудовых дней.

Всего: 675 т/дней

В среднем каждый мужчина выработал 258 т/дней ($775:3=258$). Это минимальная выработка.

- в) 1. Байтанов имеет 126 трудовых дней,
2. Дуткаев имеет 120 трудовых дней,
3. Тезекпаев имеет 82 трудовых дней.

Всего: 328 т/дней

В среднем каждый мужчина выработал 109 т/дней ($328:3=109$). Это минимальная выработка.

Всего этих 9 вышеперечисленных работников фактически выработали 2820 т/дней, т.е. по 313 т/дней в среднем каждый в отдельности ($2820:9=313$).

Всего в колхозе трудоспособных мужчин имеется 397 человек. Они смогли-бы выработать всего 124261 т/дней, исходя из средне приведенной цифры 313 т/дней, на каждого трудоспособного мужчину ($397 \times 313 = 124261$). Фактически выработано меньше. Труд мужчин использован на 70 процентов.

Труд женщин:

- а) Максимальная выработка женщины составляет 274 т/дня;
- б) средняя выработка каждой женщины равна 169 т/дней
- в) минимальная выработка женщины равна 58 т/дней.

В среднем на каждую женщину приходится 167 т/дней. Всего в колхозе трудоспособных женщин 444. Исходя из расчёта средней вышеуказанной фактической выработки, все 444 женщины в течение всего 1934 года могли выработать 80140 т/дней. Фактически это далеко не так, труд женщин использован только на половину.

Труд подростков:

- а) Максимальная выработка подростков составляет 153 т/дня;
- б) средняя выработка каждого подростка равна 48 т/дней
- в) минимальная выработка подростка равна 5 т/дней.

Средняя выработка подростков, следовательно, равняется 69 т/дней. Всего подростков в колхозе имеется 161 человек. Исходя из среднего подсчета, они могли выработать 11109 т/дней

(161*69=11109). Фактически выработали значительно меньше (ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 142. Л. 52).

Результаты. В результате получается, что все 1010 человек трудоспособных, совместно с подростками вполне могли в течение 1934 году выработать 215510 т/дней, фактически выработали только 164000 т/дней. Таким образом, труд в колхозе использован на 70 процентов.

Плохая организация труда объясняется исключительно тем, что не было развернута критика и самокритика, массово-воспитательная работа среди колхозников. Крайне слабая дисциплина. Значительная часть колхозников, имеющие огород и скот в единоличном пользовании, полученные в порядке помощи от государства и колхоза, зачастую не выходили на работу, больше внимания уделялось индивидуальному хозяйству работа на огороде, вынос продукции на базар и прочее.

Руководство колхоза - правление, бригадиры и др. будучи классово-чуждыми элементами, не разъясняло колхозникам значения предоставленной государством помощи в деле обзаведения скотом, сознательно не использовало этого величайшего стимула для укрепления колхоза, для повышения доходности в колхозе, для улучшения организации труда и дисциплины.

В результате всего этого уборка урожая зерновых в 1934 году проведена далеко не удовлетворительно, с большой затяжкой. Особенно плохо проведена уборка овощей и фруктов-померзло-250 тонн яблок.

Бывший зампред колхоза Кишканов (сын околоточного, отец сослан 1919 году) руководил буртованием свеклы и картофеля и в результате его вредительской работы в буртах погибло 100 тонн свеклы и 30 тонн картофеля в бригаде Колесникова.

В результате того, что зерновой бригадой руководил классово-чуждый элемент Милованов (1919 году Милованов служил в отряде Анненкова фуражиром, после революции имел сезонных рабочих и с 1930 года вел вредительскую работу в колхозе), по его распоряжению во время уборки зерновых культур было сожжено 4 стога соломы, а так же вредительно был сожжен полегший хлеб на площади в 18 га.: вместо того, чтобы на участке полегшего хлеба организовать ручную уборку, Милованов сознательно пустил жатвенную машину лобогрейку, тем самым вытоптал хлеб, а в конце уборки для того, чтобы скрыть следы преступления, хлеб на этом участке был сожжен.

С целью организации воровства, во время подвозки хлеба с токов к амбарам, Миловановым было организована отправка и приемка хлеба без веса. Таким образом, есть основания считать, что во время уборки много хлеба было разворовано.

И после уборки бывшие кулаки и белые офицеры (Милованов, Кишканов, Чумин и др.) продолжали свою вредительскую работу. По инициативе и распоряжению Милованова и Кишканова 300 центнеров хорошо, сохраненного семенного материала было смешано с проросшим зерном, в результате колхоз был вынужден произвести обмен семян на пункте Заготзерно.

В результате преступной халатности по уходу за скотом, особенно за молодняком, а также текучести кадров, за год сменилось 3 заведующих МТФ, в течение 1934 года погибло 40 голов телят и 4 головы крупного рогатого скота. Что отразилось на снижении дохода. Дело по уходу за скотом до 1934 года было поставлено и велось плохо, новый состав правления не принимал решительных мер по устранению недостатков, лошади не чистились и находились в грязи. Конюхами работали случайные люди, например, Капустин, лошади под его присмотром были в плачевном состоянии. На вопрос: «почему не чистишь лошадей?» Он отвечал: - «их нужно чистить мешком». Помимо этого, Капустины Филипп и Петр ведут контрагитацию, говоря:

1. «Убили Кирова, - это хорошо. Его хоронят с большой почестью, нас так хоронить не будут».

2. «Троцкий проводил правильную политику, сослали его неверно».

3. «МТС организуют для того, чтобы грабить колхозы и проч.».

4. «Советская власть ножницы, она все подстрижет».

Большое количество лошадей было заражено чесоткой, с побитыми спинами и плечами. Ветврач Слесарева - жена эсера, преступно относилась к этому. Несмотря на приближение посевной она не приступала к лечению больных чесоткой лошадей, по несколько дней находясь у себя на огороде.

В 1933 году в бригаде Милованова на участке Байсерке на болоте было построена МТФ, стоимостью в 4 тыс. рублей. В результате вредительской работы Милованова и строителей эта постройка весной 1934 года развалилась.

Бывший председатель правления колхоза Морозихин бесконтрольно разбазаривал средства колхоза; без ведома правления колхоза и колхозников Морозихиным были выданы средства, якобы на лечение, следующим лицам:

1. Червяковой - секретарь колхоза - 1000 рублей
2. Пашенцеву - счетовод - 600 рублей
3. Буханцеву - бухгалтер - 1000 рублей
4. Буцык Пелагеи - 664 рублей
5. Михайловой Лидии - 325 рублей

Итого: -3586 рублей.

Кроме того, по инициативе Морозихина большое количество различных товаров покупалось правлением колхоза по «блату», например, у экспедитора, без документов, цены составлялись и оплачивались за товары по усмотрению революционной комиссии (председатель рев. Комиссии Чумин, старый офицер), эти товары продавались колхозникам в несколько раз дороже (килограмм подошвенной кожи продавался колхозникам по 53 руб.).

Все это вело к разбазариванию и расхищению колхозных средств. В результате денежный доход колхоза в 1934г. оказался в несколько раз ниже, чем 1933г. : доход 1933 г. выразился в сумме 2402000 руб., из них отчислено в неделимый фонд 231574 руб., на производственные расходы (постройка, приобретение материалов, инвентаря) - 272454 руб., распределено на трудодни 1627589 руб., т.е. по 15 руб., на т/день : в 1934 году по плану должны были получить доход в 4010191 руб., фактически же получено 1004000 руб., т.е. почти в 3 раза меньше против намеченного плана и в 2,5 раза меньше фактически полученного дохода в 1933 год. В результате колхозники получают на т/день по 4 руб.,26 коп. причем средств на выдачу колхозникам на т/дни нет - все деньги находятся в стоимости вина и дебиторской задолженности: вина имеется 60000 литров, на сумму 350 тыс.руб., и задолженность за разными организациями 156782 руб.,

Необходимо отметить, что значительная часть денежного дохода снижена в результате низкого урожая яблок и реализации их дешевле чем 1933 г.

Тем не менее, факт остается фактом, что большое снижение денежного дохода объясняется: во первых, сильной засорённостью классово-чуждыми элементами руководящего состав колхоза, разлагательская работа которых, несомненно привела к разбазариванию колхозных средств, к разложению трудовой дисциплины и гибели огромного количества фруктов и овощей от мороза; во-вторых, неправильное использование труда колхозников, наличие невыходов на работу и отсутствие правильной большевистской организации колхозников на успешную уборку урожая 1934 году.

Классово-чуждые элементы, пробравшиеся к руководству колхоза, проделали определенную работу и в области запутывания учета и отчетности колхоза при наличии грамотного счетного аппарата. В итоге 1934 г. Оказалось огромное количество трудодней (1418), не зачтенных во время распределения доходов, у некоторых колхозников было потеряно до 90 т/дней:

1. Гончаров свинарь - 89 т/дней
2. Оринич сторож - 31 т/дней
3. Минжулин рядовой - 23 т/дней
4. Колесников А. мельник - 73 т/дня.

В 1933 году за антиколхозные действия было осуждено 24 человека. Часть из них кулаки. некоторые из привлёкшихся остались в колхозе, например, Курилов Н. был бригадиром,

судился за халатность по 3 ст., приговорён 6-ти месяцам принудительной работы. Принудительную работу выполнял в колхозе, из колхоза не исключался. Курилов с 1934 года работает бригадиром. Соловьева -монашка, привлекалась как подкулачница, находилась в заключении три месяца, судом приговорена к 1- му году условно. Соловьева бригадир садовой бригады, член правления колхоза. Подготовка к севу в ее бригаде крайне неудовлетворительная. Бригада выступила на смотр не подготовленной.

В результате проверки и расследования установлено, что пробравшись в колхоз обманным путем, классово-чуждые элементы заняли ответственные посты-зампредседателя правления, члены правления, бригадиры и все время вели вредительскую, разлагательскую работу в колхозе.

1. Милованов -бывший бригадир зерновой бригады, в 1934 года работает зам пред. Правления колхоза, бывший офицер 1919 года служил в отряде Анненкова, отец его, и он сам до революции держали сезонных рабочих. В1930 года Милованов вступил в колхоз и с тех пор ведет разлагательскую работу.

2. Чумин-бывший пред. рев. Комиссии колхоза, офицер, служил в Ташкенте до 1918 году в белой армии, дед Чумина, у которого он воспитывался, имел завод, мельницу после революции был раскулачен и выслан.

3. Кишканов-кладовщик, бывший зам. Председатель правления колхоза, родственник Милованова, сын околоточного, отец сослан в 1919 г.

4. Полумисков-бывший кулак, имел свой винный завод, работал виноделом в колхозе. В 1934 году по ходатайству Морозохина, Олейникова, Милованова, Кишканова и ряда других, был восстановлен в правах. Полумисков во время своей работы виноделом в колхозе, вместе с Миловановым, Кишкановым, Чуминым разбазаривали фрукты и вино, в результате его вредительской работы отравлено 288 литров вишневого вина, с целью отравления приготовляемых винных напитков. Полумисков пропускал вино через цинковую решетку. Систематически на квартире Полумискова устраивались пьянки с Кишкановым, Миловановым, Чумином и с участием Морозихина и Олейникова. В результате Морозихин и Олейников оказали активную помощь в восстановлении в правах лишённого кулака Полумискова и в вступлении его в колхоз.

5. Миняйлов, который подал заявление о засильях в колхозе кулаков, сам, будучи бригадиром, работал очень плохо, занимался пьянством, угробил колхозную лошадь, продал колхозный хлеб обвешивал колхозников, имел связь со спекулянтom Малых.

Все вышеперечисленные безобразия, вредительская работа отдельных классово-чуждых элементов, привели колхоз к тому, что колхоз был очень плохо подготовлен к севу в 1934 году. Пробный выезд с проверкой 23-го февраля показал неподготовленность колхоза к севу, слабую дисциплину среди колхозников, большую расхлябанность среди бригадиров, отсутствие достаточного ухода за тягловой силой, плохое качество ремонта сельскохозяйственного инвентаря и т.д.

Исходя из этого, были приняты меры и намечены следующие мероприятия:

1. На основе развертывания критики и самокритики, проработки нового устава сельскохозяйственной артели добиться укрепления дисциплины в колхозе, устранить отмеченные выше недостатки, особенно устранить недостатки в деле подготовки к севу. Провести сев в установленный срок и высококачественно.

2. Немедленно приступить к лечению больных лошадей. Ветврача Слесареву, за преступное отношение к скоту, с работы снять и привлечь к судебной ответственности.

3. Бригадира Соловьеву от работы отстранить, как не обеспечившую руководство бригадой.

4. Чумина (бывшего офицера) с работы счетовода снять и привлечь к уголовной ответственности. Поставить вопрос на общем собрании колхозников об исключении его из колхоза.

5. Немедленно снять с работы винодела кулака Полумискова, изгнав его из колхоза с привлечением к уголовной ответственности. Поручить парт группе Горсовета рассмотреть правильность восстановления его правах.

6. Отстранить от работы и привлечь к уголовной ответственности за вредительскую разлагательскую работу в колхозе кулака, белого офицера Милованова.

7. Снять с работы и привлечь к уголовной ответственности Кишканова-бывшего зам председателя правления колхоза за допущение гибели свеклы и фруктов в буртах, за вредительскую и разлагательскую работу, будучи прикрепленным правлением колхоза на время уборки к зерновой бригаде.

8. Поручить правлению обсудить вопрос на общем собрании колхозников о Меняйлове, применив к нему соответствующие меры за преступную работу в колхозе.

9. Поручить правлению колхоза немедленно взыскать средства с лиц, получивших незаконно колхозные деньги.

10. Пересмотреть штат счетных работников на предмет сокращения до минимума.

11. Категорически предложить Колесникову решительно устранить все недостатки в работе, одновременно предупредить, что в случае не устранения недостатков в деле подготовки к севу он будет снят с работы и привлечен к ответственности.

12. Подобрать, из лучших колхозников-ударников, конюхов и обязать производить чистку и уход за лошадьми.

13. Принять к сведению, что Капустины Петр и Филипп в процессе работы комиссии, по предложению последней, правлением и общим собранием колхозников от 1-го марта 1934 года отстранены от работы, исключены из колхоза и привлекаются к ответственности.

14. Просить Горком ВКП(б) привлечь к партийной ответственности бывшего председателя колхоза Мирозихина, за отсутствие революционной бдительности, бесхозяйственность, зажим критики и самокритики, за ослабление классового чутья, за допущение хищения колхозной собственности и за незаконную покупку товаров по «блату».

15. Поручить лично гор прокурору т. Еримбетову в 3-х дневной срок закончить следствие по всем материалам колхоза «Горный Гигант». Вредителей, кулаков, жуликов, обманым путем пробравшихся в колхоз, привлечь к уголовной ответственности, организовав открытый судебный процесс в колхозе.

16. Поручить правлению колхоза настоящие выводы комиссии обсудить на всех собраниях колхозников и колхозниц в бригадах (ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 142. Л. 67).

Суд над 24 людьми в 1933 году, и изоляция этой шайки вредителей создал благоприятные условия для работы в колхозе «Горный Гигант». Усилия преданных Советской власти людей, борьба с их стороны за сохранение колхозной социалистической собственности при неустанной помощи отдельных партийных лидеров, дали возможность колхозу получить валовой доход около трех миллионов рублей. Что дало возможность колхозу стать зажиточным. В дальнейшем для успешной работы колхоза были созданы самые благоприятные условия. В колхоз пошел большой наплыв народа разных специальностей, из-за которых количественно и качественно колхоз вырос почти в два раза.

Но оставшиеся семьи осужденных, их родственники, товарищи, уцелевшие от суда кулаки, а также отбывшие наказание и принятые обратно в колхоз успели организовать и повести выгодную для себя работу.

Кулацкая часть колхоза окрепла, и стала протаскивать своих людей на выборах в члены правления, на должности бригадиров и кладовщиков. Организовав неработоспособную революционную комиссию, тем самым зачистив себе путь для дальнейшего вредительства. Честные колхозники и в особенности актив ударился в панику, в результате чего начался побег из колхоза. Они не однократно писали жалобу. Так, от имени колхозников жалобу написал Грищук 12 февраля 1935 году (12/II-35г.) В ней говорилось: «Колхоз «Горный Гигант» занимая самый лучшие владения имеет все условия для своего развития и для построения в нем зажиточной жизни. Однако большое засилье кулаков в нем, и их вредительская деятельность мешает колхозу построить сносную жизнь. Со дня организации 1930 года, колхоз терпел

большую нужду и только в 1933 году после разгрома кулаков, изоляции их после суда 24 человек, колхоз смог развернуть свою работу и дать хорошие показатели имея валовой доход около трех миллионов рублей. Такой хороший результат работы колхоза, поднял его авторитет, создались лучшие условия для дальнейшей работы и укрепления колхоза. Все же кулаки остались «недобитыми», собрали свои силы организовались и заняли командные должности, проводя вредительскую работу, совершенно провалили работу 1934 года так, что в настоящее время и делить колхозникам нечего» (ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 142. Л. 52).

В борьбе против кулаков в налаживании колхозного хозяйства сыграл самую большую роль, член колхоза партиец Николаев Николай Андреевич.

Николаев, как старый большевик, опытный человек, вполне развитый, безукоризненно честный и трезвый человек не покладая рук работал над превращением колхоза в большевистский, а колхозников в зажиточных. Начиная с 1930 года, когда т. Николаев являлся представителем шефствующей над колхозом организации вкладывал свой труд в колхоз и еще с того времени заслужил авторитет среди большинства колхозников и в особенности активистов.

«С переводом в конце 1933 года товарища Николаева на работу в производство в числе 1200 человек, кулаки смогли вновь организовать, а оставшееся в колхозе партийное руководство не смогло приостановить кулацкую вредительскую работу. Не было никакой уверенности, что и в дальнейшем кулаки оставят-свою злодейскую деятельность тем более, что они пролезли в командную верхушку колхоза. Мы колхозники обращаемся в партию ВКП(б) и усиленно просим оставить Николаева в работе в колхозе, который своим честным трудом, преданностью делу пользуясь большим авторитетом сможет наладить хоз-во, устранить творящиеся в колхозе безобразия и предупредить могущие быть преступления» - говорилось жалобе. Горсовет, как и в предыдущий случай, создал комиссию, провел расследование, провел повторную чистку в колхозе от «чуждых элементов»

Исключение из колхоза, как правило, сопровождалось тяжелыми последствиями. Ведь большинство колхозников не имело альтернативного источника дохода. Многие крестьяне, покинувшие колхозы, не смогли добиться возвращения своего имущества у местных властей. Они, как правило, уходили из колхоза без земли, лошади, сельскохозяйственного инвентаря.

Тем не менее жизненные показатели колхоза «Горный гигант» показали прогрессивность. В частности, экономические показатели по колхозу «Горный Гигант» по состоянию на 1-го января 1935г.:

В 1934 году было в колхозе 362 хозяйств. С количеством 1528 человек. Из них трудоспособных-866 человек.

В 1935 году в колхозе состоит 413 хозяйств. За январь и февраль вступило в колхоз-31 хозяйств. Всего едоков 1547 человек.

Из них трудоспасобных-841

мужчин-----397

женщин-----444

Женщины работают наравне с мужчинами, по-ударному выполняют свою работу.

Таблица 7 – Показатели колхоза: Было скота
[Table 7 – Indicators of the Collective Farm: Number of Livestock Available]

№№ п.п.	Скот	1933 году	1934 году
1	Лошадей	108	110
2	Молодняка	17	22
3	Волов	8	22
4	Коров	81	84
5	Молодняка	63	126
6	Свиней с молодняком	44	128
7	Овец	-	100
Скота у колхозников 1933 году 1934 году			

8	Коров	144	183
9	не телят и телят	47	136
10	Свиней	нет	124
11	Быков	нет	36
12	Ослов	нет	19
13	Кроликов	нет	104

(ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 142. Л. 67)

Колхоз своевременно выполнил свои обязательства перед народом, Государством. Обеспечил себя полностью семенами и фуражом.

Колхозники получили на трудодень: хлеба - 3,215 кг, картофеля - 1,5 кг. Яблок - 116 гр. Меду - 15 гр. зерновых отходов - 64 гр., деньгами - 4 руб. 51 коп. (четыре рубля 51 коп).

Колхозники хорошо работали, получили достаточное количество хлеба, например, Рядовые колхозники, работавшие в бригаде:

1. Байлявбаев Бек с семьей имеет - 1180 труда день получил хлеба - 37,87 цен.
2. Буцик Семен имеет - 1247 труда день получил хлеба - 41 цен.
3. Загребов Михаил имеет трудоней - 1123, получил хлеба - 36 цен.

В 1935 году колхоз провел большую работу для организации культурных мероприятий это:

1. Постройка клуба стоимостью - 20-25 тыс. рублей.
2. Постройка красных уголков в бригадах, оборудованных радио, и снабженных книгами, газетами, музыкой и т.п. На это, колхозом затрачено 35 тысяч рублей.

За зажиточную культурную жизнь активно боролись женщины. В этом колхозе 25 женщин были премированы за лучшие показатели. 2 женщины работали бригадирами. Лучшие ударницы колхоза: Джумабаева Кайча-имела 382 труда дня работая 4-й год дояркой. Премирована колхозом, неоднократно участвовала на слете. Гордеева Александра имела 216 труда день рядовая, премирована. Курилова Наталья, рядовая, премирована имела 219 труда дня. Голобородько Александра, работала рядовой, имела 272 труда дня. Женщины принимали активное участие в подготовке к посевной. Садовые, огородные бригады в большинстве состояли из женщин.

Заключение. В данная статья написана, на основе собранных материалов и архивных данным, по конкретному объекту - колхозу «Горный Гигант» г Алма -Аты в период 1930-1934 годы. Как описывается выше это период становления и первые шаги коллективизации, трудности, а порой непонимание и настороженное отношение к новым переменам в жизни. Отсюда и противостояния между низшими, средними и зажиточными слоями населения.

Приведены примеры на конкретных лицах, препятствовавших работе колхоза занимавшихся вредительством, хищением коллективной собственности.

На конкретных примерах мы пытались показать, как повлияли новые социально - экономические тенденции на повседневную жизнь населения, изменение их привычного жизненного уклада, принятие новшеств, стремление к получению результатов от коллективного труда. (статистика показателей указана в приведенных выше таблицах).

Результаты первых годов работы колхоза не были удовлетворительными, поэтому принимались меры: - по ликвидации недочетов, -по улучшению качества проводимых работ и получению хороших результатов. Принимались меры по борьбе с вредителями, умышленно чинившими препятствия работе в колхозе. Создавались и утверждались новые Уставы и постановления по ведению работ в колхозе.

Колхоз фактически был государственным предприятием. Поэтому государство единолично принимало решение о производстве и распределении урожая и диктовало колхозам все остальные вопросы. Таким образом, теоретически колхозники становились «совладельцами» и вместо получения жалования имели право на «прибыль» в конце года. Государство принудительно закупало продукцию колхозников по низкой цене, тем самым

лишая их получения прибыли. Данная манипуляция с поставкой продукции государству по низкой цене ставила колхозы в кабальные условия. Кроме того, колхозники были исключены из государственного социального обеспечения.

Однако, рост материального благосостояния произошел не за счет всеобщей модернизации, а за счет преобладания традиций над инновациями. В этом контексте культурная модель сельского населения была ориентирована на социальный опыт предыдущего поколения и была подчинена целям выживания. Поэтому необходимость сохранения исторических корней определялась, прежде всего, практическими потребностями повседневной жизни.

Сельские жители – работники колхозов в основном были заняты в полеводческом и животноводческом производстве. Рабочие машинно-тракторных станций (МТС) обслуживали и обеспечивали техникой сразу несколько близлежащих колхозов. При выращивании зерна и зерновых культур наиболее ответственными видами работ были посевная и уборочная кампании. Специальность сельского механизатора пришлось осваивать не только мужчинам, но и женщинам, и подросткам. Для побуждения людей к работе и стимулирования их труда проводились социалистические соревнования.

Ускоренная задача перехода к индустриальному обществу протекала неравномерно. На этом фоне в деревне произошел раскол, насильственная модернизация вызвала у большинства ненависть к структуре колхозов, а большинство с сомнением относилось к будущим неподготовленным колхозам.

Крестьянский народный протест получил в годы коллективизации широкое распространение и принимал самые разнообразные формы. В нашем примере, это, во-первых, хищение государственного и колхозного имущества – что было доказательством враждебной активности классового врага, стремящегося ставить подножки строительству социализма. Во-вторых, это было написание множеств коллективных жалоб. Этим колхозники всеми силами пытались защитить и сохранить свой образ жизни, который подвергался и политическим, идеологическим и экономическим атакам. Самыми распространенными правонарушениями в колхозах было хищение хлеба, разворовывание продуктов, что наносило существенных ущерб и было проявлением одной из форм препятствия развитию социалистического строительства.

Поэтому борьба против хищения общественного имущества была борьбой с классовым врагом, сопротивляющимся строительству социализма.

При изучении судебных документов можно сразу отметить, что во всех случаях и в приговорах, осужденных преступлением признавалось, в большинстве случаев халатное обращение колхозных счетоводов, бухгалтеров, бригадиров и колхозников с сельхозтехникой, таких работников обвинили в нарушении закона и осудили до 10 лет лишения свободы (ГАА. Ф. 174. Оп. 9. Д. 46. Л. 39).

По документам видно, что они отвечали за все: гибель хромого, полудохлого коня, за рабочих лошадей и быков, за поломку и непригодность тракторов, несвоевременное выполнение полевых работ, разные незначительные проступки, также легко было и оклеветать их. При изучении этих дел можно сделать вывод, что фактически в большинстве случаев невозможно найти факт преступления, за которое следовало бы судить. Большая часть осужденных в пору уборки урожая были крестьяне, которые брали (крали часть урожая) для своей семьи, для своих детей.

Активная борьба с «кулаками» и «ликвидация кулаков как класса», на практике означало физическое уничтожение зажиточных крестьян.

Таким образом, рассмотренные архивные документы коллективизации, статьи колхозников и жалобы в Горсовет ВКП (б) воссоздают картину жизни рядовых жителей сельской местности - колхозов города Алма-Аты период 1930-х годов двадцатого века.

Таким образом, мы убеждены, что история региона Алматы, как неотъемлемая часть истории Казахстана нуждается в дальнейшем изучении.

Чрезмерная кампания коллективизации довела Великую Степь в беспрецедентную гуманитарную катастрофу. Наш народ не падал духом, несмотря на все невзгоды. Это укрепило их единство и солидарность. После обретения независимости мы начали оправдывать наших граждан, мы подняли имена тысяч невинных людей, которые когда-то были наказаны.

В прошлом году была создана государственная комиссия по полной реабилитации жертв репрессий. Комиссия обеспокоена казахстанцами, пострадавшими от левой политики. Это долг не только государства, но и всего общества.

Невозможно отделить трагические периоды в нашей генеалогии от нашей национальной идентичности. Поэтому мы отдаем дань уважения жертвам политических репрессий и голодомора и навсегда помним их имена. Мы извлечем уроки из истории и сделаем все возможное, чтобы подобная трагедия больше никогда не повторилась.

Источники

ГАА — Государственный архив г. Алматы

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Sources

CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan

SAA — State Archive of Almaty

Литература

Дахшлейгер, 1985 — *Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н.* История крестьянства Советского Казахстана. Алматы, Наука, 1985. Т.1. 247 с.

Ковальский, 1973 — Ковальский С.Л. Из истории полемики конца 20-х начала 30-х годов по поводу освоения земельных ресурсов Казахстана. Вопросы истории. Алма-Ата, изд., КазГУ, 1973. вып. 5, с 59-70.

Ковальский, 1986 — *Ковальский С.Л., Маданов Х.М.* Освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата, Наука, 1986. 224 с.

Козыбаев, 1992 — *Козыбаев М.К.* Ақтандақтар ақиқаты. Алматы, Қазақ университеті, 1992. 272 с.

Кусанова, 1976 — *Кусанова Ш.А.* Партийное руководство деятельностью массовых организаций Казахстана на материалах Казахстана, 20-е-30-е годы. Алма-Ата, Казахстан, 1976. 180 с.

Тулепбаев, 1971 — *Тулепбаев Б.А.* Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстана. М., 1971. 482 с.

Тулепбаев, 1984 — *Тулепбаев Б.А.* Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. М., Наука, 1984. 270 с.

Тулепбаев, 1984 — *Тулепбаев Б.А.* Социалистические аграрные реконструкции в Средней Азии и Казахстане. Представитель ред. М.П.Ким; Институт истории СССР. Институт истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова. Академия Казахской ССР. Москва, Наука, 1984. 269с.

Турсунбаев, 1967 — *Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, Казахстан, 1967. 483 с.

Турсунбаев, 1977 — Турсунбаев А.Б. Актуальные проблемы историографии истории пратийного руководства социалистическим преобразованием сельского хозяйства Казахстана. Великий Октябрь-главное событие XX века. Алма-Ата, Наука, 1977. 252 с.ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Kabuldinov, et al, 2023 — *Kabuldinov Z.Y., Abdulina A.T., Moryakova M.T., Dosymbetov N.A.* Развитие сенокосения и земледелия у казахов в XVIII – нач. XX вв. // *Bylye Gody*. 2023. 18(4). 1652-1662.

References

Dahshleiger, 1985 — *Dahshleiger G.F., Nurpeisov K. N.* Istoria krestyanstva Sovetskogo Kazakhstana. [The history of the peasantry of Soviet Kazakhstan]. Almaty, Nauka, 1985. Vol.1. p. 247. (In Russ.).

Kabuldinov et al, 2023 — *Kabuldinov Z.Y., Abdulina A.T., Moryakova M.T., Dosymbetov N.A.* The Development of Haymaking and Agriculture among the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries// *Bylye Gody*. 2023. No. 18(4). Pp. 1652-1662.

Kovalsky, 1973 — *Kovalsky S.L.* Iz istorii polemiki kontsa 20-x nachala 30-x godov po povodu osvoeniya zemelnix resursov Kazakhstana. [From the history of the controversy of the late 20s and early 30s over the development of land resources in Kazakhstan]. Alma-Ata, ed., KazGU, 1973. issue 5, pp. 59-70. (In Russ.).

Kovalsky, 1986 — *Kovalsky S.L., Madanov H.M.* Osvoenie tselinnix Zemel V Kazakhstane. [Development of virgin lands in Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka, 1986. p.224. (In Russ.).

Kozybayev, 1992 — *Kozybayev M.K.* Akhtandaktar akikaty. [The truth of excuses] Almaty, Kazakh University, 1992. p. 272. (In Kaz.).

Kusanova, 1976 — *Kusanova Sh.A.* Partiznoe rukovodstvo deyatelnostyu massovix organizatsiy Kazaxstana na materialax Kazaxstana, 20-e-30-e Godi. [Party leadership of the activities of mass organizations in Kazakhstan based on the materials of Kazakhstan, 20s-30s]. Alma-Ata, Kazakhstan, 1976. p.180 (In Russ.).

Tulepbaev, 1971 — *Tulepbaev B.A.* Torjestvo leninskix idey sosialisticheskogo preobrazovaniya selskogo hozyaystva v Sredney Azii I Kazaxstana. [The triumph of Lenin's ideas of socialist transformation of agriculture in Central Asia and Kazakhstan]. M., 1971. p.482 (In Russ.).

Tulepbaev, 1984 — *Tulepbaev B.A.* Sosialisticheskie agrarnie preobrazovaniya v Sredney Azii I Kazaxstane. [Socialist agrarian reconstructions in Central Asia and Kazakhstan]. Representative of the editorial board M.P.Kim; Institute of the History of the USSR. Institute of History, Archeology and Ethnography named after Ch.Ch. Valikhanov. Academy of the Kazakh SSR. Moscow, Nauka, 1984. p.269. (In Russ.).

Tulepbaev, 1984 — *Tulepbaev B.A.* Sosialisticheskie agrarnie rekonstruktsii v Sredney Azii I Kazaxstane. [Socialist agrarian transformations in Central Asia and Kazakhstan] M., Nauka, 1984. p.270 (In Russ.).

Tursunbayev, 1967 — *Tursunbayev A.B.* Kazaksky Aul v trex revolyusiach. [Kazakh village in three revolutions]. Alma-Ata, Kazakhstan, 1967. 483 p. (In Russ.).

Tursunbayev, 1977 — *Tursunbayev A.B.* Aktualnie problemi istoriografii istorii partynogo rukovodstva sosialisticheskim preobrazovaniem selskogo hozyaystva Kazaxstana. Velikiy October-Glavnoe sotiye XX Veka. [Actual problems of historiography of the history of party leadership by the socialist transformation of agriculture in Kazakhstan. Great October is the main event of the twentieth century]. Alma-Ata, Nauka, 1977. 252 p. (In Russ.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 139-152, 2025
Journal homepage: <https://sjcacious.com/>

FTAXP / МРПТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_139-152

THE ROLE OF THE NATIONAL INTELLECTUALS IN THE POLICY OF NATIONAL TERRITORIAL DELIMITATION

*Khassanayeva L.M.*¹

¹Kazakh National University named after Al-Farabi
Almaty, Kazakhstan

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

 <https://orcid.org/0000-0002-7845-5916>. E-mail: leila.maralovna@gmail.com

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Khassanayeva L.M., 2025

Abstract. After the final victory of the Soviet power, namely in the twenties, the attempt to achieve the liberation of a Unified Turkestan continued within the framework of the Soviet power from the part of the intellectuals of the nation. The Soviet government, which came to power after the victory in the October Revolution, declared that it would grant the Kazakh people the right to self-government, equality of nations, political and socio-economic independence. The people of the region began to look at this situation from the point of view of their freedom and create autonomy. While, the question of national-state structure was increasingly discussed, and the Bolshevik Party proclaimed the equality and sovereignty of the peoples who inhabited Russia, as well as their right to create an independent state and secede from Russia, as the main principles of national policy. However, this action had a declarative character to the creation of Soviet national republics. A convincing proof of this was that the participants of the Alash, who came up with the idea of national statehood, rejected the October Revolution and the creation of the Kazakh statehood on the Soviet basis, were subjected to resistance from the Soviet government. At the same time, in such a political environment, the struggle of leading figures continued in the name of national interests. Serving the Soviet government, they sought to turn it into the power of the local people. The struggle against the idea of national statehood started in the early twentieth century by A. Bukeikhanov, M. Shokai, and A. Baitursynov yielded results. Since the establishment of Soviet power, the struggle of T. Ryskulov, I. Mustanbayev, S. Saduakasov, S. Kozhanov, Zh. Mynbayev is considered as an activity aimed at ensuring the integrity of the Kazakh land.

Keywords: National intelligentsia, Soviet power, national policy, territorial delimitation, Alash, Kazakh autonomy

For citation: Khassanayeva L.M. The role of the national intellectuals in the policy of national territorial delimitation // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 139-152. (In Eng.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_139-152

ҰЛТТЫҚ ЗИЯЛЫЛАРДЫҢ ҰЛТТЫҚ-АУМАҚТЫҚ МЕЖЕЛЕУ САЯСАТЫНДАҒЫ РӨЛІ

Хасанаева Лейла Мараловна¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы, Қазақстан

Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

 <https://orcid.org/0000-0002-7845-5916>. E-mail: leila.maralovna@gmail.com

Аңдатпа. Кеңес өкіметінің түпкілікті жеңісінен кейін, яғни жиырманшы жылдары ұлттық зиялылар тарапынан Кеңес өкіметінің аясында Біртұтас Түркістанды азат етуге ұмтылыс жалғасты. Қазан төңкерісіндегі жеңістен кейін билікке келген Кеңес өкіметі қазақ халқына өзін-өзі басқару, ұлттардың теңдігі, саяси және әлеуметтік-экономикалық дербестік құқығын береміз деп жариялады. Аймақ халқы бұл жағдайды өз еркіндігі тұрғысынан қабылдап, автономия құруға кірісті. Осы уақытта ұлттық-мемлекеттік құрылым мәселесі жиі талқыланып, большевиктер партиясы Ресей халықтарының теңдігі мен егемендігін, сондай-ақ олардың тәуелсіз мемлекет құрып, Ресейден шығу құқығын ұлттық саясаттың басты қағидасы ретінде жариялады. Алайда бұл іс-әрекеттер кеңестік ұлттық республикалар құруда декларативті сипатта болды. Мұның айқын дәлелі – ұлттық мемлекеттік идеяны алға тартқан «Алаш» қайраткерлері Қазан төңкерісін және кеңестік негізде қазақ мемлекеттілігін құруды қабылдамай, кеңес билігінің қарсылығына тап болды. Соған қарамастан, осындай саяси жағдайда ұлттық мүдде жолындағы күрес жалғасты. Кеңес билігіне қызмет ете жүріп, олар оны жергілікті халықтың билігіне айналдыруға ұмтылды. XX ғасырдың басында А. Бөкейханов, М. Шоқай, А. Байтұрсынов бастаған ұлттық мемлекеттік идеясына қарсы күрес нәтижесін берді. Кеңес өкіметі орнағаннан кейін Т. Рысқұлов, І. Мұстанбаев, С. Сәдуақасов, С. Қожанов, Ж. Мынбаевтың қызметі қазақ жерінің тұтастығын қамтамасыз етуге бағытталған әрекет ретінде бағаланады.

Түйін сөздер: Ұлттық зиялы қауым, кеңес өкіметі, ұлттық саясат, аумақтық межелеу, Алаш, қазақ автономиясы

Дәйексөз үшін: Хасанаева Л.М. Ұлттық зиялылардың ұлттық-аумақтық межелеу саясатындағы рөлі // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 139-152 бб. (Ағылш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_139-152

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ

Хасанаева Лейла Мараловна¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Алматы, Казахстан

Кандидат исторических наук, доцент

 <https://orcid.org/0000-0002-7845-5916>. E-mail: leila.maralovna@gmail.com

Аннотация. После окончательной победы Советской власти, а именно в двадцатые годы, в рамках советской системы продолжались попытки со стороны национальной интеллигенции добиться освобождения Единого Туркестана. Советское правительство, пришедшее к власти после победы Октябрьской революции, заявило, что предоставит казахскому народу право на самоуправление, равенство наций, политическую и социально-экономическую независимость. Население региона восприняло эту ситуацию как возможность к обретению свободы и созданию автономии. В то же время всё чаще обсуждался вопрос национально-

государственного устройства, а большевистская партия провозгласила равенство и суверенитет народов, населявших Россию, а также их право на создание независимого государства и выход из её состава в качестве главных принципов национальной политики. Однако данные декларации носили формальный характер при создании советских национальных республик. Убедительным доказательством этого стало то, что деятели «Алаша», выступившие с идеей национальной государственности, отвергли Октябрьскую революцию и создание казахской государственности на советской основе, подверглись сопротивлению со стороны советской власти. Вместе с тем в сложившейся политической среде борьба ведущих фигур продолжалась во имя национальных интересов. Служа советской власти, они стремились превратить её в власть местного народа. Борьба против идеи национальной государственности, начатая в начале XX века А. Букейхановым, М. Шокайем, А. Байтурсыновым, принесла свои результаты. С момента установления Советской власти деятельность Т. Рыскулова, И. Мустанбаева, С. Садуакасова, С. Кожанова, Ж. Мынбаева рассматривается как стремление обеспечить целостность казахской земли.

Ключевые слова: Национальная интеллигенция, советская власть, национальная политика, территориальное размежевание, Алаш, казахская автономия

Для цитирования: Хасанаева Л.М. Роль национальной интеллигенции в политике национально-территориального размежевания // Scientific Journal "Central Asian courier". 2025. Т. 1. № 1. С. 139-152. (На Англ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_139-152

Introduction. The establishment of the Republic of Kazakhstan in the rank of a National secular and legal state recognized by the international community was the result of the national liberation struggle of the Kazakh people against colonialism and the totalitarian system for centuries, the struggle aimed at national statehood. In connection with the independence of Kazakhstan, it became possible to rethink and study historical events in the direction of new historical knowledge and on the basis of new data. Self-knowledge of the people in the national history is carried out in the course of studying complex state processes. As you know, this happens through the activities of the national intellectuals, which explores and illuminates the historical reality. Representatives of the advanced intellectuals have always been leaders in saving the Kazakh people from colonial oppression, in the struggle for the national liberation movement, in the struggle for independence. One of the main goals set by the Kazakh intellectuals was the issue of statehood.

Were there methods of struggle for statehood in the activities of the nation's public intellectuals, or were there methods of a different approach used by political groups in the struggle for patriotism, the national liberation movement? Finding answers to such questions is necessary for a full understanding and comprehension of the tasks facing us at the present stage, in the historical period in which we live. Such intellectuals of the nation as T. Ryskulov, S. Kozhanov, S. Saduakasov, and S. Korzhanov considered the ways of implementing the National State Idea, which ensures the civilizational development of the nation in the system of Bolshevism. Mendeshev, Zh. Mynbayev.

The main part. After the final victory of the Soviet power, namely in the twenties, the attempt to achieve the liberation of a Single Turkestan continued within the framework of the Soviet power.

The Soviet government, which came to power after the victory in the October Revolution, declared that it would grant the Kazakh people the right to self-government, equality of nations, political and socio-economic independence. The people of the region began to look at this situation from the point of view of their freedom and create autonomy. While, the question of national-state structure was increasingly discussed, and the Bolshevik Party proclaimed the equality and sovereignty of the peoples who inhabited Russia, as well as their right to create an independent state and secede from Russia, as the main principles of national policy. However, this action had a declarative character to the creation of Soviet national republics.

A convincing proof of this was that the participants of the Alash, who came up with the idea of national statehood, rejected the October Revolution and the creation of the Kazakh statehood on the Soviet basis, were subjected to resistance from the Soviet government. At the same time, in such a

political environment, the struggle of leading figures continued in the name of national interests. Serving the Soviet government, they sought to turn it into the power of the local people.

On the eve of the October Revolution, most of the Kazakh-Kyrgyz peoples who inhabited the Syrdarya, Zhetysu, Ferghana, Samarkand and Transcaspian regions were part of the Turkestan Region. The newly formed government-the Turkestan Council of People's Commissars - did not take into account the interests of local peoples, did not try to solve the problem of statehood, which had worsened in the country. In connection with this issue, G. Safarov made a report "The Colonial Revolution. (The experience of Turkestan): Already in the first days of the revolution, the Soviet power in Turkestan was established as the power of the Russian workers. The view that the only bearer of the dictatorship of the proletariat in Turkestan can only be Russian, there is still a national inequality between Europeans and Muslims" (Safarov, 1996).

Speaking at the extraordinary VIIIth Congress of Soviets of the Turkestan Republic, held in March 1919 on the national question, Extraordinary Commissioner P. A. Kobozev said: "... in the context of autonomy, 95 percent of the population here are Muslims, but the majority in the authorities are Russians", as well as in the summer of 1919, the plenipotentiary representative of the CEC of the RSFSR U. Shakirov in a letter to the Deputy People's Commissar of the RSFSR for Nationalities S. S. Pestkovsky pointed out: "the current government of Turkestan, as a result of its criminal actions against the Crimeans, subjected them to complete poverty and brought them to 60% death, which had not been heard of before" (PA RK. F. 140. Op. 1. D. 9. L. 30).

Therefore, depending on the political situation on the ground, it was necessary to create a political and state structure that protects the national interests of the peoples, there was a fair action on the part of the national elite.

In the 20-30s of the twentieth century, one of the political figures was T. Ryskulov, who became a person of the highest level in the history of the peoples of Kazakhstan and Central Asia. In the twenties, he fought for the political independence of the Turkic peoples. The activity of T. Ryskulov in the Turkestan Republic is mainly a period of the embodiment of the Turkic idea and the struggle for its implementation.

"According to the decision adopted by the First Congress of Communist organizations of the Peoples of the East and approved by the VIIIth Congress of the RCP (b), the second Conference of the RCP, held in Tashkent from March 14 to 31, 1919, decided to establish a Muslim bureau under the Central Committee of the RCP, T. Ryskulov was elected Chairman" (Nurpeisov, 1995).

The Muslim Bureau was the active supreme governing body of the Muslim organizations of the RCP (b) in the Turkestan Region. During this period, local organizations of the Musbureau were established in all regions, counties and cities of the Turkestan Republic. Along with organizing the activities of the Musbureau, T. Ryskulov was engaged in solving socio-political, socio-economic, cultural and everyday problems of the Turkestan Republic.

In the spring of 1919, in the Ferghana region of the Turkestan Republic, the solution of the national question became more complicated. This was facilitated by the fact that the Soviet government in the winter of 1918 defeated the "Kokand Autonomy" with its armed forces and those who supported it were subjected to mass brutal destruction (Izvestija TurkCIKa, 1920). After this situation, the local population, dissatisfied with the criminal actions of the new government, began to unite in the Basmach movement, which began to develop in the country. Over time, the number of participants in the movement grew, it turned into an armed army, and the movement acquired a nationwide, national liberation character.

T. Ryskulov deeply understood the essence of the Basmach movement in Ferghana. He organized a meeting at which the political and social status of the Ferghana region was discussed. T. Ryskulov visited many cities and settlements of the region, where he told the local population about the activities of the Musbureau. At the insistence of the Musbureau, on April 29, 1919, the Turkatcom appointed a new commission related to the Ferghana region and approved its composition. The commission consisted of the Chairman of the Council of People's Commissars of the Turkestan Republic K. S. Sorokin, the chairman of the Musbureau T. Ryskulov, chairman of the Turkatkom of

the People's Commissariat for Ethnic Affairs and several representatives of the regional party committee (PA RK. F. 140. Op. 1. D. 9. L. 30).

Based on the actions of the Ferghana Commission, the city-county executive committees were abolished, and revkoms were organized instead. Muslim organizations have appeared in the Ferghana region.

T. Ryskulov, persistently defending the issues of freedom of the nation, self-flagellation, conducted propaganda work among the local Muslim peoples. He was also busy attracting their representatives to political activities, to the management of the country in the new conditions. The section in which the Musbureau united the Muslim members of the Turkestan Communist Party, by the end of 1919, began to gradually turn into a state structure. In the construction of the state, the proportion of representatives of the nation has increased.

On October 8, 1919, the central authorities, fearing the political authority of T. Ryskulov and the Musbureau headed by him, created a commission on Turkestan affairs in Turkestan to implement the great Russian chauvinist policy. It consisted of Sh.Z. Eliava, M.V. Frunze, V.V. Kuibyshev, F.M. Goloshchekin and Ya.E. Rudzutak (Izvestija TurkCIKa, 1920).

The main task of the Turkestan commission was to establish the principles of communism in Turkestan, which, regardless of the peculiarities of the living conditions of the indigenous peoples, tried to forcibly impose on the Turkestan people the communist measures carried out in Central Russia. In the question of the nation, there was no confidence in the self-determination of the representatives of the local nationality.

Under these conditions, the Musbureau headed by T. Ryskulov, in order to exercise the sovereignty of the local peoples of the Turkestan Republic, due to the fact that the majority of the population are Turkic-speaking peoples, established itself in the creation of the national state "Republic of the Turkic Peoples". At this time, T. Ryskulov considered the "Turkic idea" and fought for its concrete implementation.

On January 17, 1920, at a joint meeting of the members of the regional committee of the party, the Muslim Bureau and the Committee of Foreign Communists and the Turkcomission, a demand was put forward that the upcoming V Conference of the Communist Party and the conference of the Musbureau should resolve two main issues about the fate of the national sections of the Turkestan Autonomy and the Communist Party (Koigeldiev, 1997).

The proposal of T. Ryskulov was adopted by a majority of votes at the V Conference of the TCP and the III extraordinary conference of the Musbureau, which was held in Tashkent from January 20 to 26, 1920. The Turkestan Republic was renamed the "Turkic Soviet Republic", and political power was concentrated in the hands of the Communist Party, the only political party in the republic, but after the party was renamed the "Communist Party of the Turkic Peoples". But, although the idea of T. Ryskulov on the national question was supported by the delegates of the conference, he met with opposition from the Turkic Commission of the Central Committee of the RCP (b). At the meeting of the Turkic Commission, which was held on February 23, 1920 in full, the decisions of the V Conference of the RCP M. V. Frunze and the III Moscow Conference are considered as decisions of "pan-Turkism", "pan-Islamism" and "bourgeois nationalism" (Qongyratbaev, 1994). As a result, Turar Ryskulov's proposal to resolve the national issue was rejected.

The persistent struggle of the Turkestan Republic for the creation of a national state of the Turkic-speaking peoples and for the political and state sovereignty of the Turkestan Republic did not stop there. Turar Ryskulov continued to struggle with national problems, which became the main goal of his socio-political and state activities. He made an effort to democratically embody the party slogan of "the right of nations to self-government".

On June 29, 1920, the Politbureau of the Central Committee of the RCP(b), guided by the instructions of V. I. Lenin, adopted resolutions "on our duties in Turkestan", "on the organization of power in Turkestan, on the party structure in Turkestan" and approved the instructions of the Turkic Commission (CSA RU. F. 17. Op. 1. D. 277. L. 81).

These resolutions of the committee became known as "on the main tasks of the RCP(b) in Turkestan". In it, the delegation of the Turkestan Republic put forward the following demands: the

abolition of the Turkic Commission, the transfer of power in Turkestan to the congress of regional Councils, the Turkish CEC and the Council of People's Commissars, the sovereignty of the Turkestan Republic, the restoration of the statehood of the Turkic-speaking peoples of Turkestan, the recruitment of the national armed force by the local population, the presence of representatives of the Turkestan Republic in the government of the RSFSR.

In June 1920, Turar Ryskulov demanded the political independence of the Turkic peoples. June 16, 1920 in connection with the "initial essay of theses on the nation and colonies", dedicated to the II Congress of the Communist International of V. I. Lenin (Lenin, 1970), national figures of the Bashkir, Tatar and Kyrgyz (Kazakh) republics send a letter to V. I. Lenin, based on his proposals and comments (Lenin, 1970).

The original letter contains the signatures of T. Ryskulov and N. Khodzhaev from the Turkestan Republic, A. Baitursynov and A. Ermekov from Kazakhstan, Z. Validov and H. Yumagulov from Bashkortostan. In this document, signed by T. Ryskulov, national figures emphasize: "all this tragedy can be solved only in one case: if the workers of these puppet republics created in the east of Russia are given the opportunity to show their initiative in the party, economic and military spheres. We need help, but let there be no violence" (Lenin, 1970).

We can say that these questions raised by T. Ryskulov in 1920 echo the demands of the leaders of the Alash party and M. Shokai. He intended to create a political-state sovereign republic in Turkestan and develop a separate Basic Law of the Republic - the Constitution.

In addition, he said that all laws in the state are made on the basis of the Constitution. It was proposed to trust the representatives of the local nation, transfer the levers of power to the local population, form national armed forces that protect independence, and train national specialists. The central authorities, seeing in such proposals of T. Ryskulov "bourgeois nationalism", did not allow it to be realized. Turar Ryskulov, who failed to convey his point of view on national issues to the Central Committee of the RCP(b), relinquished all his powers on July 22, 1920. The Turkkommission, which has become the center and its issuing body, passes directly to the Administration of the Turkestan Republic. The political activities of Turar Ryskulov were accused of "nationalism", "pan-Turkism", "ryskulovism", and his views and proposals were criticized with distortion.

Events in this direction both in the Turkestan ASSR (1918) and in the Kazakh ASSR (1920) explained that the demand for the unification of the Kazakhs into a single state was the main issue on the agenda. In the source of the Central Committee of the RCP(b) On March 8, 1920, it was established that Soviet Turkestan is an autonomous republic of the main indigenous peoples: Turkmens, Uzbeks, and Kirghiz, divided into regions according to modern national groupings (Izvestija TurkCIKa, 1920).

At that time, Kazakhs made up 19.3% of the local population of the Turkestan ASSR (Aq Zhol, 1922). Many of them settled in Zhetysu and Syrdarya regions.

On June 13, 1920, V. I. Lenin presented his comments on the draft decision on the tasks of the Central Committee of the RCP (b) in Turkestan, in which he proposed, firstly, to draw up a differentiated map of Turkestan into Uzbekistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan; secondly, to more fully define the conditions for including or excluding these three parts (Lenin, 1970). In addition, he later stressed that it should not be decided in advance whether to divide the republic into three parts" (Aq Zhol, 1922).

Also in the report on the "project of the Orenburg province of the RSFSR" according to the documents stored in the archival funds, the Akbulak, Sazdinsky, Astrakhan, Novo-Aleksevsky, Lunacharsky, Ashysaysky, Ileksky, Markutsky uyezds of the Aktobe province and Antonovsky, Zhitikarinsky, Adamovsky, etc. were to be included on the issue under consideration. counties of Kostanay province. Aitiev's report related to the Omsk Uyezd states that "the borders established by the Siberian chairman for the Omsk Uyezd grossly violate the establishment of borders built on the territorial principle of the KSSR" (QROrMA, F. 5, Op. 6, D. 14, L. 12).

The national political elite appreciated the approach in this direction as a way to create a national unified state. Therefore, the first conditions began to be created between Kazakhstan and the Turkestan republics in order to come to an agreement, to unity. At the end of 1917 and the beginning of 1918, the problem of statehood resumed in the renewed historical conditions. The search and study

of archival materials and data about this complex process, which has not yet been studied in depth and systematically, is the duty of historians in the future.

Along with archival documents of the period, articles published in the press can serve as a valuable source. For example, Sultanbek Kozhanov's article "Kyrgyz-Kazakh unity and politicism" states: "In 1920, a meeting of the Kyrgyz-Kazakh poor was held in Aulieata on the issue of individual unification and, taking into account the final unification of the Kyrgyz-Kazakh people on both sides, the Kyrgyz-Kazakh peasantry should conduct their respective peasant affairs in the same way; Let the Turkestan Kyrgyz-Kazakhs join Kazakhstan, but until the land reform is carried out, so that there is no unrest, the time of joining will not be openly discussed, and its decision is again published by the resolution of the general meeting of the Central Executive Committee of Kazakhstan " (Aq Zhol, 1922).

The document, which considered ways to solve this problem at that time, noted that "the division of one territory into two parts from the point of view of the common economy and industrial relations between the modern KSSR and the TSR, which divided the Single national body of the Kyrgyz (Kazakh) people, does not allow creating normal conditions for cultural and economic development" (QROrMA, F. 5, Op. 6, D. 14, L. 12).

In fact, this issue, initiated in Aulieata, was included in the agenda of the General Meeting of the Central Executive Committee of Kazakhstan, opened at the end of February 1922, and proved the need for another issue of joining the two regions to Kazakhstan. Well aware of the difficulty of this work, Sultanbek Kozhanov discusses this issue in detail in his article "Kyrgyz-Kazakh unity". "It makes no sense to talk for a long time and talk all the time about whether the two Kyrgyz-Kazakh regions should finally connect with Kazakhstan. There is a lot of evidence that the Kyrgyz-Kazakh people should unite, become one republic and enter the Russian Federation among other national states, both in terms of life, culture, language, and market. No one is arguing with this, and there is no room for excitement, (Aq Zhol, 1924) - the questions that really stand behind this: when to unite? how to unite?

One of the actual problems that worried the Kazakh intellectuals of that time. The land question and politics. Because at that time, colonialism in Kazakhstan was of an exploitative nature, and in the propaganda of the destruction of the Kazakhs, unusual methods of disguise began to be created. Mustafa Shokai, a representative of the Kazakh political elite, proved this far-sighted in his time.

In the critical analysis of large-scale socio-economic practices, such as land and water reform, localization of the state apparatus and other issues implemented by the Soviet government in Turkestan in the 20-30s, Mustafa Shokai and his publications played the most active role, as evidenced by the famous historian M. Koigeldiev in his works (Koigeldiev, 1997). This served as the basis for new research directions, as a new approach in the history of Kazakhstan.

By the decision of the Bureau of the Kazakh Regional Committee of the Party of June 10, 1925, following the instructions of I. Stalin and the Central Committee of the RCP (b), letters were sent to the provincial committees about the leadership of the national press and the procedure for using the intellectuals in it, which was absent from the National Party. Local party organizations were instructed to strengthen the activities of the propaganda departments to manage the local press.

As a result of these actions, the policy of displacement the most experienced and patriotic groups of the intellectuals from active socio-political activity, their conscious opposition to the people, and involving only those who are ready or internally willing to serve in accordance with the instructions of the center in the highest level of party and state power has intensified. This was a new stage of delusion from the historical path of the Kazakh people. Previously, the intelligentsia represented the national, general democratic interests, now this right has passed to the party, nomenklatura intellectuals, which has taken the position of the central bodies. It was at this critical hour for the fate of the republic that F. I. Goloshchekin was appointed the first head.

The appointment of F. Goloshchekin as the first secretary of the Kazakh regional party committee was not accidental. He showed in himself the highest model of the Stalinist understanding of the national question, adhering to two mutually exclusive principles: the individual division of peoples and the idea of a centralized state. The first head of Kazakhstan, who meets all the

requirements of the unified statehood being created, was tasked with creating a state apparatus in the republic that is able to promptly and strictly fulfill the wishes of the center.

On the way to this goal, the groups led by F. Goloshchekin the national intellectuals, especially those who were not members of the party and were internally opposed to it, tried to restrain their resistance. I. Stalin, often meeting with the Kazakh intellectuals, realizing its requirements for building a national state, saw in the actions of some national figures a split of the "bourgeois" intellectuals. Therefore, Stalin, believing that these "bourgeois intellectuals" should not contribute to the development of Kazakh society, set Goloshchekin the task of fighting against them. He began a campaign of mass punishment of the Kazakh intellectuals under the leadership of the party, using a hypocritical slanderous approach to finally consolidate the power of the Soviets and thereby isolate the Kazakh masses from the influence of the Alash intellectuals, to achieve this goal "sparing no effort and not stopping before the victims" (Aq Zhol, 1922).

The documentary evidence of the time clearly proves this political process. For example, the charges of the NKVD officers against national figures were as follows:" S. Mendeshov from 1918 participated in the bourgeois-nationalist organization called Alash-Orda, actively fought against the Soviet government, participated in the armed uprising on the Bukeev steppe, then joined the bourgeois-nationalist organization. The purpose of this organization is to separate Kazakhstan from the USSR".

And the accusation against Turar Ryskulov was brought in 1919 against an anti-Soviet Turkish organization called "it is It-Va-Tarraki". This organization aimed to create a bourgeois-nationalist state, separating the Turkestan region from the Soviet power.

Even worse was the accusation against I. Mustambayev: "In 1932, in Almaty, together with D. Abikeyev, who was opposed to the Soviet government, an" initiative group "of counter-revolutionary-nationalist youth (the"Initiative Group") was formed. This group, fighting against the Soviet government, set itself the task of creating an independent Kazakh democratic republic and saving the Kazakh people from the blockade by the Bolsheviks and Moscow" (QR ŪQK DA, D. 010237).

From the following such document follows the accusation against Oraz Zhandosov: "since 1928, the counter-revolutionary bourgeois-nationalist KazSSR overthrew the Soviet government and separated from the USSR and became part of the Japanese state. At the same time, in order to achieve these actions in the Chui region, he led an organization against the heads of the CPSU(b) and the Soviet government" (QR ŪQK DA, D. 04657).

It is easy to guess that F. I. Goloshchekin intended to change the "international" composition of the people of Kazakhstan. The policy of settlement of Stolypin Russia, which continued in the Soviet era, had a result. Kazakhs with a specific weight of 81.7 percent in 1897 declined to 58 percent in 1925. The backward feudal patriarchy, under the guise of an economic region, began to implement the principle of internationalism about the need for Proletarian leadership. This ideology was the basis for the promotion of the position on the Soviet Union at the legislative level in Kazakhstan of the party and Soviet leadership and representatives of other nationalities. Thus, according to incomplete data in 1925, the number of Kazakhs in the ranks of the RCP(b) was 9462 people (according to other data-6645 people), or only 34 percent of the total number of Communists in the republic (Kommunisticheskaja partija Kazahstana, 1990).

During this period, some methods of work were developed among Kazakh activists. For the head of the center, the most correct method was to ignite butt quarrels and use them logically. The inability to foresee the remoteness and weakness of the consolidating factors within the nation, the concentration of real power in the central bodies of Moscow created favorable conditions for the escalation of such a negative phenomenon.

Sultanbek Kozhanov, pointing to these circumstances, writes in his letter to Stalin: "the objective situation when a regional worker comes makes him an ordinary, heartless colonial official, and he feels himself the will of the entire center, considers himself above criticism, and also slanders, complains about higher bodies and persons, that is, in the hierarchy of leadership, so as not to hinder his "creation".

To descend from the height of one's position, to reckon with the lower organizations, the masses, to periodically check one's "presence of sin" in life, within the fundamentally permissible limits, does not even think about it" (Qongyratbaev, 1994).

Sultanbek Kozhanov showed that under these conditions, support for the escalation of the split became a legitimate approach to party work in Kazakhstan:" comrade Yezhov and Naneishvili would have talked a lot about this, because at that time all their leading influence was based primarily on taking into account the differentiation of groups and the ability to logically "unite groups" (QRPA. F. 141. Op. 1. D. 1129. L. 85–86).

Goloshchekin, although he spoke in his speeches about the need to suppress the group struggle, actually provoked it, and its outcome, firstly, for the benefit of himself and the weakening of the positions of patriotic forces against the center; secondly, as T. Ryskulov noted at the time, for pressure on any self-criticism and diverting public attention from the disclosure of numerous mistakes in politics by party organizations (QRPA. F. 141. Op. 1. D. 5792. L. 282).

The reliability of this opinion is also evidenced by historical data. From the first day of his tenure as the first head of Kazakhstan until his departure, Goloshchekin fought against the national intellectuals, primarily against its individuals, relying on this method of work.

Upon arrival in Kyzylorda in September 1928, Goloshchekin announced the existence of a group opposing him, which opposes his appointment as the head of the Kazakh regional party committee, which is headed by the second secretary of the party organization of the Republic S. Kozhanov and includes the editor-in-chief of "Enbekshi-Kazakh" Smagul Saduakasov and the chairman of the KazCEC Zhalau Mynbayev. But in fact, there was not a single opposing group of Goloshchekin among the national intelligentsia. The spread of such rumors was necessary for him, first of all, to persecute the most influential and capable figures in the leadership of the republic: with this approach, it was clear that he was using a slanderous approach to Sultanbek Kozhanov, a true supporter of the fight against colonialism, widely recognized during the land and water reform in Turkestan in 1921-1923.

F. Goloshchekin, who later arrived in Moscow as the first secretary of the Kazakh regional party committee, dismissed S. Kozhanov from his post and sent him to Moscow at the disposal of the Central Committee. Yezhov came in his place, and before moving to work in Moscow, he was the chief adviser to his first secretary. S. Kozhanov himself understood perfectly well what was hidden behind such substitutions. This was one of the methods of combating nationalist figures in the republic at that time.

From the point of view of historical justice: first, with the appointment of the first head of the representative of another nation of the Kazakh autonomy, proclaimed in the concept of the intelligentsia, this appointment was made by methods characteristic of the power order, in particular, without consent in the center and comprehensive, democratic discussion on the ground.

When he was informed about the decision of the Central Committee at a meeting of the bureau of the Kazakh Regional Party Committee, he said without turning around: "Moscow invited me, of course, not for business, but for dissolution" (QRPA, F. 141, Op. 1, D. 231, L. 231).

F. I. Goloshchekin, unaware of his violence against the Kazakh state, sent a request to Kazakhstan to send "several responsible employees for party-administrative and economic purposes". He said this at a meeting of the bureau of the Kazakh regional party committee: "One comrade has been sent for our consideration. The comrade Vakhlamov, who headed the Organizational Department in Nizhny Novgorod. I asked again to send a couple of people. However, this problem has not yet been resolved. The type of resolution adopted on this issue was as follows:

- the question of sending the remaining staff (Lurie, Pyatkin and Smirnov) to Kazakhstan should be sent to the secretariat for consideration, and the Secretariat should resolve this issue no later than within a week;

- Recommend that the Moscow Committee allocate at least three responsible party workers for Kazakhstan (QRPA, F. 141, Op. 1, D. 18, L. 230).

All these proposals were resolved at a meeting of the Politbureau of the Central Committee of the RCP (b) in mid-October 1925, about which an operational letter was sent to the Kazakh Regional Committee of the party.

Thus, the Central Committee of the RCP(b) took on such an inspector as S. Kozhanov, and sent in his place several responsible employees of the "Proletarian" center. This was not an isolated incident.

In the 1920s, such figures as T. Ryskulov, A. Dosov, S. Asfendiyarov, and N. Nurmakov were sent to Moscow in various directions. And their place was taken by dozens of "responsible employees" from Russia. This form of personnel exchange, conducted under the egis of "internationalization", "strengthening" of responsible personnel, actually pursued the goal of "nationalistic" distancing among the local energetic intellectuals.

For F. Goloshchekin, a collaborator of the center, who aspired to unlimited power in Kazakhstan, the concept of the "Kazakh state" was completely absent. As the first head of the Kazakh regional party organization, he established himself as a strict executor of the instructions and decisions of the center, its general secretary. For example, commenting on the political course approved at the meeting of the Kazakh regional committee of the party, where the draft resolution of the fifth regional conference of the party was discussed, he noted: "I protest against this proposal by raising both hands. Usually, when there are no words, they say that the political course is correct, the political course is approved. I believe that the political course is the direction of the Central Committee of the party. We have no other political course than this " (QRPA. F. 141. Op. 1. D. 18. L. 532).

Of course, this was not an accidental speech, but the principled position of a political worker dependent on the party leadership in Moscow. It would also be wrong to say that during this period there was a special position of the Kazakh regional party committee on any major issue. The Kazakh regional party organization after Goloshchekin came to the leadership, becoming "reliable", not leaving the said RCP (b), became a state structure and took over all other types of state administration.

The stubborn attitude of F. Goloshchekin to the interests of the Kazakh Republic was also manifested in the territorial issue. So, in 1925, the Presidium of the RCEC, without the consent of the Kaztsik, decided to transfer the Ilek district of the Aktobe province to the Orenburg province of the RSFSR. The discussion of this issue at the meeting of the Bureau of the Committee of the Kazakh regional party organization caused a heated discussion. The decision of the RCEC was sharply criticized by the chairman of the SNC of the KASSR N. Nurmakov, the chairman of the KazCEC Zh. Mynbayev, a member of the bureau of the Kazakh regional committee of the party of S. Kozhanov and others. Thus, N. Nurmakov noted that this decision is connected with the liquidation of the Kazakh Republic, taking into account its national composition, which at the current rate of settlement is not far off, when the share of the European population will reach 70%.

Responding to Goloshchekin's remark about the need to take into account not only national motives, but also economic reasons in solving this issue, S. Kozhanov said: "Here we cannot move away from the point of view that national interests do not have any weight. In the conditions of our republic, the national cuisine is of particular importance... Now, it seems, there is a course to strengthen the settlement. The mass migration to Siberia became formal. Siberian settlers flock to our country, not stopping there. 12,000 settlers are registered. I believe that this issue should be considered from the point of view of preserving and further strengthening the Kazakh Republic as a state, and not as a region, as part of Russia... Therefore, I believed that this issue could not be worked out in detail from the point of view of preserving the Kazakh Republic as a viable state and putting its fate in the cold hands of some comrades.

Summing up the discussion, Goloshchekin condemned the Chechens for their disagreement with the party's policy, and, focusing on the issue of Ilek, noted: "If you are not satisfied with questions on certain issues, for example, on the division of the Orenburg province, etc., then this is important from the point of view of Kazakhstan. Let me remind you that it is decided from the point of view of the interests of the USSR... " (QRPA. F. 141. Op. 1. D. 18. L. 234–251).

In general, all these data indicate that Goloshchekin, as a leader, attached special importance to the interests of the center, Russia and had nothing to do with understanding the suffering of the Kazakh people on the eve of great changes in their lives. Therefore, even a simple disagreement with the center and its positions was perceived by it as a manifestation of nationalism.

F. Goloshchekin's political illiteracy was explained by ignorance of the history, culture and life of the Kazakh people, so he could not and did not want to understand the specifics of the historical period experienced by the Kazakh people. He understood his task in Kazakhstan as the establishment of mutual understanding between its peoples. However, he did not understand that this opportunity could be only as a result of meeting the natural, elementary needs of the Kazakh people (land, equality in all spheres of life, etc.), which were drowned on a colonial scale.

At the same time, it should be noted that one of the main misconceptions of the Central Committee of the party as the body that develops the strategy of national policy, Goloshchekin as the chairman of the Central Committee, was that they could not correctly understand the nature of nationalism, regarded it as a one-sided reactionary negative phenomenon and limited themselves to a crude opposition to class interests. Of course, all this is now understood as the Russian imperial, national policy.

Putting the political, ideological approach above all else, they underestimated the economic, social, psychological and other foundations of the emergence of this historical period. Speaking at the IV meeting of the Central Committee of the RCP(b) (June 9-12, 1923) with the responsible employees of the national republics and regions, T. Ryskulov emphasized the truth: "the destruction of the deviations as chauvinism and local nationalism is simply mechanically impossible, it can be done only by eliminating economic and other contradictions in the composition of the population itself. While the Kyrgyz poor in Semirechye have their own land, and the Russian kulak with 125 tithe lands and 15 heroes has split, no matter how you understand that Kyrgyz internationalism is a good world and it is necessary to obey the Soviet power, it does not understand this and represents the Soviet power only in the form of a fist." From this it is clear that only a great-power-minded person, relying on the strength of the colonial power, can neither see nor understand the state of the indigenous people's intellectuals. Pointing to this, vol. Ryskulov noted that "a communist from this environment will undoubtedly sympathize with this batyr, and if he says this, he will easily put a nationalist yoke on him" (Kazakhstan oblasnyh, 1981).

Without taking effective measures to finally destroy the colonial order, the RCP (b) did not notice that the settlers were trapped in the colonial network, retreating from their previous principles and falling into the trap of imperial politics. At the same time, it should be noted that the main weapon of the center is still the slogan of the fight against nationalism.

Proclaiming the right of nations to self-determination, the apparatus of the Central Committee of the party, as a leading and directing force, formed mainly of representatives of the Great Russian persuasion, without regard to anyone with the rights of the chief arbiter, determining the level and content of this freedom in the national republics, understood Kazakhstan as otar, bodan. Therefore, in practice, it quickly turned into a state political structure that forcibly and deliberately imposed the policy of internationalism on the peoples under the yoke of the former tsarist empire. Over time, it became clear that this policy is a new cover for the policy of the old Russification.

The principle of true national freedom as the basis of true internationalism was implemented only on paper.

Only Mustafa Shokai in exile had the opportunity to make frank conclusions about the Soviet government and the Soviet Union.

On March 22, 1922, a meeting of the Kazakh-Kyrgyz department under the Turkestan Central Executive Committee was held in Tashkent with the participation of the Kazakh intellectuals. The report of the representative of the Turkestan Central Executive Committee and the Turkestan Committee of People's Commissars in Kazakhstan, Isa Toktybayev, was heard at the meeting. The resolution adopted on the basis of the report indicated the reasons for the delay in joining the Zhetysay and Syrdarya regions to Kazakhstan. These are: 1) the completion of the land reform in Turkestan; 2) the transfer of the capital of Kazakhstan from Orenburg; 3) to achieve in Kazakhstan the broad

involvement of the local population in the work of the Council and the destruction of the remnants of colonialism (Chetvyortoe soveshchanie RKP(b) OK, 1923). It was shown that the accession of the Turkestan Kazakhs to Kazakhstan is beneficial only if such conditions are met.

While these requirements were not fully implemented, in 1924, the national - territorial division of the Central Asian republics was carried out, the Semirechensk and Syrdarya regions were converted to Kazakhstan. This situation, which led to changes in the Turkic world, was also full of disputes and contradictions. The processes of separation and merger went in different directions. On March 10, 1924, at a meeting in Tashkent, the secretary of the Central Committee of the Communist Party of Turkestan, A. Rakhimbayev, made a report on the topic: "On the National territorial division of Turkestan". He assessed the classification of Central Asia into national republics as the right way. He was supported by such figures as N. Aitakov, S. Asfendiyarov, K. Atabayev. And the chairman of the Central Asian Economic Council, M. S. Paskutsky and S. Kozhanov, did not agree to the land survey. They advocated the creation of a single Central Asian Federation in economic, political and administrative terms. At the plenum of the territorial commission for the surveying of the Central Asian Republics on August 17, 1924, and then at the joint Plenum of the leading organizations of the Turkestan Republic, held on September 14, 1924, S. Kozhanov reflected the requirements for a Central Asian Federation. The complexity of the problem that plagued the Kazakh intellectuals of that time was the premature readiness of the Kazakhs to border division. S. Kozhanov's article "let the dispute stop and the case will be opened" can be considered as proof of this situation. It says that "Turkestan, which until now was one that was not established on the peasant side, is now wearing out and makes up four or five states. While others created a Central Asian peasant unity, not dividing immediately, but conducting peasant affairs in unity, the Kazakh regions emerged from Central Asia. "Semirechye and Syr Darya are still connected with the states of Central Asia, and not with Kazakhstan" (Aq Zhol, 1924).

The archival documents show that at that time an important issue was the national-territorial division of the republics of Central Asia. As actual data for that period, you can see the document "on the unification of the Kyrgyz (Kazakh) territory into the Turkestan KSSR and the unification of Central Asia on the basis of the state-national question". In the data of the document specified in it:

1. despite the fact that the surveying of the territory of Central Asia on the national principle should have led to a conflict, the inclusion in the KSSR, which was unified with the division of the lands occupied by the Kirghiz in the territory of the then multi-ethnic SSR, Bukhara and Khorezm, especially at a time when the unification of the Turkish Republic, now the Kyrgyz (Kazakh) region in the KSSR, was a timely, urgent and state necessity and previously required its implementation, without waiting for a decision

2. when determining the boundaries of the future USSR, three principles were obtained in accordance with the practice established in the USSR:

I. uniformity of the natural and historical conditions of the area.

II. uniformity of its economic specifics.

III. uniformity of the national-cultural and living conditions of the population. The latter principle played a leading role here.

At the same time, the first two questions when registering the national-state structure are usually considered as additional and can be of decisive importance only in the presence of extreme exceptions" (QROrMA. F. 5. Op. 6. D. 14. L. 12.).

The Kazakh intellectuals, having comprehensively analyzed the internal capabilities of Turkestan and the Republic of Kazakhstan, was looking for an answer to the question, in what conditions the Kazakh people can find a suitable way to divide Central Asia. First of all, the need to move the capital from Orenburg to the Kazakh environment was touched upon. Because "if the state does not rely on the public of the capital, then the case of the Main Department will not be in order" (QROrMA. F. 5. Op. 6. D. 14. L. 12.).

Based on the question of the capital, among the candidate cities were Aktobe, Akmola, Akmeshit, Aulieata, Semey, Shymkent. As a result, the CEC adopted a resolution on the transfer of the capital from Orenburg to Akmeshit.

The immediate management of the evacuation of the capital was carried out by S. Kozhanov himself. In April 1925, the V Extraordinary Congress of the Kazakh Central Executive Committee was held. The main agenda of the congress included the first of the most important issues for Kazakhstan at that time - the abolition of the name of the Kyrgyz, in subsequent documents-only Kazakhs, and secondly, the renaming of the capital of Akmeshit to Kyzylorda.

Thus, the territory, borders and capital of the state of Kazakhstan were determined, and the people experienced terrible suffering, but did not have their own power, and historically won a huge victory. It was in the category of countries that legally received the name of a republic with a capital, with specified borders, with a designated single territory. This was the result of the struggle of the Kazakh intellectuals of the early twentieth century, led by M. Shokai, A. Bukeikhanov, A. Baitursynov, B. Karataev, and since the establishment of Soviet power-the result of the activities of T. Ryskulov, S. Saduakasov, S. Kozhanov, Zh.Mynbayev. The foundation of the modern statehood of the independent Republic of Kazakhstan was laid in the early twentieth century.

Conclusion. The attempts of the Bolshevik leadership to create a unified state on the territory of the entire Russian Empire, designed to make small peoples economically and politically dependent, or, if necessary, to eliminate them, were opposed by the national intellectuals, which adhered to the anti-colonial ideology. The possibilities of creating a Kazakh statehood have narrowed, and this idea has acquired a completely different character. Because, having come to power, the Bolshevik party of V. I. Lenin, openly adhering to the policy of destroying small nationalities, set a course for turning Kazakhstan into one of the regions of Russia, raising the slogan of internationalism. Over time, the fact that the Soviet leaders openly suppressed national interests became more acute.

As a result, the Bolshevik ideology clearly believed that the solution of national problems follows from the solution of class problems. It could not be otherwise in the conditions of the political power of the party. The sponsor of this path was I. V. Stalin himself. In 1923, at a meeting of the Central Committee of the RCP(b) with the responsible employees of the national republics and regions, M. Sultangaliyev set the task of "turning Turkestan into a model republic" and intensified the fight against "Kyrgyz (Kazakh) nationalism".

The issue of national autonomy of the Kazakh intellectuals during the Soviet period was a demand of that time. The activities of the Kazakh intellectuals aimed at creating a national state, the activities aimed at restoring national independence based on the analysis of the pages of history paved the way for the independence that the national ideas of that time experience today.

At the end of the twentieth century, it became clear that Kazakhstan had become an independent state. In the course of the study, we were convinced that today, in solving such urgent problems as the land, the state language, the national state ideology, the national mentality, the formation of national consciousness, national democracy, the works and views of the Kazakh intelligentsia, who fought for the independence of the Kazakh statehood of the last century, are of great importance.

Sources

PA RK — Parliament Archive of the Republic of Kazakhstan
 CSA RU — Central State Archive of the Republic of Uzbekistan
 CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan

References

- Aq Zhol, 1922 (In Kaz.).
 Chetyvortoe soveshchanie RKP(b) OK, 9–12 ijunja 1923 g. [Fourth meeting of the RCP(b) CC, 9–12 June 1923]. (In Russ.).
 Izvestija TurkCIKa, 1920, 24 March. (In Russ.).
 Kazahstan oblasnyh partijnyh organizacij oblastnyh komitetov i oekomeetov. Konferencii i plenumy. Postanovlenija i reshenija [Regional party organizations of Kazakhstan: conferences and plenums of oblast and regional committees. Decisions and resolutions]. Vol. 1. 1921–1927. Alma-Ata, 1981. (In Russ.).
 Koigeldiev, 1997 — Koigeldiev M.Q. Tutas Turkistan idejasy jäne Mustafa Shoqajuly [The Idea of United Turkestan and Mustafa Shokayuly]. Almaty: Qazaq universiteti, 1997. (In Kaz.).

- Kommunisticheskaja partija Kazahstana. Spravochnik [Communist Party of Kazakhstan. Reference book]. Alma-Ata, 1990. (In Russ.).
- Lenin, 1970 — Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Collected works]. Vol. 41. Pp. 435–436. (In Russ.).
- Lenin, 1970 — Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Collected works]. Vol. 42. P. 178. (In Russ.).
- Nurpeisov, 1995 — Nurpeisov K. Alash häm Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: Atatek, 1995. 212 p. (In Kaz.).
- Qongyratbaev, 1994 — Qongyratbaev O. Turar Rysqulov sajasi jäne memlekettik qyzmeti [Turar Ryskulov’s Political and State Service]. Almaty, 1994. 369 p. (In Kaz.).
- Safarov, 1996 — Safarov G. Kolonial’naja revoljucija (Opyt Turkestana) [Colonial Revolution (Experience of Turkestan)]. Almaty: Zhalyn, 1996. 96 p. (In Russ.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 153-164, 2025
Journal homepage: <https://sjcacious.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_153-164

ON THE HISTORICAL SITE OF THE CITY OF CHIGU

Alimgazy Dauletghanov¹

¹Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
Almaty, Kazakhstan
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
E-mail: dalimgazy@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Dauletghanov A., 2025

Abstract. The territory of Central Asia has long been located at the junction of West and East, in the center of the most active part of the Great Silk Road. Such a geopolitical location is an important factor, and it was on this territory that the ideological foundations of many world religions competed, and as a result, this religion, Islam, won. Islam, which came to this region in the VIII century, went through two periods - the period of expansion (VII-XVIII centuries) and the period of strengthening (XVIII-XXI centuries). The article comprehensively, using interdisciplinary methods, analyzes the discourse of Islam in modern domestic and foreign studies (1991-2021). The study analyzed the work of Western researchers on the issue of the arrival and establishment of Islam in Central Asia. The information presented in the article can be used in the lessons of historiography, history and Islamic studies. The conclusions of the author of the article will be used in further study of the traditional worldview, history and ethnography of the Kazakhs.

Key words: Islamic history, Central Asia, Western researchers, traditional worldview, historiography
For citation: Dauletghanov A. On the Historical Site of the City of Chigu // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 153-164. (In Kaz.).
DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_153-164

ЧИГУ ҚАЛАСЫНЫҢ ТАРИХИ ОРЫНЫ ТУРАЛЫ

Дәулетханов Әлімғазы Дәулетханұлы¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Алматы, Қазақстан
Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
E-mail: dalimgazy@mail.ru

Аңдатпа. Орталық Азия территориясы ежелден Батыс пен Шығыстың түйіскен жерінде, Ұлы Жібек жолының ең белсенді бөлігінің орталығында орналасты. Осындай геосаяси орналасу маңызды фактор болып, дәл осы аумақта көптеген әлемдік діндердің идеологиялық негіздері бәсекеге түсіп, соңында дәл осы ислам діні жеңіске жетті. Бұл өлкеге 8 ғасырда келген ислам екі кезеңнен өтті - экспансия кезеңі (VII-XVIII ғ.ғ.) және күшею кезеңі (XVIII-XXI ғ.ғ.). Мақалада қазіргі заманғы отандық және шетелдік зерттеулердегі (1991-2021) ислам дискурсын кешенді түрде, пәнаралық әдістерді пайдалана отырып талдайды. Зерттеуде Орталық Азия жеріне исламның келуі және орнығу кезеңдері мәселесі Батыс зерттеушілерінің еңбектері

талданды. Мақалада келтірілген мәліметтерді тарихнама, тарих және исламтану сабақтарында пайдалануға болады. Өйткені, мақала авторының тұжырымдары қазақтардың дәстүрлі дүниетанымын, тарихын және этнографиясын одан әрі зерттеуде қолданыс табады.

Түйін сөздер: Ислам тарихы, Орталық Азия, Батыс зерттеушілері, дәстүрлі дүниетаным, тарихнама

Дәйексөз үшін: Дәулетханов Ә.Д. Чигу қаласының тарихи орыны туралы // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 153-164 бб. (Қазақш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_153-164

О ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ ГОРОДА ЧИГУ

Даулетханов Алимгазы Даулетханович¹

¹Институт Истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова

Алматы, Казахстан

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: dalimgazy@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются исследования, касающиеся местоположения и истории города Чигу, и делается попытка определить местонахождение этого города на основе археологических данных, найденных в последнее время. Для обоснования своих выводов авторы, помимо данных, поступивших в научный оборот в советское время, широко используют работы китайских ученых, опубликованные в последнее время. Кроме того, анализирует выводы турецких, кыргызских археологов, проводивших научные исследования на эту тему. В более поздние времена группы, не имеющие научного сообщения, по разным причинам сбивали с толку многих, делая ложные выводы о том, что место Чигу-Хала находится в Семиречье. Этим убедительно дается научное опровержение поверхностным, ошибочным суждениям некоторых таких «историков-любителей», которые совершенно не совпадают с научными аргументами.

Ключевые слова: Местонахождение города Чигу, Кангюи, саки, усунь, кочевые народы, городская культура, кочевая цивилизация, китайско-усунские отношения

Для цитирования: Даулетханов А.Д. О историческом месте города Чигу // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 153-164. (На Каз.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_153-164

Кіріспе. Үйсіндер мен олардың салған қалалары туралы мәліметтер өте аз. Олар б.з.б II ғасырда сақ-скифтерді жеңу арқылы Тянь-Шань аңғарларын басып алды. Олардың Чигу қаласы сақ патшаларының бұрынғы ордасының орыны. Б.з.б II ғасырда Ыстықкөлде болып, Тянь-Шань арқылы Ферғанаға өткен қытай саяхатшысы Чжан Цянь үйсін қаласын «чигучэн» – қытай тілінен аударғанда – «Қызыл аңғар қаласы» деп атайды. «Үйсін... Бұл көшпелілер иелігі, оның тұрғындары мал үшін бір жерден екінші жерге көшіп-қонып отырады», – деп жазды саяхатшы. «Үйсіннің бірнеше ондаған мың әскері бар, шайқастарда батыл» (Мокрынин, 7 б.).

Чигу ежелгі дүниедегі Шығыстың ең ірі қалаларының бірі болды. Оның биік бекініс қабырғаларының артында алтынмен безендірілген бай үйлер, сарайлар, киелі орындар жасырылған.

Археологтар осы қала тұрғындарының өмірі, олардың кәсібі мен тұрмыс-тіршілігі туралы түсінік беретін материалдық мәдениет бұйымдарының жеткілікті үлкен коллекциясын жинады: тастан жасалған бұйымдар, керамика, металл бұйымдары, мүйізден жасалған қолөнер бұйымдары.

Кейін, Үйсін мемлекеті жаңа жаулап алушылардың шабуылына ұшырады. Біраз уақыттан кейін Ыстықкөлдің суы көтеріліп, қала су астында қалды.

Гимарат қалдықтары бар көне қоныс – Сары-Бұлұн деп аталды, Түп шығанағының оңтүстік жағалауындағы оның маңындағы ауыл осылай аталады.

Ыстықкөлдің Түп шығанағының түбінде 1985 жылғы далалық жұмыстардың нәтижесінде көне заманның үлкен қонысы табылды. Табылған заттар оның б.з.б. бірінші мыңжылдықта болғанын айғақтайды. Бірақ мұның бәрін әлі де жаңа зерттеулермен, ғылыми зерттеулермен дәлелдеу керек еді.

Қырғыз археологы Т. Мадылбайдың айтуынша, «Атақты Чигу қаласының – Ыстықкөлдегі ежелгі үйсін тайпалық одағының қуатты билеушісінің ордасының (кейін ғалымдардың пайымдауынша, ол Құнқат және Бағқат деп аталды) үйінділерін таптық деп болжадық. Осыған сүйене отырып, біз өзіміздің алғашқы жағалық және су асты олжаларымызға ежелгі көшпелі билеушілердің астаналық штабының материалдық мәдениетінің нысандары ретінде қарай бастадық» (Мокрынин, 7 б.).

Бірі екіншісінен асып түсетін кейінгі археологиялық олжаларды зерттеу жаңа дәуірдің тоғысынан б.з.б. бірінші мыңжылдықтың басына – соңғы қола дәуіріне және сақ көшпелі тайпалар одағының құрылуына әкелгенін көрсетеді. Кейінірек оның орнына бұрынғы мәдениеттің барлық элементтерін сіңірген астанасы, Чигу қаласы бар Үйсін тайпалық одағы келді.

Дегенмен, ғалымдар Ыстықкөлдің жағасынан табылған бұл қаланың үйсіндердің алдында осы аймақты мекендеген сақтардың да белгісіз қонысы болуы мүмкін ғой деген сұрақ туындатты.

Назарларыңызға ұсынып отырған мақала да осы ізденістің тарихқа дейінгі кезеңі, іздеу процесінің өзі, алынған материалдарды, фактілерді, аңыздарды, гипотезаларды талдауды құрайды.

Материалдар мен әдістер. Мақалада Чигу қаласының орналасқан жеріне қатысты зерттеушілердің ой-пікірлері мен тұжырымдары жергілікті тұрғындар арасында тараған аңыз-әңгімелер – ауызша тарихнама, археологиялық және жазба деректер кеңінен пайдалана отырып, осы мәселеге арналған отандық және шетел ғалымдарының зерттеулеріне салыстырмалы түрде талдау беріліп кеңінен қолданылған. Мақалада көтерілген мәселені анықтау мақсатында тарих ғылымына ортақ әдістер пайдаланылды. Оның ішінде тақырыпта сақталған түйткілдердің бағыт-бағдарын айқындауда салыстырмалы әдіс, кешенді талдау жүргізу, жүйелеу, әдебиеттерді жинақтау және объективті баға беру, деректерді ішкі және сыртқы формасына қарай сынау сынды методологиялық ұстанымдар қолданылды. Солардың нәтижесінде мақалада «Шы-гу – Қызыл аңғар» қала-бекінісінің орналасуы туралы әлі де терең, дәйекті зерттеулер қажеттігі ескеріліп, бүгінгі күні Чигудың екі жерде орналасуы мүмкін деген жорамал айтылады. Бірі ұзақ жылдар бойы археологтар жүргізген нақты материалдық әрі мәдени жәдігерлер айғақтаған Қытайға қарасты Текес, Шаты аңғары мен Тоғызтарау, Күнес, Қас аудандарында да орналасуы мүмкін деген болжам. Екіншісі, Чигу қаласының Ыстық көл су астында мүмкін деген болжамға қатысты аңыздар мен жазба және археологиялық деректер дәйекті түрде талданып, Чигу қаласы Жетісу, Ыстықкөл, Талас-Тараз өңірінде орналасқанына да шүбә келтіруге болмайтыны айтылады. Не болса да, ғалымдар орда блған Чигу қаласы көшпелілердің киіз үйінде жерден-жерге көшіп жүрмегенін, және оның орнында кейін үстінен басқа қала орналасуы әбден мүмкін. Сондақтан да, бұл мәселе әзірше алда өз зерттеушілерін күтіп тұрған тақырып боп тұра береді.

Талқылау. Шынайы немесе мифтік Чигуды ғылыми іздеудің нақты белгіленген басталу күні бар. 1857 жылы 14 маусымда, жылы кеште алыстағы Санкт-Петербургтан келген жас орыс ғалым-саяхатшысы толқындармен көмкерілген шығанақтың айнасы болып, батып бара жатқан күн сәулесіндегі су асты сарайының таңғажайып қирандыларды көруге тырысты. Оны қоршап тұрған жергілікті қырғыздар аудармашы арқылы көл түбінен кесенелердің күмбезінің кірпішін алғанын, көлдің жағалауға «көлдің сыйлықтары» ретінде оқтын-оқтын көне заттарды шығарып тастайтынын айтқан болатын. Мысалы, мұнда қола дәуіріне жататын «пішіні және

үлкен өлшемді әшекейлері бар өте көне мыс қазан мен бірнеше мыс құрал» табылды (Семенов-Тян-Шанский, 180).

Ғалым жаңа қаланы зерттеу үшін ғылыми фактілерді жинаумен ғана айналысқан жоқ. Көлдің қалай пайда болғаны, оның неге жылы және тұзды екендігі туралы қырғыз аңыздарын, қанатты аттар – пырақтар туралы, ержүрек салт атты мен сұлу пері туралы, есек құлақты жауыз хан мен «екі мүйізді Ескендір (Шығыста Александр Македонскийді осылай атайды) туралы әңгімелерді мұқият тыңдады.

Аңыздардың маңыздылығы бұған дейін көл орнында бұрын халқы көп және бай қалалары бар кең-байтақ жазық болғандығына байланысты. Қалалардың бірінің бас алаңында түнде алтын қақпақпен жабылған құдық болған. Бір күні ғашық қыз (басқа нұсқа бойынша үш кезбе) мұны ұмытып кетіпті. Құдықтан тасып, көтерілген су ұйықтап жатқан қаланы басып қалып, бір түнде оның орнына Ыстықкөл пайда болды (Мокрынин, 8).

Бәрінен де тыңдаушыны аңыздың кейін жазып алған және Пржевальск қаласының қарт ұлы – белгілі өлкетанушы Я.И. Корольковтың көрсеткен романтикалық нұсқасы қатты тәнті етті.

Ежелгі уақытта бұл аймақта қала болып, қала орналасқан тік жартастың басында қамал тұрды. Бұл қала мен қамал қатыгездігімен ерекшеленген қарт хандікі еді. Қартайғанына қарамастан хан еріксіз еді. Бірде оған кедей көшпенділер отбасында керемет сұлу қыз бар деген қауесет жетті. Бір емес бірнеше даңқты жігіттер жекпе-жекте осы сұлуды иемдену үшін бастарын қатерге тікті. Бірақ ол сұлу өзіне ынтыққан жігіттердің ұсыныстарына басқа біреуді жақсы көремін деп жауап берді. Ал оның өзі ғашығын көрмеген де, танымайтын да еді. Тек, түсінде қыздың алдына ақ боз атқа мінген сымбатты жылқышы шығып, қолындағы жүзiктi қызға шешiп берiп, саусағына тағып: «Жақында қайтамын. Ешқашан сақинаны шешпеңіз, ол сiзде бар болса, сiзге ешқандай бақытсыздық болмайды» деген-тiн.

Ханның елшілері оған мол сыйлықтармен келіп, оған үйленуге ұсыныс жасағанда, қыз ғажайып шабандозды қайтадан кездестіреміз деген үмітпен тауға қашып кетеді. Тауға келген ару қолындағы сақинасын үйіне қалдырып кеткенін байқады. Үйіне сақинасын алуға келгенде ханның қарулы салт аттылары қызды ұстап алады.

Хан оны бұрын-соңды болмаған сән-салтанатпен көңілін аулауға тырысса да, ешқандай сыйлық қызды оның ұсынысына көндіре алмады. Ақыры хан сый-сияпатқа көнбеген сұлуды күшпен алуға шешім қабылдайды. Хан қызға жақындағанда, сұлу ашық тұрған терезеден шатқалдың тұңғиығына секіреді. Дәл осы мезетте қамалдың қабырғалары дірілдеп, қоймалар опырылып, қарт ханның сарайы опырылып құлайды да, барлық шатқалдардан су атқылай бастады. Қала су астына толық батқанға дейін атқылаған су тоқтамайды (Корольков, 11).

П.П. Семёнов Ыстықкөл қырғыздарының су астына кеткен қала туралы аңыздардың шынайылығын тексеруді ұйғарды. Үйінділер көрінген жер оның пікірінше, Қара-Булун мүйісінің су асты жалғасы болған, қалай болғанда да – көлдің шығыс таяз бөлігінде. Семенов өзі зерттеген, осы жердегі толқындар алып келген археологиялық олжаларды үйсін дәуіріне емес, кейінгі моңғолдарға, XIV және XV ғасырларға жатқызады. Және ол дұрыс болды. Оның қолында шынында да моңғол-тимуридтер дәуіріне жататын олжалар болған. Бірақ ғалымның өзі анықтағандай, мұнда ертерек сақ-үйсін дәуірінің заттары да табылды.

П.П. Семёнов жинақталған мәліметтерді қорыта отырып, қытай жылнамашылары Чигучэнь, яғни «Қызыл аңғар қаласы» деп атаған үйсіндердің штаб-пәтері әлі қай жерде болуы мүмкін деген сұраққа жауап іздейді. Үйсіндер, оның ойынша, кем дегенде бес ғасыр бойы «Ыстықкөл ойпатының талассыз иелері болып қала берді» және «Ыстықкөлден толқындар лақтырып жіберген ең көне заттарды» қалдырды (Семенов-Тян-Шанский, 181).

П.П. Семенов үйсіндерді ғылыми таным тұрғысынан қалай көрді? Үйсіндер туралы сол кездегі ғалымдардың барлық білімдері тек қытай жылнамаларының мәліметтеріне негізделген. Үйсін жерлерінде археологиялық қазбалар әлі жүргізілген жоқ және шашыраңқы кездейсоқ олжаларды қоспағанда, материалдық мәдениеттің ешқандай дәлелі іс жүзінде болмады.

Сонымен, деп жазады П.П. Семенов, үйсіндер елі, қытайлардың айтуы бойынша, суық және жауын-шашын мол, тамаша жайылымдары бар, таулар шыршалы және жапырақты

ормандармен көмкерілген аймақтарда тұрған. Үйсіндердің табындары көп болды, олар негізінен жылқы шаруашылығымен айналысты. Қытай императорлары үйсін билеушілерін ғұндарға қарсы әлеуетті одақтастар ретінде қарастырып, олармен одақ құруға ұмтылды. Бұл үшін әулеттік неке әдістерінің бірі ретінде пайдаланылды. Б.з.б. 107 жылы Қытай сарайы өз ханшайымын үйсін билеушісіне әйелдікке берді. Ол үшін билеушінің ордасына сарай салынды. Дәл осы резиденцияны қытайлықтар «Қызыл аңғар қаласы» деп атаған. П.П. Семенов «қызыл алқап» тек өзен аңғары болуы мүмкін деп есептеді. Ол көшпелі қоғамдағы билеуші ордасының жанында судың молдығынан гөрі, мол жайылымдар қажет, сондықтан Чигудың орыны Ыстықкөл жағасында емес деп есептеді. Бұл дәлелді ескеруге болады, бірақ ол толық сенімді емес. Әйтеуір, солай болуы да мүмкін: орда тіке көлдің жағасында орналасып, басқа бағынышты иеліктері сол алқаптың тау етегіндегі бай жайлауларды алып жатты.

Қалай болғанда да, Чигудың Шығыс Ыстықкөл аймағында орналасқанына сенімді П.П. Семенов оны тікелей осы жағалаудан табады деп ойламаған да. Объективті, бейтарап ғалым ретінде ол үйсіндерге жатқызған заттардың жағалаудан және су астынан табылу жағдайларын атап өтті.

Тянь-Шаньда үйсіндердің үстемдігі шамамен VI ғасырда тоқтап, олар мұнда келген түркі тайпаларымен араласқан. Бірақ, П.П. Семенов, үйсіндер тарих сахынасынан жойылып кеткен жоқ, олардың қалдықтарын қазақтар мен қырғыздар арасынан іздеу керек, олардың тайпалық бөлінісінде «үйсін» атауы сақталған, атап айтқанда, бұл қырғыздың ірі сарыбағыш руының бір руының атауы болған деп тұжырымдады. Ғалым сарыбағыстардың арасынан моңғолоидтық қара шашты және қаракөзді халықтың жалпы фондында ерекше көзге түсетін көк көзді және ақшыл шашты адамдарды кездестіреді. Айта кету керек, бұл жерде П.П. Семенов дұрыс пайымдады. Ежелгі үйсін тайпалары мен олардың ассимиляцияланған құрамдас бөліктері қазақ және қырғыз халықтарының этногенезінде ең тікелей қатысқанын қазіргі ғылым нанымды түрде дәлелдеді (Мокрынин, 9 б.).

П.П.Семенов-Тянь-Шанский тікелей үйсін ескерткіштерін таппаған. «Бірақ, екінші жағынан, – деп жазды ол, Іле аймағы мен Тянь-Шань тау етегінің табиғаты кей жерлерде екі мың жыл бұрын қытайлықтар жақсы байқаған өзіне тән белгілерін сақтап қалды» (Семенов-Тянь-Шанский, 182 б.).

Үйсін ескерткіштерінің ашылуы мен зерттелуі ғалымдардың кейінгі буынының еншісіне тиді. Эстафетаны П.П. Семёновтың кіші замандастары қабылдады.

Солардың бірі, түркиялық ұйғыр ғалымы М. Боғра өзінің «Шығыс Түркістан тарихы (*Шарки Түркістан тарихы*)» атты еңбегінде «Үйсін хандығы шығыста Ертіс өзені, батыста Ташкент хандығы, оңтүстікте Сібірге дейін созылған ұлан-байтақ өңірдегі үлкен бір хандық еді. Қытай дерек көздерінде «ойсын», «ойсұн» немесе «оусұн» деп атаған ежелгі грек дерек көздерінде «массагет» аталған. Астанасы Чехо қаласы Іле өзені бойында еді» – деп жазды (Боғра, 64 б.).

Нәтиже. Ертедегі қытай жазба деректерінде кездесетін жер-су, қала аттары қатарында Талас бір жағынан жағрафиялық өңір ретінде, тағы бір жағынан өзен және бекіністі қала аты ретінде жиі аталып отырған.

Әйгілі «Хань шу» (*Хан династиясы тарихы*) алғаш рет «Чжичжи қаласы (*Zhi zhi cheng*) Дулай шуйдің жағасында» (Бан Гу, 767 б.) деп қағаз бетіне түскен. Мұндағы «Чжичжи» (*Zhi zhi*) деген Солтүстік хунну шаньюйінің аты ретінде аталғанымен тарихшылар бұл атаудың этимологиясы жөнінде түрліше жорамалдар жасап келеді. Чжичжи (*Zhi zhi*) шаньюйдің өз аты емес, солтүстік хун даласындағы бір өзеннің аты, Чжичжи алғашқы кезде сол өзен бойын жайлаған хундарды басқаратын кіші мансапты болған. Кейінгі қағандық лауазымы, әрі өз аты ретінде қытай жазба деректерінде жазылып қалған деп талдаған синолог-тарихшы Де Грооттың пікірін түрік тарихшысы Б. Өгел қостайды. Өзі билеген өңірдегі жер-су, ру-ұлыс атымен тарихта қалған хун-түрік билеушілері аз емесін ойлағанда «Чжичжи-шаньюй» деген атты жатырқай алмаймыз.

Ал, «Дулай шуи» – Талас өзені дегенді білдіретін қытайдың үш иероглифін қытай тілі мен тарихын жетік білетін профессор Нәбижан Мұхаметханұлы былай талдайды: «... Алдыңғы екі таңбаны автор мәндік мағынада емес, дыбыстық мағынада қолданған, яғни ол жергілікті тұрғындардың «Дүлей» деген сөзінің дыбысталуы бойынша қытайша транскрипциялануы. Ал, «шуи» – «су» деген сөз. Сонда «Дулай шуи» – «Дүлей су» деген түрік сөзінің қытай тіліндегі дыбыстық аудармасы болып шығады. Мұның өзі сол өңірде өмір сүріп отырған қаңлы елінің ежелгі түрік тілінде сөйлегендігін аңғартса керек» (Мұқаметханұлы, 121-127 б.)

Ғалымның бұл талдауында тарихи шындық бар. Бұдан 2000 жыл бұрын дәл осы өңірде түрік тілді қаңлылар өмір сүргені, ол заманда өзендердің өткел бермес арынды, суы мол, дүлей ағысты болғаны еш күмән тудырмаса керек. Ал, «дүлей судың» Таласқа қай дәуірде, қандай жағдайда өзгергенін дөп басып айта алмасак та, оның да байырғы түрік сөзі екендігі белгілі.

Аталмыш «Дүлей судың» бойына салынған қаланың Чжичжи – «Чжичжи чэн» аталуы жөнінде қазақ оқырмандары Тараздың 2000 жылдық мерейтойына орай жазылған зерттеулер топтамасынан (Тараз, 1-3 б.) хабардар екенін ескеріп, бұл туралы көп тоқталмаймыз.

Есте болар бір жағдай – Чжичжи шаньюй 500 жұмыскерге екі жылда салдырып бітірді делінген бекініс-қала тақыр жерге салынбаған болатын. Хүнну тарихын егжей-тегжейлі зерттеген түрік тарихшысы Б. Өгелдің Самарқан (Кангюй) патшалығының астанасы жөніндегі зерттеуінде «... Астанасы Зарафшан ойпатында, бүгінгі Самарқан маңында болған. Жазғы ордасы, «Ханнамада» (96) жазылуынша, солтүстіктегі Талас бойында болған «Жы жы ханның бекінісі» Таластың жоғарғы ағысы бойында еді. Бұл төңірек шөл дала емес, құнарлы болатын» (Өгел, 136 б.) деп жазылған. Демек, Чжичжи шаньюй келіп, өз атындағы бекініс-қала салғанға дейін-ақ бұл өңірде «Жазғы Орда» аталған қалашық болған деуге толық негіз бар. Ал, кейінгі Талас – Тараз қаласына негіз болған «Чжичжи қаласының» іргесі қаланғанын есепке алғанның өзінде қаланың жасы үстіміздегі жылы 2045 жылға толған болар еді.

Біз ендігі сөзді Талас – Тараз қаласын негізгі орталық нысана ете отырып, заманымыздың XIII ғасырына дейінгі Ұлы Жібек жолының бағыт-бағдары және бұл күндері ертедегі Үйсін хандығының астанасы болған Чигу – (қызыл сай, қызыл аңғар) қала бекінісінің орны туралы келсін-келмесін айтыла салатын болжалдар жөніндегі өз ойларымыз төңірегінде өрбітпекшіміз.

Талас – Тараз қаласы ерте ортағасырдағы Ұлы Жібек жолының кемінде үш-төрт тармағы түйісер нағыз тоғыз жолдың торабындағы ірі мәдени-сауда орталығы әрі Шығыс пен Орхон-Алтай өңірінен басталатын ірі әскери жорықтар нысанаға алған стратегиялық мықты бекіністі қала еді. Талас –Таразға қарай бет алған сауда керуендері немесе Хань патшалығының жортуылшы әскерлері, мейлі қай бекіністен шықса да, үйсіндердің әйгілі Чигу қаласын басып өтетіндігі Қытай жазба деректерінде атап көрсетілген.

Б.з.б. 36 жылы Қытайдың Шығыс Түркістанды билеп тұрған генералы Чэн Тан Чжичжи шаньюйге қарсы жорыққа 40 000 адамдық қол дайындап, екі бағытпен жолға шығады: «... бірінші бағыт Оңтүстік жолмен (Қашқар арқылы) Памир тауынан асып, Ферғанаға төте тартады. Екінші бағыттағылар Ақсудан жолға шығады. Бұлар Солтүстік жолмен үйсіндердің ордасы Чигу арқылы үйсіндерді аралай, Кангюй шекарасын жағалай, Ыстықкөлдің батысына дейін барды» (Бан Гу, 3014 б.).

Үйсін тарихын зерттеушілерге аса бағалы дерек көзін ашып беретін бұл құжаттан мынадай үш мәселенің түйінін тарқатуға болады: бірінші – Қытай армиясы басып өткен «Солтүстік жол» тарихта Ақсу-Үштүрпан қаласынан шығып, Текес өзенінің аңғарымен өтетін «Жібек жолының» ортаңғы тармағы екендігі тарихшыларға белгілі нәрсе. Екіншісі – «...Үйсіндердің ордасы Чигу арқылы үйсіндерді аралай ...» дегенде, қытай жылнамашысы қай этноаумақты назарда ұстады екен? Ол үшін дерек мәтініндегі «Кангюй шекарасын жағалай, Ыстықкөлдің батысына барды» деген сөздің мәнісін ашуға тура келеді. Егер Қытай армиясы Ыстықкөлдің батысына Кангюй шекарасын жағалай барған болса, Кангюй елі үйсіндердің оңтүстік-батысында қалған болмай ма? Ал, үйсіндер Ыстықкөлдің шығысында қалған болса (өйткені, Кангюйлердің шапқыншы қолы Чигу қаласына дейін шабуылдап барғандықтан оған дейінгі мың шақырымдық Үйсін жері қаңырап бос қалған еді

деп «Хань шудың» «Үйсіндер» тарауында жазылған емес пе?), үйсіндердің батыс шекарасы Ыстықкөл болып тұрғаны даусыз.

Үшінші түйін – бұл түйін алдыңғы екі түйіннің қисынды жалғасы ретінде қарастырылуға тиіс, яғни үйсіндердің б.з.б. Чигу бекініс-қаласын негіз еткен этноаумағы кейбір зерттеушілер болжамдап жүргендей Жетісу мен Шу өңірі болмай, Ыстықкөлдің шығысы мен Іле аңғарының орта және жоғарғы ағысын қамтып жатқан болып шығады.

Бұл мәселелерді төменде тағы да егжей-тегжейлі қарастыруға тура келеді. Тарих туралы сөз қозғағанда, алдымен тарихи дерек көздеріне қарау керек. «Дейді екенмен», «мен осылай ойладым, солай шештім» дейтін қазақы кеудемсоқтықтан аулақ болуға дағдылану керек.

Үйсіндердің әр дәуірдегі өзгермелі жағдайға байланысты шекарасы да өзгеріп тұрғаны – тарихи шындық. Бірақ Чигу қаласы біреу-ақ, сондықтан оның орнын киіз үйді көшіргендей әр жерге апара беруге болмайды.

Қытай жазба деректеріндегі үйсіндерге қатысты деректерді жан-жақты қарастыра зерттеген тарихшының бірі – Су Бейхай, екі Хань династиясы (б.з.б. 206 жылан заманымыздың 220 жылы аралығы) тұсындағы үйсіндердің шекарасын былай межелейді:

«... Шығысы Манас өзенімен шектеседі, солтүстігі Тарбағатай тауынан батысқа қарай Балқаш көліне дейін барады. Батысы – Балқаш көлінің оңтүстігі арқылы Шу өзенінен өтіп, Таластың орта аңғарынан шығысқа айланып, Нарын өзенімен Қызылсу өзенінің өргі аңғарына дейін барады. Ал, оңтүстігі Қарашәрдің батысындағы Тәңіртауының жайылымдарын қамтып жатады. «Цзю Таншу» (*Тан династиясының көне тарихы*) және «Синь Таншу» (*Тан династиясының көне тарихы*) атты екі еңбектің «Батыс түріктер баянында»: «Бұл өңірлер үйсіндердің байырғы мекені» делінген (Су Бейхай, 3014).

Тарихшының бұл тұжырымын құптай отырып, генерал Чэн Тан бастаған қытай армиясы басып өткен Чигу (Қызыл аңғар) қала бекінісінің орны жөніндегі ала-құла болжалдардан үзінді келтіріп жатпай-ақ нақты тарихи деректерді негіз еткен зерттеулерге жүгініп көрелік.

Археолог Уаң Миңжы жазып құрастырған «Үйсін туралы зерттеу» атты еңбекте Ақсу бектігі мен Ақсу қаласының «... терістігі Үйсінмен шектеседі... Үштұрпан бектігі... патшасы Үштұрпан қаласында тұрған... терістігінен Чигуға дейін 610 шақырым. ... Күшәр бектігі... Мұның терістігі үйсінмен, батысы Ақсумен іргелес, ... Қарашар бектігі... мұның терістігі үйсінмен іргелес,...» (Ван Бингхуа, 144-145 б.). екендігі ап-анық көрсетілген. Ақсу мен Үштұрпан қатар жатқан елді мекендер екенін ескерсек, үйсіндердің Чигу (Қызыл аңғар) қаласы оларға таяқ тастам жерде тұрған болып шығады. Ал, Кангюй патшалығының орталығы саналған Ферғананың шығыс солтүстігінен 2000 шақырымдай жерде үйсіндер елі тұрғандығы да аталмыш еңбекте анық жазылған.

Жоғарыда келтірілген жазба деректер үйсіндердің Чигу (Қызыл аңғар) қаласының орнын анықтауға көмектеседі. Халқымыздың мақтанышына айналған Шоқан Уәлиханов Қашқар сапарынан қайтар жолында Чигу (Қызыл аңғар) қаласының орны жөнінде аса білгір зердесімен былай деп жазды: «... қырғыздардың айтуына қарағанда Атбасының төменгі жағында бір үлкен шаһардың ескі орны бар көрінеді. Ал, енді Нарында ерте заманғы егіншілік кәсібінің орнын біз өзіміз де көрдік, Атбасындағы ескі қаланың өзінің тұрған жеріне қарағанда, үйсіндердің астанасы Чыгу шаһарына сай келеді. Қытай тарихы бойынша бұл шаһар Ақсудың солтүстік-батыс жағында және Тәмирту нордың (Ыстық көлдің) оңтүстігінде болған көрінеді» (Уәлиханов, 458).

Шоқан Уәлихановтың осы пайымдауларын оқып отырып біздің тарихпен айналысқысы келетін жасамыс қаламгерлеріміздің тарихи білімі мен жауапкершілігінің 23 жасар Шоқан деңгейінен қанша алыс жатқанын ойлағанда бір түрлі қолайсыздық сезінеді екенсің.

Үйсіндер жөніндегі қытай жазба деректерге терең де жан-жақтылы зерттеу жүргізген ғалым Сұлтан Жанболатов үш томдық «Үйсін хикаят» атты тарихи еңбегін жариялағалы да бірнеше жыл болды. Үйсін мемлекетінің астанасы жөнінде ол былай деп жазады: «Астанасы – Іле өзенінің Алатау-Тәңіртау арасын жалғастырған саласындағы Чигу деген қала болды. Автор еңбегінде оны «Қызыл Күрең кенті» деп атаған. ... Елжау күнбейдің сарайы, осында болды» (Жанболатов, 119 б.). Сұлтан Жанболатов тұспалдап көрсеткен Алатау мен

Тәңіртаудың арасын жалғастырған аңғарды қытайдағы қазақтарға танымал архитектор, жазушы Болат Кәрібаев былай нақтылап береді: «Шатыдағы байырғы қала Іленің Моңғолкүре ауданының батыс-оңтүстігінде болып, аудан қалашығынан 57 километр келеді, Шаты ауылынан 19 километр шалғай. Шатыдағы байырғы қаланың солтүстігі Текес өзеңіне, шығысы Шаты өзеңіне тіреледі. Қала қирандысының маңайы жазық жайлау болып, теңіз деңгейінен 1700 метр биік... Қазір сақталып қалған шаһирстан (ішкі қала) қорғанының теріскей жақ дуалы 390 метр, түстік жақ дуалы 212 метр, батыс жақ дуалы 480 метр. ...Ежелгі қала шаһарстанның ортасында, батыс жақ бұрышында диаметрлері 18, 28 және 80 метр келетін үш төмпешік бар. Төмпешіктерден кірпіш, қыштардың сынықтары көптеп табылады. Мамандар осы төмпешіктерді қала ордасының орны болса керек деп топшылауда. ... Табылған мәдени мұраларға талдау жасау арқылы байырғы қаланың ұзақ жылдар өмір сүргендігі дәлелденуде. Көптеген мамандар байырғы қаланың маңайындағы үйсін қабырлары мен қаладан табылған мәдени мұраларға талдау жасай отырып, Шатыдағы байырғы қаланы ежелгі үйсін елінің жаздық астанасы немесе саяси, экономика, әскери жақтардан аса зор маңыз алатын ірі қала болған деп топшылауда» (Кәрібаев, 104-106).

Бұған дейін Қытайдың ертедегі жазба деректері мен өткен ғасырда жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары негізінде жасалған ғылыми тұжырымдарға, сол қатарда ондағы қазақ қаламгерлері жазған еңбектерін сараптай келе, сондай-ақ соңғы кездегі археологиялық қазбаларда дәйектелген нақтылы дерек көздерін саралау арқылы ешбір дәлелді жазба, қазба дерегі жоқ «әуесқой тарихшыларға» жауап бергіміз келді.

Атап айтқанда Шынжаң археологиясындағы деректерге негізделгенде үйсіндердің негізгі орталығы болған Іле өзенінің жоғарғы аңғарындағы Моңғолкүре, Текес, Күнес, Нылқы, Шапшалдан бастап, солтүстікте Еренқабырғадан Шихуға дейінгі өңірлердегі қорымдардан табылған олжалардың жыл көрсеткіші б.з.б. 200 – б.з.б. 225 жылдарға тура келетіні анықталды. Дәл осы мезгілге жататын обалардың орналасуына қарай отырып сол дәуірдегі үйсіндердің өріс-қонысын анықтап шығуға болады. Бұл бойынша олардың өріс-қоныстарының шығысы Күнес, Қас өзендерінен басталып солтүстікте Шиху өңіріне дейін, батысы Шу өзені атрабына, оңтүстігі Жұлдыз аңғарына шектескен. Қорытындылай айтқанда, Нарын, Текес, Жұлдыз өзендерінің алабы үйсіндердің құт-мекені болған.

Қытай жазба деректеріндегі «Хань шу» кітабының «Батыс өңір баяны» деп аталатын тарауында: «Ұлы Күнбидің ордасы Чигу қаласында тұрады... Жері ұлан-ғайыр жазық, ауа-райы жаңбырлы, салқын келеді. Тауларында қарағай, самырсын көп өседі... (Бан Гу, 767). Ал, Текес өзенінің оңтүстігіндегі Моңғолкүре өңірлерінің жағрафиялық ортасы өте жанға жайлы болған... Моңғолкүре ауданының шығыс, оңтүстік, солтүстік беттерін биік таулар қоршап тұрады, аудан қалашығы орналасқан жер теңіз деңгейінен 1800 метр биік.

Ертедегі қытай жазба деректеріне негізделгенде Чигу қаласы Текес өзенінің оңтүстік жағасында болған. Археологиялық қазбалардағы анықталған материалдарға негізделгенде үйсін қорымдары негізінен Моңғолкүре, Текес аудандарындағы Текес өзенінен Тәңіртауға дейінгі ұлан-байтақ далаға таралған. Мұның ішінде Моңғолкүредегі Шаты мен Сарқобының маңайында көп шоғырланған. Шаты өңіріндегі қорымдарда 200 ге тарта оба барлығы межеленуде. Бұлар топырақтан үйілген күмбез пішінді обалар. Үлкендерінің орамы 260 метрден асады. Оның диаметрі мен көлбеу биіктігі 20 метр шамасында, орташа обалардың орамы 100-150 метр, шағындарының 50 метрге жетпейді, осы обалар үлкен, орташа, шағын болуына қарай, үштен, бестен тіпті 20 ға дейін бір шоғыр болып, оңтүстіктен солтүстікке қарай тізбектеле орналасқан. Олардың арасында 3 тен 5 обаға дейін бір жерге шоғырланғандары да кездеседі. Обалардың ақымы тік ақым, Мұның ішінде бір бөлімінде ағаш ақым, ағаш ақымның сырты малта тас және ағаш шлагымен қоршалған, ағаш ақымның ішінде табыт немесе көтерме тақтай жасалған. Обалардан өте көп мөлшерде жылқы, сиыр, қой, ит қатарлы хайуандардың сүйегі шыққан. Мұнан сырт обалардың ішінде қыш ыдыстар да бар. Мұның көбі сары топырақтан жасалған ыдыс, қызыл қыш ыдыс, жайпақ ыдыс, тегеш сияқтылар да бар. Бұл да үйсіндердің кезінде белгілі көлемде отырықшылықпен орныққан егіншілікпен де шұғылданғандығын байқаймыз. Обалардан тағы темір кездік, қанжар қатарлы құралдар да көп

шыққан. Олар қолданған қырғыш, шырақ, балта, қашау, сүргі, ара қатарлы жабдықтар да табылған. Бұлар үйсіндердің кезінде темір құрал жабдықтарын көп мөлшерде қолданғанын байқауға болады. Археологтардың назарын аударған тағы бір жағдай обалардың ағаш ақымының төрт қабырғасына текемет ілінген, жібек, жүн тоқыма кездемелер, алтын, сүйек, қола бұйымдар мен сырлы бұйымдардың сынықтары да бірге көмілген.

Қорымдардың елді мекендермен тығыз байланысы болатыны белгілі, әдетте қорым елді мекендерден онша алыс болмайды. Сондықтан осындай обалармен қатысы болған елді мекендер әсте әдеттегі елді мекен емес үйсіннің астанасы Чигу қаласымен қатысы болған деп айта аламыз.

Қытай археологы Хуан Вэнби «Моңғолкүре, Шапшал аудандарындағы көне обалар» деген мақаласында былай деп хабарлаған: Шаты маңындағы Ақаяз сайының аузынан солтүстікке қарай шамамен 5400 метр жердегі көк жайсандардағы зираттардың екі жағында төбешік бар. Осының ішкі жағына қызыл кірпіш төселген, бұл кірпіштердің кейбіреуі доға пішінді, тағы кейбіреуіне сары жоса жағылған, бұл кірпіштер бір-біріне байлап, матап өртегенін айғақтайды.

Осы келтірілген жазба деректер мен археологиялық материалдарды сараптай келе, Чигу қаласының орны қазіргі Онсу, Үштүрпан аудандарының солтүстігінде Текес өзенінің оңтүстігінде деп тұрақтандыруға болады.

Бұл материалдарға 2006 жылы «Шинжияң халық баспасы» Үрімжі қаласында басып шығарған «Ежелгі Үйсін елі» кітабында келтірілген археологиялық қазба және жазба деректер топтамасынан толық танысуға болады.

Ал, біздің әуесқой таришылар: журналистер, жазушылар тіпті ақындар мен химик, физиктер, экономист, бизнесмендеріміз мұндай жауапкершілік арқалап ғылыми зерттеулерге пысықырып та қарамайтын болып жүр. Бұл тақырыппен көбірек әуестеніп жүргендер тарих пен археология ғылымының қалыптасқан дәстүрлі зерттеу әдіс-тәсілдері мен ұғым-түсініктерін мүлде жоққа шығарғысы келетін өнер шығара бастады. Біздің тарихшы ағайындар көрсе де көргісі келмей ме, әлде өздерінің байламды пікір айтуға дәрмені келмей ме? Әйтеуір, бір жұмбақ үнсіздік жайлап алған сияқты. «Үндемеуді – келісімге» балап үйренген ағайын бара-бара шектен шығып барады.

Қазақ ақыл-ойының, ғылыми ізденісінің жарқын табысы ретінде әлем мойындаған Есік қорғанынан табылған «Алтын адам» жөніндегі археолог ғалым Кемел Ақышевтың зерттеулері, академик Карл Байпаков басқарған Әлкей Марғұлан атындағы археология институты ғалымдарының теориялық-лабораториялық тексеру-зерттеу қорытындылары бұл күнде тәлкекке айнала бастады.

Кешегі Кеңестік тоталитаризм заманында Мәскеу мен Ленинградтың астам державашыл тарихшылары жоққа шығара алмаған «Алтын адамның» ғылым мойындаған жасы б.з.б V-IV ғасыр болса, оның иесі сол дәуірде салтанат құрған сақ-тиграхаудалар патшасының 18-20 жасар ханзадасы деп айқындалған еді.

Жазушы Бексұлтан Нұржекеевтің жазушылық қиялмен шарықтауына түсіністікпен қарауға да болар еді. Ең өкініштісі – жазушы сол «Алтын адамды» Кемел Ақышевпен бірге қазысып, бірге зерттесіп лабораториялық анализдан өткізіскен археолог Бекен Нұрмұхамедовты алдына салып алып, бүкіл бір академияның академиялық зерттеу қорытындысын жоққа шығартуға итермелегендей болғаны еді.

Бұған дейінгі тілші академик Ғ. Мұсабаев бастаған зерттеушілердің таласы – Чигу қаласының орны Ыстықкөл жағасында ма, әлде Кеген жеріндегі Құмтөкей орнында ма дегендер төңірегінде болып келген еді. Қытайға қарасты Текес пен Моңғолкүре туралы олардың ешбірі де сөз қозғаған емес.

Тілші, академик Ғ.Мұсабаев өз көзқарасын орнықтыру үшін Чигу қаласы деп белгіленген Құмтекей-ханқора деген үйіндіні әйгілі Баласағұн қаласымен салыстыра келе «... Ханқора-Шығу-Құмтекей ұзыны – 2200 метр, ені – 1000 метр. Ал, Баласағұнның ұзыны - 630 метр, ені – 400 метр. Сонда, Құмтекей-Шығу Баласағұннан 3 есе үлкен. Осы үлкен қалаға суды

12 км жерден ендігі үш метрдей тоған арқылы әкелген», – деп түйеді (Аққошқаров, 545 б.).

Қазақ жерінде әйгілі Баласағұннан көлемі үш есе үлкен ерте замандық қала болған болса, Қытай мен араб, орыс жиһанкездері мен археологтарының біреуінің назарына ілікпегені таңқалдырады.

Турасын айтар болсақ, бұл тым ұшқары әрі тарихқа сай келмейтін әфсана тақылеттес бұлыңғыр жорамал ғана.

Біз Чигу қаласын оның Кеген маңындағы Ханқора-Құмтекейден іздеу ақылға сыймайды деп отырғанымыз жоқ. Ол мүмкіндікті де жоққа шығармаймыз. Әңгіме тек ешбір дерек-дәйексіз шектен шығуда ғана.

Ал, Чигу қаласын жүздеген километр шалғай шығыс-оңтүстік Алматы түбіндегі Есік қорғаны маңындағы аядай Рахат аулының солтүстік-шығысындағы бейкүнә қырат-қырқаларға қарай сүйрелеудің тым өрескел қателік екендігін айтпай тұра алмаймыз. Оған мынадай қарсы сұрақ қоя отырып өз уәжімізді ұғындырғымыз келеді:

«Бұл үйсіндердің астанасы болуы мүмкін» деген жорамалға келтірген дәлелдеріңіздің тарих пен археология ғылымы талаптарына жауап берері бар ма?

«... Ең әуелі жердің ыңғайы» дейсіздер, сонда ол қандай ыңғай? Ненің ыңғайы? «Екінші, жердің қыртысы, жынысы» дейсіз. Чигу қаласының орны болу үшін жердің қандай қыртысы, қай жынысы таңдап алынғаны жөнінде қандай жазба, қазба деректеріңіз бар? Сондай да қисынсыз қисын болама екен? «Үшінші, төбелердің құрылыс құрылымы еді» дейсізде, қазақ жерінде қанша тау, қанша төбе бар, олардың құрылысы құрылымына қарап ескі қала орнын іздей берсек, не болдық?

Бұл жорамалдың ең сорақысы әрі ең күлкілісі – төртіншісінде. «Төртінші, алтын адамның жерленуі: Патша жерленген жер – астана болу керек, т.б» (Тамырсыз тасқа тіл бітсе).

Бұған не деуге болады? Иә, Есік қорғаны жұртынан алтын адам табылғаны рас, оны әлем біледі. Бірақ әлдеқашан бұлжымастай ғылыми дәлелмен б.з.б. V-IV ғасырда өмір сүрген сақ патшасының қыршын ханзадасына арнап өрнектелген алтын киім екенін қалай, қандай дәлелмен жоққа шығармақ? «Патша жерленген жер – астана болу керек» – дегенді қай тарихтан, көрді екен? Әсіресе, кейінгі кезде Берел мен Батыс Қазақстаннан табылған алтын адамдар жерленген жерде қай патшалықтың, қай астанасы орнаған екен?

Бұл ой-жорамалдардың тарихи шындыққа мүлде сай келмейтіні жөнінде құлаш-құлаш мақала жазуға болар еді. Одан гөрі қолда бар жазба деректердің біреріне ғана назар салып көрелікші.

«Адыңғы Хань шу» және «Соңғы Хань шу» деп аталған екі екі тарихи еңбектің үйсіндер туралы тарауында үйсіндер б.з.б. 177 жылдары Қытай қорғанының батыс шегінде Дұнхуан-Шулен тауы маңында жүргенде елдігінен айырылып, хұндарға бассауғалап барады. Ал, хұн билеушісі Лаушань шаньюй билік құрған (б.ж.с.д. 174-161 ж.ж.) жылдардың соңғы кезінде – Елжау күнбидің 17-18 жасында хұндар «Әкесінің елін күнбиге берді; қайтарып берді» (Ван Бингхуа, 137-138 б.) деп жазылған.

Елжау күнби әкесінің елін бастап хұндардың батыс шекарасын мәңгі қорғауға аттандырғанынан есептегенде, Іле, Ыстықкөл аумағына келіп орныққанға дейінгі 20-30 жылдық уақыт бар. 2000 километр қашықтан көше жылжып, жолшыбай кіші бектіктер мен соғыса жүріп, ақыры Іле, Ыстықкөлге орнығып қалған ұлы юэчжилер мен нүүүкістердің және сақтардың қалдығын өзіне бағындыру жолында бастан кешкен ауыр күндер Елжау күнби басқарған үйсін елінің жауынгерлік қуатын арттыруға түрткі болса, болған шығар. Шулен тауынан басталған 100000 адамдық үйсін көші Ілеге келіп орныққанда б.з.б. 43 жылдары «түтін саны 120 мың, жан саны 630 мың, сайлауыт әскері 188800...батыс өңірдегі ең ірі елге» (Ван Бингхуа, 109-110 б.) айналғаны тарихи шындық. Ал, қоныс аударудың алғашқы жылдарында небәрі бірнеше он мың ғана әскері бар шағын ел болғаны да сонда жазылған.

Әйтсе де, үйсіндер Іле өңірі мен Ыстықкөлге орнығып, қанша болып-толғанымен Есік қорғанынан табылған ғажайып алтын киімдей зергерлік, өнердің дүр жауһарын тудыра алатын жоғары мәдениетке қол жеткізе қойды ма екен. Оның үстіне Елжау күнбидің б.з.б. 104 жылы өлгенін де назардан тыс қалдыруға болмайды. Қытай тарихшыларының зерттеулеріне

қарағанда «Чигу қаласының сорабы біздің заманымыздан бұрынғы II ғасырдың соңында, I ғасырдың басында б.з.б. 106-104 жылдары пайда болған. Ал, б.з.б. I ғасырдың орта шенінде ол белгілі көлем алған» (Ван Бингхуа, 109-110 б.).

Олай болса, Бексұлтан Нұржекеев межелеген Рахат ауылындағы Чыгуде салтанатпен жерленді делінген бекзаданың (б.з.б. Елжау күнбидің 118 жылы өлген тұңғыш ұлы) алтын киімі қашан, қай қалада, кімдердің қолымен жасалған болады? Оның үстіне б.з.б. V-IV ғасыр мен б.з.б. алдындағы II ғасырдың соңғы ширегі арасындағы үш ғасырдай алшақтықты қандай сиқырлы дұғаның күшімен қиюластырсақ екен?

Қорытынды. Осыған дейін «Қызыл аңғар» қаласы жөнінде әр дәуірде, әр ел тарихшылары, жиһанкез саяхатшылары жазып кеткен алуан түрлі жазбаларды тәптіштей қарастырғанымызда, олардың барлығы дерлік сырттай, алғашқы әсерлеріне негізделіп жазған жорамалдар екеніне көзіміз жетті. Сондықтан академиялық тарих ғылымы ескі заманнан бізге жеткен жерасты, жер үсті жәдігерлері қала, бекініс, оба, омахаларға қазба жұмысын жүргізген археологтар мен этнограф, этнологтардың материалдық-заттық айғақтарына және сол айғақтар бойынша жасаған сараптамалары мен лабораториялық анықтамаларына ғана назар аударып, өз ой-тұжырымдарымызды жасай аламыз. Мұнда «дейді екенге» орын жоқ.

Сондықтан «Шы-гу – Қызыл аңғар» қала-бекінісіне ұзақ жылдар бойы археологтар жүргізген нақты материалдық әрі мәдени жәдігерлер айғақтаған Қытайға қарасты Текес, Шаты аңғары мен Тоғызтарау, Күнес, Қас аудандары аймағынан табылған жүздеген зәулім обалардың үйсіндер қолымен, үйсін хандығы ақсүйектері орнатылған тарихи ескерткіш екеніне кәміл сенеміз. Ол ескерткіштердің мән жайы, қарапайым арифметикалық есептер бойынша тиянақталғанына көз жетеді. Біздің бұл түйінді көздерімізге күмәнданып, өз дәлел-дәйектерін келтіретін болса, мархабат.

Ата тарихты білгісі, зерделегісі келетін үлкен-кіші ағайындарға айтарымыз, ақиқаттың алтын таразысы да, сиқырлы кілті де қолымызда жоқ. Алайда ата тарихымыздың тереңіне бойлауға көмектесетін тарихи дерек көздері ежелгі қытай, араб, парсы, моңғол, орыс, еуропа елдері тілдеріндегі жазбаларда молынан кездеседі. Біз тәуелсіз Қазақ мемлекетінің тәуелсіз перзентіміз. Кімнің не айтуына ешкім де шек қоя алмайды. Өнер мен ғылымның әртүрлі мектебі мен стилін дамыту және талқылау еркіндігіне жағдай жасалған азат қоғамда өмір сүріп отырмыз. Бірақ ешкімнің ақиқаттан аттап кетуіне, әдептен озып, ғылымды анархиялық ауа жайылулар тәлкегіне тастап қарап отыруға да болмас.

Жетісу, Ыстықкөл, Талас-Тараз өңірі – тұнып тұрған тарих қоймасы. Бірақ оның асылдары жеті қат жер астында жатқанын ескерелік. Оның ғұмыр жасы мың-мың жылдармен есептеледі. Сондықтан тарих қойнауына белді шешіп, үңги, сұғына кіруге тәуекел етейік. Ескі қаланың жел көтерген бірен-саран қоқым-соқымдарын ғана малданып, қызыл кеңірдек болмай-ақ қоялық. Әсіресе, көзімізге ерекше көрінген төбелер мен салмау тұмсықтарға, жон жоталарға аңғал әуестікпен сұқтана бергенді қоя тұралық. Салихалы тарих, бізден салдарлы, тиянақты әрі ақылға қонымды ғылыми ізденістерді күтіп тұрғанын ұмытпайық.

Әдебиеттер

- Аққошқаров, 1997 — Аққошқаров Е. Қазақ тарихынан. Алматы: Жалын, 1997. 542 б.
 Боғра, 1987 — Боғра М. Шығыс Түркістан тарихы (Шарки Түркістан тарихы). Анкара: Такламакан, 1987. 468 б.
 Жанболатов, 2002 — Жанболатов С. Елжау Күнби. Үрімжі, 2002. 119 б.
 Кәрібаев, б.ж. — Кәрібаев Б. Қазақтың дәстүрлі архитектурасы және құрылыс өнері. Компьютерлік нұсқасы. Б. 105–106.
 Корольков, 1890 — Корольков Б.Я. Предания иссык-кульских киргиз о разлившемся озере // Восточное обозрение. 1890. № ... С. 11.

Мокрынин, 2010 — Мокрынин В.П., Плоских В.М. Археология и история Кыргызстана. Избранное / Ред.-сост. В.А. Воропаева. Бишкек: Илим, 2010. 300 с., илл.

Мұқаметханұлы, 2010 — Нәбижан Мұқаметханұлы. Тараз қаласының салынуы // Қазақ тарихының өзекті мәселелері. Павлодар: Brand Print, 2010. Б. 121–127.

- Өгел, 1998 — Өгел Б. Ұлы Хүн империясының тарихы. Екінші кітап / ауд. Ә. Дәулетханов. Алматы: ХАНТ, 1998. 136 б.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1946 — Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Москва, 1946. 180 с.
- Тараз-2000, 2002 — Тараз-2000. Көне және қазіргі Тараз: тарихы және әлеуметтік-экономикалық дамуының болашағы. Тараз қаласының 2000 жылдығына арналған республикалық ғылыми-практикалық конференция материалдары (4–5 сәуір, 2002). Тараз, 2002.
- Түркістан, 2005 — Тамырсыз тасқа тіл бітсе // Түркістан газеті. 2005. №25 (571). 23 маусым.
- Уәлиханов, 1985 — Уәлиханов Ш.Ш. Таңдамалы. Алматы: Жазушы, 1985. 458 б.
- 王明哲, 王炳华, 1983 — 王明哲, 王炳华. 乌孙研究. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 1983. 204 页.
- 班固, 1997 — 班固. 汉书. 卷七十. 北京: 中华书局, 1997. 4273 页.
- 班固, 1997 — 班固. 汉书. 卷七十. 北京: 中华书局, 1997. 767 页.
- 苏北海, 1984 — 苏北海. 汉代乌孙居地考 // 中华文史论丛. 1984. №4.

References

- Aqqoshqarov, 1997 — Aqqoshqarov E. Qazaq tarikhynan. Almaty: Zhalyyn, 1997. 542 p. (In Kaz.)
- Ban Gu, 1997 — Ban Gu. Han shu. Beijing: Zhonghua shuju, 1997. 4273 p. (In Chin.)
- Ban Gu, 1997 — Ban Gu. Hanshu. Beijing: Zhonghua shuju, 1997. 767 p. (In Chin.)
- Boğra, 1987 — Boğra M. Shygys Turkistan tarikhly (Sharki Turkistan tarikhly). Ankara: Taklamakan, 1987. 468 p. (In Kaz.)
- Karibaev, n.d. — Karibaev B. Qazaqtyn dasturli arkhitekturasy zhane qurylis oneri. Kompyuterlik nusqa. Pp. 105–106. (In Kaz.)
- Korol'kov, 1890 — Korol'kov B.Ya. Predaniya issyk-kul'skikh kirgiz o razlivshemsya ozere // Vostochnoe obozrenie. 1890. No. ... P. 11. (In Russ.)
- Mokrynin, 2010 — Mokrynin V.P., Ploskikh V.M. Arkheologiya i istoriya Kyrgyzstana. Izbrannoe / Red.-sost. V.A. Voropaeva. Bishkek: Ilim, 2010. 300 p., ill. (In Russ.)
- Mukhametkhanuly, 2010 — Nabizhan Mukhametkhanuly. Taraz qalasinyn salynuy // Qazaq tarikhynyn ozekti maseleleri. Pavlodar: Brand Print, 2010. Pp. 121–127. (312 p.). (In Kaz.)
- Ogel, 1998 — Ogel B. Uly Hun imperiyasynyn tarikhly. Ekinshi kitap / transl. from Turk. by A. Daulethanov. Almaty: Khant, 1998. 136 p. (In Kaz.)
- Semenov-Tian-Shanskii, 1946 — Semenov-Tian-Shanskii P.P. Puteshestvie v Tian'-Shan' v 1856–1857 gg. Moscow, 1946. 180 p. (In Russ.)
- Su, 1984 — Su Beihai. Handai Wusun jidi kao // Zhonghua wenshi luncong. 1984. No. 4. (In Chin.)
- Taraz-2000, 2002 — Taraz-2000. Kone zhane qazirgi Taraz: tarikhly zhane aleumettik-ekonomikalyq damudyn bolashagy. Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashch. 2000-letiyu Taraza (Taraz, 4–5 apreliya 2002). Taraz, 2002. (In Kaz.)
- Turkistan, 2005 — Tamyrsyz tasqa til bitse // Turkistan gazeti. 2005. No. 25 (571). 23 mausym. (In Kaz.)
- Ualikhanov, 1985 — Ualikhanov Sh.Sh. Tandamaly. Almaty: Zhazushy, 1985. 458 p. (In Kaz.)
- Wang, 1983 — Wang Mingzhe, Wang Binghua. Wusun yanjiu. Wulumuqi: Xinjiang renmin chubanshe, 1983. 204 p. (In Chin.)
- Wang, 1989 — Wang Binghua, Wang Mingzhe. Uysin turaly zertteu / transl. into Kazakh by N. Mukhametkhanuly. Urumqi: Shinjian khalyk baspasy, 1989. 460 p. (In Kaz.)
- Zhanbolatov, 2002 — Zhanbolatov S. Elzhau Kunbi. Urumqi, 2002. 119 p. (In Kaz.)

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 165-173, 2025
Journal homepage: <https://sjcascourier.com/>

FTAXP / МРПТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_165-173

POPPY CULTURE IN SEMIRECHYE AT THE END OF THE 19TH - BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Zhengis Edige Zhomartuly¹

¹Institute of History of Kazakhstan and Central Asia

Astana, Republic of Kazakhstan

Master of History, Junior Research Fellow

 <https://orcid.org/0009-0008-7718-5417>. E-mail: Jj.edddy.98@gmail.com

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025

© Zhengis E.Zh., 2025

Abstract. The article describes how the tsarist government decided to establish poppy cultivation and opium production in Zhetysu in the second half of the 19th and early 20th centuries. In the 1870s, the mass migration of Uyghurs and Dungans from western China to Kazakh lands with the consent of the Russian Empire led to the emergence of opium plantations in the Zhetysu region, and drug production began to develop rapidly in this region. Based on information from a Russian official close to this process, the author describes how the Zhetysu region became a center for poppy cultivation and opium production in the tsarist era.

Keywords: Zhetysu, opium, poppy cultivation, Qing Empire, Uyghurs, Dungans, Russian Empire, migration, drug production

For citation: Zhengis E.Zh. Poppy culture in Semirechye at the end of the 19th – beginning of the 20th century // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 165-173. (In Kaz.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_165-173

XIX ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ - 20 ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ЖЕТІСУДАҒЫ КӨКНАР ЕГІНШІЛІГІ

Жеңіс Едіге Жомартұлы¹

¹Қазақстан мен Орталық Азия тарихын зерттеу институты

Астана, Қазақстан

Тарих магистрі, кіші ғылыми қызметкері

 <https://orcid.org/0009-0008-7718-5417>. E-mail: Jj.edddy.98@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада XIX ғ. екінші жартысы мен XX ғ. басында Жетісу жерінде патша үкіметінің шешімімен көкнар өсімдігін егіп, одан апиын өндіру ісінің қалай жолға қойылғандығы туралы жазылады. 1870 жылдары Қытайдың батыс аймақтарынан Ресей империясының келісімімен ұйғыр және дүнгендердің қазақ жеріне жаппай қоныс аударуы Жетісу өңірінде апиын екпелерінің пайда болуына әкеліп, осы өңірде есірткі егу қарқынды дами бастады. Автор осы процестің басы-қасында жүрген орыс чиновнигінің мәліметтерінің негізінде Жетісу өңірінің патша билігі кезінде қалай көкнар егу және апиын өндіру орталығына айналғандығын сипаттайды.

Түйін сөздер: Жетісу, апиын, көкнәр өсіру, Цин империясы, ұйғырлар, дүнгендер, Ресей империясы, коньыс аудару, есірткі өндірісі

Дәйексөз үшін: Жеңіс Е.Ж. XIX ғасырдың соңы - 20 ғасырдың басындағы Жетісудағы көкнәр егіншілігі // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 165-173 бб. (Қазақш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_165-173

КУЛЬТУРА МАКА В СЕМИРЕЧЬЕ В КОНЦЕ XIX - В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Женис Едиге Жомартұлы¹

¹ Института изучения истории Казахстана и Центральной Азии
Астана, Казахстан

Магистр истории, младший научный сотрудник

 <https://orcid.org/0009-0008-7718-5417>. E-mail: Jj.edddy.98@gmail.com

Аннотация. В статье описывается, как царское правительство приняло решение о выращивании мака и производстве опиума в Жетысу во второй половине XIX – начале XX века. В 1870-х годах массовое переселение уйгуров и дунган из западных районов Китая на казахские земли с согласия Российской империи привело к появлению в Жетысуском регионе плантаций опиума, и в этом регионе стало быстро развиваться наркопроизводство. Основываясь на информации российского чиновника, близкого к этому процессу, автор описывает, как Жетысуский регион стал центром выращивания мака и производства опиума в царскую эпоху.

Ключевые слова: Семиречье, опиум, выращивание мака, Цинская империя, уйгуры, дунгане, Российская империя, переселение, производство наркотиков

Для цитирования: Женис Е.Ж. Культура мака в Семиречье в конце XIX - в начале XX века // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 165-173. (На Каз.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_165-173

Кіріспе. Орталық Азияда, Жетісу өңірінде апиын өндіру және оны Қытайға контрабандалық жолмен тарату тарихы XVIII-XIX ғасырлар тоғысында британдық сауда компанияларының Қытайды апиынмен толтырған кезде басталды.

Қытай императоры Даогуан 1830 жылдардың ортасынан бастап провинцияларға апиын әкелуге және шегуге тыйым салу қажеттігі туралы хабарламалар жібереді. 1838 жылы желтоқсанда Гуандунға тағайындалған император өкілі Лин Цзэсюя Қытайда есірткінің таралуын тоқтату туралы империялық заңды орындауға кіріседі. 1839 жылы наурызда ол британдық көпестерден 20 000 жәшік апиынды тәркілеп, оларды жоюды бұйырды. Ұлыбритания мен Қытай арасындағы қарым-қатынастардың одан әрі шиеленісуі «бірінші апиын соғысы» деп аталатын соғыстың басталуына әкелді. Бұл соғыстың негізгі мақсаты британдық тауарлардың Қытай нарығына еркін енуіне қол жеткізу еді (Абдурахманов, 2007:63).

Соғыстан кейінгі бітім шартына қол қойылғаннан кейін Қытайға қысым Ұлыбритания, Франция және АҚШ тарапынан қайта жалғасты. Қытайлардың «Аггров» контрабанда кемесін тұтқынға алуы Ұлыбританияның 1856 жылдың аяғында «екінші апиын соғысын» жариялауына себеп болды.

Батыстың Қытайға апиын тарату жолындағы әрекеттерінің нәтижесінде XX ғасырдың алғашқы онжылдықтарында Қытайдағы нашақорлардың саны артып, оның шекараларында есірткі контрабандасы мемлекеттің тұрақтылығына ғана емес, оның болашағына да қауіп төндіретін қатерлі құбылысқа айналды (Абдурахманов, 2007:68).

Осы кезде, 1871 жылдан 1881 жылға дейін генерал Герасим Колпаковский қолбасшылығымен болған әскери операциясының нәтижесінде басып алынған тынышсыз Іле аймағы Ресей империясының құрамына кірді.

1870 жылдары Аспан асты империясының батыс аймақтарынан Ресей империясының құрамындағы Қазақ жеріне ұйғыр және дүнген шаруаларының жаппай қоныс аударуы Жетісу өңірінде көкнар егу мен апиын өндірісінің пайда болуына әкеліп, аймақ әлемдік есірткі саудасының орталықтарының біріне айналды. Апиын өсіру мәдениеті бізге Жетісуға Қытайдың осы батыс өңірлерінен ішкі қоныс аударғандар – ұйғырлар мен дүнгендермен бірге келді. Құлжа аймағын тастап, он жыл бойы (1871-1881 жж.) басып алған орыс әскерлеріне ілеспек болғандар. Бұл мүмкіндік Санкт-Петербург келісімінде талқыланды.

Эмигранттар өздерімен бірге апиын өсіру мәдениетін ала келді. Қазіргі Алматы облысы мен Ыстықкөл өңірінің етегіне қоныстанған Ресей империясының жаңа азаматтары ынта-жігермен өсіп, пайда болған апиынды өздерінің этникалық отандарына апарып тарата бастады.

19 ғасырдың аяғындағы статистикалық жинақтарда Шыңжаңнан қоныс аударушылар қоныстанған уездер мен болыстарда көкнар мен қарасора егістерінің пайда болуы, содан кейін көбейгені жазылған. «Олар апиын дақылының мәдениетін білген және оны өсірудегі алғашқы тәжірибелер Александровский (Пішпек) округінің Тоқмақ және Қарақоңыз ауылдары аймағында жүргізілген. Кейіннен Жәркент пен Тоқмақтан апиын дақылдары көршілес Пржевальск (Қаракөл) уезіне тарайды. Жетісудың темір жолдан шалғай орналасуына, инфрақұрылым мен көліктің жоқтығына байланысты басқа табыс көзі жоқ жергілікті халық апиын өсіруден тұратын, заңсыз болса да қарқынды шаруашылық түріне көшуге мәжбүр болды. – дейді тарихшы Т. Шеметова (Шеметова, 2015:108).

Зерттелуі. Ұсынылып отырған мақаланың негізгі деректік базасы Жетісу өңіріндегі есірткі өндірісінің тікелей куәгері болған Э. И. Свирловскийдің «Культура мака и добывание опия в Семиречье: (Отчет о командировке в Семиречье)» атты еңбегі. Бұл еңбекте автор Жетісу өңірінде көкнар егу мен апиын өндірудің ерекшеліктері, ондағы Қытайдан қоныс аударған ұйғыр-дүнген шаруаларының орыны, патша үкіметінің осы саладағы қолдауы мен ұйымдастыру шаралары туралы тәптіштеп жазады (Свирловский, 1917:12).

Сонымен бірге, М.М. Венюковтың 1868 жылы жарық көрген «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них» атты еңбегінде Жетісу өңіріндегі апиын өндірісінің дамуы халықаралық саясатпен байланысы сипатталады. Ол, XIX-XX ғ.ғ. әлемдегі есірткі өндірісі мен айналымы мәселесін талқылағанда, көбінесе, британдықтардың бұл мәселеде таза экономикалық мүддені көздегеніне баса назар аударады. Бұл көзқарасты орыс саяхатшысы және әскери географы Михаил Венюков теріске шығарып, XIX ғасырдың 70-ші жылдарында есірткі таратуда Ұлыбританияның аймаққа ықпал етуде стратегиялық мақсатты көздегенін атап өтті. М. Венюков: «Британия апиынды, қытай халқын физиологиялық тұрғыдан тоздырып, сол арқылы оны қауіпті саяси және сауда қарсылас ретінде әлсірету мақсатында Қытайға әдейі енгізген» (Венюков, 1873:235) деп жазды.

Ағылшындар бір жағынан зеңбірекпен күзетілген есірткі саудасынан орасан зор пайда тапса, екінші жағынан феодалдық Қытайдың демографиялық және экономикалық қуатын әлсіретіп жіберді. Ондағы есірткі процестері көршілес елдерге де әсер етті.

Соңғы кездері Жетісудағы апиын өндірісінің тарихы туралы біршама зерттеулер жарияланды. Осындай зерттеулердің авторы Б. Ф. Калачев өзінің «Основные этапы историографии борьбы органов внутренних дел с незаконным оборотом наркотиков в России» атты еңбегінде сол тарихи оқиғалардың көптеген куәгерлері сол кездегі Ресейдің де есірткі саудасына назар аударып, апиынды «Бұхара мен Түркістандағы мұсылмандарға әсер етуші» факторлардың бірі ретінде қарастырады (Калачев, 1998:61).

Бұдан өзге, Н. Пианчоланың «Маки для большевиков: опиум на туркестанско-синьцзянском приграничье в 1919-1929 годах» атты мақаласы большевиктер билігінің бастапқы кезеңіндегі экономикалық мәселелерді шешу үшін пайдаланған ЖЭС бір саласы ретінде сипаттап, оны Сталин билікке келген соң ЖЭС тосқауыл қойған соң оның да жойылуымен дәлелдейді (Пианчола, 2022:149).

Т.А. Шеметованың «О влиянии опиумного вопроса на российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1920-е гг.» атты мақаласы бар.

Сонымен, Жетісу өңіріндегі апиын өндірісіне қатысты осы зерттеулерді талдау жасағанда, XIX-XX ғ.ғ. осы аймақтағы апиын өндірісінің жандануына негізгі үш факторды себеп ретінде қарастырады:

1. Жетісудағы апиын өндірісін Қытайдан ұйғыр және дүнген ұлттарының Ресей империясына қоныс аударуымен байланыстыруы;
2. Жетісудағы апиын өндірісіне ықпал еткен негізгі фактор ретінде, апиын саудасын алдымен патша үкіметінің, кейін большевиктердің қаржы көзі ретінде қарастыруы;
3. Ресейдің Жетісудағы апиын өндірісін АҚШ және Ұлыбритания сияқты экономикалық қажеттіліктен емес, медициналық мақсаттан туындаған үрдіс ретінде қарастыру.

Ұсынып отырған мақалада, осы аталған факторлармен қоса, Қытайдағы мүдделі топтардың да Жетісу өңіріндегі апиын өндірісіне ықпалы болғандығы сипатталады.

Материалдар мен әдістер. XIX-XX ғ.ғ. Жетісу жеріндегі апиын өндірісіне қатысты тарихи оқиғалардың тікелей куәгерлері ғана емес, негізгі қатысушылары болып табылатын орыс шенеуніктерінің еңбектерін талдап, Жетісу өңірінде көкнар егіншілігі мен апиын өндірісінің қалай жолға қойылғандығын жан-жақты талқыланған ғылыми материалдарын объективті негізде зерттеу, еңбегімнің негізгі міндеттері болып табылады.

Мақаланың ғылыми ұстанымдарға бағына отырып, теориялық-методологиялық негізі ретінде саяси-әлеуметтік және тарихи ғылымдарының деректану саласындағы сыннан өткен салыстырмалы талдау әдісі және ғылымда соңғы жылдары орныға бастаған жаңа көзқарас басшылыққа алынды.

Қорыта айтқанда, тарихи және демографиялық детерминизм, саяси, әлеуметтік, экономикалық және тарихи құбылыстарды бағалау сияқты ғылыми философиялық тарихи зерттеу әдістерді кешенді түрде қолданылды. Жаңа бағыттағы ғылыми ой-пікірлер мен жүйелі құрылымдық тұжырымдар, жаңа саяси көзқарастар тұрғысынан жазылған зерттеулер анықталып талданды.

Нәтижелер. Жоғарыда айтып кеткеніміздей, 20 ғасырдың басында көршілес Қытай аумағында апиынға деген қажеттілік артты. Бұған 1911 жылы болған Синхай революциясы ықпал етті, ол Қытайдағы маньчжур әулеті мен империялық билікті тоқтатып, жаңадан құрылған республиканы ұзақ уақыт бытыраңқылық пен мәңгілік кезеңге батырды. Бұл өз кезегінде, Қытай халқының апиынға сұранысын сырт елдерден түсетін апиын есебінен қанағаттандыруына және шекаралық аймақтарда контрабандашылардың әрекеттерінің белсенділігіне алып келді.

Ресей империясының билігі анда-санда астыртын саудагерлерді ұстап алып, бағалы жүк жөнелтілімдерін тәркілеп, жойып отырған. Мысалы, 1915 жылы Заукинский застапасында шекарашылар белгілі бір Тоқта Шәмшитдиновтен Қытайға арналған құны 1548 рубль болатын тоғыз фунт апиын тәркіледі. Кейде шекарашылар мен жақсы қаруланған есірткі саудагерлері арасында тұтас шайқас орын алды. Бір қызығы, есірткі ағыны басқа жақтан ағып жатыр, бірақ Орталық Азияда есірткі деп саналмайтын «жұмсақ» препараттар, мысалы, анашалар қолданыста қала берді.

Соңында Ресей билігінің шыдамы таусылып, дәрі-дәрмекке қажетті шикізатты Түркиядан сатып алуды жөн көріп, апиын көкнар өсіруге мүлдем тыйым салды.

Бұл бірінші империалистік соғысқа дейін, өндіріс майданның арғы жағында болғанға дейін болды. Өткір дәрілік аштық жаралыларды ауырсынып, билікті үйде, негізінен Жетісуда өсіретін көкнардың жоғары фармацевтикалық қасиеттерін есте сақтауға мәжбүр етті (Жетісу апиынының «морфтық құрамы» ауған апиынынынан екі есе дерлік жоғары болды).

1916 жылы орыс әскерінің санитарлық-эвакуациялық бөлімшесінің бастығы Александр Ольденбургский Жетісуға көкнарды қайтадан егу туралы бұйрық берді. Заңды түрде. Сол жылы облыстың Пржевальский және Жаркент аудандарында 7188 гектар (7800 гектардан астам) жерде күлгін гүлдер көктеп шықты.

Дикандар үкіметтің бұл бастамасын зор ықыласпен қабылдады. Жетісудағы апиын бизнесінің шарықтау шегі 1916 жылы облыста 1398 пұт апиын шикізаты жиналды. Дереккөз «апиын ұйымы кедей жергілікті халықтың әл-ауқатына айтарлықтай әсер етті» деп мәлімдеді (Венюков, 1868: 98).

Дайын өнімді негізгі қабылдау пункті мен қоймасы Пржевальск қаласында орналасты. «Жоғары маусымда» кей күндері мұнда жеткізушілерден 80 пұтқа дейін шикізат қабылданып, 50 мың рубль көлемінде орасан ақша төленген. Барлығы бір жылдың ішінде мұндағы өндірушілер жарты миллионнан астам ақша алды.

Ақпан төңкерісінен кейін Ресейде үлкен қиыншылықтар басталғанда Жетісу апиынмен бірге барлық заңды нарықтардан ажыратылды. Қоймаларда сақталатын апиынның мөлшері «апиын ақшасы» - 40 миллион рубльге бағаланған апиынға кепілдік ретінде берілген Вернен рубльдері арқылы көркем түрде көрсетілген. Бұл өте таза емес ақша облыста 1919 жылға дейін айналыста болды.

1889 жылы Шыңжаңға келген Г.Е. Грум-Гржимайлоның ірі еңбегінің сипатты жолдары мынада: «Бұл елдің әлі күнге дейін мақтана алатын жалғыз нәрсе – апиынның ең жоғары сорттарын өндіру... Жоңғарда тіпті кішкентай балалар да. апиын түтіні қорқынышты» (Венюков, 1898: 94).

Бұл көпшілікке белгілі фактілер. Қытайда сатылатын апиынның Ресей аумағында да өндірілгені әлдеқайда аз белгілі. Бұл апиынды қытайлық есірткі сатушылар жасаған, содан кейін олар Бастапқыда ресей емес, қытай екті. Содан кейін пайдасын көріп Рәсей қолға алды. Ол Түркістандағы Ресей билігінің апиын өсіруді қолдамағанын атап көрсетеді.

«Сондықтан бұл мәселеде Қытай көпестері бастама көтерді. Жыл сайын көктемде олар апиын дақылдарының саны бойынша Ресеймен шекаралас аймақ тұрғындарымен келіссөздер жүргізе бастады, ал күзде олар дайын өнімді Қытайға апарады. Апиын өсіруге рұқсат алу үшін Ресеймен шекаралас аймақтың тұрғындары дивидендтерін алды. Міне, осылайша «макоза тігу» тәжірибесі дамып, кең тарады, ол Қытай үкіметі арасындағы алдымен патшалық, содан кейін Кеңестік Ресей билігімен бірнеше рет қақтығыстардың негізгі себептерінің біріне айналды», - деп атап өтті Шеметова (Шеметова, 2015: 110).

«Анау 1878 жылы мамандар Түркістан өлкесінің әкімшілігіне азиялық мұсылмандар арасында есірткіге қарсы күресте жергілікті билік шешуші шаралар қолданбаса, Ресейдің еуропалық бөлігіне нашақорлықтың таралуы мүмкін екенін ескерткен. Бұл мәселені екі жыл бойы арнайы зерттеген арнайы тапсырмалар жөніндегі шенеунік П.Григорьев былай деп түйіндеді: иә, мәселе бар, бірақ оны шешу кейінгі ұрпақтардың ісі, және «бұл болашақ, сірә, жақын арада келе қоймас. ...» деп жазады Ресейдегі психоактивті заттардың тарихын зерттеуші профессор Борис Калачев (Калачев, 1998: 73).

Апиын өндірушілер қазақтар мен қырғыздарды өз плантацияларына жұмысқа алды. Ал қазақтар да, қырғыздар да көшпелі халықтардың өкілдері болғандықтан, тасымалдаушы рөлін атқара бастады. 19 ғасырдың аяғында Еуропалық Ресейді Орталық Азия мен Қиыр Шығыспен байланыстырған темір жолдардың салынуы империя ішінде пайда болған есірткі бизнесі үшін де тиімді болып шықты. Бұдан былай контрабандалық апиын жүктері тек ат көлігімен ғана емес, сонымен қатар темір жол арқылы – Закавказьеге, Ресейдің оңтүстік және батыс аймақтарына, басқа да Еуропа елдеріне тасымалдана бастады. Сол кезде «сары қауіп» теориялары сәнге айналды: варварлық Азия өркениетті Еуропаға шабуыл жасап, оны бағындыру үшін қолайлы уақытты күтіп тұрды. Осылайша, этнограф, журналист Илья Левитов ХХ ғасырдың басында: «Есірткінің біздің елде тез таралуынан мен Азияның бүкіл Еуропаға жақындап келе жатқан ықпалының белгілерін ғана көріп отырмын. Ресей Азия мен Еуропаның арасындағы форпост ретінде тұрып, барлық басқа еуропалық халықтар үшін буфер ретінде қызмет етіп жатқандықтан, азиялық шабуылды бәрінен де күштірек және ертерек сезінуі керек, біз қазір есірткінің біздің елде тез таралуынан байқаймыз. ел. Есірткі – Ресейдегі сары нәсілдің бірінші авангарды» (Левитов, 1909:120).

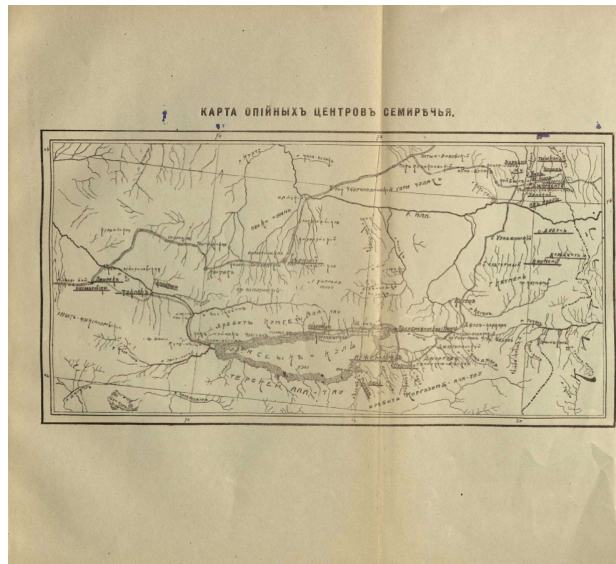
Жетісу мен Ыстықкөлде көкнар егумен дүнгендер мен ұйғырлар айналысқанмен, оны қытай шекарасынан өткізіп, жөнелтумен қырғыздар мен қазақтар айналысты. Бұған олардың

жергілікті табиғи жағдай мен шекарадан жасырын өтетін жерлерден хабары болғандығы көп көмектесті.

Жалпы, XIX-XX ғ.ғ. әлемдегі есірткі өндірісі мен айналымы мәселесін талқылағанда, көбінесе, британдықтардың бұл мәселеде таза экономикалық мүддені көздегеніне баса назар аударады. Бұл көзқарасты орыс саяхатшысы және әскери географы Михаил Венюков теріске шығарып, XIX ғасырдың 70-ші жылдарында есірткі таратуда Ұлыбританияның аймаққа ықпал етуде стратегиялық мақсатты көздегенін атап өтті. М. Венюков: «Британия апиынды, қытай халқын физиологиялық тұрғыдан тоздырып, сол арқылы оны қауіпті саяси және сауда қарсылас ретінде әлсірету мақсатында Қытайға әдейі енгізген» (Венюков, 1868:253) деп жазды.

Ағылшындар бір жағынан зеңбірекпен күзетілген есірткі саудасынан орасан зор пайда тапса, екінші жағынан феодалдық Қытайдың демографиялық және экономикалық қуатын әлсіретіп жіберді. Ондағы есірткі процестері көршілес елдерге де әсер етті.

Дәлелдеу. Бастапқы кезеңде халықтың арасында апиын шегудің таралуынан қауіптенген патша үкіметі Жетісуда апиын өндіру мақсатында көкнәр өсіруге тыйым салды. Дегенмен, ауыл шаруашылығының бұл саласы заңды тұрғыда ашық түрде өркендемесе де, осындай тиымдарға қарамастан соңғы кезге дейін елде жасырын түрде өндірілді.

Сурет 1 – Жетісудағы апиын өндіру орталықтары
[Figure 1 – Centers of opium production in Zhetysu]

Жетісуда өндірілген апиын жасырын түрде Қытайға жөнелтіліп, патша шекарашылары мен кеденшілері тарапынан шекарадан жиі тәркілеуге ұшырайтын. Тәркіленген апиын, тіпті, фармацевтикалық мақсатта да пайдаланылмай, көбінесе жария түрде өртелетін.

Бірінші дүниежүзілік соғысқа дейін де, соғыс кезінде де Ресей империясына импортталатын дәрі-дәрмектердің ішінде өзінің емдік құндылығы, бағасының жоғарылығы және тапшылығы тұрғысында бірінші орындардың бірін апиын алатын.

1916 жылы бірінші дүниежүзілік соғыс майдандарында соғысып жатқан орыс әскерінің дәрі-дәрмекке деген қажеттілігін ескерген патша билігі Жетісуда апиын дақылын өсіруге рұқсат берді. Апиынның арнайы зертханаларға жеткізілу тарихы Орта Азиядағы 1916 жылғы көтерілістердің басталуымен тұспа-тұс келді. Осы кездегі Үкіметке тапсырылған апиын мөлшері 7188 гектардан 1350 фунт өнім алынып (22 тонна), соғыс қарсаңында Түркиядан сатып алынған апиын мөлшерінен 30 пайызға артық болып шықты. Дегенмен, сол кездегі деректерге сәйкес осы өндірілген есірткінің одан да көп бөлігі контрабандашылар арқылы Қытай асып, тіпті, Ресейден Қытайға қашқан адамдар үшін апиын шекара қызметкерлеріне беретін параның бір түріне айналды.

Әскерді және халықты дәрі-дәрмекпен қамтамасыз етуде Санитарлық-эвакуация бөлімінің бастығы және Жоғары мәртебелі Император ханзада Александр Петрович Ольденбургский үстіміздегі жылдың басында Жетісуда апиын егуді ұйымдастыруды бұйырған болатын. Ұлы Мәртебелінің бұйырығын іске асыру Ауыл шаруашылығы Департаменті директорының орынбасары А.И.Шахназаровқа жүктелген болатын. Дәрілік мақсатта көкнәр өсіру туралы үндеуге жергілікті халық та, орыс халқы да елең етіп, бұйрықты іске асыруға кірісіп кетті. Нәтижесінде, өткен жылы Пржевальск ауданында 5 мың гектардан астам, Пішпекте 200 гектардай, Жаркентте 500 гектардан астам жерге көкнәр егілді. (Свирловский, 1917: 12)

Күн сәулесінің молдығы, құнарлы топырақ пен арзан жұмыс күші, бұл саладағы Түркістандағы мақта егіншілігіндегідей бәсекелестердің болмауы көкнәр егуді табысты кәсіпке айналдырды. Қолайлы климаттық және топырақ жағдайларына қарамастан, Жетісу апиыны соңғы уақытқа дейін фармацевтикалық нарыққа лайық емес сапасыз өнім ретінде бағаланып келді. Тәркіленген апиынға жүргізілген талдау шынында да өнімнің сапасының шамалы екендігін көрсетті. Сонымен қатар, қазіргі әдебиеттерде отандық апиынның қасиеттері туралы нақты деректер жоқтың қасы. Осы факторлардың барлығы Жетісуда өндірілетін апиынның сапасына деген күманға негіз болғаны да анық.

Мұнда көкнар оралған күйінде жеткізіледі. Орам материалы ретінде негізінен түйежапырақ (лопуха) пен көкнәр жапырақтары, кейде күнбағыс жапырақтары пайдаланылады. Апиын кесектерінің пішіні мен мөлшері әртүрлі болды. Кейде жеткізілетін апиынның бір бөлігі бір-біріне жиналған бірнеше кішкене бөліктерден тұратын. Сапасы күман тудыратын кесінділер қайта зерттеу үшін зертханаға жіберілді.

Пржевальск пен Жаркентте зертхана өте қарапайым жабдықталу себепті ондағы техникалық таразылар кейіннен жергілікті қазына тарапынан зертханаға берілген дәл көрсететін таразылармен ауыстырылды. Сонымен қатар, сірке эфирін сақтайтын шыны ыдыстарға да жетіспеушілік сезіліп, кейін ол этил эфирімен ауыстырылды. Осы кемшіліктерге қарамастан, өнімді зертханалық талдау жұмысы өте сәтті болғанын жүргізілген талдаулардың саны мен сапасы жақсы көрсеткіштерді көрсетті.

Жаркентте апиынның 3 түрлі үлгісінде морфинге талдау жүргізу барысында шикізаттың 8,6%, 10,9% және 17,5% морфин екендігін көрсетті. Бұл деректер Жаркенттің апиын орталығы ретіндегі маңыздылығы туралы жоғарыда айтылған пікірді растайды. (Свирловский, 1917: 20)

Э. Свирловскийдің жазуынша, көкнәр алқаптары түгелге дерлік дүнгендерге тиесілі болды. Кейбір аудандарда көкнәр әлі гүлдеп үлгермеген және ол Жетісудың басқа апиын орталықтарында байқалғандай түрлі түсті болды. Тек бір жерден ғана қызғылт жиегі бар ақ жапырақшалары бар көкнәрдің біркелкі дерлік сортын көрдім. Мұндай сортты дүнгендер ең жақсы деп санайды және оны «Лугудоза», яғни ең жақсы сорт деп атайды. Жергілікті дүнгендердің айтуы бойынша, күлгін жапырақшалары бар көкнәр апиын өнімділігі бойынша ең нашар сорт болып саналады. Дүнгендерден неліктен биыл жақсы сортты көкнарды көбірек екпедіңдер деп сұрағанда, олар бұрын көкнәр өсіруге тыйым салынып, биыл белгілі бір сорттың тұқымын алу өте қиын болып тұрғандығын, қол жеткен тұқымдарды алуға тура келгендігін айтты (Свирловский, 1917: 23).

Дүнгендермен әңгімелесу барысында, көкнәр егіс алқабын ойдағыдай ұлғайтуға жер тапшылығы айтарлықтай кедергі болып отырғандығы белгілі болды. Жер тапшылығына байланысты дүнгендер, белгілі бір дәрежеде тараншылар қырғыздардан немесе жергілікті орыс халқынан қымбат бағаға қысқа мерзімді жалға жер алуға мәжбүр. Дүнгендер қараусыз қалған жалға алған жерді тыңайтып, дұрыс өңдеп үлгермей жатып, қожайындары келесі жылы қайтарып алады. Дүнгендер қараусыз қалған жер учаскесін қайтадан жалға алып, егінге пайдалануға дайындағаннан кейін оны қайтадан иесіне қайтаруға тура келеді екен. (Свирловский, 1917: 24)

Тилы туземцев Джаркентского уезда, занимающихся культурой опийного мака.
 Сурет 2 – Бір топ көкнар егушілер
 [Figure 2 – A group of poppy cultivators]

Апиынның нарықтық бағасы қаңтарда 300 миллион рубльге (1921 жылғы есеп бойынша), немесе, бір гинге (жин = 1,5 фунт) жетті. Бұл бағалар алыпсатарлық, бірақ қалыпты коммерциялық бағалар егіншілердің еңбегін еселеп төлейді.

Жетісу өңірінде апиыннан 1916 жылы облыс бойынша 1398 пұт жиналды. 1917 жылы – 773 пұт, 1918 жылы – 162 пұт, 1919 жылы – 60 пұт, 1920 жылы – 1267 пұт, 1921 – 120 пұт, 1922 жылы – 618 пұт өнім алынып, барлығы 6 жыл ішінде 5000 пұт (82 тонна) жиналды (Свирловский, 1917:29)

Көкнар алқаптарын аралап, апиын өндірісін өз көзімен көріп, танысқан Э. Свирловский апиын өндірісін кеңірек дамыту үшін жергілікті тұрғындардың көкнар дақылдарын егуге мемлекеттік жер телімдері мен орман саяжайларынан тегін жер бөлу мәселесін көтеру керек.

Олар жеңілдетілген шарттармен ұзақ мерзімге жалға берілуі керек те жал ақысын төлеу апиынның базарға жеткізіліміне тікелей тәуелді болуы керек.

Рис. 5.
 Надъёна мановыкъ головокъ и снятје опи.
 Сурет 3 - Көкнар жинау
 [Figure 3 – Poppy harvesting]

Көкнар алқабын ұлғайту және апиын кәсіпшілігінің табысты түрде дамуы үшін негізінен дүнгендер мен тараншыларды пайдаланған жөн. Осы мақсатта жері жоқ дүнген мен тараншы халқына көкнар егу міндеттемесін ала отырып, ұзақ мерзімді жалға мемлекеттік тегін жерді

бөліп, оларға арзан, қысқа мерзімді несие берген жөн деген сияқты ұсыныстар айтады (Свирловский, 1917: 31)

Қорытынды. Қорыта айтқанда, XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында Жетісу өлкесі патша өкіметінің Қытайға экспорттауға және ішкі пайдалануға арнап апиын өндіру үшін көкнар егетін алқабына айналды. Бұл жерде Ресей империясы Еуропа елдерінің Қытайға апиын сатуында бәсекелес болу мақсаты да болды.

Көкнар егіп, арын өндіруде орыс патша өкіметі Шығыс Қытайдан ауа көшіп келген дүнген және ұйғыр егіншілерін пайдаланды. Қазіргі кезде тарихшылардың алдында Жетісу өңірінде осы дақыл түрін егу мен есірткі өндірудің жергілікті халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайына қаншалықты және қалай әсер етті деген сұраққа жауап іздеу аса маңызды.

Әдебиет

Абдурахманов, Гапуров, 2007 — *Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А.* Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI – середина XIX века): учебное пособие. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат; Эль-Фа, 2007. 327 с.

Венюков, 1868 — *Венюков М.И.* Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1868. 531 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=222791> (дата обращения: 19.04.2023). ISBN 978-5-4458-5571-2.

Венюков, 1873 — *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1873. 573 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=81373> (дата обращения: 19.04.2023). ISBN 978-5-4460-1968-7.

Калачев, 1998 — *Калачев Б.Ф.* Основные этапы историографии борьбы органов внутренних дел с незаконным оборотом наркотиков в России (правовой и организационный аспекты) // МВД России – 200 лет: материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1 / под ред. О.М. Латышева, А.П. Сальникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская Академия МВД России, 1998. С. 59–73.

Левитов, 1909 — *Левитов И.С.* Бузо-гашишный вопрос на наших окраинах. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 325 с.

Пианчола, 2022 — *Пианчола Н.* Маки для большевиков: опиум на туркестано-синьцзянском приграничье в 1914–1929 годах // *Acta Slavica Iaponica*. Токио, 2022. С. 127–149.

Свирловский, 1917 — *Свирловский Э.И.* Культура мака и добывание опиума в Семиречье: отчет о командировке в Семиречье. Петроград: типо-лит. А.Э. Винеке, 1917. [2], 39 с., 8 л. ил., карт.: ил., табл.

Шеметова, 2015 — *Шеметова Т.А.* О влиянии опиумного вопроса на российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1920-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 396. С. 108–110.

References

Abdurakhmanov, Gapurov, 2007 — *Abdurakhmanov D.B., Gapurov Sh.A.* Strany Vostoka i kolonial'naya politika yevropeyskikh derzhav (XVI – sredina XIX veka) [Countries of the East and the colonial policy of European powers (16th – mid-19th century)]: uchebnoe posobie. Nal'chik: Resp. poligrafkombinat; El'-Fa, 2007. 327 p. (In Russ.).

Venyukov, 1868 — *Venyukov M.I.* Puteshestviya po okrainam russkoy Azii i zapiski o nikh [Travels along the outskirts of Russian Asia and notes about them]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1868. 531 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=222791> (accessed: 19.04.2023). ISBN 978-5-4458-5571-2. (In Russ., text: electronic).

Venyukov, 1873 — *Venyukov M.I.* Opyt voyennogo obozreniya russkikh granits v Azii [Experience of military review of Russian borders in Asia]. Sankt-Peterburg: Tip. V. Bezobrazova i K°, 1873. 573 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=81373> (accessed: 19.04.2023). ISBN 978-5-4460-1968-7. (In Russ., text: electronic).

Kalachev, 1998 — *Kalachev B.F.* Osnovnyye etapy istoriografii bor'by organov vnutrennikh del s nezakonnym oborotom narkotikov v Rossii (pravovoy i organizatsionnyy aspekt) [The main stages of the historiography of the fight of internal affairs agencies against drug trafficking in Russia (legal and organizational aspects)] // *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "MVD Rossii – 200 let"*. Ch. 1. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya Akademiya MVD Rossii, 1998. Pp. 59–73. (In Russ.).

Levitov, 1909 — *Levitov I.S.* Buzo-gashishnyy vopros na nashikh okrainakh [Buzo-hashish issue on our outskirts]. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. 325 p. (In Russ.).

Pianchola, 2022 — *Pianchola N.* Maki dlya bol'shevikov: opium na turkестano-sin'tsyan'skom prigranich'e v 1914–1929 godakh [Poppies for the Bolsheviks: opium on the Turkestan–Xinjiang borderland in 1914–1929] // *Acta Slavica Iaponica*. Tokyo, 2022. Pp. 127–149. (In Russ.).

Svirlovskiy, 1917 — *Svirlovskiy E.I.* Kul'tura maka i dobyvaniye opiya v Semirech'ye: (Otchet o komandirovke v Semirech'ye) [Poppy culture and opium production in Semirechye: (Report on a business trip to Semirechye)]. Petrograd: tipo-lit. A.E. Vineke, 1917. [2], 39 p., 8 l. il., maps, tables. (In Russ.).

Shemetova, 2015 — *Shemetova T.A.* O vliyaniy opiumnogo voprosa na rossiysko-sin'tsyan'skiye torгово-ekonomicheskkiye i politicheskkiye otnosheniya v 1914–1920-ye gg. [On the influence of the opium issue on Russian–Xinjiang trade, economic and political relations in the 1914–1920s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 396. Pp. 108–110. (In Russ.).

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 174-180, 2025
Journal homepage: <https://sjcascourier.com/>

FTAXP / МРҒТІ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_174-180

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MEDIATION INSTITUTE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND SOLUTIONS

*Kenzhebekova Zhansaya Kanatovna*¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan
Doctoral Student

 <https://orcid.org/0000-0002-1510-1408>. E-mail: kenzhebekova-1995@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Kenzhebekova Zh.K., 2025

Abstract. This article describes the history of the formation of the institution of mediation in Kazakhstan as a historically formed and developing, complex sociocultural phenomenon, which, to one degree or another, is reflected in various cultures from ancient times to the present day. The authors considered the problems and prospects for the development of the institution of mediation. The characteristic features of mediation, its principles are analyzed, attempts are made to reveal the ethnopsychological features that impede the development of mediation in Kazakhstani society. The authors consider the implementation of the law “On Mediation”, the practice of using mediation in civil proceedings, which contributes to the development in Kazakhstan of an effective tool for resolving disputes and conflicts.

Key words: Institution of mediation, history of formation of the institution of mediation, mediator, alternative way of resolving a dispute, interethnic conflict, Kazakhstan

For citation: Kenzhebekova Zh.K. Formation and development of the mediation institute in the Republic of Kazakhstan: problems and solutions // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 174-180. (In Eng.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_174-180

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ МЕДИАЦИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ДАМУЫ: МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ

*Кенжебекова Жансая Қанатқызы*¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан
Докторант

 <https://orcid.org/0000-0002-1510-1408>. E-mail: kenzhebekova-1995@mail.ru

Андатпа. Мақалада ежелгі дүниеден бастап қазіргі кезеңге дейін әртүрлі мәдениеттерде көрініс табатын, тарихи қалыптасқан және дамыған, күрделі әлеуметтік-мәдени құбылыс ретінде Қазақстандағы медиация институтының қалыптасу тарихы зерттелген. Медиация институтының даму мәселелері мен болашағы талданған. Сонымен қатар медиацияның ерекшеліктері, принциптері қарастырылып, қазақтандық қоғамдағы медиацияның дамуына кедергі келтіретін этнопсихологиялық ерекшеліктерді ашып көрсетуге талпыныс жасалған. Авторлар Қазақстандағы шиеленістерді шешудің тиімді құралының дамуына ықпал ететін

«Медиация жөніндегі» Заңның жүзеге асырылуы мәселелерін, азаматтық сот ісіндегі медиацияны қолдану тәжірибесін қарастырған.

Түйін сөздер: Медиация институты, медиация институтының қалыптасу тарихы, медиатор, шиеленісті шешудің баламалы құралы, ұлтаралық шиеленіс, Қазақстан

Дәйексөз үшін: Кенжебекова Ж.Қ. Қазақстан Республикасындағы медиация институтының қалыптасуы мен дамуы: мәселелері және оларды шешу жолдары // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 174-180 бб. (Ағылш.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_174-180

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Кенжебекова Жансая Канатовна¹

¹ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Докторант

 <https://orcid.org/0000-0002-1510-1408>. E-mail: kenzhebekova-1995@mail.ru

Аннотация. В статье описана история становления института медиации в Казахстане как историческое, сформировавшееся, развивающееся и сложное социокультурное явление, которое в той или иной степени находит отражение в различных культурах с древнейших времен до наших дней. Авторами рассмотрены проблемы и перспективы развития института медиации. Проанализированы характерные особенности медиации, ее принципы, сделаны попытки раскрыть этнопсихологические особенности, препятствующие развитию медиации в казахстанском обществе. Авторы рассмотрели вопросы реализации Закона РК «О медиации», практику применения медиации в гражданском судопроизводстве, которое способствует развитию в Казахстане эффективного инструмента разрешения спора и конфликта.

Ключевые слова: Институт медиации, история становления института медиации, медиатор, альтернативный способ разрешения спора, межнациональный конфликт, Казахстан

Для цитирования: Кенжебекова Ж.К. Формирование и развитие института медиации в Республике Казахстан: проблемы и пути их решения // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 174-180. (На Англ.). DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_174-180

Introduction. Throughout all periods of human history, various methods and approaches have been used to resolve disputes and conflicts. One such method is mediation. Like other methods of conflict resolution (negotiations, dialogue, arbitration, courts, etc.), mediation has its own specific features at the social and political levels and is currently widely applied in the practice of managing social processes. Mediation is a negotiation process carried out with the involvement of a third party, which has its origins in the history of human relations, but was institutionalized in modern practice in the second half of the 20th century. Today, in countries with developed legal systems, mediation is broadly used in resolving different types of conflicts, and citizens frequently seek the help of mediators. Therefore, the necessity of scientifically studying the formation and development history of the institution of mediation in Kazakhstan is linked both to the novelty of this institution for our country and to the growing interest from society and the academic community.

Research Methods. The methodological basis of the research is formed by general scientific and specific methods of cognition. In studying the formation and development history of the institution of mediation in Kazakhstan, as well as the development of mediation abroad, comparative analysis, dialectical, and historical-systematic methods were applied. In addition, based on the historical-legal method, normative data were analyzed, the historical regularities of the mediation institution were identified, and its future development issues were explored.

Discussion of the Problem. At present, disputes and conflicts of various types — including social, political, economic, cultural, religious, and others — are widespread in society. This is a natural phenomenon, since with the passage of time, conflict situations inevitably arise within any social structure due to scarcity of resources or other reasons. Mediation plays an important role in resolving such tense disputes. The term “mediation” derives from the Latin word *mediare*, meaning “to mediate.” Mediation is considered an alternative method of resolving any conflict or dispute with the involvement of a neutral third party who has no vested interest in the conflict. As a mediator, this third party facilitates the disputing or litigating sides in reaching a certain agreement. However, researchers define the concept of “mediation” differently. For example, A. Rau, T. Sherman, and S. Peppet, in studying alternative dispute resolution methods, describe mediation as a process in which a neutral third party helps disputants identify their mistakes and different viewpoints, explore alternative opportunities for conflict resolution, and seek compromise to achieve agreement (Rau, et al., 2002: 26). According to Moore, mediation is the intervention of a third party who has no authority to impose decisions but helps the parties voluntarily resolve their conflict (Moore, 2003). Other researchers such as P.S. Pributko, Yu.V. Mikhaylenko, and L.M. Dubchak describe mediation as the use of a mediator, either individually or confidentially, to resolve a conflict situation. In their view, mediation has several advantages as an alternative to judicial proceedings and other coercive procedures. The most significant of these advantages is that mediation aims to resolve disputes through a voluntary and fair process, equally satisfying the interests of the involved parties

Of course, the history of mediation dates back to ancient times. As we know, in every historical period various forms of dispute resolution emerged, which included a set of methods allowing the parties to settle conflicts either temporarily or permanently. Therefore, several stages in the formation and development of mediation can be distinguished.

According to the Russian researcher V.V. Kolomytseva, the first stage of the development of mediation is associated with the need to resolve disputes between tribes and communities during the primitive communal system and the ancient era, and later between city-states (Kolomytseva, 2013: 268). At that time, of course, the concept of “mediation” was not formally used. Nevertheless, in regions where mutual trade was developed, mediation practices can be observed. Historians trace the origins of modern mediation to the Phoenician civilization, where maritime trade was widespread, and to Ancient Babylon. Later, the institution of mediation developed in Greece and Ancient Rome. For example, in Ancient Rome, starting from the *Digest of Justinian*, the rules of mediators were enshrined in law, and mediation was referred to by various terms in Roman law (Allakhverdova, Ivanova, 2007: 16). Apart from these civilizations, reconciliation procedures were also present in Africa. In many African countries, the institution of public assemblies that resolve disputes through a trusted third party has survived to this day.

In Ancient Rus, attempts were also made to resolve princely disputes, as well as interstate conflicts, through mediation. In the early 19th century, a system of commercial courts was established in the Russian Empire and functioned effectively. Records from that time indicate the use of the term “mediator,” noting the effectiveness of resolving trade-related disputes with the help of mediators (Kniazev, 2004: 9).

Kazakhstan also has its own history of applying alternative methods of conflict resolution. As is well known, the nomadic Kazakh tribes widely used the *biys' courts*. Given that the biys were recognized as representatives of the people who took part in governance, the Kazakh system of rule can be considered a model of steppe democracy. The institution of biys emerged long ago and went through certain stages of development in our history. Biys were recognized as judges who carried out judicial authority. Therefore, a biy had to possess deep knowledge of customary law and the ability to apply it when necessary, and only with these qualities could he exercise judicial authority among the people.

Shokan Ualikhanov, in his work *“The Court of Biys of the Ancient Popular Model”*, emphasized the role of biys, writing: “In the Kazakh steppe, the honorable title of biy was not conferred through any election or by the government in power, but was given only to a Kazakh who thoroughly knew the court procedure and mastered the art of eloquence. To earn the title of biy, one had to engage in

several eloquence contests before the people and prove his knowledge and oratory skills” (Valikhanov, 1984: 39).

One of the main goals of a *biy* elected by the community was to reconcile the disputing parties. However, the *biys' courts* did not consider cases outside their jurisdiction, that is, they did not intervene in the affairs of other villages or tribes. State-level issues and disputes between clans or tribes were resolved by the council of sultans and the eminent *biys* at the khan's court. Thus, the institution of *biys* played a key role in the development of Kazakh society and remains part of the nation's heritage today. Modern mediation is in some respects similar to the institution of *biys*, but there are notable differences: first, *biys* resolved disputes publicly, whereas modern mediation is usually conducted confidentially; second, *biys* made binding decisions, while mediators, relying on their professional skills, only assist the parties in reaching an agreement.

During the Middle Ages and the early modern period, the second stage of the development of mediation began. At this stage, the history of mediation was closely linked to the need to end prolonged wars between states. A landmark event was the adoption in 1803 of the first mediation-related legal document in human history — the *Act of Mediation*. Therefore, this period can be considered the starting point of mediation's institutional development. At the crossroads of medieval and modern history, one of the longest and most destructive conflicts in Europe — the Thirty Years' War — ended in 1648 through peace treaties achieved with the help of reconciliation processes, i.e., mediation.

In the modern period, Napoleon Bonaparte played a mediating role in the conflict between Switzerland, Germany, and France. In 1803, Napoleon approved the *Act of Mediation*, which restored Switzerland's independence and its former state system.

The third stage in the development of mediation is characterized by its widespread necessity, legal institutionalization, and application in various spheres of activity. This stage is marked by the rapid growth of mediation in the second half of the 20th century in common law countries — the USA, Austria, and the United Kingdom — followed by continental Europe, where the modern concept of “mediation” became widely used.

For example, in the early 20th century, the American economy faced a new type of conflict — the struggle between trade unions and employers over working conditions and wages. As a result, strikes, mass dismissals, and the threat of factory closures emerged. To address these disputes, the U.S. government proposed using the Department of Labor as a neutral mediator. To carry out this function, in 1947 the U.S. Federal Mediation and Conciliation Service was created. From the 1970s onward, mediation became an independent procedure in the United States, attracting increasing interest. During this period, local non-governmental organizations began to provide free or low-cost mediation services in cases of tenant-landlord disputes and family conflicts.

From the 1980s, the mediation institution expanded geographically: reconciliation practices spread from America to England, Ireland, Canada, India, Australia, and later throughout Europe. In 1999, an international conference on mediation was held in Vienna, and from that point the international community officially recognized mediation. Since 2000, mediation has become an established part of international law and international relations, actively used in resolving intercultural, interethnic, civilizational, economic, trade, and military disputes (Akhmedinova, 2019).

On January 29, 2011, the Law “On Mediation”, essential for contemporary Kazakhstani society, was signed. This law established the legal foundation for the use and development of mediation as a tool for resolving disputes and conflicts in Kazakhstan. At the same time, the institution of mediation has found wide application not only within the territory of Kazakhstan but also at the international level. In particular, on March 26, 2012, the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan signed an agreement with the United Nations Development Programme (UNDP) for 2012–2014 within the framework of the project “Introduction of the Institution of Mediation in the Republic of Kazakhstan.” Following this agreement, Kazakhstan began to regularly host international conferences, informational seminars, training programs, and round tables with the participation of experts from Germany, Slovenia, Switzerland, Belarus, and EU countries.

Currently, Kazakhstan’s strategy to join the ranks of the world’s most developed countries and its active integration processes require that judicial proceedings meet the challenges of modern times. In this respect, a new model of civil proceedings is being built upon pragmatic approaches that ensure a balance of interests between the parties.

However, despite the adoption of the “Law on Mediation,” mediation in Kazakhstan has not yet acquired a widespread character. This is because the mediation institution in Kazakhstan is still going through its formative stage. Nevertheless, there are several important factors contributing to the development of this socially significant dispute-resolution technology. These factors include: the revival of the historical tradition of peaceful dispute settlement (the practice of *biys*) supported by regional executive bodies; state programs allocating financial support; the absence of licensing requirements for training mediators; the simplified accreditation process for specialists trained abroad; the uncomplicated procedure for establishing mediator organizations; and the recognition of previously obtained international certificates of mediators.

In addition, under the Law “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Mediation Issues,” changes were introduced into the Civil and Criminal Codes of Kazakhstan, as well as the Code on Administrative Offenses. These amendments more closely connected the former legal system with the new legal institution. On July 3, 2011, by decree of the Government of the Republic of Kazakhstan, the procedure for mediator training was approved, regulating professional mediator education and ensuring a three-tier training system. Thus, today we can observe the formation of a unified legislative framework that regulates mediation as a legal institution and ensures its effective application.

At the initial stage of its establishment (2011–2012), Kazakhstan had 14 mediator organizations in operation, and 260 professional mediators were registered in the official roster. During this period, 700 mediation procedures were carried out, 15% of which were within the judicial process. Between August 2011 and October 1, 2012, the “Unified Mediation Center” and the “Mediation and Reconciliation Center” conducted 450 mediations, including 39 court mediations (Romanovskaia, 2017: 19). In 2018, 371 professional and 4,465 community mediators were officially registered in Kazakhstan. According to statistics, 4% of 871,000 civil cases were terminated on the basis of mediation procedures. According to the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, in 2019 there were 126 registered mediator organizations. This means that compared to 2012, the number of mediation organizations in Kazakhstan increased by 112 by 2019.

The institution of mediation in Kazakhstan has its own characteristics as well as certain challenges. Among its distinguishing features is the fact that corruption does not play a role in the process of dispute settlement through mediation. This is because there is no need to favor or support one of the parties, and an agreement cannot be signed unless it satisfies the interests of both parties. Furthermore, the aim of mediation is not to determine the guilty or innocent party, but to find mutually beneficial options for resolving the dispute. Additionally, mediation reduces the number of court cases, thereby easing the workload of the judicial system. For disputing parties, it is advantageous because of lower court costs and the opportunity to exercise control over the course of the dispute.

Another unique feature of Kazakhstani mediation is that the “Law on Mediation” explicitly identifies three situations where mediation is not possible:

1. When the interests of individuals declared legally incapable or partially incapable by the court are involved.
2. When one of the parties is a state body.
3. When the dispute involves corruption-related crimes.

However, the development of the institution of mediation in Kazakhstan also faces a number of challenges. Among them are the insufficient dissemination of conciliation procedures in society, as well as the lack of adequate public information and awareness campaigns regarding the advantages of mediation and the right of parties to seek the assistance of a mediator in resolving disputes. For example, according to researcher A.I. Karipov, one reason for the low level of recourse to mediation among the population is that citizens of the Republic of Kazakhstan are not sufficiently aware that agreements reached through mediation equally satisfy the interests of both parties (whereas in court

proceedings the decision usually favors only one party) and that mediation reconciles the disputants (Karipova, 2021).

Researcher I.A. Karatayev, examining the pressing issues of mediation, emphasizes: "... however, the widespread dissemination of mediation and the improvement of its normative framework will only be possible if factors such as citizens' mentality, their level of legal culture, and legal consciousness are taken into account. In our opinion, solving this problem depends on the active educational work of state authorities at all levels, including local self-government bodies, the mass media, and the mediators themselves" (Karataev, 2016: 74).

In addition, Article 9 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Mediation" stipulates that professional mediators must be at least 25 years old, have a higher education, and hold a certificate confirming that they have completed the mediator training program approved by the Government of Kazakhstan. Retired judges may also serve as professional mediators. Non-professional mediators, however, can be citizens over the age of 40 who have completed a mediation training course. Thus, it is not mandatory for mediators to have a legal background. Nevertheless, in the context of rapid social development and globalization, entrusting the resolution of disputes to individuals without professional legal training or analytical capacity understandably creates a degree of public mistrust, which negatively affects the development of the institution of mediation in the country.

Conclusion. At present, mediation occupies an important place in the field of dispute and conflict resolution and, in many cases, proves to be an effective procedure. The institution of mediation has passed through several stages of its formation and development: from the emergence of early ideas about mediation and its application in conflict situations to its modern legislative consolidation. Since 2011, modern mediation has been introduced into Kazakhstan's legal system. Of course, mediation in Kazakhstan has its own specific features and challenges.

Foreign experience demonstrates that mediation not only allows for the rapid and efficient resolution of disputes, but also addresses many issues faced by judicial systems, such as reducing the number of civil cases, simplifying trial procedures, and shortening case consideration times. Today, mediation is increasingly applied in resolving intercultural, interethnic, civilizational, economic, trade, and even military disputes. In foreign practice, alternative dispute resolution institutions are regarded as effective mechanisms for protecting human and civil rights and freedoms. Therefore, the positive experience of alternative dispute resolution abroad is highly significant for the Kazakhstani legal system.

Recommendations. In order to further develop and improve the functioning of mediation in Kazakhstan, we propose the following:

1. *Refine the legal framework:* The normative-legal basis of the mediation institution should be clearly and systematically revised or supplemented. A more comprehensive and consistent approach to the mediation process and its actors is required. Such improvements will strengthen public trust in mediation and encourage citizens to make greater use of it.
2. *Establish a central coordinating body:* At present, it is difficult to know the exact number of mediators and the organizations maintaining mediator registries in Kazakhstan. Consequently, it is also impossible to accurately determine how many cases and disputes are resolved annually through mediation, which prevents reliable statistical analysis. Therefore, it is necessary to establish a specialized national-level body responsible for coordinating all issues related to the mediation institution and for conducting statistical monitoring and analysis.

References

- Rau, et al., 2002 — Rau A.S., Sherman E.F., Peppet S.R. Mediation and other nonbinding ADR processes. New York: Foundation Press, 2002.
- Moore, 2003 — Moore C.W. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict. San Francisco: Jossey-Bass, 2003.
- Kuznetsova, [s.a.] — Kuznetsova A.G. Institut posrednichestva: opyt stran po vsemu miru [The institution of mediation: the experience of countries around the world]. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/43221/view> (In Russ.).

Kolomyttseva, 2013 — *Kolomyttseva V.V.* Etapy stanovleniia mediatsii v zarubezhnykh stranakh [Stages of formation of mediation in foreign countries]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki — Bulletin of Tomsk State University. Series Humanities, 2013, No. 2(118), pp. 268–272. (In Russ.).

Allakhverdova, Ivanova, 2007 — *Allakhverdova O.V., Ivanova E.N.* Istoriia razvitiia mediatsii [The history of the development of mediation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Istoriia — Bulletin of Saint Petersburg University. Series History, 2007, No. 2, 16 p. (In Russ.).

Meta, Pokhmelkina, [s.a.] — *Meta G., Pokhmelkina G.* Mediatsiia — iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvo s teoriei, metodom i professional'nymi tekhnologiyami [Mediation is the art of resolving conflicts. Acquaintance with the theory, method and professional technologies]. Moscow: VERTE, [n.d.]. (In Russ.).

Kniazev, 2004 — *Kniazev D.V.* Istoriia razvitiia instituta mirovogo soglasheniia v rossiiskom grazhdanskom prave [The history of the development of the institution of a settlement agreement in Russian civil law]. Sovremennye problemy grazhdanskogo prava i protsessa: sbornik statei — Modern problems of civil law and process: Collection of articles. Novosibirsk, 2004, Vol. 2, p. 9. (In Russ.).

Valikhanov, 1984 — *Valikhanov Ch.Ch.* Zapiska o sudebnoi reforme [Note on judicial reform]. Sobranie sochinenii v piati tomakh — Collected works in five volumes. Vol. II. Alma-Ata, 1984. (In Russ.).

Akhmedinova, 2019 — *Akhmedinova K.K.* Mediatsiia kak vnesudebnaia forma zashchity narushennykh prav [Mediation as an extrajudicial form of protection of violated rights]. Kostanai, 2019. (In Russ.).

Romanovskaia, 2017 — *Romanovskaia S.Yu.* Prakticheskie aspekty primeneniia normativnoi pravovoi bazy v sfere mediatsii [Practical aspects of the application of the regulatory legal framework in the field of mediation]. Sostoianie i perspektivy razvitiia instituta mediatsii v usloviakh sotsial'noi modernizatsii Kazakhstana — Status and development prospects of the institution of mediation in the conditions of social modernization of Kazakhstan. Astana, 2017. (In Russ.).

Volkova, [s.a.] — *Volkova V.V.* Uregulirovanie sporov bez suda — nash natsional'nyi resurs [Settlement of disputes without trial is our national resource]. Available at: <https://senate.parlam.kz/ruRU/blog/232/news/details/9995> (In Russ.).

Assembly.kz, [s.a.] — V sleduyushchem godu ispolnitsia 10 let Zakonu «O mediatsii» [Next year the Law "On Mediation" will be 10 years old]. Available at: <https://assembly.kz/ru/news/vsleduyushchemgoduispolnitsya10letzakonuomediatsii/> (In Russ.).

Karipova, 2021 — *Karipova A.I.* Nekotorye aspekty sravnitel'noi kharakteristiki mediatsii v SShA i Respublike Kazakhstan [Some aspects of the comparative characteristics of mediation in the USA and the Republic of Kazakhstan]. Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov — Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies, 2021, No. 1(19). (In Russ.).

Karataev, 2016 — *Karataev I.A.* Aktual'nye problemy protsedury mediatsii v Rossii i puti ikh resheniia [Actual problems of the mediation procedure in Russia and ways to solve them]. Aktual'nye problemy prava: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, dekabr' 2016 g.) — Actual problems of law: materials of the V International Scientific Conference (Moscow, December 2016). Moscow: Buki-Vedi, 2016. (In Russ.).

Әдебиеттер тізімі

Rau, 2002 — Rau A.S., Sherman E.F., Peppet S.R. Mediation and other nonbinding ADR processes. New York: Foundation Press, 2002. 135 p.

Moore, 2003 — Moore C.W. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict. San Francisco: Jossey-Bass, 2003. 599 p.

Кузнецова, б.г. — Кузнецова А.Г. Институт посредничества: опыт стран по всему миру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/43221/view>.

Коломытцева, 2013 — Коломытцева В.В. Этапы становления медиации в зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 268–272.

Аллахвердова, 2007 — Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2007. № 2. С. 16.

Мета, 2004 — Мета Г., Похмелкина Г. Медиация — искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями. Москва: VERTE, 2004. 320 с.

Князев, 2004 — Князев Д.В. История развития института мирового соглашения в российском гражданском праве // Современные проблемы гражданского права и процесса: Сборник статей. Новосибирск, 2004. № 2. С. 9.

Валиханов, 1984 — Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собрание сочинений в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1984. 432 с.

Ахмедина, 2019 — Ахмедина К.К. Медиация как внесудебная форма защиты нарушенных прав. Костанай, 2019. 78 с.

Романовская, 2017 — Романовская С.Ю. Практические аспекты применения нормативной правовой базы в сфере медиации // Состояние и перспективы развития института медиации в условиях социальной модернизации Казахстана. Астана, 2017. С. 18–22.

Волкова, б.г. — Волкова В.В. Урегулирование споров без суда — наш национальный ресурс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://senate.parlam.kz/ruRU/blog/232/news/details/9995>

Закон РК «О медиации», б.г. — В следующем году исполнится 10 лет Закону «О медиации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://assembly.kz/ru/news/vsleduyushchemgoduispolnitsya10letzakonuomediatsii/>

Карипова, 2021 — Карипова А.И. Некоторые аспекты сравнительной характеристики медиации в США и Республике Казахстан // Вестник Академии правоохранительных органов. 2021. № 1 (19). С. 51–57.

Каратаев, 2016 — Каратаев И.А. Актуальные проблемы процедуры медиации в России и пути их решения // Актуальные проблемы права: Материалы V Международной научной конференции (Москва, декабрь 2016 г.). Москва: Буки-Веди, 2016. С. 74–77.

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 181-199, 2025
Journal homepage: <https://sjacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199

ANALYSIS OF THE WESTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY OF THE NOGAI HORDE

*Sholakhov Murat Garifullaevich*¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan
PhD student

 <https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Sholakhov M., 2025

Abstract. The article offers a critical survey of Western European historiography on the Nogai Horde (19th–21st centuries). The focus is on how interpretations evolved regarding the origins of the Nogais, the nature of their political organization, and the roles of key figures (Nogai, Edigü) in the narratives of the German, British, and French schools. The analysis links the source base used (chronicles, Oriental histories,) to the formation of stable interpretations and research stereotypes. Aim and objectives. The aim is to reconstruct the evolution of Western European approaches to the Nogai Horde and to identify methodological shifts: to trace the move from personalist explanations (“Nogai’s party”) to institutional and network perspectives; to classify key themes - statehood vs. confederative structures, the role of “shadow rulers,” economic practices, and confessional factors; to relate classic works of the 19th–20th centuries to new studies of the early 21st century; to identify lacunae and set an agenda for further research. Results. A working analytical matrix is proposed along three axes: “personalities institutions,” “external internal sources,” and “military-frontier socio-economic angle”. Conclusion. Western European historiography has moved from biographism to a structural and network understanding of the steppe polity, yet retains gaps in the study of elites, religious institutions, and everyday practices. Further progress requires prosopographical registers of Nogai beys/mirzas, systematic integration of scholarship in Eastern languages, and quantitative analysis of fiscal-legal materials. The proposed matrix provides a methodological foundation for such a synthesis.

Keywords: Nogai Horde, Western European historiography, ethnogenesis of the Nogais, Manghits, Ulug Ulus, Nogai monarchs, Nogai, Edigü, Jochid Ulus, Golden Horde

Acknowledgments. This research was carried out within the framework of grant project No. AP26103999 “Comprehensive study of the history of the medieval settlement of Saraishyq”.

For citation: Sholakhov M. Analysis of the Western European historiography of the Nogai Horde // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 181-199. (In Russ.).

DOI: [10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199](https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199)

НОҒАЙ ОРДАСЫНЫҢ БАТЫСЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАСЫН ТАЛДАУ*Шолахов Мурат Гарифоллаевич¹*¹Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан

Докторант

 <https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Ноғай Ордасына қатысты Батыс Еуропа историографиясына (XIX–XXI ғғ.) сыни шолу беріледі. Назар – ноғайлардың шығу тегі, олардың саяси ұйымының табиғаты және негізгі тұлғалардың (Ноғай, Едіге) рөлі туралы түсініктердің герман, британ, және француз ғылыми мектептеріндегі өзгерісіне аударылады. Талдау пайдаланылған дереккөздік база (жылнамалар, шығыс шежірелері,) мен орныққан интерпретациялар және зерттеу стереотиптерінің қалыптасуын өзара байланыстырады. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақсат – Ноғай Ордасына қатысты Батыс Еуропа тәсілдерінің эволюциясын реконструкциялап, әдіснамалық ығысуларды айқындау: тұлғалық түсіндірмеден («Ноғай партиясы») институттық әрі желілік көзқарасқа өтуді қадағалау; негізгі сюжеттерді жіктеу – мемлекеттік сипаты/конфедеративтілігі, «көлеңкелі билеушілердің» рөлі, экономикалық практикалар, конфессиялық факторлар; XIX–XX ғғ. классикалық еңбектерді XXI ғасырдың басындағы жаңа зерттеулермен салыстыру; олқылықтарды айқындап, әрі қарайғы ізденістердің күн тәртібін белгілеу. *Нәтижелер.* Үш осьтен тұратын талдау матрицасы ұсынылады: «тұлғалар институттар», «сыртқы ішкі дереккөздер», «әскери-шекаралық әлеуметтік-экономикалық ракурс». *Қорытынды.* Батыс Еуропа тарихнамасы биографизмнен құрылымдық және желілік түсінікке өтті, бірақ элиталарды, діни институттарды және күнделікті тәжірибелерді зерттеуде әлі де олқылықтар бар. Ілгерілеу үшін ноғай билері/мырзаларының проспекграфиялық тізбелерін жасау, шығыс тілдеріндегі зерттеулерді жүйелі интеграциялау және қаржы-құқықтық материалдарды сыни талдау қажет. Ұсынылған матрица осындай синтезге әдіснамалық негіз қалайды.

Түйін сөздер: Ноғай Ордасы, Батыс Еуропа историографиясы, ноғайлардың этногенезі, манғыттар, Ұлық Ұлыс, Ноғай, Ноғай билері, Едіге, Жошы ұлысы, Алтын Орда

Алғыс. Бұл зерттеу № AP26103999 «Сарайшық ортағасырлық қалашығының тарихын кешенді зерттеу» гранттық жобасы аясында орындалды.

Дәйексөз үшін: Шолахов М.Г. Ноғай Ордасының батысеуропалық тарихнамасын талдау // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 181-199 бб. (Орысш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199

АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ*Шолахов Мурат Гарифоллаевич¹*¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Докторант

 <https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

Аннотация. Статья представляет критический обзор западно-европейской историографии Ногайской Орды (XIX–XXI вв.). Фокус – на том, как менялись представления о происхождении ногайцев, природе их политической организации и роли ключевых фигур (Ногай, Эдиге) в нарративах немецкой, британской, и французской школы. Анализ связывает используемую источниковую базу (летописи, ориентальные хроники,) с формированием устойчивых интерпретаций и исследовательских стереотипов. *Цели и задачи.* Цель – реконструировать

эволюцию западно-европейских подходов к Ногайской Орде и выявить методологические сдвиги. проследить переход от персоналистских объяснений («партия Ногай») к институциональному и сетевому взгляду; классифицировать ключевые сюжеты – государственность/конфедеративность, роль «теневых правителей», экономические практики, конфессиональные факторы; соотнести классические работы XIX–XX вв. с новыми исследованиями начала XXI в.; зафиксировать лакуны и задать программу дальнейших изысканий. *Результаты.* Сформулирована рабочая матрица анализа из трёх осей: «персоналии институтов», «внешние внутренние источники», «военно-приграничный социально-экономический ракурс». Заключение. Западно-европейская историография Ногайской Орды прошла путь от биографизма к структурному и сетевому пониманию степной политики, но сохраняет пробелы в изучении элит, религиозных институтов и повседневных практик. Дальнейший прогресс требует просопографических реестров ногайских биев/мурз, системной интеграции восточноязычных исследований и количественного анализа фискально-правовых материалов. Предложенная матрица задаёт методологическую основу для такого синтеза.

Ключевые слова: Ногайская Орда, западноевропейская историография, этногенез ногайцев, мангыты, Ногай, Эдиге, Улус Джучи, Золотая Орда

Благодарность: Настоящее исследование выполнено в рамках грантового проекта № AP26103999 «Комплексное изучение истории средневекового городища Сарайшык».

Для цитирования: Шолахов М.Г. Анализ западноевропейской историографии Ногайской Орды // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 181-199. (На Русс.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199

Введение. Западноевропейская историография Ногайской Орды формировалась в русле общей «ордынской» проблематики и на протяжении почти двух столетий демонстрирует смену объяснительных схем – от биографически-персоналистских нарративов к институционально-сетевым моделям степной власти. Уже ранние синтезы XIX века – И. фон Хаммера-Пургшталя и Г. Ховарта – задали устойчивую оптику: центральными фигурами представлялись Ногай и Эдиге, вокруг которых структурировались сюжеты дипломатии, военных коалиций и «теневого» влияния в пространстве Улуса Джучи (Hammer-Purgstall, 1840; Howorth, 1880). Французская школа первой половины XX века (R. Grousset, а также традиция, идущая от J.-E. D’Ohsson) закрепила этот ракурс, усилив внимание к взаимодействию ногайцев с соседями и к роли степных элит как автономных акторов позднесредневековой Евразии (Grousset, 1939; D’Ohsson, 1820–1824).

Во второй половине XX – начале XXI века британская и германоязычная историографии постепенно смещают фокус от «биографий сильных людей» к анализу институтов и практик: вассальных обязательств, распределения властных полномочий между ханами и беями, механизмов легитимации и правовой культуры степи. Современные работы М. Фаверо на французском материале усиливают этот тренд, предлагая рассматривать Ногайскую Орду не как «партию» при дворе, а как полицентрическую конфигурацию элит и зависимостей, где персональные авторитеты соотносятся с воспроизводимыми правилами политической игры (Favereau, 2021). При этом сохраняются устойчивые лакуны. Во-первых, дискуссии о природе ногайской государственности – «орда» как государство, конфедерация или сеть союзов – долгое время велись преимущественно в рамках внешнеполитических сюжетов, что сужало горизонт анализа внутренних институтов (судебные практики, религиозная инфраструктура, налогово-даннические механизмы). Во-вторых, просопография ногайских элит остаётся фрагментарной: множество фигур (мурзы/беи, посредники, религиозные авторитеты) фигурируют эпизодически и без сопоставимых биографических досье, что затрудняет проверку общих моделей. В-третьих, терминологические коллизии («Ulus Jūci»/«Золотая Орда», семантика слова *orda* как института/ставки/сообщества) по-прежнему порождают разночтения интерпретаций.

Материалы и методы исследования. Основанием служит корпус западноевропейских исследований XIX–XXI вв. о Ногайской Орде и шире об Улусе Джучи – монографии, статьи, книги рассматриваемые как свидетельства исследовательских установок и источниковых опор. Переводы восточных хроник и русских летописей учитываются как опосредованные свидетельства, через которые формировались интерпретации западноевропейской школы. Методика строго историческая и включает историографическую критику (выявление авторских позиций и аргументации), источниковедческую критику в историографическом ракурсе (оценка состава и обработки первичных текстов у западных авторов). Сравнительно-исторический подход для сопоставления англо-, франко- и германоязычных трактовок, проблемно-хронологический подход для отслеживания эволюции объяснительных схем от XIX к XXI вв., концептуально-терминологический анализ ключевых категорий, а также просопографический сбор сведений о ногайских элитах по западной литературе с последующей контекстуализацией в интеллектуальной среде времени и перекрёстной верификацией спорных положений. Рамки исследования сознательно ограничены историографией без картографических, археологических и статистических реконструкций, а восточная язычные работы привлекаются лишь для сверки терминологии и проверок.

Обсуждение. Западноевропейская историография темы прошла длинную дугу – от классических «синтетических» нарративов XIX – середины XX вв., где ногайцы фигурируют как эпизод в общей истории «татар» Восточной Европы, к ревизиям последних десятилетий, рассматривающим Джучидов и ногайские орды в их собственных институтах и региональных связях. В раннем каноне ключевым остаётся корпус Генри Ховорта (Howorth, 1880): масштабный, источниковедчески смелый, но методологически телеологичный; у Ховорта заметно смещение фигуры Ногая (правителя конца XIII в.) с более поздними ногайскими ордами и тенденция видеть «ногайский фактор» прежде всего как разлад и «разрушительную силу» степи. Это наследие затем транслировалось в крупных панорамных синтезах Рене Груссе (Grousset, 1939), где кочевники, в том числе ногайцы, вписаны в широкую дихотомию «номад – оседлость» и в сюжеты «заката» имперских образований степи. Эти фундаментальные труды задали канон имён и событий, но задним числом воспроизвели упрощительную картину отношений между Крымским ханством, Османами и ногайскими ордами.

Перелом обозначили англо-американские и центрально-европейские исследования конца XX – XXI вв., «снявшие» центричность московско-российской оптики и описавшие Джучидов как долговечный политико-экономический порядок. Программной стала монография Мари Фаверо (Favereau, 2021), предложившая рассматривать Орду (включая поздние ногайские конфигурации) как эластичную сеть институтов, торговли и миграций, а не «остаток империи». Точную ревизию образа «Ногай-кондотьера» предложил Дж. Р. Уилсон (Wilson, 2022; см. также его магистерскую работу: Wilson, 2021): сопоставление корпусных текстов (Jāmi' al-tawārikh, европейские хроники и др.) показывает более ограниченную, контекстно зависимую роль Ногая в политике Джучидов. Дипломатия и внешние связи институционально оставались прерогативой хана. Это смещает оптику и по отношению к позднейшим ногайским ордам: «силовое посредничество» и многоцентровая лояльность объясняются не «анархией степи», а структурой степной политики.

Из обобщающих трудов на английском языке важен корпус Тимоти Мэя (May, 2018; см. также May, 2012): энциклопедический и синтетический подход задаёт сравнительный каркас для анализа военных, административных и правовых практик, позволяющий вписать ногайские «ордовые» формы в общие джучидские институты. Для нашей темы это даёт язык описания «конфедеративной интеграции» и каналов извлечения ренты в степной экономике.

К «приграничной» ветви историографии, где ногайцы выступают акторами трансрегиональных связей, относятся исследования Дариуша Колодзейчика (Kołodziejczyk, 2011) о дипломатии Крымского ханства с Речью Посполитой и работы Брайана Дэвиса (Davies, 2007) о войне и государстве на черноморской степи в 1500–1700 гг. Эти книги

укрупняют контекст буджакских, едикульских и кубанских ногайцев — как инструмента дипломатической мобилизации и как силы, влияющей на движение границ, оборот пленников и трансформации военного налогообложения.

Более специализированные сюжеты развиты в исследованиях «чёрноморского фронта»: Дениз Кляйн (Klein, 2012) реконструирует ногайское восстание 1699–1701 гг. в Буджаке и показывает, как имперская нормотворческая повестка (Карловицкий мир, запрет набегов) конфликтовала с локальной экономикой степи; Виктор Остапчук (Ostapchuk, 2001) и Мария Иванич (Ivanics, 2013) вводят широкую документацию по османско-крымским коммуникациям, рейдам и позициям буджакских ногайцев в XVII–XVIII вв., что позволяет видеть ногайские группы не как «тень ханства», а как самостоятельные коллективные субъекты с собственной логикой расселения, промыслов и политических альянсов.

Наконец, крымско-татарская линия Алана Фишера (Fisher, 1978) важна тем, что последовательно вписывает ногайские орды в социальную ткань ханства (институты посредничества, военная служба, «степной буфер», рынки пленных), демонстрируя амбивалентность их статуса — от опорного партнёрства до источника политического давления. Эта перспектива соединяет «крымский» и «ногайский» сюжеты и остаётся рабочей рамкой для обсуждения автономии орд.

Несмотря на сдвиг к институционально тонким моделям, остаются пробелы: (1) сравнительная внутренняя история отдельных орд (Буджак, Едисан, Едикуль, Кубань) в длинном XVI–XVIII вв.; (2) правовые режимы и баланс шариата/адата в ногайской среде вне «крымского посредничества»; (3) количественные оценки влияния ногайских рейдов и торговли пленниками на демографию и хозяйство пограничий; (4) разграничение терминологии и «слоёв» понятия «ногай» (персона Ногая, ранние мангытские элиты, поздние ногайские конфедерации).

Вклад настоящего исследования формулируется так: во-первых, мы разводим фигуру Ногая конца XIII в. и поздние «ногайские» конфигурации, следуя ревизионной аргументации Уилсона (Wilson, 2022) и применяя её к нарративам XVI–XVIII вв.; во-вторых, интегрируем «крымскую» и «польско-литовскую/дунайскую» перспективы (Kołodziejczyk, 2011; Davies, 2007) для Буджак/Едисан, что позволяет реконструировать многоуровневую логику лояльностей и набеговой экономики; в-третьих, используем институциональный язык (May, 2018) и сетевой подход (Favreau, 2021) для описания каналов власти и ренты в ногайских ордах, избегая редукции к модели «перманентной нестабильности»; в-четвёртых, уточняем терминологию и источниковые «швы» классического канона (Howorth, 1880; Grousset, 1939), показывая, где позднейшая вторичная традиция создала устойчивые, но проблемные клише.

Результаты. *Этноним «Ногай» в западноевропейской историографии.* В западноевропейской историографии этноним «ногай» обычно выводят как эпоним антропонимического происхождения – от имени беклярбека Ногая. Одновременно подчёркивается его раннее и самостоятельное бытование как обычного личного имени в монгольско-тюркской ономастике. Как отмечал французский лингвист Поль Пельо, в источниках арабграфической традиции «Nogai» функционирует в двух регистрах – и как личное имя, и как позднейший этноним. Так, в «Юань ши» упомянуто не менее шестнадцати носителей имени Ногай, не считая двух случаев с «аберрантной» транскрипцией Nuqai (см. San che t'ong–Ming lou, 16, 26; 18, 86–96) (Pelliot, 1949: 73). Это свидетельствует, что «Ногай» воспринималось как обычное собственное имя – подобно распространённым у кочевников именам вроде «Батыр», «Арслан» или «Барс».

В более широком плане названия «казах», «узбек», «ногай» фиксируют переход от имперских структур монгольской эпохи к тюркским политиям раннего Нового времени, когда язык, религия и политическая ориентация складывались в новые формы коллективной идентичности.

Этноним «ногай» у Ховарта объясняется эпонимически – от имени Ногая, одного из наиболее влиятельных эмиров позднего Улуса Джучи; в ряде известий он фигурирует как близкий родственник Берке и фактический главнокомандующий его войсками (контекст продолжается и при правлении Тохты) (Howorth, 1880: 10, 127). Схожей позиции придерживается Тимоти Мэй, связывая происхождение названия Ногайской Орды с именем Ногая (May, 2012: 230). В таком ключе этноним «ногай» трактуется как производное от имени одного из сильнейших беклярбеков эпохи Тохты. Ногайская Орда предстает как политическая конфедерация, символизирующая повышенную роль института беклярбека при отсутствии собственного чингизидского центра. Это обстоятельство способствовало консолидации разнородных монгольских и тюркоязычных компонентов вокруг авторитета отдельных правителей и элитных линий; такая консолидация фиксировалась в эпонимических наименованиях племён и орд.

Шпулер отмечал что, это уже видно даже по тому, как восточные писатели отныне именуют Дашт-и Кыпчак лишь изредка как Улус Джучи или Улус Берке, но чаще как страну Узбека, а узбеки носят свое имя по той же причине, как и ногайцы от Ногая (Shpuler, 2016: 113). Один из механизмов сохранения политической и социальной жизни улуса Джучи была орда Едигея, которая после его смерти в 1419 году стала известна как Ногайская Орда. Историки не знают, как объяснить связь между названиями «Мангыт» и «Ногай». Мы не знаем, какие узы связывали мангытов с Ногаем – первым джучидским бектербегом и одной из ключевых фигур, изменивших историю Орды. Тем не менее, уравнение между мангытами и Ногайской Ордой ясно прослеживается в источниках XV века (Favereau, 2021: 369). В целом европейская историография редко учитывает позицию В. В. Трепавлова о том, что этноним «ногай» мог восходить к термину «кара-ногай» (Gribovskiy, 2019: 17). Существует и взгляд, согласно которому мангыты пришли в Улус Джучи сравнительно поздно – из Улуса Чагатая (Трепавлов, 2016: 62). Как мобильный монгольский род, мангыты не были жёстко привязаны к определённой территории или городу, поэтому могли переходить на службу к разным ханам и мигрировать вслед за политической конъюнктурой. Термин «кара-ногай» мог отражать преемственность от имени влиятельного беклярбека Ногая – что соответствует кочевой практике самообозначения по предку и именам престижных предводителей; альтернативно, он фиксирует устойчивый этноним, изначально соотносимый с монголами. По мере тюркизации значение слова «ногай» утратило ассоциации с лексемой «собака»; в исламской нормативной традиции самоназвания с уничижительным оттенком обычно порицались. Ж. Сабитов полагает, что мангыт-нойон Янджи – предок Едиге – служил беклярбеку Ногаю (Sabitov, 2018: 23–24). Подобно другим кочевым монгольским родам, мангыты могли участвовать в междоусобной борьбе и на стороне Ногая, и на стороне Тохты, причём отдельные линии рода имели разный политический вес. Уместна историческая аналогия с японским периодом Сэнгоку-дзидай: глава рода Санада Масаюки и его сын Санада Юкимура (Нобусигэ) поддержали «западную армию» Исида Мицунари, тогда как другой сын, Санада Нобуюки, – Токугава Иэясу. Ногай-хан обладал безусловным авторитетом – во многом благодаря аскетичному образу жизни, репутации воина и мудреца. Подобно ханам Узбеку и Берке, его имя могло приобрести вес как этноним. Потому гипотеза европейских историков к «абсолютизации Ногая» имеет реальную основу. То, что он мог проигрывать войны Тохте, этого не отменяет: в истории немало случаев, когда симпатии современников и потомков оказывались на стороне побеждённых. Достаточно вспомнить японские примеры – клан Такэда или Санаду Юкимуру, проигравшего в битве при Сэкигахаре, к которому продолжали испытывать стойкую симпатию как воинам.

Джэк Уилсон в статье *Nogai the Khanmaker: A Historiographical Problem* приводит Т. Мэя что он в книге *The Mongol Empire* пошёл дальше и сделал Едиге буквальным потомком Ногая, утверждая, что Едиге исполнял роль своего предка, становясь “вершителем престолов” (Wilson, 2022). Дальше Уилсон приводит опровержение Питера Джэксона что что Едиге считается предком и народным героем Ногайской Орды, подпитывал подобное отождествление. Несмотря на своё название, Ногайская Орда не имеет связи с Ногаем XIII века

и была основана сыновьями Едиге после его смерти (Wilson, 2022: 339). Такая позиция свидетельствует о том, что Едигей ценил целостность Улуса Джучи выше, чем его разделение.

Узбеки и ногайцы — пожалуй, самые известные народы, чьи этнонимы восходят к именам монгольских правителей: узбеки — к хану Өзбеку (Узбеку), ногайцы — к беклярбеку Ногаю. Корректнее трактовать происхождение этнонимов «узбеки» и «ногайцы» не как следствие «слабости самоназвания», а как результат превалирования политонима над локальными эндонимами в степной среде. В условиях многослойной идентичности (род/аймак → улус → лояльность правителю) имя харизматического центра часто становилось зонтичным ярлыком для разнородных групп. Закреплению этих епонимов способствовали: 1) практическая выгода от принадлежности к мощному политическому центру (ресурсы, безопасность, дипломатические каналы), из-за чего широкое политонимное обозначение перевешивало узкую племенную маркировку; 2) административная и дипломатическая фиксация экзонимов во внешних канцеляриях (московской, османской, крымской, бухарской), где удобный зонтичный термин быстро становился этнонимом де-факто; 3) эластичность кочевой идентичности, позволявшая маневрировать между конкурирующими центрами; 4) наслаивавшаяся тюркизация, унифицировавшая язык межполитического общения и «подтягивавшая» общие ярлыки. 5) Престиж и политический вес этнонима. Принятие зонтичного наименования типа «узбек» или «ногай» выполняло функцию символического капитала: оно сигнализировало внешним и внутренним акторам принадлежность к сильному политическому центру, повышало переговорную позицию элит, упрощало мобилизацию союзников и доступ к покровительству, легитимировало власть внутри конфедерации и оформляло её статус в дипломатической переписке. Иными словами, этноним здесь выступал не только маркировкой идентичности, но и самостоятельным ресурсом власти. Существуют и другие епонимы от джучидских линий (напр., шибан/шайбаниды), но они, как правило, обозначают династии или ветви внутри более широких общностей, а не самостоятельные устойчивые этносы.

Происхождение ногайцев в западноевропейской историографической традиции.

У Генри Ховорта ключ к объяснению происхождения ногайцев — эпонимия от имени Ногаия и вообще от имён властителей: так же, как «берке-татары» названы по Берке, «ногайцы» — ещё один пример наименования от родоначальника; отдельные «племена ногайцев», по его словам, «общеизвестно» получили названия по именам своих основателей (Howorth, 1880: 10). Одновременно он выводит ногайцев из более ранних тюркских массивов степи: печенеги, засвидетельствованные Константином Багрянородным, заняли «старую тюркскую землю по обеим сторонам Днепра» — именно тот ареал, который «в позднейшее время занимали ногайцы», откуда у него следует идея территориальной преемственности (Howorth, 1880: 4). Печенежскую основу Ховорт усиливает через «черноклобуков/каракалпаков» и мангутов: каракалпаки у него — «важная секция ногайцев» (см. гл. XII), а мангуты и каракалпаки объявляются «потомками печенегов» (Howorth, 1880: 21; 5). Наконец, Ховорт полагал, что антропологически ногайцы близки к монголам: «малый рост», «тёмная медная, иногда почти чёрная» кожа, сходство с лапландцами; при этом, по Клапроту, ногайцы «сильнее всего похожи на монголов по лицу и сложению» (Howorth, 1880: 2).

Для «каракалпаков» (важная секция ногайцев): «значительное количество волос на лице»; про предков-печенегов — «длинные бороды и большие усы»; пища — главным образом просо; любимое блюдо — *kazan djappay* (мука, запечённая с жиром) (Howorth, 1880: 5). Наблюдаемая «повышенная волосистость» может быть обусловлена длительным смешением с оседлыми и кочевыми тюркоязычными группами, а также с оседлыми ираноязычными популяциями пограничных зон. Такое объяснение допустимо как рабочая гипотеза, однако её проверка требует генетической верификации — полноценной генетической маркировки (панели SNP, Y-хромосомные и мтДНК-маркеры, а также аутомсомные компоненты) на репрезентативных выборках; описательные этнографические данные XIX века сами по себе недостаточны. Генри Хоурорт относил ногайцев к кипчакской группе по происхождению, но в антропологическом отношении описывал их как преимущественно «монголоидных»

(термин приводится как историографизм XIX века). Хоуорт был одним из первых британских историков, предпринявших систематическое исследование ногайцев в рамках многотомника *History of the Mongols*; несмотря на отдельные ошибки и последующую критику, его работа остаётся значимым вкладом в историографию темы. Ховарт строит очерк Ногайской Орды на сочетании восточных хроник, русско-византийской летописной традиции, путевых записок и филологической литературы. Для ранних этнонимических и этнографических связей (печенеги/каракалпаки ↔ ногайцы) он ссылается на Константина Багрянородного и «Нестора», дополняя их данными Ибн аль-Варди; в этом же блоке опирается на Вамбери и Страленберга для топонимии и «черноклобуков», а также на путешественников Кларка, Палласа и Клапрота (в т. ч. по письменной традиции «Jagatai/Shagaltai») (Howorth, 1880: 3–5). Для уточнения племенных соответствий и «восточной» компоненты (канглы и др.) он привлекает *Asia Polyglotta* Клапрота, материалы Шуйлера, а также Абулгази, Эрдманна, Шотта, Бретшнейдера и Ремюза (Howorth, 1880: 11, 19). Политическую историю ногайцев и «дома Ногая» Ховарт сверяет по Д'Оссону, фон Гаммер-Пургшталью и Карамзину, дополняя арабским корпусом аль-Нуайри (Howorth, 1880: 144). В главах о крымско-ногайском узле и бессарабских ордах он активно использует поздние европейские нарративы и мемуары: барона де Тотта (ключевой свидетель по административной интеграции ногайцев, мобилизационным нормам и дисциплине), Пессонеля (*Commerce du Mer Noire*), а также Лезюра, Шерера, Сенковского, де Гиня и Сент-Мартена (Howorth, 1880: 586, 594–595). В целом у кипчаков нет устойчивой «сигнатурной» Y-гаплогруппы, однозначно маркирующей их идентичность. Если гаплогруппа C3 (ныне обозначаемая как C2) обычно связывается с периодом монгольских завоеваний, то у кипчаков картина сложнее. Тем не менее можно сказать, что ногайцы по совокупности признаков ближе к кипчакской идентичности, несмотря на монгольский правящий род мангытов. Например, датский генетик Эске Виллерслев и его коллеги выявили у половцев Y-хромосомные гаплогруппы G2a-RH1780 и C2-Y11990 (Willerslev, 2018: 374). Получается, в первом приближении ногайцев корректно относить ближе к кипчакам при монгольской правящей династии (что нередко: монголы часто были правящим меньшинством). С одной стороны, ногайцы сохранили кипчакский языковой компонент; с другой — монгольские правила престолонаследия, героические эпосы и культ монгольских ханов. По выраженности «монгольского компонента» ногайцы занимают промежуточное положение между узбеками и казахами, причём у казахов он проявляется сильнее. Ногайские сообщества, сложившиеся в позднесредневековую и ранненововременную эпоху на стыке мангытских, кипчакских и иных компонентов, формировались через повторные межродовые брачные обмены; вследствие этого их фенотипический облик был гетерогенным, хотя в среднем преобладал восточноевразийский («монголоидный») компонент при заметной доле западноевразийских признаков.

Это согласуется с его общей установкой: печенеги — несомненно «тюрки», следовательно, генезис ногайцев мыслится как тюркский, печенежско-кипчакский по своему стержню (Howorth, 1880: 4–5). Наконец, лингвистически Ховарт относит ногайцев к «восточным тюркам» (диалект близок к восточнотюркским; спор о «монгольской примеси» он пересказывает и склоняется к тюркской основе), что у него подкрепляет идею об их тюркском происхождении (Howorth, 1880: 3).

Тимоти Мэй относит Ногайскую Орду к числу политий постордынского мира без правящей чингизидской династии, ставя её в один ряд с Великим княжеством Литовским и Московией. При этом отмечая, что большинство соседних государств были чингизидскими: Крымское, Казанское, Касимовское, Астраханское, Сибирское, Узбекское и Казахское ханства. Московия, по замечанию Мэя, стала крупным игроком, выполняя функции сборщика дани для монголов; монгольская поддержка была критична в противостоянии с Тверью и Новгородом. Все чингизидские государства сохраняли монгольские практики; многие из них восприняли и Московия (May, 2012: 87). Что касается мангытов, они нередко формально признавали верховенство чингизидов и поддерживали монгольские генеалогические культы; вместе с тем процессы тюркизации, вероятно, влияли на их политическую идентичность — степень и динамика этого влияния остаются предметом дискуссии.

Столица ногайцев. Западноевропейская историография лишь эпизодически рассматривает Сарайчик в контексте Ногайской Орды. Так, Мари Фаверо отмечает: «когда Токтамыш взойшёл на престол, владения мангытов простирались от Урала до Эмбы и включали важный город Сарайчук; положение на границе между владениями Бату и Орды-Ежена приносило мангытам выгоды: они принимали кочевые семьи с обеих сторон, искавшие мира и защиты на фоне междоусобиц (bulqaq)» (Favereau, 2021: 371). Й. фон Гаммер-Пургшталь упоминает Сарайчик в рамках истории Улуса Джучи, но не анализирует его специально как центр в составе Ногайской Орды. Наиболее развёрнутую интерпретацию ногайского периода Сарайчика предлагает В. В. Трепавлов. Его труды остаются ключевой опорой, к которой целесообразно обращаться и западноевропейским исследователям. При том что источники достаточно подробно фиксируют роль Сарайчика в ногайскую эпоху, в западноевропейской историографии этот сюжет освещён слабо. Добавим, что Фаверо как современная исследовательница привлекает широкий круг нарративов (включая Абулгази) для сопоставления генеалогических и политических данных по мангытско-ногайской среде (Favereau, 2021).

В XV веке Ногайская Орда испытывала воздействие ранней фазы Малого ледникового периода и общеевразийных экономических потрясений. Эти факторы ухудшали пастбищную базу и нарушали транзитные торговые связи, вследствие чего политическая активность орды была относительно низкой и преимущественно реактивной. Для западноевропейской историографии XV век в истории ногайских групп остаётся слабо разработанным: основное внимание сосредоточено на оформлении мангытско-ногайского юрта в XVI–XVII вв. и на имперской политике XVIII века. Недостаточная сохранность нарративных свидетельств XV столетия и конкуренция более «мейнстримных» сюжетов (Большая Орда, Крым, Шайбаниды) удерживают этот период на периферии исследований. Шпулер отмечал, что 3 августа 1490 г. Иван III установил отношения с ногайцами — к тому времени уже выступавшими на политической арене как сплочённый племенной союз — и их мирзой Мусой. Поскольку они обещали бороться с сыновьями Ахмата, великий князь московский воспринимал их как союзников. Действительно, в 1491 г. против Большой Орды выступило смешанное русско-ногайское войско (Shpuler, 2016: 220).

Груссе считал правящий род мангытов монгольского происхождения (мангуд из Улуса Джучи). В начале XVI в. ногайско-мангытский клан, происходивший от мангудов и вышедший из степей у низовьев Волги и Урала, закрепился в Бухаре; при астраханидах его влияние возрастало. При последнем астраханиде Абул-Гази (1758–1785) зять правителя Масум-шах Мурад стал фактическим правителем и в 1785 г. основал мангытскую династию; он пытался продвинуться к Мерву и Балху за счёт Тимур-шаха Дуррани (Балх Бухара удержала лишь с 1826 г., в 1841 г. он окончательно отошёл афганцам; Мерв остался за Бухарой). Династия правила до 1920 г.; с 1866 г. Бухара находилась под российским протекторатом (Grousset, 2012, 497).

Мари Фаверо отмечает, что ногайцы формально признали власть хана кочевых узбеков Абу-л-Хайра. «Мангыт-ногайцы покинули Абу-л-Хайра в 1450-е годы, но в начале XVI века согласились заключить союз с Мухаммадом Шайбани и поддержать его как хана, предупредив при этом, что их поддержка сохранится лишь постольку, поскольку Мухаммад Шайбани позволит им “полную свободу в государственных делах”. Будучи одной из сильнейших политических и военных сил в Поволжье-Приуралье и в Крымском регионе, мангыт-ногайцы были суверенами и “вершителями престолов”, а не вассалами. Они проводили самостоятельную внешнюю политику и тесно взаимодействовали как с русскими, так и с османами, прежде чем разделились на Большую и Малую Ногайские Орды: первая была связана с Москвой, вторая — с Османами. В своих различных формах мангыт-ногайцы оставались влиятельными силами к северу и востоку от Каспия вплоть до XVIII века, пока не были поглощены расширяющейся Российской империей.» (Favereau, 2021: 371). Ногайцы понимали, что узбеки, находившиеся на значительном удалении, не представляли непосредственной угрозы их политике. Рациональнее было признать власть далёкого хана, чем

подчиниться ближайшему чингизиду, способному ограничить их автономию. Между тем именно чингизиды на сопредельных с ногайскими ордами территориях оказывали упорное сопротивление потомкам Едиге. В перспективе ногайцам предстояло столкнуться и с потомками их прежнего сюзерена — Урус-хана, чьи наследники, образовавшие Казахское и Крымское ханство, активно расширяли свои владения.

Тимоти Мэй отмечает: «При Касым-хане (правил 1511–1518) Казахское ханство достигло своего расцвета. При его правлении к казахам присоединились и другие кочевники, в том числе несколько ногайских групп, а также найманы и аргыны из числа бывших чагатаидских могулов» (May, 2018: 93). Вероятно, часть найманов и аргынов откочевала от шибанидского круга в период исхода Керей и Жанибека. Родовые объединения, действовавшие в рамках монгольской клановой структуры, могли переходить из-под власти мангытов к различным линиям чингизидов при возникновении внутриэлитных конфликтов.

Алан Фишер, рассматривая ногайцев в контексте позднего Улуса Джучи и крымскотатарской политики, подчёркивает, что ногайцы выступали как племенное объединение Золотой Орды; до середины XVI в. их кочевые маршруты тянулись между Азовом и Астраханью. После падения Астрахани (1556) значительная их часть мигрировала в степи к северу от Крыма и в неформальном порядке признала сюзеренитет крымского хана. Внутри ногайской конфигурации выделялись несколько орд: кубанская; едичкульская (Yediçkul) севернее Крыма; буджакская (между Дунаем и Днестром); едисанская (между Днестром и Бугом); джамбойлукская (между Бугом и подступами к Крыму) (Fisher, 2022). При этом попытки Бахчисарая институционализировать контроль через присылаемых сераскеров не дали устойчивого результата: сохраняя кочевой образ жизни и автономные каналы принятия решений, ногайцы периодически оспаривали «татарское» начальство, включая случаи насилия против ханских представителей (там же: 86–87). В общей историографической перспективе Фишер полемизирует с редуционистскими трактовками советского периода (Новосельский, Якобсон), настаивая на институциональной сложности крымсконогайских связей и двойственном эффекте ногайского фактора — как опорного ресурса ханской власти и одновременно источника политического напряжения (там же).

Мухаммад-Гирей не успел воспользоваться успехами: в 1523 г. он был застигнут врасплох и убит ногайским ханом Мамаем, опустошившим Крым. В 1524 г. его брат Сахиб-Гирей вернулся в Крым из Казани, оставив там своего сына Сафа-Гирея (Grousset, 2012, 487). Астрахань раздирали соперничество крымских и ногайских ханов (район Яика/Урала), которые попеременно насаждали там своих правителей (Grousset, 2012, 485).

Груссе ошибочно полагал, что Едигей являлся основателем Ногайской Орды: при Шадибеке и Пуладе реальная власть принадлежала самому Едигею, вождю мангытской (ногайской) орды. Арабшах называет его фактическим «главой дворца». Гражданская война вспыхнула, когда новый хан Тимур отказался мириться с диктатурой Едигея (ок. 1412–1415); по версии Груссе, Тимур победил, а Едигей был убит (Grousset, 2012: 483). Однако, по исследованиям Ю. М. Почекаева, Едигей погиб от руки чингизида Кадырберди (Pochekaev, 2019: 226). Несмотря на эту фактологическую ошибку, роль Едигея действительно стала катализатором институционализации «ногайской» политики: память о нём придавала легитимность его потомкам и способствовала оформлению Ногайской Орды. По своей политической функции Едигей сопоставим с китайским канцлером Цао Цао. Возвёл марионеточного правителя, а его потомки кратковременно достигли вершины власти, но были свергнуты в междоусобицах. Ногайские бии активно вмешивались в династические дела соседей (Казани, Астрахани, Крыма), поддерживали «своих» претендентов, заключали династические браки и навязывали союзные условия; при этом внутри самой Ногайской Орды, в отличие от практики Едигея, не выдвигали «декоративного» чингизида, опираясь на собственную военно-политическую силу.

Ногайцы по левому берегу Волги в ряде эпизодов показаны как самостоятельная военная сила, признававшая и отвергавшая разных чингизидов; у Ховарта это помещено в обзоре распада «Большой Орды» (Howorth, 1880: 449).

Язык ногайцев. У Ховарта прямо сказано (со ссылкой на Клапрота), что у ногайцев «сохранились остатки старого татарского диалекта, которым они пользуются **в письме**, и который называется *Jagatai* (обычно произносят *Shagaltai*)» (Howorth, 1880: 3). Чуть выше он приводит и вариант Палласа: «...пользуются древним способом письма, также смешанным с монгольским, и называемым *Shagaltai*» (Howorth, 1880: 3). Чагатайский язык — тюркский литературный язык карлукско-уйгурской ветви. Его наименование связано с улусом Чагатая и закрепилось в позднесредневековой письменной культуре как престижная норма, широко используемая при дворах и в канцеляриях государств чингизидской традиции, что служило символическим подкреплением их политической легитимности. Факт, что имена правителей становятся именами народов и политий — как «узбеки» от Узбек-хана и «ногайцы» от Ногая, — а престижный литературный стандарт получает название «чагатайский язык», убедительно показывает идеальную ассимиляцию монголов в тюркскую среду. В позднесредневековой Евразии монгольская династическая харизма без сопротивления была принята тюркскими общинами и переоформлена в их культурных кодах. Правители чингизидской традиции действуют в тюркском языковом пространстве, элиты и население признают эти имена как свои, а сам язык власти закрепляется под династическим названием «Чагатай». Это означает, что монгольский элемент не только не вызывал у тюрков претензий, но и стал естественной частью тюркского политического и культурного порядка. «Монгольское» обеспечивало легитимность, «тюркское» — язык и повседневность, образуя единое целое без внутренних противоречий.

Среди постордынских народов ногайцы особенно выделяются глубоко развитой традицией устного эпоса, которая выполняла не только художественную, но и социально-политическую функцию.

Также про письменность ногайцев основанную на арабской письменности рассматривал E. Allworth (Allworth, 1971: 353-355). В казахской историографии закрепился термин «Ногайлы» как собирательное обозначение постордынского этнокультурного пространства: он охватывает не только кратковременную политическую структуру Ногайской Орды (XV–XVI вв.), но и общую для казахско-ногайской среды эпическую традицию, шежиры и сеть социальных связей. Хотя Ногайская Орда как государство существовала недолго, представление о «ногайлинском мире» продолжило жить в эпосе, исторических песнях, топонимике и генеалогиях, оставив глубокий культурный след в степи. Уместна типологическая параллель с японским домом Тайра: несмотря на поражение в войне Гэмпэй (1180–1185), наследие Тайра было закреплено в литературном каноне — прежде всего в «Повести о доме Тайра» (*Heike monogatari*) — и через культурные нарративы поддержало коллективную память и формы легитимации. Аналогично «Ногайлы» как историографическая и фольклорно-литературная категория продолжил существование уже за пределами собственно государственности, обеспечивая преемственность памяти и идентичности в постордынский период.

Армия ногайцев. В крымский период: существовали «сераскиры, или генералы трёх ногайских орд» — Буджак, Едисан, Кубань; они «управляли округами, командовали их воинскими контингентами», имели собственные чиновников и диван; могли судить по тяжким делам среди крестьян и мурз (Howorth, 1880: 586; см. также подробности о доходах и повинностях у серскиров: Howorth, 1880: 611). Ногайские силы регулярно выступали как союзные контингенты в войнах Крыма: напр., Саадет-Гирей «снова призвал ногайцев и донских казаков»; в последовавшем бою «пали несколько ногайских вождей» (Howorth, 1880: 504). По сообщению барона де Тотта, дисциплина поддерживалась суровыми карами: во время польской кампании отряд ногайцев попытался уйти с добычей, чтобы избежать ханской «десятины»; за мародёрство одного ногая публично казнили, другого подвергли телесному наказанию за кощунство (Howorth, 1880: 592).

Военные конфликты. Военная активность ногайцев в позднесредневековом Причерноморье прослеживается в ряде узловых эпизодов. Уже в 1469 г. кочевые ногайские

татары выступают основной опорой Нур-Девлета в крымской смуте; в конце года он при их поддержке выбивает Менгли-Гирея из Кирк-Ера (Fisher, 2022: 66–67). В 1509 г. союз астраханского Абдул-Керима с ногайскими мурзами Агуишем, Ахмет-Али и Шидьяком предпринимает поход против Крыма, отражённый ханом; в том же контексте упомянуто посольство «Казак-султана» (личное имя, не этноним) (Howorth, 1880: 351). В 1522–1523 гг. Мухаммед-Гирей берёт Астрахань при поддержке Мамая — «князя ногайского»; происходит краткая реставрация «Большой Орды», но вскоре сам Мухаммед-Гирей убит ногаями в ставке (Howorth, 1880: 352). В 1537–1540 гг. фиксируются совместные действия крымцев и ногайцев против Руси: в 1540 г. один из отрядов (с участием ногайцев) внезапно атакует Муром, на что следует удар шах-Али по ногаям (Howorth, 1880: 402–403). В 1552–1559 гг. ногайские контингенты воюют на стороне Девлета-Гирея против Руси: хан направляет ногайцев и «князей Ширина» на Коширу; в ответной операции у Перекопа русские захватывают у ногайских отрядов до 15 000 коней (Howorth, 1880: 496). Наконец, в борьбе вокруг Астрахани после её завоевания ногайские князья, «покончив междоусобицу», выступают против Дервиша-Али и захватывают османскую артиллерию; за этим следует ликвидация ханства — стратегический излом силового баланса на Нижней Волге (Howorth, 1880: 388).

В сумме эти эпизоды демонстрируют характерную для ногайцев модель «мобильной силы» и политического арбитража между Крымом, Астраханью и Русью: они попеременно выступают в роли союзных контингентов, инициаторов ударов и «переключателей» степного баланса, однако по мере XVI в. всё глубже втягиваются в войны соседей, что ускоряет утрату самостоятельных опорных зон на Нижней Волге (Fisher, 2022: 66–67; Howorth, 1880: 351; 352; 402–403; 496; 388).

Тимоти Мэй отмечает, что в периоды мира Сибирское ханство соперничало с Казанским ханством на западных рубежах за влияние над ногайскими татарами региона; однако после падения Казани на политической сцене появился более могущественный сосед — Московское государство (Московия) (May, 2012: 89).

Конфликты Казахского ханства с ногайскими ордами можно рассматривать как отголосок внутриджучидского противостояния эпохи войны Тохты с Ногаем, но уже в существенно меньшем масштабе — без широких коалиций и многочисленных вассалов, с более локальными целями (контроль кочевых трасс, пастбищ и источников). В западноевропейской историографии этот сюжет проработан слабо: взаимодействия Ногайской Орды с казахскими улусами под руководством чингизидов-тукайтимуридов остаются на периферии исследований, тогда как основное внимание чаще уделяется Крыму, Большой Орде и шибанидскому/узбекскому направлению.

В 1523 г. ногайцы убивают Мехмеда Герая I; при Сахиб-Герее вторгаются на полуостров; в XVII в. некоторые ногайские вожди рвут связи с Крымом и предлагают признать московского царя; в конце XVIII в. Екатерина II находит среди ногайцев «абсолютную поддержку» при разрыве крымско-османских отношений. При всём этом ногайцы остаются полезны ханству: сдерживают славянскую колонизацию степи и питают невольничьи рынки пленниками. (Fisher, 2022: 87). Крымскотатарская «История Мехмеда Гирея» объясняет кризис локальной династической напряжённостью (убийство Шехбаза Гирея, соперничество братьев, роль бейских групп — ширинских мирз и Октимура) и подробно описывает уход Гази Гирея «к ногаям»; текст включает нравоучительные вставки и оговорки «как мне сказали», отражая смешение книжной и устной традиций (Klein, 2012; 132).

Политическая активность в западноевропейской историографии. Польский историк Кшиштоф Бойко рассматривает выделение Ногайской Орды как симптом распада Улуса Джучи. По его оценке, выражением существенного ослабления Золотой Орды стало отделение после 1395 г. подконтрольных Едигею (1400–1412; фактический правитель Золотой Орды), взаимодействовавшему с Тимуром, территорий между Волгой и Яиком (Уралом), на которых сложилась так называемая Ногайская Орда (Бойко, 2020: 191–192). Рамка XV в.: Астраханское ханство у Howorth — «наследник» Орды на Нижней Волге, сохранивший, в том числе, верность ногайцев (Howorth, 1880: 350). Конец XV в.: ногайские вожди активно вмешиваются

в дела Казани; около 1499 г. отряды Ямгурчи и Мусы нападают на Абдул-Латифа (Howorth, 1880: 378). Первая половина XVI в.: ногайцы выступают как ключевые контингенты в крымско-казанских и антимосковских походах; у Howorth под 1558 г. Девлет-Гирей распределяет силы: «ногайцев и князей Ширин» ведут на Коширу (Howorth, 1880: 496). 1569 г.: османско-крымская экспедиция к Астрахани; у Howorth паша Каффы с ханом и ногайцами подходит к городу, становится лагерем и закладывает деревянное укрепление; затем поход рушится (Howorth, 1880: 504). Институциональная роль ногайцев в крымской политике раннего нового времени. Howorth описывает трёх «ногайских орд» — Бужак, Едисан и Кубань — с собственными сераскирами (вице-правителями), диваном и военными контингентами (Howorth, 1880: 611). После смерти Едигея ногайская знать сохраняла самостоятельную политическую субъектность, закрепляя в памяти собственные «географии власти»: Крым назывался «страной Тохтамышша», Астрахань — «страной Тимур-Кутлуга»; уже в 1430 г. обсуждались вопросы престолонаследия (Howorth, 1880: 449). В течение XV–XVI вв. «различные орды ногайцев» неоднократно лагерями становились под Азовом, Каффой и Астраханью, участвуя в крымских операциях (Howorth, 1880: 484). Крымские ханы претендовали на верховенство над ногаями и, например, в 1551 г. разгромили Алмурзу, чтобы пресечь их продвижение к Крыму (Howorth, 1880: 487). Османский центр поддерживал такую связку: султан Сулейман велел ногаям помогать хану и заявил о даровании «короны Казани» дому Гиреев (Howorth, 1880: 489). Ногайская элита включалась и в практики политического «заложничества/воспитания»: Темрюков вместе с сыном ногайца Сумбеки обучался грамоте в Кремле (Howorth, 1880: 491). Тяжёлая зима 1557 г. разорила степи и резко сократила число боеспособных людей (Howorth, 1880: 493). В кампаниях против Москвы ногайские контингенты распределялись по направлениям (в т. ч. на Коширу), однако подвергались контрударам и оставляли позиции (Howorth, 1880: 495); одновременно в дипломатии подчёркивалась «верность ногайцев и черкесов» (Howorth, 1880: 499). Решение султана Селима идти на Астрахань в 1569 г. было принято «по наущению» ногайских, хивинских и бухарских князей и польских послов (Howorth, 1880: 503). В 1572 г. выступила «одна из крупнейших татарских армий», включавшая янычар, ногайцев и значительный парк артиллерии (Howorth, 1880: 509), тогда как русская сторона собирала соединённые силы с участием черкесов, кумыков, мордвы и ногайцев (Howorth, 1880: 511). В династических кризисах Крыма ногайский фактор оставался решающим: Мухаммед-Гирей, пытавшийся уйти «к ногаям на Волге», был настигнут и казнён (Howorth, 1880: 516); Саадет-Гирей «во главе ногайцев» занял Бахчисарай (Howorth, 1880: 519); в боях пали многие ногайские вожди, планировались совместные действия «с турками, ногайцами и русскими» против литовцев, а также совершались совместные с ногаями разорительные рейды по пограничным уездам (Howorth, 1880: 520). Наконец, неоднократно призывались «ногайцы и донские казаки», сам Саадет уходил «жить к ногаям», а ханы вынуждены были добиваться их благорасположения (Howorth, 1880: 521).

Как отмечает Тимоти Мэй, после разгрома Ермаком и утраты Кашлыка сибирский хан Кучум бежал на ногайские земли, где и скончался (May, 2012: 90)

Для Каботянского исследовательская проблема состоит в недостаточной проработке роли ногайцев в аннексии Крыма; базовым ориентиром остаётся Фишер, но его подход требует критического обновления (Kabotyanski, 2015: 6). Каботянский признаёт Алана Фишера «безусловно главным специалистом» по теме: его монография 1970 г. остаётся авторитетной; опора на богатый комплекс русских, крымских и османских источников; ногайские орды занимают ключевое место в его повествовании; сам Фишер подчёркивал, что прежние исследования «игнорировали ногайцев, а они были главным фактором в упадке ханства». (Kabotyanski, 2015: 6). Он предлагает аналитическую рамку «приграничной стратегии»: ногайские лидеры сознательно играли на соперничестве империй ради материальной выгоды, защиты и внутренней автономии (включая культурно-религиозную «аккомодацию» их синкретического ислама); успех российской политики объясняется опорой на традиционные практики степной дипломатии, переупакованные в риторику Просвещения

(Kabotyanski, 2015: 6). Внутри ханства ногайцы обладали структурным весом: по оценке, на них приходилось около 40% «заявленного» населения, а также почти вся территория за пределами полуострова (Kabotyanski, 2015: 4). Ключевой тезис работы — их восстания и смены лояльности были одним из решающих факторов, подтолкнувших Россию к аннексии: «не будет преувеличением» говорить о pivotal role ногайских орд; сама аннексия стала прямой реакцией на второе восстание против Шахина Гирея, а её итогом стало разрушение ногайского уклада (Kabotyanski, 2015: 69; 76). С одной стороны, с позиций классической шариатской доктрины восстание против признанного амира считается недопустимым; соответственно, ногайские выступления можно трактовать как нарушение общественного порядка и шерти. С другой стороны, имеющийся корпус источников не позволяет восстановить всю мотивацию и контекст решений, поэтому мы лишь абстрактно моделируем возможные сценарии поведения элит, сопоставляя правовые нормы (шариат, канун, тѐре) с практикой приграничной политики. После подавления восстания 1701 г. султанский указ велел «держаться шариата» и отказаться от «ужасного обычая, называемого тѐре»; крымский автор клеймил ногайцев как нарушителей шариата и нововведенцев (bid'at), что в османском контексте считалось тяжким проступком (кадизаделийская критика) (Kabotyanski, 2015: 28). Уровень богословских знаний в ногайской среде, по-видимому, был сопоставим с казахским и оставался относительно ограниченным с точки зрения институционального ислама (небольшое число мадрас, кадийатов и профессиональных улемов), при том что самосознание ногайцев было подчёркнуто «правоверным».

Как отмечает Kabotyanski, многие исследования повторяют имперские объяснения и называют кочевников «иррациональными», хотя они действовали осмысленно и расчётливо (Kabotyanski, 2015: 6).

Вопросы религиозной культуры ногайцев и казахов поднимает Д. Шомфай-Кара в статье *Baba Tükli and the Swan Girl: Legitimising Elements in the Turkic Epic Edige*, где отмечается, что элементы суфизма прослеживаются не только в религиозных практиках, но и во фольклоре наряду с рядом доисламских представлений (Somfai Kara, 2010: 127). Ислам заметно трансформировал религиозно-нормативные представления ногайцев: религиозная легитимация (шариат, авторитет авлия/суфийских шейхов) нередко воспринималась как более весомый источник власти, чем одна лишь харизма чингизидского происхождения. При этом институциональная база учёного ислама у ногайских орд была относительно слабо развита по сравнению с оседлыми центрами (ограниченное число мадрас, кадийских судов, профессиональных улемов). Этот дефицит частично компенсировали жырау: оставаясь прежде всего хранителями эпоса и общественными коммуникаторами, они выполняли функции популяризации норм и политической мобилизации, не подменяя улемов в сфере фикха и богословия. С одной стороны относительная «слабость» институционального ислама у ногайцев была обусловлена структурными особенностями кочевого уклада и настороженным отношением к нововведениям и реформам: общины не стремились радикально менять привычный образ жизни. Это затрудняло формирование устойчивой сети теологических институтов (мадрас, кадийатов) и подготовку корпуса улемов. Попытки компенсировать этот дефицит предпринимались отдельными лидерами — например, мирзой Исмаилом, рассчитывавшим при поддержке Москвы основать стационарный городской центр.

Падение Ногайской Орды. После калмыцкого давления в XVII в. значительная часть кочевых астраханских татар — составной части ногайского массива — либо слилась с калмыками, либо примкнула к крымским и кубанским татарам, киргиз-казакам и башкирам; лишь немногочисленные группы сохранялись в Ногайской степи к Кизляру (Howorth, 1880: 388). Одновременно буджакская, едисанская и кубанская орды были институционально встроены в крымско-османское пространство (с собственными сераскирами и диванами), что ускоряло политическое и культурное растворение ногайцев (Howorth, 1880: 611). Несмотря на смешанный этногенез, историческая траектория ногайцев в Новое время в целом повторила «кипчакский» сценарий: распыление и ассимиляция в соседних массивах. Ногайская Орда во многом оказалась в сходном географическом положении с кипчаками. у ногайцев не было

присырдарьинских городских опор и ирригационных центров. На севере располагалась Россия, относительно менее уязвимая к последствиям Малого ледникового периода благодаря устойчивым оседлым хозяйственным структурам, тогда как кочевое население степи — прежде всего ногайцы — оставалось практически полностью зависимым от климатических колебаний.

Ногайцы в Крымском ханстве. В административном отношении «четыре большие бессарабские орды» ногайцев были институционально встроены в крымско-османскую систему: две из них обычно управлялись сераскирами из дома Гиреев. Попытка Хаким-хана протолкнуть собственных сыновей на эти должности на фоне продовольственного кризиса в Константинополе вызвала волнения среди «ногайцев Дженджена»; 21 октября 1758 г. из Порты последовал приказ о смещении Хаким-хана (Howorth, 1880: 583–584). Налоговая политика усиливала напряжение: Порта изьяла в свою пользу хлебный налог *Ishetirach*, который платили орды Едисан и Джамбулек; де Тотт при этом фиксирует повседневность «дома сераскира у ногайцев» и характерный степной эскорт с передовыми и тыловыми дозорами (Howorth, 1880: 586). Мобилизационные практики были стандартизированы: «с каждых восьми дворов — три всадника»; развёртывались три армии со сборным пунктом в Томбашаре; к главной армии придавались Едисан и Буджак; хан выступил из Каушана 7 января 1769 г. (Howorth, 1880: 589–590). Дисциплина поддерживалась суровыми карами: в польском походе 1769 г. одного ногайца казнили за мародёрство (попытку уйти с добычей, минуя ханскую десятину), другого наказали за кощунство (Howorth, 1880: 592).

Точно так же калмыки были вынуждены отражать давление со стороны русских, крымских татар, а позднее и казахов, и имели под своим контролем множество ногайских татар-подданных. Эти подданные всегда были готовы заключить союз с крымскими татарами для нападений на своих мусульманских ногайских сюзеренов — калмыков (Sneath, Kaplonski, 2010: 624–625). В XIV–XV веках возникли могущественные династии кюрегенов (зятьёв), которые объединяли статус зятя правящей династии с контролем над кешигом (личной гвардией) и/или военной силой, чтобы ограничить власть хана. В разных формах эта тенденция проявлялась у ойратов, тимуридов, мангытов/ногайцев, а также в Крымском ханстве (Sneath, Kaplonski, 2010: 621).

Необычную функцию как буфера ногайцев представил Алан Фишер писавший что их структурная «полезность» для ханства носила амбивалентный характер: как степной буфер они препятствовали возникновению устойчивых славянских поселений, а в качестве военного ресурса и торгово-налётной инфраструктуры подпитывали крымские невольничьи рынки пленниками — важный элемент экономики и дипломатии выкупа раннемодеิร์นного Причерноморья (Fisher, 2022: 86).

Ногайские орды выступали для крымскотатарской государственности колеблющейся периферией: их военная мощь и мобильность попеременно усиливали и подтачивали власть хана (Fisher, 2022: 86–87). В 1523 г. убийство Мехмеда I Герая со стороны ногайцев выявило отсутствие у ханства устойчивой монополии на насилие; в правление Сахиб-Герая (1532–1551) ногайские вторжения на полуостров подтвердили ограниченность административного контроля и неэффективность попыток «встроить» орды через назначаемых представителей (Fisher, 2022 там же: 86). В XVII в. часть ногайских вождей демонстрировала готовность признать московского государя, пользуясь конкуренцией Бахчисарая, Порты и Москвы как ресурсом пограничного брокерства (там же: 87). К концу XVIII в. именно среди ногайцев Екатерина II нашла «абсолютную поддержку» в разрыве крымско-османских связей, что сделало их инструментом внешней реорганизации крымского суверенитета (Fisher, 2022: 86). При этом структурная «полезность» ногайцев для ханства оставалась амбивалентной: как степной буфер они тормозили продвижение земледельческой колонизации, а как военный и рейдовый ресурс подпитывали рынки пленников и систему выкупов Причерноморья, однако высокая автономия орд неизбежно порождала периоды несогласованных с Бахчисараем действий (Fisher, 2022: 86–87).

Казахская поговорка «Қарғайын десем — жалғызымсың, қарғамайын десем — жалмауызымсың» (перевод: «Отругаю — ведь ты у меня один; не отругаю — станешь жалмауызом (пожирателем)») метафорически передаёт сложный характер отношений крымских ханов с ногайскими ордами. Ногайцы выступали значимой степной военной силой и опорным партнёром на рубежах ханства; вместе с тем, сохраняя заметную автономию, они периодически предпринимали самостоятельные действия, не всегда совпадавшие с политическими установками Бахчисарая. Как писал немецкий историк Дениз Кляйн кочевые скотоводы пограничных зон, регулярно совершавшие набеги, чья мобильность выходила за политические границы ханства (Klein, 2012; 5). После Карловицкого мира 1699 года османские власти запретили ногайские набеги и велели буджакским ногаям переселиться, что вызвало открытое недовольство; к мятежникам присоединился нурэддин Гази Гирей. Сначала крымский хан и султан пытались уладить дело миром, затем прибегли к силе. В 1701 году повстанцы капитулировали, а Гази Гирея арестовали и сослали на Родос. Кляйн (2012; 126). Ногайские мурзы стали главной военной силой Крымского ханства и одновременно его главной проблемой. Позднее ногайцы перестали быть для казахов чингизидов постоянной «головной болью», но для династии Гиреев по-прежнему оставались важной опорой военной мощи и конфликтов. Схожим было и положение мангытских каракалпаков. Будучи вассалами Казахского ханства, они зависели от его политической конъюнктуры, тогда как в узбекских государствах их статус был ещё ниже. Ногайские каракалпаки, в отличие от ногайцев в Крымском ханстве, не демонстрировали сопоставимой степени институциональной интеграции в структуры Казахского ханства и отличались существенно меньшим военным потенциалом. Это во многом объяснялось узкой демографической базой. Их численность и мобилизационные ресурсы уступали даже одному крупному племенно-родовому объединению Младшего жуза казахов, что ограничивало их включённость в ханские институты и способность поддерживать длительные военные коалиции.

Во второй половине XV–XVI вв. в политической элите мангытов проявлялись признаки кадрово-интеллектуального дефицита (ослабление институтов коллективного совета, персонализм локальных мирз, конкуренция родовых линий). Это влекло фрагментацию командования и падение строевой и походной дисциплины: военные действия нередко велись разрозненными туменами и отрядами, координация ухудшалась, и войско всё меньше соответствовало «имперским» стандартам эпохи Чингисхана. Для сравнения, ойратские конфедерации — даже без опоры на чингизидскую легитимацию — поддерживали высокую внутриплеменную дисциплину и мобилизационную управляемость. Геостратегические условия также резко различались: Джунгария располагалась в естественно укрепленном ареале (хребты Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Алтая, узкие проходы вроде Джунгарских ворот и Тарбагатай) с системой природных барьеров, облегчавших оборону и контроль сезонных путей. Ногайские улусы, напротив, тянулись по открытым равнинным пространствам Прикаспия, междуречья Волги и Яика (Урала) и степей Северного Кавказа, практически лишённых крупных естественных преград, что делало их уязвимыми к многовекторному давлению соседей и затрудняло долгосрочную мобилизацию и удержание стратегических рубежей.

Улус Джучи породил широкий спектр фрагментированных политий, что формально напоминает японскую эпоху Сэнгоку-дзидай. Однако траектории интеграции различались принципиально. В Японии объединение завершилось созданием единого сёгуната Токугавы благодаря компактной островной географии, высокой плотности узлов контроля (замки-города, дорожные артерии), относительной изоляции от внешних вмешательств и концентрации ресурсов у немногих военных домов. Постордынские же государства не существовали в «островных» условиях: они были разбросаны по колоссальным евразийским пространствам, разделённым степями, пустынями и междуречьями, испытывали многовекторное давление соседей (Московия, Литва, Крым, Османы, Иран, и др.), зависели от подвижных пастбищ и нестабильных транзитных путей. В этой среде ногайские объединения мангытов, лишённые чингизидской сакральной легитимации, неизбежно сталкивались с

системным сопротивлением чингизидских домов (прежде всего Гиреев в Крыму, Шибанидов/Сибирских линий, а на востоке — потомков Урус-хана в Казахском ханстве). Это противодействие, дополняя экологические и геостратегические ограничения, ускорило дробление, смену коалиций и институциональные мутации и тем самым затрудняло долговременную централизацию по «японскому» образцу.

Выводы. Мангытские вожди трезво оценивали долгосрочную перспективу. Чингизиды не признают их верховной власти и будут стремиться к их устранению. Показателен пример Едигея. Несмотря на династические браки (выдавая дочерей за ханов) и попытки договориться, устойчивого примирения достигнуто не было, против него неоднократно предпринимались покушения. В итоге мангытская элита последовательно дистанцировалась от чингизидского центра, выстраивая собственные механизмы легитимации и автономного управления. После этой развязки мангытская элита шаг за шагом дистанцировалась от чингизидского центра как источника собственной легитимации: вместо поиска «своего» хана она стала опираться на автономные ресурсы — контроль степных маршрутов и кочевий, систему военной мобилизации, клиентелу и брачные связи с соседними домами. В течение XV–XVI вв. это привело к оформлению устойчивой ногайской политики без «домашнего» чингизидского ядра: мангытские бии предпочитали влиять на династические процессы в соседних ханствах (Казань, Астрахань, Крым), поддерживая «своих» претендентов и заключая союзы, но внутри собственной конфигурации легитимировались за счёт силы, сетей и памяти о предках, а не через выдвижение декоративного чингизида. Такой поворот от «регентства при хане» к самостоятельной конфедеративной модели объясняет, почему мангытская власть оказалась жизнеспособной и без прямого опертня на династическую харизму Чингизидов.

Западноевропейская историография Ногайской Орды по-прежнему тяготеет к канону, сформированному на материалах русских и османских архивов, что воспроизводит импероцентричную оптику и оставляет «немые зоны» — прежде всего XV век, восточные связи мангытов и роль Сарайчика. В новейших работах заметен методологический сдвиг: от клише о «нестабильности кочевников» к трактовке ногайской политики как рациональной стратегии пограничья (торг автономии, безопасности и религиозно-правовых гарантий), но религия и право (шариат/канун/тёре, суфийские практики) всё ещё недостаточно используются как объяснительные переменные. Геостратегия открытой степи и экологическая волатильность почти не интегрированы в политические модели, вследствие чего хроническое дробление и слабая централизация описываются главным образом через персоналии, а не через структуру. Внутренняя динамика элит — механизмы советования, наследования, дисциплины и межродовой координации — остаётся фрагментарно освещённой на фоне лучше разработанных сюжетов кооптации мирз и «вершительства престолов». Требуется деимпериализация источниковой базы (системное вовлечение тюрко-персидских корпусов и региональной археологии), переоценка религиозно-правовых режимов как драйвера лояльностей и целенаправленная реконструкция XV века. Без закрытия этих лакун реконструкция политической логики ногайцев в западноевропейской литературе остаётся неполной и методологически уязвимой. Западноевропейский корпус по ногайской проблематике демонстрирует переход от ранних синтетических реконструкций к источниково выверенным ревизиям: базовым массивом ранней традиции остаётся труд Генри Ховорта (Howorth, 1880), важный как обширный свод нарративных свидетельств и генеалогий, особенно там, где анализируется эпонимия этнонима «ногай», линии печенежско-каракалпакской преемственности и ранние фиксации мангытов. В книге его данные целесообразно использовать в разделах о происхождении названия, о терминологическом слое «ногай/мангыт» и при разборе эпизодов астраханско-крымских кампаний — с обязательной сверкой по позднейшим работам. Западноевропейская историография «ногайского вопроса» сместилась от панорамных схем кочевой истории к институционально-сетевым моделям: от макросинтезов, где ногайцы вписывались в сюжет «заката» степных империй (Grousset, 1939/1970), к трактовке ногайских орд как конфедеративных акторов с собственной логикой

мобилизации, транзитной экономики и режимов легитимации (Favereau, 2021; May, 2012; May, 2018). В этой рамке «ногайский фактор» предстает не периферией, а посредником сил на евразийском фронте, чья автономия одновременно усиливала соседние центры и ограничивала их монополию на насилие; крымско-татарский контекст демонстрирует эту амбивалентность особенно наглядно (Fisher, 1978/2022). Ревизия образа Ногай как «кханмейкера» возвращает объяснение от персоналистских гиперболических институтов джучидской власти и многоцентровой лояльности (Wilson, 2022). Военная история Причерноморья подтверждает, что динамика набегов, буферных функций и дипломатических связей определяла политическую повестку региона в XVI–XVII вв., в которой ногаи выступали ключевыми брокерами (Davies, 2007).

Литература

- Allworth, 1971 — *Эдвард Олворт*. Национальности Советского Востока. Публикации и системы письма. Нью-Йорк; Лондон, 1971, с. 353–355.
- Bojko, 2020 — *Кишитоф Бойко*. «Польша и Монгольская империя, а также Золотая Орда в 1241–1502 годах». Перспективы культуры, 31(4), 2020, с. 169–206.
- Davies, 2007 — *Брайан Л. Дэвис*. Война, государство и общество на Черноморской степи, 1500–1700. Routledge.
- Favereau, 2021 — *Мари Фавро*. Орда: Как монголы изменили мир. Belknap Press of Harvard University Press.
- Fisher, 1978 — *Алан У. Фишер*. Крымские татары. Hoover Institution Press. «Крымские татары» / пер. Л.С. Сейтхалиловой, А. Ю. Алиевой. Крымское историческое обозрение, 9(1), 2022, с. 58–114.
- Gribovskiy, 2019 — *В.В. Грибовский*. «Концепция волшебной сказки В. Я. Проппа и проблема историзма ногайского эпоса». В: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Ногайцы XXI век...» Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019, с. 7–21.
- Grousset, 1970 — *Рене Груссе*. Империя степей: История Центральной Азии (пер. Н. Уолфорд). Rutgers University Press. (Оригинал опубликован в 1939).
- Grousset, 2012 — *Рене Груссе*. Империя степей. История Центральной Азии. Казань: Слово, 2012 (пер. с фр. В. Мирзаянова).
- Howorth, 1880 — *Генри Х. Хауорт*. История монголов с IX по XIX век. Часть II: Так называемые татары России и Центральной Азии. Раздел I. Longmans, Green, and Co.
- Ivanics, 2013 — *Мария Иванич*. Военное сотрудничество Крымского ханства с Османской империей в XVI–XVII веках. В: Г. Карман, Л. Кунчевич (ред.), Европейские податные государства Османской империи в XVI–XVII веках (с. 275–299).
- Brill. Ivanics, 2022 — *Мария Иванич*. Дипломатическая деятельность Крымского ханства и её экономические последствия в Восточно-Центральной Европе в XVI–XVIII веках. Golden Horde Review, 10(1), 118–153.
- Klein, 2012 — *Дениз Кляйн*. Татарская и османская историография: Случай ногайского восстания (1699–1701). В: Д. Кляйн (ред.), Крымское ханство между Востоком и Западом (XV–XVIII века) (с. 125–146).
- Narrasowitz. Kołodziejczyk, 2000 — *Дариуш Колодзейчик*. Османско-польские дипломатические отношения (XV–XVIII века): Аннотированное издание договоров и других документов.
- Hammer-Purgstall, 1840 — *Joseph von Hammer-Purgstall*. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth; C. A. Hartleben's Verlag, 1840, 684 pp
- Brill. Kołodziejczyk, 2011 — *Дариуш Колодзейчик*. Крымское ханство и Польско-Литовское государство: Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с аннотированными документами.
- Brill. May, 2012 — *Тимоти Мэй*. Монгольские завоевания в мировой истории. Reaktion Books.
- May, 2018 — *Тимоти Мэй*. Монгольская империя. Edinburgh University Press. Ostarчук, 1982 — Виктор Остапчук. Публикация документов о Крымском ханстве в Топкапы Сарай: Новые источники по истории Черноморского бассейна. Harvard Ukrainian Studies, 6, 500–528.
- Ostarчук, 1987 — *Виктор Остапчук*. Публикация документов о Крымском ханстве в Топкапы Сарай: Документальное наследие крымско-османских отношений. Turcsica, 19, 247–276.
- Ostarчук, 2001 — *Виктор Остапчук*. Человеческий ландшафт Османского Черноморья перед лицом казачьих морских набегов. Oriente Moderno, n.s. 20(1), 23–95.
- Росчекаев, 2019 — *Р.Ю. Росчекаев*. Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия.
- Pelliot, 1949 — *Поль Пеллио*. Заметки по истории Золотой Орды: с добавлением некоторых тюркских имен людей и народов, оканчивающихся на «-ар». Париж: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. (Серия: Посмертные труды Поля Пеллио, т. II; ред. и предисловие — Луи Амбис).
- Sabitov, 2018 — *Ж.М. Сабитов*. «Откуда появился этноним ногай?» Уроки истории, № 2(18), Астана, 2018, с. 19–26.
- Shpuler, 2016 — *ШпULER Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. и коммент. М.С. Гагина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с. ISBN 978-5-94981-220-4.
- Sneath, Kaplonski, 2010 — *Дэвид Снит, Кристофер Каплонски* (ред.). История Монголии. Folkestone (UK): Global Oriental.
- Somfai Kara, 2010 — *Даниэль Шомфай Кара*. «Баба Тюкли и девушка-лебедь: Легитимизирующие элементы в тюркском эпосе Эдиге». Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 63(2), 2010, с. 117–132.
- Willerslev et al., 2018 — *Эске Виллерслев, Кристиан Кристиансен, Эвелин Хейер, Мартин Сикора, Расмус Нильсен*. «137 древних человеческих геномов из евразийских степей». Nature, 557(7705), 2018, с. 369–374.

Wilson, 2022 — *Джек Р. Уилсон*. «Роль ногаев в Золотой Орде: Переоценка». *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 75(4), 609–637.

Wilson, 2022 — *Джек Р. Уилсон*. «Ногай — создатель ханов: Историкографическая проблема». *Golden Horde Review*, 10(2), 332–343.

References

Allworth, 1971 — *Edward Allworth*. *Nationalities of the Soviet East. Publications and Writing Systems*. New York; London, 1971, pp. 353–355.

Bojko, 2020 — *Krzysztof Bojko*. "Polska a imperium mongolskie oraz Złota Orda w latach 1241–1502". *Perspektywy Kultury*, 31(4), 2020, pp. 169–206.

Davies, 2007 — *Brian L. Davies*. *Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700*. Routledge.

Favereau, 2021 — *Marie Favereau*. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Belknap Press of Harvard University Press.

Fisher, 1978 — *Alan W. Fisher*. *The Crimean Tatars*. Hoover Institution Press.

Fisher, 2022 — *Алан У. Фишер*. «Крымские татары» / пер. Л. С. Сейтхалиловой, А. Ю. Алиевой. *Крымское историческое обозрение*, 9(1), 2022, с. 58–114.

Gribovskiy, 2019 — *В.В. Грибовский*. «Концепция волшебной сказки В. Я. Проппа и проблема историзма ногайского эпоса». В: *Материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Ногайцы XXI век...»* Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019, с. 7–21.

Grousset, 1970 — *René Grousset*. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia* (N. Walford, Trans.). Rutgers University Press. (Original work published 1939).

Grousset, 2012 — *Рене Груссе*. *Империя степей. История Центральной Азии*. Казань: Слово, 2012 (пер. с фр. В. Мирзаянова).

Hammer-Purgstall, 1840 — *Joseph von Hammer-Purgstall*. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth; C.A. Hartleben's Verlag, 1840, 684 pp

Howorth, 1880 — *Henry H. Howorth*. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division I*. Longmans, Green, and Co.

Ivanics, 2013 — *Mária Ivanics*. *The Military Co-operation of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. In G. Kármán & L. Kunčević (eds.), *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (pp. 275–299). Brill.

Ivanics, 2022 — *Mária Ivanics*. *The Diplomatic Activity of the Crimean Khanate and Its Economic Consequences in East-Central Europe in the 16th–18th centuries*. *Golden Horde Review*, 10(1), 118–153.

Klein, 2012 — *Denise Klein*. *Tatar and Ottoman History Writing: The Case of the Nogay Rebellion (1699–1701)*. In D. Klein (ed.), *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)* (pp. 125–146). Harrassowitz.

Kołodziejczyk, 2000 — *Dariusz Kołodziejczyk*. *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents*. Brill.

Kołodziejczyk, 2011 — *Dariusz Kołodziejczyk*. *The Crimean Khanate and Poland–Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Brill.

May, 2012 — *Timothy May*. *The Mongol Conquests in World History*. Reaktion Books.

May, 2018 — *Timothy May*. *The Mongol Empire*. Edinburgh University Press.

Ostapchuk, 1982 — *Victor Ostapchuk*. *The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin*. *Harvard Ukrainian Studies*, 6, 500–528.

Ostapchuk, 1987 — *Victor Ostapchuk*. *The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations*. *Turcica*, 19, 247–276.

Ostapchuk, 2001 — *Victor Ostapchuk*. *The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids*. *Oriente Moderno*, n.s. 20(1), 23–95.

Pochekaev, 2019 — *Почкаев Р.Ю.* *Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды*. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия.

Pelliot, 1949 — *Pelliot, Paul*. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "-ar"*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. (Sér.: Œuvres posthumes de Paul Pelliot, vol. II; ред. и «Avertissement» — Louis Hambis).

Sabitov, 2018 — *Сабитов Ж.М.* «Откуда появился этноним ногай?» *Уроки истории*, № 2(18), Астана, 2018, с. 19–26.

Shpuler, 2016 — *Bertold Shpuler*. *Zolotaia Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg. Perevod s nemetskogo i kommentarii M. S. Gatina. Kazan'*; Institut istorii im. Sh. Marzhani AN RT, 2016, 500 pp.

Sneath & Kaplonski, 2010 — *David Sneath; Christopher Kaplonski (eds.)*. *The History of Mongolia*. Folkestone (UK): Global Oriental.

Somfai Kara, 2010 — *Dániel Somfai Kara*. "Baba Tükli and the Swan Girl: Legitimising Elements in the Turkic Epic Edige." *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 63(2), 2010, pp. 117–132.

Willerslev et al., 2018 — *Eske Willerslev; Kristian Kristiansen; Evelyne Heyer; Martin Sikora; Rasmus Nielsen*. "137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes." *Nature*, 557(7705), 2018, pp. 369–374.

Wilson, 2022 — *Jack R. Wilson*. "The Role of Nogai in the Golden Horde: A Reassessment." *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 75(4), 609–637.

Wilson, 2022 — *Jack R. Wilson*. "Nogai the Khanmaker: A Historiographical Problem." *Golden Horde Review*, 10(2), 332–343

CONTENTS

Kabuldinov Z.E. CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MASHKHUR-ZHUSSIP KOPEYULY.....	5
Doğanay A., Sambet M.A. REFLECTIONS OF THE AFTERLIFE BELIEF AMONG THE TURKS IN MAUSOLEUM CONSTRUCTION AND DECORATION.....	12
Cherepanov K. KAZAKHSTAN AS AN INDUSTRIAL AND RAW-MATERIAL BASE OF THE SOVIET UNION DURING THE LEADERSHIP OF D.A. KUNAEV (1964–1986).....	26
Azmukhanova A., Balgozhina A. ENLIGHTENMENT MOVEMENTS: JADIDISM AND MEIROKUSHA IN A HISTORICAL RETROSPECTIVE.....	39
Zhumagul S.B. FROM THE REHABILITATION HISTORY OF LITERARY HERITAGE OF THE “ALASH” FIGURES.....	53
Tashagul A., Kopeyeva S.Zh. ACTIVITIES AND SIGNIFICANCE OF THE MUSLIM FRACTION IN THE FIRST AND SECOND STATE DUMAS.....	64
Zhussip S.-Kh.A., Zhumatay S. THE ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY AND THE HISTORY OF THE CREATION OF THE REPUBLIC OF ALASH.....	71
Kemengger K.R. HISTORICAL AND MENTAL-SYMBOLIC MEANING OF THE ARCHETYPE “ALASH” IN THE KAZAKH SOCIO-CULTURAL SOCIETY OF THE XX CENTURY.....	83
Mukanova G.K., Sarsembina K.K. MELODIES OF THE STEPPE: THE REPRESSED CULTURAL FIGURE OF KAZAKHSTAN, COMPOSER IVAN KOTSYK (1891-1938).....	93
Salmorbekova R.B., Saralaev N.K., Murzalieva Z.K. ORTHODOXY IN KYRGYZSTAN: STAGES OF FORMATION AND ROLE IN THE SPIRITUAL LIFE OF SOCIETY.....	110
Tulbassyieva S.K. FROM THE PAGES OF THE HISTORY OF THE SOVIET COLLECTIVE FARM: THE COLLECTIVE FARM “MOUNTAIN GIANT” IN THE CITY OF ALMA-ATA. THE 30S OF THE XX CENTURY.....	122
Khassanayeva L.M. THE ROLE OF THE NATIONAL INTELLECTUALS IN THE POLICY OF NATIONAL TERRITORIAL DELIMITATION.....	139
Dauletkhanov A. ON THE HISTORICAL SITE OF THE CITY OF CHIGU.....	153
Zhengis E.Zh. POPPY CULTURE IN SEMIRECHYE AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.....	165
Kenzhebekova Zh.K. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MEDIATION INSTITUTE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND SOLUTIONS.....	174
Sholakhov M. ANALYSIS OF THE WESTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY OF THE NOGAI HORDE.....	181

МАЗМҰНЫ

Қабылдинов З.Е.	
МӘШХҰР-ЖҮСІП КӨПЕЙҰЛЫНЫҢ МӘДЕНИ-АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ.....	5
Доғанай А., Сәмбет М.Ә.	
ТҮРКІЛЕРДЕ АҚЫРЕТ СЕНІМІНІҢ МАЗАР ҚҰРЫЛЫСЫНДАҒЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ БЕЗЕНДІРУДЕГІ КӨРІНІСТЕРІ.....	12
Черепанов К.В.	
Д.А. ҚОНАЕВ БАСШЫЛЫҚ ЕТКЕН ЖЫЛДАРЫ (1964–1986 ЖЖ.) ҚАЗАҚСТАННЫҢ КЕҢЕС ОДАҒЫНЫҢ ИНДУСТРИЯЛЫҚ-ШИКІЗАТТЫҚ БАЗАСЫНА АЙНАЛУЫ.....	26
Азмуханова А.М., Балгожина А.А.	
АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР: ЖӘДИДШІЛДІК ПЕН МЭЙРОКУСЯ ТАРИХИ РЕТРОСПЕКТИВАДА.....	39
Жұмағұл С.Б.	
«АЛАШ» ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ӘДЕБИ МҰРАСЫН АҚТАУ ТАРИХЫНАН.....	53
Ташағыл А., Көпеева С.Ж.	
I ЖӘНЕ II МЕМЛЕКЕТТІК ДУМАЛАРДАҒЫ МҰСЫЛМАН ФРАКЦИЯСЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ МЕН МАҢЫЗЫ.....	64
Жүсіп С.Х.А., Жұматай С.	
БҮКІЛРЕСЕЙЛІК ҚҰРЫЛТАЙ ЖИНАЛЫСЫ ЖӘНЕ АЛАШ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫ.....	71
Кеменгер Қ.Р.	
XX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ҚОҒАМЫНДАҒЫ «АЛАШ» АРХЕТИПІНІҢ ТАРИХИ ЖӘНЕ МЕНТАЛДЫҚ-СИМВОЛДЫҚ МӘНІ.....	83
Мұқанова Г.Қ., Сәрсембина Қ.Қ.	
ДАЛА ӘУЕНДЕРІ: ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН ҚАЗАҚСТАННЫҢ МӘДЕНИЕТ ҚАЙРАТКЕРІ, КОМПОЗИТОР ИВАН КОЦЫК (1891-1938).....	93
Салморбекова Р.Б., Саралаев Н.К., Мурзалиева З.К.	
ҚЫРҒЫЗСТАНДАҒЫ ПРАВОСЛАВИЕ: ҚАЛЫПТАСУ КЕЗЕҢДЕРІ МЕН РӨЛҚОҒАМНЫҢ РУХАНИ ӨМІРІНДЕ.....	110
Тулбасиева С.К.	
КЕҢЕСТІК КОЛХОЗ ТАРИХЫНЫҢ БЕТТЕРІНЕН: «ГОРНЫЙ ГИГАНТ» КОЛХОЗЫ – АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНДА. XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫ.....	122
Хасанаева Л.М.	
ҰЛТТЫҚ ЗИЯЛЫЛАРДЫҢ ҰЛТТЫҚ-АУМАҚТЫҚ МЕЖЕЛЕУ САЯСАТЫНДАҒЫ РӨЛІ.....	139
Дәулетханов Ә.Д.	
ЧИГУ ҚАЛАСЫНЫҢ ТАРИХИ ОРЫНЫ ТУРАЛЫ.....	153
Жеңіс Е.Ж.	
XIX ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ - 20 ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ЖЕТІСУДАҒЫ КӨКНАР ЕГІНШІЛІГІ.....	165
Кенжебекова Ж.Қ.	
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ МЕДИАЦИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ДАМУЫ: МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ.....	174
Шолахов М.Г.	
НОҒАЙ ОРДАСЫНЫҢ БАТЫСЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАСЫН ТАЛДАУ.....	181

СОДЕРЖАНИЕ

Кабульдинов З.Е. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАШХУР-ЖУСИПА КОПЕЙУЛЫ.....	5
Доганай А., Самбет М. ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРЫ В ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ У ТЮРКОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И УКРАШЕНИИ ГРОБНИЦ.....	12
Черепанов К.В. КАЗАХСТАН КАК ИНДУСТРИАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ РУКОВОДСТВА Д.А. КУНАЕВА (1964–1986 ГГ.).....	26
Азмуханова А.М., Балгожина А.А. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: ДЖАДИДИЗМ И МЭЙРОКУСЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.....	39
Жумагул С.Б. ИЗ ИСТОРИИ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ «АЛАШ».....	53
Ташагыл А., Копеева С.Ж. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ФРАКЦИИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.....	64
Жусип С.Х.А., Жуматай С. ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛАШ.....	71
Кеменгер К.Р. ИСТОРИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРХЕТИПА «АЛАШ» В КАЗАХСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ XX ВЕКА.....	83
Муканова Г.К., Сарсембина К.К. МЕЛОДИИ СТЕПИ: РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА, КОМПОЗИТОР ИВАН КОЦЫК (1891–1938).....	93
Салморбекова Р.Б., Саралаев Н.К., Мурзалиева З.К. ПРАВОСЛАВИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РОЛЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.....	110
Тулбасиева С.К. ИЗ СТРАНИЦ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КОЛХОЗА: КОЛХОЗ «ГОРНЫЙ ГИГАНТ» В ГОРОДЕ АЛМА-АТЫ. 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	122
Хасанаева Л.М. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ.....	139
Даулетханов А.Д. О ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ ГОРОДА ЧИГУ.....	153
Женис Е.Ж. КУЛЬТУРА МАКА В СЕМИРЕЧЬЕ В КОНЦЕ XIX - В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	165
Кенжебекова Ж.К. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	174
Шолахов М.Г. АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ.....	181

Редакцияның мекен-жайы:

010000, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Қабанбай батыр даңғ., 11/5
Қазақстан және Орталық Азия тарихы институты
Scientific Journal “Central Asian courier” редакциясы

Сайтқа сілтеме: <https://sjcacourier.com/>
Тел.: +7 (776) 301-11-11 (Ұялы телефон)
+7 (775) 537-77-72 (whatsapp)

E-mail: hkca.kz@gmail.com

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінде
2025 ж. 20 маусымда тіркеліп, № KZ20VPY00122471 куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге
түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.